

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК.
ЛЕГЕНДА О МОНТРОЗЕ
(СБОРНИК)

Вальтер Скотт
Черный Карлик. Легенда
о Монтрозе (сборник)
Серия «Собрание сочинений», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28521151

*Собрание сочинений: Черный Карлик; Легенда о Монтрозе: Романы: Мир
книги, Литература; Москва; 2008*

ISBN 978-5-486-02422-1

Аннотация

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе представлены два произведения В. Скотта, входящих в серию, названную автором «Рассказы трактирщика». Действие романа «Черный Карлик»,

происходит в 1707 г. во время восстания якобитов – сторонников изгнанного после событий 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта. Роман «Легенда о Монтрозе» повествует о восстании графа Монтроза в 1645 г. и о борьбе шотландских горцев за независимость от чужеземного английского владычества.

Содержание

Черный Карлик	7
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	30
Глава IV	45
Глава V	62
Глава VI	75
Глава VII	82
Глава VIII	101
Глава IX	113
Глава X	126
Глава XI	143
Глава XII	156
Глава XIII	167
Глава XIV	187
Глава XV	199
Глава XVI	214
Глава XVII	224
Глава XVIII	237
Легенда о Монтрозе	250
Вступление	250
Глава I	259
Глава II	270

Глава III	288
Глава IV	296
Глава V	314
Глава VI	337
Глава VII	356
Глава VIII	368
Глава IX	389
Глава X	399
Глава XI	412
Глава XII	427
Глава XIII	441
Глава XIV	466
Глава XV	489
Глава XVI	502
Глава XVII	520
Глава XVIII	535
Глава XIX	549
Глава XX	562
Глава XXI	577
Глава XXII	590
Глава XXIII	602
Комментарии	

Вальтер Скотт
Черный Карлик. Легенда
о Монтрозе (сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2008

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2008

* * *

Черный Карлик

Глава I Предварительная

[1]

Было ясное апрельское утро. Предыдущей ночью выпал сильный снег, и земля оставалась покрытой ослепительно блестящим покровом дюймов на шесть глубины. В эту пору к гостинице «Уоллес» подъезжали двое всадников. Один из них был рослый мужчина крепкого сложения, в сером кафтане, широких дорожных шароварах из толстого сукна, в клетчатой шляпе и высоких сапогах, а в руке у него был здоровенный хлыст в серебряной оправе. Ехал он на крупной и сильной бурой кобыле с жесткой шерстью, но хороших статей; седло под ним было обыкновенного помещичьего фасона, а двойная уздечка – военного образца. Сопровождавший его человек был, по-видимому, слуга: он ехал на мохнатом сереньком пони, на голове носил мягкую синюю шапку, вокруг шеи был повязан большим клетчатым платком, вместо сапог был обут в длинные шерстяные чулки синего цвета, его руки были без перчаток и сильно перепачканы дегтем, а к своему спутнику он относился с почтительным вниманием,

но без малейших признаков низкопоклонства и церемонности, свойственных людям его звания по отношению к представителям поместного дворянства. Напротив, они въехали во двор совсем рядом и чуть ли не в один голос произнесли следующую заключительную фразу своего разговора:

– Помилуй бог, коли такая погода долго продержится, что же мы будем делать с ягнятами!

Этого было достаточно для хозяина гостиницы: он вышел им навстречу, взял под уздцы господского коня, чтобы поддержать его, покуда всадник слезал с седла; конюх между тем оказал ту же услугу другому приезжему, и трактирщик, приветливо проговорив: «Добро пожаловать, милости просим!», тут же осведомился, нет ли каких вестей с южных гор.

– «Вестей»? – сказал фермер. – Да вести-то все плохие. Дай бог как-нибудь убереечь овец, а что до ягнят, то их придется поручить охране Черного Карлика.

– Да-да, – подхватил, покачивая головой, старый пастух (ибо таково было звание слуги), – нынче ему будет довольно хлопот с дохлой скотиной!

– Черный Карлик? – отозвался *мой ученый друг и покровитель*¹ мистер Джедедия Клейшботэм. – Это кто же такой

¹ В настоящем случае, а также и в некоторых других, мы позволили себе выделить те словечки, которые уважаемый издатель этих страниц, мистер Джедедия Клейшботэм*, вставил, по-видимому самовольно, в текст, написанный его покойным другом, мистером Петтисоном. Раз навсегда считаем долгом заметить, что эти вставки почти исключительно встречаются в тех местах, где дело идет о личном характере и поступках этого ученого джентльмена; конечно, ему само-

будет?

– Ну, вот еще, – отвечал фермер, – неужто вы не слыхивали о Мудром Элши, Черном Карлике, о котором рассказывают столько всякой всячины? Я, впрочем, полагаю, что все это сущий вздор и враки, от начала и до конца.

– Однако же ваш отец крепко верил этому, – молвил старик, которому, очевидно, сильно не нравился скептицизм его хозяина.

– Он-то верил, Баулди, что и говорить! Но ведь это было еще в те времена, когда у нас и домовые водились, и прочая нечисть. Мало ли во что верили тогда, а теперь уж давным-давно никто не верит... с самых тех пор, как у нас выведена длинная овца.

– Тем хуже, тем хуже... очень жаль, что так! – сказал старый пастух. – Ваш батюшка, как я вам не раз говорил, был бы очень недоволен, кабы видел, что сломали старую башню и сложили из нее ограду для парка. А любимый его холмик, поросший мятликой, где он, бывало, сиживал по вечерам, укутавшись в плед, и так любил смотреть, как коровы возвращаются с поля в загон! Каково бы ему было видеть, что этот самый холмик теперь весь перепахан и засажен?

– Полно тебе, Баулди, – возразил фермер, – выпей лучше чарку, что подает тебе хозяин, и не ломай себе головы над

му виднее, как именно следует выражаться насчет его личности и поведения. – *Примеч. авт.* Джедедия Клейшботэм* – вымышленный издатель «Черного Карлика» и ряда других романов В. Скотта.

теми переменами, которые происходят на свете, покуда сам ты здоров и благополучен.

– За ваше здоровье, господа! – молвил пастух. Он осушил свою чарку, заметил, что вино доброе, а потом продолжал: – Уж конечно, нашему брату не пристало судить о таких вещах, а все-таки я скажу, что славный был этот холмик, весь на солнышке, и мятлика на нем высокая, и куда как хорошо было бы приютить на нем ягнят в такое морозное утро, как, например, сегодня.

– Так-то так, – сказал фермер, – но ведь ты сам знаешь, что для длинных овец надо нам припасти кормовой репы и много для этого поработать и плугом и мотыгой, так уж тут некогда сидеть на пригорках да надеяться на Черного Карлика, как у вас делалось в прежние времена, когда водились одни только короткие овцы.

– Правда, правда, хозяин, – отвечал пастух, – но на коротких овец, я думаю, и расход был покороче.

Тут мой *уважаемый и ученый* покровитель опять вмешался в разговор, заметив, что решительно никогда не мог разобрать, которые овцы длиннее, а которые короче.

На это фермер расхохотался во все горло, а пастух с удивлением вытаращил глаза и сказал:

– Да ведь это о шерсти говорится, о шерсти, а не о самой скотине, когда поминают про длину или короткость! Коли померить их спины, так, пожалуй, выйдет, что долгорунная будет покороче той, у которой короткое руно. Но нынче толь-

ко шерстью и оплачивается земельная аренда, а на это немало нужно денег запасать.

– Да, Баулди говорит сущую правду, – заметил фермер, – покуда мы разводили коротких овец, цена на землю была не в пример дешевле. Мой батюшка платил за ферму всего шестьдесят фунтов в год, а мне она обходится в триста со всеми мелочами. Это так. Однако мне недосуг стоять да болтать по-пустому; хозяин, дайте-ка нам позавтракать да посмотрите, чтобы лошадей накормили как следует. Я хочу съездить к Кристи Уилсону, уговориться насчет цены, которую ему следует получить с меня за годовалых овец. На Босуэлской ярмарке мы с ним торговались, торговались, шесть кувшинов пива усидели и все не могли прийти к соглашению, все не состоялся торг... Боюсь, как бы и теперь даром не пришлось время потратить, пожалуй, от него толку не добьешься... Послушайте-ка, сосед, – продолжал фермер, обратившись к моему *почтенному и ученому* покровителю, – коли вам интересно узнать побольше насчет длинных и коротких овец, я ворочусь сюда непременно часу в первом полуудни, а если пожелаете послушать рассказы про Черного Карлика и про всякие подобные штуки, то вы раскошесь на кувшин пива, распейте его пополам с нашим Баулди, и он вам все выложит, как из ружья выпалит. А коли мне удастся уладить мое дело с Кристи Уилсоном, я и от себя вам выставлю еще один кувшин.

В назначенное время фермер действительно воротился,

да еще не один, а вместе с Кристи Уилсоном: их торг сладился так благополучно, что не пришлось прибегать к судебному разбирательству. Мой *почтенный и ученый* покровитель не преминул присоединиться к их обществу, желая воспользоваться угощением, обещанным как для ума, так и для тела, *хотя всем известно, что касательно последнего он отличается крайней умеренностью*; хозяин трактира тоже пригнул к компании, и просидели мы за столом до позднего вечера, приправляя потребляемые напитки множеством отборных рассказов и песен. Последнее происшествие этого вечера, оставшееся у меня в памяти, состояло в том, что мой ученый и уважаемый покровитель свалился со стула, предварительно произнеся длинную речь в похвалу трезвости и заключив ее цитатой из «Скромного пастушка»^[2], откуда он заимствовал куплет, относившийся, собственно, к скупости, но весьма удачно применил его к пьянству:

В жизни, кто доволен малым,
Спит спокойно, без забот;
А излишек порождает
Тьму сомнений и хлопот.

В течение вечера не забыт был и Черный Карлик², а ста-

² Черный Карлик, ныне почти позабытый, в те времена слыл за очень важную особу в долинах пограничных предгорий, и на него обыкновенно сваливали в этих местах каждый изъян в овечьем стаде, каждую порчу рогатого скота. Доктор Лейден*, не раз упоминающий о нем в своей балладе «Килдарский конь»,

рый пастух Баудди знал о нем столько рассказов, что сумел

говорит, что Черный Карлик был «колдун самого вредоносного сорта, настоящий скверный *дургар*». Наилучшее и наиболее достоверное описание этого таинственного и опасного существа встречается в рассказе, сообщенном автору этой книги известным исследователем старины Ричардом Сертисом**, эсквайром, из Мэнсфорта, автором «Истории Дургемского епископства». Согласно этому достоверному преданию, двое молодых людей, уроженцев Нортумберленда, отправились на охоту и, увлекшись этой забавой, забрались в горные болота на границах Камберленда. Они сделали привал в глухой лощине, на берегу речки, и стали подкреплять свои силы провизией, которую принесли с собой. Поев, один из них уснул. Товарищ, не желая беспокоить его, тихонько вышел из лощины и стал оглядывать местность, но вдруг с удивлением увидел возле себя существо, принадлежавшее как бы не здешнему миру, такой это был отвратительный на вид карлик. Голова у него была такой же величины, как у обыкновенного взрослого мужчины, что составляло странное противоречие с общим его ростом, который был далеко ниже четырех футов. Вместо шапки у него был целый лес длинных, спутанных рыжих волос, свойством напоминавших шкуру барсука, а темно-бурым, красноватым оттенком похожих на окраску зацветающего вереска. Руки и ноги его казались чрезвычайно мощными, и вообще в нем не замечалось никакой неправильности сложения, помимо уродливо сокращенного роста, при полном развитии конечностей. Испуганный охотник стоял как вкопанный и с ужасом созерцал это страшное явление; между тем оно гневно нахмурилось и спросило его, по какому праву он, непрошенный, ворвался в эти горы и с чего вздумал уничтожать безобидных обитателей здешних мест. Не зная, что сказать, озадаченный охотник попробовал задобрить разъяренного карлика, предложив ему отобрать всю дичину на правах местного землевладельца. Но это еще сильнее рассердило карлика, который объявил себя властелином этих гор и покровителем всего зверья, искавшего пристанища в здешней глуши, так что ему противно смотреть на дичину, добытую ценой их жизни и страданий. Охотник смирился перед сердитым колдуном, уверял его, что не знал об установленных им законах, клялся, что никогда больше не будет его беспокоить своим присутствием, и, наконец, как будто умилился. Карлик стал разговорчивее и сообщил, между прочим, что он нечто среднее между человеком и ангелом, а потом неожиданно прибавил, что имеет надежду способствовать искуплению сынов Адама. Он стал

заинтересовать слушателей. Оказалось, между прочим, однако не прежде, чем опорожнили третью миску пунша, что и сам фермер далеко не так недоверчиво относился к этому предмету, как можно было подумать сначала: он заявлял себя вольнодумцем и прикидывался неверующим в старинные рассказы только потому, что считал подобную слабость неприличной для человека серьезного, делового, платящего до трехсот фунтов в год одной аренды, тогда как на самом деле он был далеко не прочь верить тому, во что верили его предки. Я, по обыкновению, пустился на разведку, расспросил и других лиц, обитавших в той же дикой и пастушеской местности, где происходила следующая предлагаемая повесть, и, по счастью, мне удалось собрать многие нити этой истории, мало кому известные, но до некоторой степени могущие разъяснить такие обстоятельства, которые, по слухам, преувеличенным молвой, могли сходить за настоя-

уговаривать охотника зайти к нему в жилье, говоря, что оно тут близехонько, и честью заверил, что отпустит его без обиды. Но в эту минуту послышался возглас другого охотника, который окликал своего товарища, и карлик, быть может не желая показываться двоим сразу, исчез из вида в тот самый момент, когда молодой человек вышел из лощинки и присоединился к своему спутнику. По общему мнению всех лиц, наиболее опытных в делах такого рода, если бы юный охотник пошел в жилье карлика, то, невзирая на успокоительные обещания, колдун или разорвал бы его на части, или замуровал бы на многие годы в какую-нибудь зачарованную горную пещеру. Таков последний из достоверных рассказов о появлении Черного Карлика.* Лейден Джон (1775–1811) – шотландский поэт, врач, востоковед и фольклорист.** *Ричард Сертис*. – Очевидно, имеется в виду Роберт Сэртис (1779–1834), собиратель древностей и фольклора, сотрудничавший с В. Скоттом.

щие чудеса и подавать повод к самому нелепому суеверию.

Глава II

Вы желаете изобразить не иначе как Герна, охотника?

Шекспир. «Виндзорские проказницы»

В одном из отдаленнейших уголков южной Шотландии, там, где воображаемая черта, проводимая по вершинам обнаженных гор, отделяет эту страну от сопредельного ей королевства, возвращался с охоты на оленя молодой человек, по имени Галберт или Габби Эллиот, зажиточный фермер и потомок того Мартина Эллиота из Прикен-тауэра, о котором сохранилось немало преданий в пограничных летописях и песнях.

В старые годы водилось множество оленей в этой глухой и пустынной местности, но теперь они стали редки, и немногие оставшиеся стада укрывались в таких отдаленных и неприступных уголках, что охотиться за ними становилось все затруднительнее и рискованнее. Тем не менее в краю еще было много молодых людей, страстно предававшихся этой охоте, невзирая на сопряженные с нею труды и опасности.

Прошло уже более ста лет с тех пор, как пограничное население вложило свой меч в ножны после мирного соединения корон Шотландии и Англии на челе британского короля Иакова Первого^[3]. Но страна все еще не совсем утратила следы своего прежнего боевого духа. Так как в минувшем

столетии мирные занятия граждан многократно были прерываемы междоусобными войнами, жители не успели окончательно привыкнуть к ведению правильного хозяйства; они едва начинали заниматься овцеводством, и то в небольших размерах, и главной статьёй доходов было все-таки откармливание рогатого скота по холмам и лощинам.

Поблизости от жилища фермера обыкновенно распахивался участок земли, на котором сеяли овес и ячмень в количестве, достаточном для прокормления хозяйской семьи, а обработка этого поля – сама по себе плохая и небрежная – требовала так мало времени, что и фермер, и его работники не знали, на что употребить свой досуг. Молодые люди проводили много времени на охоте и на рыбной ловле, и тот предприимчивый дух, который часто побуждал предыдущие поколения к разбойническим набегам и удалым побоищам, выражался в новейшую пору в страстном увлечении этими деревенскими забавами.

В тот момент, когда начинается наша повесть, наиболее отважные из юношей скорее с надеждой, нежели с опасением выжидали случая отличиться на военном поприще подобно своим предкам, подвиги которых составляли главный предмет рассказов и толков в семейных кругах. Прошедший тогда закон о безопасности^[4] Шотландии произвел в Англии переполох, потому что на основании его казалось вполне вероятным, что по смерти королевы Анны^[5], занимавшей в то время престол, государство снова распадется на два отдель-

ных королевства. Тогдашний первый министр, Годолфин^[6], предвидел, что единственное средство избежать междоусобной войны – это установить заранее нераздельность государства.

Каким образом осуществилось это постановление и как мало можно было ожидать от него вначале тех благотворительных результатов, которыми оно ознаменовалось впоследствии, видно из летописей этого исторического периода. Для наших целей достаточно будет сказать, что вся Шотландия была в негодовании по поводу тех условий, на которых она по закону лишилась своей национальной независимости. Общее неудовольствие породило самые странные планы и повело к учреждению многих тайных обществ и заговоров. Даже камеронцы^[7] готовы были с оружием в руках восстанавливать на престоле династию Стюартов^[8], хотя с полным правом считали их своими врагами и гонителями; словом, тогдашние интриги так перепутали все интересы, что можно было встретить, например, такое удивительное зрелище, что католики, прелатисты^[9] и пресвитериане^[10] дружно действовали заодно против английского правительства, так сильно воодушевляло их общее сознание несправедливости, оказанной их отечеству. Брожение было повсеместное; а так как население Шотландии, на основании закона о безопасности, вообще было приучено владеть оружием, то оказалось, что оно недурно подготовлено к войне и ждет только прокламации со стороны кого-нибудь из дворян, чтобы открыто на-

чать враждебные действия. Таково было беспорядочное состояние общества в ту пору, когда начинается наше повествование.

Тот клейх, или дикая лощина, в которую попал Габби Эллиот в погоне за оленем, давно осталась позади; он уже возвращался домой и был довольно близко от своего жилья, когда начало темнеть. Это обстоятельство ровно ничего не значило бы для опытного охотника, который мог бы, зажмурив глаза, найти дорогу среди своих родных вересковых холмов; но дело в том, что ночная пора застигла его в окрестностях такого места, которое, согласно местным преданиям, пользовалось очень худой славой и служило притоном всяких сверхъестественных явлений. Габби с детства наслушался подобных рассказов, а так как ни в одном из уголков Шотландии не бывало такого множества разнообразных легенд, то можно поручиться, что не было и человека, до такой степени пропитанного страшными рассказами, как этот Габби из Хейфута, ибо таково было прозвище нашего приятеля в отличие от дюжины других Эллиотов, также окрещенных Галбертами.

Можно себе представить, что он, не напрягая памяти, припомнил все ужасы, сопряженные с обширным пустырем, через который предстояло ему теперь пройти, и даже так живо ему все это представлялось, что становилось положительно жутко.

Эта пустынная поляна называлась Меклстон-мур (то есть

Поляна большого камня); около середины пустыря возвышался холм, а на вершине его толстая колонна из неотесанного гранита отмечала, вероятно, место погребения какого-нибудь древнего вождя или была воздвигнута в память о кровопролитной битве. Что именно означал этот памятник – было неизвестно, но предание, так же часто изобретающее небылицы, как и охраняющее истину, заменило здешнюю правду чистым вымыслом, и этот вымысел предстал теперь воображению Габби во всех подробностях.

Почва вокруг гранитного столба была усеяна и даже загромождена множеством обломков той же каменной породы, известных в окрестностях под именем Серых гусей Каменной поляны; это название было им дано вследствие общего их расположения, разбросанности и связанного с ними предания; а предание гласило, что в давно прошедшие времена жила поблизости одна злая и могущественная колдунья, которая наводила порчу на овец, причиняла выкидыши коровам и вообще проделывала всякие вредоносные штуки, приписываемые особам ее звания. На этой поляне она, между прочим, водила хороводы со своими подружками, ведьмами, в доказательство чего и поныне указывают на земле круги, где никогда не растет ни трава, ни вереск, и, следовательно, ясно, что эти места выжжены раскаленными копытами их присяжных кавалеров, чертей.

И вот однажды, говорит предание, шла колдунья по этому самому полю и гнала стадо гусей, которых намеревалась

продать на соседнем рынке. Ведь известно, что дьявол никогда не скупится на передачу своих вредоносных сил, но в то же время часто оставляет своих приятелей в таком бедственном положении, что они бывают вынуждены исполнять всякую черную работу и добывать свое пропитание личным трудом. Время было уже позднее, а ей, ради успешной выручки, необходимо было раньше всех поспеть на базар. Но гуси, до тех пор послушно бежавшие вперед, придя на поляну, пересеченную множеством болотистых прудов и лужиц, увлеклись страстно любимой стихией и разбрелись во все стороны. Тщетно старалась она выгнать из воды и снова собрать в кучу свою команду; наконец, выйдя из терпения и позабыв точный смысл статей своего договора с чертом, подрядившимся на известный срок исполнять ее желания, колдунья воскликнула:

– Дьявол, пусть же ни я, ни гуси никогда не уйдем с этого места!

Только успела она произнести эти слова, как началось превращение, столь же быстрое, как любое из описанных у Овидия^[11]: сама старуха и все ее непослушное стадо окаменели на месте. Как видно, тот дух, которому она служила, был большой формалист и воспользовался случаем сразу погубить ее душу и тело, в то же время буквально выполняя ее желание.

Говорят, что когда она увидела, в чем дело, и почувствовала начало превращения, то сказала коварному черту:

– Ага, фальшивый обманщик, так вот как ты вздумал выполнить давнишнее обещание подарить мне серое платье!.. Ну, это будет прочно, мне его хватит на веки вечные!

Почитатели минувшего, любящие расхваливать старые годы и уверять, что нынче все измельчало и стало хуже прежнего, не раз приводили в пример эти камни и, указывая на размеры гранитного столба и окружающих обломков, говорили: «Вот какие прежде бывали большие старухи и крупные гуси!»

Все это проходило в уме Габби, покуда он шел через поляну. Вспомнил он также, что, с тех пор как приключилось упомянутое превращение, все добрые люди избегали подходить к этому месту, по крайней мере в сумерки, потому что тут обыкновенно водились всякие келпи, спунки^[12] и прочие бесы, прежние постоянные участники нечестивых игрищ колдуньи, и ныне продолжавшие навещать ее, невзирая на постигшую ее перемену. Габби от природы был отважного нрава, и потому мужественно боролся против охватившего его ужаса.

Он подозвал своих двух рослых борзых собак, с которыми никогда не расставался, отправляясь на охоту, и был уверен, что они не побоятся ни пса, ни дьявола, по его собственному выражению; тщательно осмотрел свое ружье и принялся насвистывать воинственную мелодию наподобие того, как полководец велит бить в барабаны, чтобы подбодрить своих солдат, когда не совсем уверен в их храбрости.

В таком состоянии духа он особенно обрадовался, услышав сзади знакомый голос, приветливо окликнувший его: это значило, что можно будет часть пути совершить вдвоем с приятелем. Он замедлил шаги, и вскоре его нагнал молодой человек, хорошо ему известный джентльмен, пользовавшийся некоторым достатком в этой глуши и так же, как он, проведший день на охоте. Молодой Эрнскиф, местный уроженец, только что достиг совершеннолетия и вступил во владение небольшим имением, сильно расстроенным по причине участия, принятого его родными в последних смутах. Семейство его пользовалось в краю всеобщим уважением и отличной репутацией, которую молодой человек был вполне способен поддержать, так как получил хорошее образование и отличался самым приятным характером.

– Ну, Эрнскиф, – воскликнул Габби, – как же я рад, что с вами встретился! Это хорошо во всяком случае, а уж особенно кстати, когда приходится проходить через такой пустырь... тут что ни шаг, то ямы да провалы... Где же вы сегодня охотились?

– По ту сторону Карлова ущелья, Габби, – отвечал Эрнскиф, пожимая ему руку. – Как вы думаете, наши собаки не подерутся?

– За своих я отвечаю, – сказал Габби, – они едва ноги волочат от усталости. Удивительное дело! Должно быть, олени совсем вывелись в нашей стороне. Я все окрестности исходил, был даже на вершине Ингерфела, и хоть бы единый рог

видел! Только и встретил трех старых самок, да они меня ни разу не подпустили на выстрел, даром что я сделал обход в целую милю, чтобы подойти к ним с подветренной стороны. Мне-то самому, положим, от этого небольшая печаль, да хотелось достать дичины для нашей старой бабушки. Сидит себе старушка в углу за печкой и все толкует про то, какие были в старину искусные стрелки да хорошие охотники... А я так смекаю, что они у нас давным-давно всю дичь перебили.

– А я сегодня утром подстрелил прежирного оленя и уже отослал его со своим слугой в Эрнсклиф... Но вот что, Габби, я вам пришлю пол-оленя для бабушки.

– Покорно вас благодарю, мистер Патрик; правду говорят все, что вы добрая душа. Истинно обрадуете нашу старушку, особенно дорого это будет ей как доказательство внимания с вашей стороны. А уж вот бы одолжили, если бы сами пришли отобедать с нами; а то, я думаю, скучно вам одному в старой башне, куда все ваши проживают в этом тоскливом Эдинбурге. Не понимаю, какая им охота оставаться среди длинного ряда каменных домов, под сланцевыми крышами, тогда как могли бы жить среди родных зеленых холмов!

– Мое воспитание и образование моих сестер задерживали матушку в Эдинбурге на несколько лет, – сказал Эрнсклиф, – но могу вас уверить, что я наверстаю потерянное время.

– И верно, вы маленько принарядите старую башню, – сказал Габби, – и будете водиться со старинными друзьями и

соседями вашего дома, как подобает настоящему лэрду Эрн-склифскому? Я должен вам сказать, что матушка... то есть, я хотел сказать – бабушка, но с тех пор, как мы схоронили нашу родную мать, мы зовем бабку то бабушкой, то матушкой... ну, так она уверяет, будто бы вы ей не очень дальняя родня.

– Это правда, Габби, и я завтра с величайшим удовольствием приду к вам обедать в Хейфут.

– Отлично сказано! Мы с вами такие близкие соседи и к тому же родственники... и бабушка так жаждет повидать вас! Она то и дело поминает вашего отца и все еще рассуждает о том, как его убили в старину.

– Тс-с, Габби, об этом лучше не поминать... Эту историю следует предать забвению.

– Я не знал. Кабы такая история случилась промеж нашего брата, мы до тех пор помнили бы о ней, куда не довелось бы как-нибудь отплатить за убийство... Впрочем, вам лучше знать, как делается в дворянском звании. Я слышал, будто приятель лэрда Эллисло убил вашего батюшку уже после того, как сам хозяин обнажил меч...

– Ну полно, перестаньте, Габби. Это была глупая ссора, повздорили из-за политики, да еще под пьяную руку... тут и многие другие обнажили мечи... Мало ли что было, невозможно разобрать – кто кого прежде ударил.

– Во всяком случае, старый Эллисло и помогал и укрывал; и если бы вы были расположены отплатить ему за это, никто

бы вас не осудил, потому что, как бы то ни было, у него на руках была кровь вашего отца. Да к тому же, кроме него, не с кого требовать ответа за это дело; а он, вдобавок, и прелатист и якобит^[13]. Так что в нашей стороне постоянно ждут, что между вами выйдет какая-нибудь история.

– Как вам не стыдно, Габби! – возразил молодой лэрд. – Считаете себя христианином, а сами подбиваете ближнего нарушить закон, возбуждаете к личной мести, да еще в такой глухой и болотистой местности, где бог весть кто может нас подслушать.

– Тише, тише, – сказал Габби, подходя ближе к своему спутнику, – я об этом и не думал совсем. Но я угадываю, мистер Патрик, что именно связывает вам руки. Всем известно, что храбрости у вас довольно; а причина вашей сдержанности не что иное, как серые очи красной девицы мисс Изабеллы Вэр.

– Уверяю вас, Габби, – отвечал его товарищ довольно сердито, – что вы ошибаетесь; и с вашей стороны очень, очень нехорошо, что вы не только позволяете себе произносить, но даже подумать нечто подобное. Да и я не намерен позволять, чтобы мое имя соединяли с именем какой бы то ни было девушки.

– Ну вот, так и есть, – преспокойно заметил Эллиот, – ведь я же говорил, что не от недостатка храбрости вы такой смиренный! Ладно, ладно, это не в обиду вам сказано! А только вот что еще скажу я вам по дружбе: у старого лэрда Эллисло в

жилах течет все та же старинная кипучая кровь, не то что у вас; ему небось дела нет до новомодных воззрений, будто тишь да гладь лучше всего. Он, напротив, только о том и думает, как бы по-старому выехать в поле, да подраться, да поколотить кого-нибудь; и всегда у него целая орава добрых молодцов, которых он кормит, поит и держит в порядке, а народ у него бодрый, бойкий, словно молодые жеребцы. Откуда берутся у него средства на это – никому не известно. Живет он широко, а доходов получает немного, однако же и в долги не входит... Ну а ежели случится в нашем краю восстание, он, наверное, из первых выступит в поход. А он не таковский, чтобы забыть старые счета, бывшие между вами. И я так полагаю, что он не прочь пощупать, крепка ли у вас старая башня в Эрнскилфе.

– Ну что же, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – коли ему вздумается попробовать, я постараюсь дать ему хороший отпор, как и предки мои не раз давали отпор кое-кому почище его.

– Это так, это правда... Вот теперь вы говорите как следует мужчине, – сказал упрямый фермер, – и коли что такое случится, вы только прикажите слуге позвонить в большой колокол, что висит у вас в башне, и тотчас мы с братьями, да еще Дэви из Стенхауса, соберем своих людей и мигом явимся к вам на помощь.

– Спасибо, Габби, очень вам благодарен, – отвечал Эрнскилф, – но я надеюсь, что в наше время уже не понадобится

вести такую противоестественную и нехристианскую войну.

– Э, полноте, сэр! – возразил Эллиот. – Самая обыкновенная была бы соседская война, сущие пустяки; и ни на небе, ни на земле никто не подумал бы укорять вас за это в нашей глухой стороне. Ничего тут нет противоестественного, напротив, оно и для нашего края, и для жителей вполне натурально; не можем мы существовать так смиренно, как лондонские граждане. У них, положим, и других дел много, а нам-то что делать, коли не воевать?

– Ну, Габби, – сказал лэрд, – для человека, твердо верящего в возможность сверхъестественных явлений, вы, право же, слишком смело беретесь направлять волю Божью, особенно если принять в расчет, через какие места мы идем.

– Раз вы сами не боитесь ходить через Меклстон-мур, чего же мне опасаться, Эрнсклиф? – сказал Габби, несколько обидевшись. – Я и сам знаю, что тут водятся разные чудища и оборотни, да мне что за дело? У меня совесть чиста, вот разве случается иногда приволокнуться за девушками или на рынке провести кого-нибудь, так ведь это грехи не важные. Конечно, самому себя хвалить неловко, а все-таки скажу, что я парень тихий, безобидный...

– А кто проломил голову Дику Тернбуллу, кто стрелял в Уилли Уинтона? – молвил его товарищ.

– Что это, Эрнсклиф, вы, должно быть, счет ведете чужим провинностям! Голова у Дика давно зажила, а мы с ним уговорились на Воздвиженье опять померяться силами на яр-

марке; так что, значит, это дело полюбовное. А с Уилли мы и подавно опять друзья – бедный парень! Впрочем, и всего-то попали в него две или три дробинки; я согласен хоть сейчас получить в себя такой заряд за бутылку виски! А Уилли, бедняга, не здешний уроженец, он с равнины, и уж сейчас струсил... Что до чудищ и оборотней, если бы и случилось нам встретить по дороге что-нибудь такое...

– А ведь может случиться, – сказал молодой Эрнсклиф. – Посмотрите-ка, Габби, вон ваша старая колдунья стоит.

– Я говорю, – продолжал Эллиот, негодуя на подобный намек, – что хоть бы сама старая чертовка сейчас перед нами выросла из земли, я и то... Господи помилуй, Эрнсклиф, что это такое?

Глава III

– Черный Карлик у болота,

Молви, как тебя зовут?

– Так и звать, кому охота:

Тут мой дом, и мой приют.

Лейден

Предмет, мгновенно прервавший поток отважных речей юного фермера, был такого рода, что даже его менее суеверный спутник на минуту вздрогнул и притих. Луна, успевшая взойти, пока они разговаривали, по местному выражению «ныряла в облаках» и, появляясь изредка, проливала на окрестности непостоянный и смутный свет. Один из ее лучей, упавший на высокий гранитный столб, к которому они теперь приблизились, осветил у его подножия нечто похожее на человеческую фигуру; она была ростом гораздо ниже обыкновенного и медленно передвигалась между больших серых камней, как будто собиралась уходить, но что-то искала или была прикована к месту печальными воспоминаниями, изредка издавая глухие, бормочущие звуки. Все это было так похоже на появление ожидаемого призрака, что Габби Эллиот остановился как вкопанный, волосы на его голове встали дыбом, и он прошептал:

– Это она и есть... старая Эли! А что, не пустить ли в нее

пулю благословясь?

– Ради бога, не делайте этого, – сказал его спутник, ухватившись за дуло ружья, которое тот уже поднял, начиная прицеливаться, – ради бога, не стреляйте! Это, наверное, какой-нибудь сумасшедший бедняк.

– Не с ума ли вы сходите сами, что намерены к «ней» подступиться ближе? – сказал Эллиот, в свою очередь удерживая товарища, хотевшего идти вперед. – Надо же сперва хоть молитву прочесть... вот только сейчас я ни одной припомнить не могу... но это мы успеем, покуда она сама к нам подойдет... Господи! Да она и не очень спешит, – продолжал он, понемногу ободряясь под влиянием спокойствия своего товарища, а также и того, что призрак не обращал на них никакого внимания. – Вон как переступает с ноги на ногу, словно курица на горячей решетке... Я вам говорю, Эрнсклиф, – прибавил он шепотом, – обойдем лучше кругом; там хоть и болото, да неглубокое, всего по колено; а лучше же мягкая дорога³, чем плохая компания.

Однако, невзирая на задержки и уговоры, Эрнсклиф продолжал путь все в том же направлении и вскоре очутился совсем близко от странного человека.

При ближайшем рассмотрении он оказался еще ниже ростом, а именно немногим более трех футов, и – насколько

³ Шотландцы употребляют слово «мягкий» для обозначения довольно неприятных вещей. Так, например, *мягкая дорога* – та, которая ведет через лужи и болота; *мягкая погода* – когда идет очень сильный дождь. – *Примеч. авт.*

можно было судить при столь слабом освещении – почти такой же ширины в плечах. Общее очертание его тела было шаровидное, что происходило, вероятно, от какого-нибудь прирожденного уродства. Молодой охотник дважды окликнул это удивительное создание, но ответа не получил. Между тем его товарищ не переставал щипать его и тащить прочь, желая этим убедить, что благоразумнее будет идти дальше, не беспокоя своим присутствием существо столь необыкновенной наружности. Когда же Эрнклиф в третий раз спросил: «Кто вы и что здесь делаете в такую позднюю пору?» – в ответ на это раздался вдруг пронзительный, дикий и скрипучий голос, который заставил Эллиота попятиться назад, а его спутника вздрогнуть:

– Проходи своей дорогой и не спрашивай ничего у тех, кто ничего не просит у тебя!

– Что вы здесь делаете, так далеко от всякого пристанища? Может быть, ночь застигла вас в пути? Если хотите идти за нами («Боже сохрани!» – невольно вырвалось у Эллиота), то я дам вам ночлег в моем доме.

– Вот уж лучше бы я переночевал в одиночку на дне Тэрреса! – проворчал опять Габби Эллиот.

– Проходи мимо, – повторил опять тот же голос, еще более жесткий от овладевшего им гнева, – не нужно мне провожатых и ночлег не нужен... Вот уже пять лет, как я не бывал под кровлей человеческого жилья, да надеюсь и впредь никогда не бывать!

– Он помешан, – тихо сказал Эрнскиф.

– Он похож как будто на старого Хэмфри Эттеркапа, лудильщика, что потонул в этом самом болоте лет пять тому назад, – сказал суеверный фермер, – только Хэмфри был не так широк в плечах.

– Ступайте прочь! – крикнул предмет, возбуждавший их любопытство. – Ваше человеческое дыхание отравляет мне воздух... звуки ваших человеческих голосов режут мне уши, подобно острым кинжалам!

– Господи помилуй, – прошептал Габби, – как эти покойники ненавидят живых!.. Должно быть, его душа уж очень мучается, я так смекаю.

– Послушайте, друг мой, – сказал Эрнскиф, – вы, по-видимому, о чем-то сильно горюете, простое человеколюбие не позволяет нам покинуть вас здесь.

– «Простое человеколюбие»! – воскликнул странный человек, рассмеявшись презрительным смехом, более похожим на вопль. – Откуда у вас взялось это заманчивое словечко, этот силоч для ловли тетеревов, это пошлое прикрытие самого обыкновенного капкана, эта привада, которую всякий дурак с удовольствием хватает и, только проглотив, узнает, что под приманкой скрывался крючок, а зубцы его вдесятеро острее, чем у тех крючков, на которые вы ловите бессловесных животных, жертв вашей жадности?

– Говорю вам, друг мой, – сказал опять Эрнскиф, – что вы не в состоянии судить о положении, в которое себя поста-

вили. Вы погибнете, оставшись один в такой глуши, и мы, из сострадания, должны принудить вас следовать за нами.

– Ну, я тут ни при чем! – сказал Габби. – Пускай призрак делает что хочет, оставьте вы его, ради бога!

– Кровь моя падет на мою голову, если я здесь погибну, – произнес незнакомец, но, заметив, что Эрнскифф подходит ближе и хочет взять его за руку, он прибавил: – А ваша кровь падет на вас, если вы хоть пальцем притронетесь к моей одежде и оскверните меня человеческим прикосновением!

Луна выплыла из-за облаков, и Эрнскифф увидел, что в протянутой правой руке этого человека блеснуло какое-то оружие, не то лезвие длинного ножа, не то ствол пистолета. Было бы безрассудно далее приставать к человеку, так хорошо вооруженному и произносившему такие отчаянные речи, тем более что молодому человеку пришлось бы в одиночку с ним справиться, так как товарищ его предоставил ему ведаться с призраком как знает, а сам направился дальше, по пути к своему дому. Итак, Эрнскифф повернулся и пошел вслед за Габби, по временам лишь оборачиваясь, чтобы еще раз посмотреть на мнимого помешанного, который, по-видимому доведенный до ярости этими переговорами, бешено шагал вокруг гранитного столба, испуская дикие вопли и крики, странно отдававшиеся по всему обширному пустырю.

Некоторое время молодые охотники молча шли своей дорогой, покуда в ушах их не замерли окончательно отголоски

этих зловещих звуков, и, следовательно, они успели довольно далеко отойти от Большого камня, в честь которого это урочище получило свое название. Каждый по-своему думал про себя о том, что они только что видели; наконец Габби Эллиот воскликнул:

– Да, можно поручиться, что этот призрак – если только он призрак – и наделал, и сам натерпелся достаточно всяких бед, покуда был жив, коли его все еще так коверкает даже после смерти!

– Это какая-то бешеная мизантропия, – молвил Эрнскиф, отвечая на течение собственных мыслей.

– Так вы думаете, что это не дух? – спросил Габби.

– Я-то? Конечно, думаю.

– Ну, теперь, пожалуй, и я начинаю думать, что он, может быть, живой... А впрочем, не знаю... Я сроду не видывал ничего, что было бы так похоже на оборотня.

– Во всяком случае, – сказал Эрнскиф, – я завтра приеду сюда посмотреть, что случилось с этим несчастным.

– Среди белого дня? – осведомился фермер. – Ну, в таком разе и я, благословясь, пошел бы с вами. Да вот что, мы теперь на две мили ближе от моей фермы, чем от вашего дома, так не лучше ли вам сегодня пройти прямо ко мне, а я пошлю своего работника верхом на пони сказать вашим домашним, что вы у нас ночуете. Ведь там небось никто вас не ждет, кроме прислуги да кошки?

– Будь по-вашему, друг Габби, – отвечал молодой охот-

ник, – мне в самом деле не хотелось бы ни прислугу тревожить, ни кошку оставить без ужина из-за моего отсутствия, а потому я вам буду очень благодарен, если вы пошлете работника в Эрнскиф, как предлагали.

– Ну, хорошо, это очень мило с вашей стороны. Стало быть, мы с вами вместе пойдем домой в Хейфут? Вот будут рады вас видеть мои домашние! За это я могу поручиться.

Решив этот вопрос, они бодро пошли дальше, и, когда очутились на вершине довольно крутого холма, Габби Эллиот воскликнул:

– Знаете, Эрнскиф, как я рад каждый раз, как прихожу на это место! Видите свет там, внизу? Это огонь в окне нижних сеней, где сидит моя старая бабушка и, наверное, прядет на своей прялке. А вон наверху другой огонек... мелькает взад и вперед мимо окошек... Это хозяйничает моя кузина, Грейс Армстронг. Она делает в доме вдвое больше дел, чем мои сестры, и они сами признают это, потому что они предобрые и отличные девочки. Они говорят, да и бабушка подтверждает, что она всех их ловчее и проворнее, с тех пор как сама бабушка почти без ног. А братья мои – один поступил на службу к важному барину, а другой на Моссфадреге, на нашей дальней ферме, он там присматривает за хозяйством не хуже меня.

– Счастливы же вы, мой друг, что у вас так много хороших родных!

– Да уж, это правда! Есть мне за что благодарить Бога.

А скажите, пожалуйста, Эрнсклиф, вот вы были в коллегии и в университете в Эдинбурге, стало быть, учились в таких местах, где учат наукам как следует... Как по-вашему... не подумайте, впрочем, чтобы этот вопрос касался меня лично, но я слышал, как священник из Сен-Джона спорил об этом с нашим пастором; дело происходило во время зимней ярмарки, и надо им отдать справедливость – оба говорили прекрасно. И вот священник уверял, будто грех жениться на кухне, а, по-моему, наш пастор гораздо тверже его приводил тексты из Священного Писания. Наш пастор ведь считается наилучшим богословом и самым искусным проповедником из всех городов, отсюда до Эдинбурга... Как вы думаете, он был правее священника?

– Без сомнения, все христиане протестантского исповедания почитают брак настолько свободным установлением, насколько указано Богом в Книге Левита. Так что, по-моему, Габби, ни по гражданским, ни по церковным законам не может быть препятствий между вами и мисс Армстронг.

– Пойдите вы со своими шутками, Эрнсклиф, – возразил его спутник, – сами небось тотчас ощетинитесь, коли вас заденешь за живое! Я вас спрашивал совсем не из-за Грейс. Надо вам знать, что она мне по-настоящему ни двоюродная, ни троюродная, потому что она дочь дядиной жены от первого брака, стало быть, вовсе мне не родня, а так, что называется, мы в свойстве... Ну, вот мы пришли на Шиллинг-хилл, и я теперь выстрелю из ружья, чтобы они знали, что я близко.

Я всегда так делаю. Если бы я принес оленя, то выстрелил бы два раза, один раз в честь дичи, другой за себя.

Он выстрелил, и тотчас в окнах замелькали огни, как будто прошли через дом и остановились снаружи, перед жильем. Габби Эллиот указал Эрнскилфу на один огонек, направлявшийся от дома, по-видимому куда-то во двор.

– Это Грейс идет, – сказал Габби, – она ни за что не пойдет встречать меня у дверей, а все-таки никто, кроме нее, не вспомнит присмотреть за тем, чтобы моим собакам было чем поужинать, бедняжкам.

– «Любишь меня – люби и мою собаку»! – молвил Эрнскилф, цитируя известную пословицу. – Ах, Габби, какой вы счастливый человек!

Это восклицание сопровождалось таким вздохом, которого спутник его, как видно, не мог не заметить.

– Что ж, не я один счастливец на свете, – сказал Эллиоту, – о, я не раз видал, как мисс Изабелла Вэр оборачивалась и смотрела вслед одному молодчику, когда он проезжал мимо на скачках в Карлайле. Почему знать, что еще может случиться в жизни?

Эрнскилф пробормотал сквозь зубы какое-то замечание, но было ли это подтверждение высказанной мысли или наоборот, – разобрать было трудно, да и сам бормотавший, кажется, не желал выяснять этот вопрос. Между тем они спустились с широкого затона, окаймлявшего подножие крутой горы и очутились перед фермой под тростниковой кровлей,

служившей скромным, но прочным и удобным жилищем для Габби Эллиота и его семейства.

В дверях виднелась целая толпа веселых лиц; но, завидев постороннего, они прикусили язычки и не высказали полновины тех шуток, которые предназначались для поднятия на смех Эллиота, пришедшего с охоты с пустыми руками. Произошло легкое замешательство; три красивые молодые девушки спрятались за дверь, подталкивая друг друга вперед и стараясь свалить друг на друга обязанность принять гостя и ввести его в дом; впрочем, вероятно, каждая думала о том, как бы поскорее скрыться в свою комнату и немножко подправить свой туалет, чтобы не являться перед чужим человеком в домашнем платье, годном лишь в присутствии родного брата.

Наконец Габби энергически выругал их всех (правда, Грейс между ними не было), выхватил свечу из рук одной из деревенских кокеток, жеманившейся на пороге, и ввел гостя в семейный зал или, лучше сказать, в большие сени, потому что этот дом в старые годы также играл роль защищенной крепости, и, следовательно, сборный зал был со сводами, с каменным полом и толстыми стенами, сырой и унылый по сравнению с веселыми гостиными нынешних ферм. Но теперь он был ярко освещен приветливым огнем камина, наполненного торфом и ивняком, и Эрнскиффу показалось тут очень уютно, особенно после долговременной ходьбы в темноте по горам, пронизанным холодным ветром.

Почтенная старушка несколько раз и в самых приветливых выражениях поздоровалась с гостем. Она была одета просто, но прилично: в большом чепце с висячими лопастьями, в плотно сидевшем на ней платье из домашней шерсти собственной пряжи, как подобало вдове простого фермера, но широкое золотое ожерелье и длинные золотые серьги в ушах изобличали в ней даму дворянского происхождения. Сидя в плетеном кресле в одном из углов у громадного камина, она распорядилась вечерними занятиями своих внучек, а также двух или трех здоровенных служанок, которые, сидя позади своих барышень, усердно работали веретенами.

Когда все как следует поздоровались с Эрнскифом и наскоро распорядились насчет некоторых добавлений к домашнему ужину, бабушка и сестры начали поддразнивать Габби Эллиота насчет его неудачной охоты.

– Напрасно Дженни трудилась разводить огонь на кухне, – сказала одна из сестер. – Для той дичи, которую принес Габби, не стоило так хлопотать.

– И правда, что не стоило, – подхватила другая. – На очаге оставалось довольно сажи; если бы ее немножко раздуть, вот и готов был бы огонь, и всю сегодняшнюю добычу можно бы на нем зажарить.

– Э, да для этого и свечного огарка довольно, лишь бы его ветром не задуло, – молвила третья. – Будь я на его месте, я бы хоть ворону принесла домой, чем в третий раз являться, не найдя даже козьего рога, в который можно хоть трубить.

Габби повертывался то к одной, то к другой, взглядывая на них с грозно нахмуренными бровями, но смеющееся выражение лица слишком явно опровергало этот притворный гнев. Наконец, чтобы их задобрить, он объявил о подарке, обещанном назавтра любезным гостем.

– Когда я была молода, – молвила старушка, – мужчина постыдился бы воротиться домой, кабы по бокам его лошади не висело по оленю, вот как нынешние скупщики возят телят.

– Хорошо, кабы они для нас маленько оставили дичи, бабушка, – возразил на это Габби. – Эти ваши старые кавалеры-молодцы никак всю дичину в краю перебили.

– Нет, есть такие, что и нынче находят дичину, это только ты не умеешь ее находить, Габби, – молвила старшая сестра, искоса взглянув на молодого Эрнскифа.

– Ну ладно, ладно, голубушка, всякому псу своя удача... Вы меня извините, Эрнскиф, это есть такая пословица. В другой раз его удача достанется мне, а моя ему. А мне нынче и вправду не везет: целый день я шатался понапрасну, на обратном пути еще испугался... то есть нет, не то чтобы испугался, а удивился, встретив оборотня; а как пришел домой, так и накинулась на меня целая вереница баб, которым целый Божий день больше делать нечего, как сучить нитки веретенами либо тыкать иголкой.

– Испугался оборотней! – воскликнули хором все женщины, ибо сильна была в то время, а может быть, еще и теперь,

вера в подобные небылицы, особенно в такой глуши.

– Да нет, не то что испугался, а так только, подивился, когда увидел. Он всего один и был... Эрнсклиф, ведь и вы его видели так же хорошо, как я!

И Габби без особых преувеличений рассказал по-своему об их удивительной встрече у гранитного столба и о таинственном незнакомце, прибавив, что решительно не может понять, кто такой это может быть: сам ли сатана из преисподней или какой-нибудь пикт^[14] из тех, что владели страной в давно минувшие времена.

– Какой там пикт! – воскликнула бабушка. – Нет-нет, сохрани тебя Боже от всякого наваждения, мое дитяtko, это был совсем не пикт, а просто черный болотный бес! Ох, плохие времена наступают! Чего еще нужно этим бесам, что опять они лезут к нам мутить страну, которая только что успокоилась и стала жить по Божьему закону, в мире и любви? Ох, пропадай он совсем! Не к добру он является, здесь ли, в других ли местах! Мой отец, покойник, много раз рассказывал мне, как его видали в тот год, как случилось кровавое побоище при Марстон-муре^[15], и потом еще во время смут при Монтрозе^[16], и перед битвой под Дунбаром^[17], а в мое время его видели перед тем, как приключилась резня у Босуэлова моста...^[18] И еще, говорят, что лэрд Бенарбек, тот, что был ясновидящий, шушукался с ним перед тем, как Аргайл высадился на наш берег^[19]; но об этом я не знаю наверное, это было далеко на западе, не в наших местах... Ох,

детушки, он является не иначе, как перед бедой, так уж вы молитесь Богу хорошенько. Он один может нас спасти и помиловать в тяжкую годину!

Тут Эрнсклиф стал успокаивать старушку, выразив твердое убеждение, что виденное ими существо – какой-нибудь бедняк сумасшедший, а отнюдь не сверхъестественное видение, посланное с того света возвещать войну или иные бедствия. Но все его уверения встречены были холодно, и присутствующие хором уговаривали его не возвращаться завтра на то место.

– Ох, дитяtko мое милое, – сказала старушка (по доброте души она начинала обращаться по-матерински со всяким, к кому лежало ее сердце). – Вам-то и следует беречься больше, чем всякому другому, вашему дому нанесен был тяжкий удар, пролилась кровь вашего отца, а потом начались тяжбы, судебные преследования и всякое разорение. А теперь вы один в семье цветочек расцвели, на вас вся надежда, вы должны поднять свое родовое жилище, и, коли будет на то Его святая воля, вы будете славой своего отечества и поддержкой для своих земляков. Стало быть, вам-то и не следует пускаться ни в какие рискованные предприятия, а вести себя умненько, осторожно, потому что ваша порода горячая, чересчур предприимчивая, и уж сколько от этого бед было в вашей семье!

– Но, добрый друг мой, неужели вы желали бы, чтобы я струсил пойти среди белого дня на открытое поле?

– Уж и не знаю, – отвечала добрая старуха. – Конечно, я никогда не стала бы отговаривать ни родного сына, ни доброго друга от хорошего дела, все равно, кто бы его ни затевал, и хотя бы мне самой от этого никакого проку не было; но не могу я вышибить из своей старой головы, что идти навстречу явному злу, без всякой законной причины, – грех великий и, значит, идти против Священного Писания!

Эрнскиф перестал спорить, видя, что нет возможности никого урезонить; принесли ужин, и это обстоятельство положило конец неприятному разговору. Как раз в эту минуту явилась мисс Грейс Армстронг, и Габби, застенчиво оглянувшись на Эрнскифа, сел за стол рядом с нею. Завязалась опять оживленная и веселая беседа, в которой старушка, хозяйка дома, приняла самое милое участие, и вскоре на щеках молодых девушек снова появился яркий румянец, совсем было покинувший их под влиянием страшного рассказа их брата о призраке. После ужина еще часок посвятили песням и танцам, и так славно развеселились, как будто на свете никогда не бывало ни бесов, ни оборотней.

Глава IV

*Я мизантроп, питаю отвращенье
К людской породе; что же до тебя,
Желал бы я, чтобы ты собакой был:
Тогда б я полюбил тебя немного!*

Шекспир. «Тимон Афинский»

На другой день, после завтрака, Эрнсклиф простился с гостеприимными хозяевами, обещая не опоздать к обеду, чтобы вместе с ними отведать дичи, доставленной на ферму из его дома. Габби как будто откланялся ему у своей двери, но потом выскользнул вон из дома и нагнал его на вершине холма.

– Вы, наверное, туда пойдете, мистер Патрик. Ну, чтобы там матушка ни говорила, а я от вас не отстану. Я счел за лучшее, однако, потихоньку уйти из дому, чтобы она не догадалась, куда мы с вами отправляемся, потому что огорчать ее я ни за что не хочу. Покойный отец перед смертью все об этом говорил, чтобы ни в каком случае ее не обижать.

– Еще бы, Габби, – сказал Эрнсклиф, – она стоит того, чтобы ее побережь.

– О, коли на то пошло, ведь она и о вас стала бы убиваться почти так же, как обо мне. А как вы полагаете, в самом деле, это ничего, что мы опять сунемся туда? Собственно говоря,

ведь на то наша добрая воля и ничто нас не принуждает к тому?

– Если бы я был вашего мнения, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – я бы, может быть, и не стал мешаться в это дело; но так как я убежден, что сверхъестественных явлений не бывает или, по крайней мере, в наше время они большая редкость, мне как-то совестно отказываться от исследования этого предмета, потому что, быть может, от этого зависит жизнь или смерть бедняги помешанного.

– Ну, коли вы так думаете, то и ладно, – сказал Габби неуверенным тоном, – а что до волшебниц... то бишь, до добрых соседок – люди говорят, будто они не любят, чтобы их звали волшебницами, – прежде их встречали под вечер чуть ли не на каждой кочке, а нынче их совсем не видать. Не могу похвастать, чтобы я сам встречался с ними. Только один раз: шел я через болото да и слышу, как позади меня кто-то свистнул во мху... ни дать ни взять, как чибис... А вот батюшка мой, покойник, не раз видал, возвращаясь с ярмарки в вечернюю пору и, уж конечно, маленько выпивши, царство ему небесное.

Эрнскиф внутренне посмеялся тому, как ясно выразилось в этом рассказе постепенное ослабление суеверия, по мере того как оно передавалось от отца к сыну; и они продолжали беседовать на эту тему, пока не пришли к гранитному столбу, стоявшему среди пустыря.

– Так и есть, – молвил Габби, – вон он опять бродит на

том же месте. Но теперь светло, и у вас ружье, а я захватил с собой нож... стало быть, ничего, можно и поближе подойти.

– Само собой разумеется, – сказал Эрнскиф, – но я не могу понять, что это он такое делает?

– Как будто каменную плотину строит; видите, из Серых-то гусей, как прозвали все эти рассеянные камни... Вот странно! Я никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Подойдя ближе, Эрнскиф вынужден был согласиться с мнением своего товарища. Человеческая фигура, виденная ими накануне вечером, медленно и упорно трудилась, нагромождая большие камни друг на друга, как будто намереваясь сделать из них толстую ограду. Материала было множество, но работа была крайне утомительная по причине крупных размеров большей части камней; и было изумительно, каким образом удалось ему своротить с места некоторые глыбы, послужившие фундаментом зданию. В ту минуту, как молодые люди приблизились к нему, он был так занят перетаскиванием огромного камня, что не заметил их, пока они не подошли совсем близко. Поднимая свою тяжелую ношу и устанавливая камень на определенное место, он выказал такую необычайную мощь, которой никак нельзя было ожидать от такого крохотного уroda. Судя по трудностям, которые он успел преодолеть, можно было подумать, что он одарен геркулесовой силой: иные из сложенных им камней впору было двоим мужчинам сдвинуть с места.

В уме Габби опять шевельнулись прежние подозрения,

глядя на такие сверхъестественные подвиги.

– Я почти уверен, что это призрак хорошего каменщика...
глядите, какую он штуку наворотил! А если это все-таки живой человек, хотелось бы мне знать, что он возьмет, чтобы сложить плотину через болото. Нам бы очень не лишнее было соорудить что-нибудь в этом роде от Кринглхопа до Шо-са... Эй, добрый человек! – тут Габби возвысил голос. – Как вы хорошо да прочно работаете!

Тот, к кому он обратился, поднял на него вытаращенные глаза и, выпрямившись из своего наклонного положения, предстал перед ними во всем безобразии своего уродства. У него была огромная голова, покрытая шапкой спутанных волос, частью поседевших от времени; кустистые, взъерошенные брови торчали над глубокими впадинами маленьких, темных и пронизательных глаз, в эту минуту вращавшихся в каком-то диком безумии. Остальные черты лица его были того грубого, крупного типа, который художники придают сказочным богатырям; к этому нужно прибавить еще выражение суровости и злобного недоверия, свойственного по большей части людям от рождения неправильно сложенным. Его широкоплечее и плотное туловище было посажено на большие ступни, а ноги и бедра как будто отсутствовали, по крайней мере, были так коротки, что из-под одежды их не было видно. Руки были длинные, мускулистые, и там, где в пылу работы рукава отвернулись, видно было, что они покрыты жесткими черными волосами. Казалось, будто приро-

да, создавая его члены, предназначала их первоначально для великана, но потом раздумала и придала их карлику, – так мало эти длинные руки и мощное туловище соответствовали его росту. На нем было нечто вроде блузы из грубой ткани коричневого цвета, подпоясанной ремнем. На голове у него была шапка из барсучьего меха, с грубо торчащими волосами, что еще усиливало общее впечатление уродливости этой странной фигуры и мрачности лица, выразившего суровое недоверие и ненависть к людям.

Странный карлик молча уставился на молодых людей своим зловещим, раздраженным взором; наконец Эрнсклиф, желая как-нибудь смягчить его, промолвил:

– Вы предприняли тяжкий труд, друг мой; позвольте, мы вам поможем.

Вместе с Эллиотом он поднял камень и положил его на довольно уже высокую стенку. Карлик смотрел на них строгим и критическим оком подрядчика и несколькими нетерпеливыми жестами выразил досаду на то, как долго и неловко они укладывают камень на место. Затем он указал им на другой – они тотчас сделали то же, потом на третий, на четвертый, и они продолжали действовать под его руководством, хотя это было совсем нелегкое дело, так как он, точно нарочно, указывал на самые крупные и увесистые глыбы из лежавших поблизости.

– Ну, друг, – молвил Эллиот, когда неугомонный карлик протянул руку к громадному камню, превосходившему объ-

емом все предыдущие, – Эрнклиф пускай себе делает как хочет; по мне все равно, бес ли ты или живой человек, а я не намерен больше ломать себе пальцы и надрывать спину, ворочая камни точно поденщик, и хоть бы ты мне за это спасибо сказал.

– «Спасибо»! – воскликнул карлик тоном глубочайшего презрения. – Изволь, прими мою благодарность на здоровье! И пусть она принесет тебе столько же счастья, как мне, когда ее расточали передо мной... И как всякому жалкому смертному, слышащему повторение этого словечка из уст себе подобного, жалкого червя!.. Прочь отсюда! Или работай, или ступай прочь!

– Слышите, Эрнклиф, какой награды мы с вами дождались за то, что строили пристанище для беса, да еще, того и гляди, душу свою опоганили этим делом!

– Наше присутствие, – сказал Эрнклиф, – очевидно, только пуще его раздражает; лучше уйдем отсюда и пришлем ему с кем-нибудь из прислуги кое-какой провизии и самых необходимых вещей.

Так они и сделали. Слуга, посланный на пустырь, застал карлика все еще за постройкой стены, но не мог добиться от него ни единого слова. Впрочем, этот парень, насквозь пропитанный местными предрассудками, недолго приставал к нему с расспросами и, положив все принесенное с собою на камень на некотором расстоянии от карлика, ушел, предоставив ему распорядиться как знает присланными ему по-

дарками.

День за днем карлик продолжал трудиться так прилежно, что результаты его усилий казались баснословными. Ему удавалось в течение одного дня выполнить работу, которую в пору было сделать двоим, и вскоре его постройка приняла вид избушки, правда, очень маленькой и сложенной только из камней и торфа, без всякого цемента, но зато стены ее благодаря величине употребленных на нее камней были так толсты и прочны, как редко случается с домами таких скромных размеров и бесхитростной архитектуры. Эрнсклиф, внимательно следивший за ходом его работы и заметив, к чему она клонится, послал и велел сложить поблизости несколько деревянных брусьев для устройства крыши, а на другой день намеревался привести туда работников, чтобы установить стропила; но опоздал, потому что с вечера, всю ночь и с раннего утра карлик работал так ловко и усердно, что установка крыши была уже почти окончена. После этого он принялся резать тростник и настилать его на свою кровлю, проявляя и в этом деле удивительное проворство и умение.

Так как было очевидно, что ему неприятно принимать помощь от кого-либо, исключая случайных прохожих, Эрнсклиф старался незаметно доставлять ему только материалы, годные для его надобностей, и некоторые инструменты, которыми он владел довольно искусно. Таким образом, он сам сделал себе дверь, окно, нечто вроде кровати и несколько полок по стенам.

По мере того как все это приводилось в исполнение, нрав его становился как будто менее угрюм.

Покончив со своим жилищем, он принялся обносить его крепкой оградой, а затем стал обрабатывать почву вокруг домика и до тех пор перекапывал ее и перемешивал с навозом, покуда не устроил себе садика.

Нет сомнения, что этот отшельник, как уже упомянуто выше, не раз получал помощь извне, от случайных прохожих или от людей, нарочно приходивших полюбопытствовать, что он тут делает. И в самом деле, глядя, как этот несчастный уродец без усталости постоянно работает, тогда как по особенностям его сложения это казалось для него совсем непосильным трудом, каждый прохожий невольно останавливался, стараясь хоть чем-нибудь пособить ему. Но так как случайные посетители не могли сообщать друг другу о том, в чем именно они ему помогали, а в результате все работы карлика подвигались вперед с необыкновенной быстротой, эта-то быстрота и казалась всем необъяснимой и прямо-таки сверхъестественной. Прочный и солидный вид домика, построенного в столь короткое время, и притом таким убогим существом, а потом его мастерство по части механики и других ремесел пробудили в соседях подозрения особого рода. Окрестное население перестало считать его призраком, успев убедиться по многим признакам, что он существо, одаренное плотью и кровью, но они решили, что он находится в сношениях с нечистой силой и для того избрал местом жи-

тельства этот пустырь, чтобы без всякой помехи сообщаться с бесами. Уверяли, хотя не в том смысле, как понимают это философы, что когда он остается один, то это не значит, чтобы он был в одиночестве; что с тех высот, которые окружают болото, путники не раз замечали издали, как рядом с отшельником ходит кто-то другой, но, когда они приближались к этому месту, он исчезал бесследно. Такую же фигуру видали иногда сидящей рядом с карликом у его двери, гуляющей по поляне или помогающей ему тащить воду от колодца. Эрнклиф, желая объяснить это явление, высказал мысль, что это могла быть тень самого карлика.

– Как бы не так! – возражал на это Габби Эллиот, стойкий защитник общественного мнения. – Он слишком близкий приятель старой колдуньи, чтобы у него могла сохраниться тень! К тому же, – рассуждал Габби, – кто когда видывал, чтобы тень приходилась между человеком и солнечным светом? И еще эта штука, кто бы она там ни была, гораздо худощавее и выше его ростом, и люди сто раз видали, как она ходит с ним рядом, заслоняя его от солнца.

Подобные подозрения, которые в другой части страны повлекли бы за собой дознания и очень неприятные для карлика последствия, здесь произвели только то, что к нему относились с большим благоговением. Отшельник был, по видимому, доволен признаками робкого почтения, с каким прохожий, приближаясь к его жилищу, вздрагивал от ужаса, оглядывался на его фигуру, на обстановку и, ускоряя шаги,

спешил пройти мимо. Наиболее отважные решались остановиться на несколько мгновений, поглазеть на стены избышки, на садик и в виде извинения отвешивали хозяину низкий поклон, на который тот отвечал иногда одним словом или просто кивал головой. Эрнсклиф часто проходил этой дорогой и редко пропускал случай поговорить с отшельником, который, очевидно, поселился тут окончательно.

Не было никакой возможности вовлечь его в разговор о его личных делах; впрочем, он ни о чем не говорил охотно, и только в последнее время заметно было, что яростный характер его нелюдимства начинал смягчаться или, скорее, что на него реже находили припадки безумия, одним из признаков которого была именно эта преувеличенная мизантропия. Никакими убеждениями нельзя было заставить его принять какой-нибудь подарок, помимо предметов первой необходимости, хотя Эрнсклиф не раз пытался навязать ему то или другое из человеколюбия, тогда как суеверные соседи делали то же из других побуждений. За такие приношения он отплачивал им полезными советами, когда они приходили просить его помощи для своих больных или для захворавшего скота. С течением времени окрестные крестьяне привыкли обращаться к нему с такими просьбами. Он часто давал им, помимо советов, и сами лекарства, и оказывалось, что у него бывали не только травы местного производства, но и различные заморские снадобья.

Он говорил своим посетителям, что его зовут Элшендер –

пустынник; но народ вскоре стал называть его Умником Элши или Мудрецом Меклстон-мура. С ним совещались не только по поводу телесных недугов, но нередко спрашивали его мнение насчет других вещей; и он подавал столь мудрые советы, что в краю еще более утвердилась вера в сверхъестественное происхождение его познаний.

Просители приносили обыкновенно какое-нибудь вознаграждение и клали его на камень на некотором расстоянии от домика. Если это были деньги или что другое, чего он не желал принять, он или выбрасывал вон такие дары, или просто оставлял их на месте, не притрагиваясь к ним. Во всех случаях его обхождение и манеры были суровы и необщительны, а речи по возможности кратки и отрывисты; так что он произносил ровно столько слов, сколько было необходимо для выражения его мысли. Когда миновала зима и в садике у него начали поспевать овощи и зелень, он питался ими почти исключительно. Впрочем, он принял в подарок от Эрнсклифа пару коз, которые паслись у него на лужайке и доставляли ему молоко.

Убедившись, что дар его принят, Эрнсклиф вскоре после этого пришел в гости к отшельнику. Старик сидел на широком и плоском камне у двери в свой сад: это было то место, где он заседал обыкновенно, когда принимал посетителей и подавал медицинские и иные советы. Что до внутренности его хижины и самого сада, это были такие священные места, куда никто не имел доступа: вероятно, он считал бы

их оскверненными, если бы туда ступила нога человеческая. Когда он запирался у себя дома, никакими просьбами нельзя было добиться, чтобы он показался или выслушал кого бы то ни было.

Эрнскифф ловил рыбу в речке, протекавшей неподалеку оттуда, и пришел с удочкой в руках, неся за плечами корзину, наполненную форелью. Он сел на камень, лежавший почти против карлика, который настолько успел привыкнуть к присутствию этого гостя, что, заслышав шорох, только приподнял свою громадную косматую голову, с минуту уставился на него, потом опять опустил ее и впал в глубокую думу.

Эрнскифф между тем оглянулся вокруг и заметил, что отшельник успел пристроить к своему жилищу сарайчик или хлев для коз.

– Вы удивительно трудолюбивы, Элши, – молвил он, желая втянуть в беседу этого странного человека.

– Труд, – отозвался карлик, – есть наименьшее из зол, доставшихся в удел человеческому роду. Лучше работать так, как я, чем забавляться так, как вы.

– Да, не могу сказать, чтобы наши обычные деревенские забавы отличались милосердием, Элши, однако...

– Однако, – перебил его карлик, – они все же лучше ваших обычных занятий; лучше прилагать легкомысленную и праздную жестокость к бессловесной рыбе, нежели к себе подобным. Впрочем, отчего же? Пускай все человеческое стадо перебьет друг друга, пускай все передерутся, упыются кро-

вью, уничтожат взаимно всю породу, покуда не останется на свете последний экземпляр... один-единый, рослый и упитанный бегемот... и когда он сожрет останки своих собратьев, обгложет все их косточки, больше нечем будет питаться ему, и он несколько дней станет реветь с голоду, а потом начнет умирать и, наконец, издохнет... Вот был бы конец, достойный всей породы!

– Ваши дела гораздо лучше ваших речей, Элши, – молвил Эрнскиф, – сами вы способствуете сохранению этой породы, о которой отзываетесь с такою ненавистью.

– Так, а зачем я это делаю? Слушайте, вы из тех, на кого я взираю с наименьшим отвращением, а потому, так и быть, потрачу несколько лишних слов, чтобы разрушить ваше ослепление. Раз я не могу причинять заразных болезней в семействах, насылая падеж на их стада, я достигаю тех же разрушительных целей именно тем, что способствую продолжению их жизни. Если бы я допустил Алису Боур умереть прошлой зимой, разве молодой Рутвен был бы убит по весне из-за любви к ней?.. Никто и не думал держать своего скота за крепкой оградой, покуда свирепый грабитель из Уэстбернфлета лежал больной, при смерти... Но как только я вылечил его и поставил на ноги, так ни одного стада не выпускают в поле без сторожей и не ложатся спать, не спустив с цепи злейшего пса!

– Признаюсь, – отвечал Эрнскиф, – вы не очень облагодетельствовали общину тем, что вылечили этого человека.

Но зато вы же помогли моему другу Габби. Он славный малый, этот Габби Эллиот из Хейфута! Зимой он лежал в злой горячке, от которой мог бы умереть, если бы не ваше врачебное искусство.

– Вот как думают в своем невежестве презренные сыны праха, – молвил карлик, злорадно улыбаясь, – и вот как они судят по своему неразумию. Возьмите котенка от дикой кошки и приручите его – какой он будет веселый, какой забавный игрун и какой смирный! Но попробуйте дать ему поиграть с вашей дичью, с вашими ягнятами, цыплятами, и врожденная кровожадность возьмет свое: он набросится, будет царапать, рвать когтями и пожирать.

– Таков его звериный инстинкт, – сказал Эрнсклиф, – но что же тут общего с Габби?

– Это его эмблема, его портрет, – возразил отшельник. – Он теперь смирен, спокоен и приручен, потому что его врожденным склонностям еще не было случая проявиться; но пусть прозвучит боевая труба, пусть только он почует запах крови – и он будет так же свиреп, как любой из его диких предков, беспощадно поджигавших убогие жилища безоружных поселян. Вы не можете отрицать, что и теперь он часто подстрекает вас отплатить кровавой мстостью за обиду, нанесенную вам в детстве!

При этих словах Эрнсклиф невольно вздрогнул, но карлик, как бы не замечая его удивления, продолжал:

– И труба зазвучит, и кровожадный юнец почует кровь, а я

тогда посмеюсь и скажу: вот для чего я позаботился о твоём здоровье! – Он опять помолчал, а потом прибавил: – Значит, вот каково мое лечение; цель моя – увеличивать сумму бедствий и даже в этой пустынной глуши участвовать в общей трагедии. Если бы вы заболели, я бы мог, из жалости, вместо лекарства прислать вам яду.

– Премного вам обязан, Элши, и, в случае чего, не премину обратиться к вам за помощью, особенно после того, как вы меня так приятно обнадежили.

– Советую не слишком льстить себя надеждой, что я так уж непременно поддамся чувству жалости к вам, – сказал карлик. – И в самом деле, к чему избавлять глупца, так отлично приспособленного к перенесению житейских зол, от всех бед, которые сулит ему жизнь, отчасти потому, что он от нее слишком многого ждет, а частью оттого, что люди так подлы? С чего я возьму на себя роль сострадательного индейца, одним ударом томагавка раскраивающего череп пленнику, и тем помешаю моим землякам три дня кряду забавляться его мучениями, тогда как они уж и костер раздули, и клещи накалили, и котлы кипят, и ножи наточены, и сами они жаждут рвать его тело на клочки, жечь каленым железом, обливать кипятком и всячески издеваться над ним?

– Вы изображаете жизнь в ужасных красках, Элши, но это меня не пугает, – отвечал Эрнсклиф. – Мы посланы в мир, с одной стороны, чтобы терпеть и страдать; но с другой – нам дано действовать и наслаждаться. После трудового дня на-

ступает вечерний отдых, и даже в терпеливом перенесении страданий бывает известная доля отрады, если имеешь утешительное сознание исполненного долга.

– Я презираю это рабское и скотское учение! – воскликнул карлик, и глаза его загорелись безумной яростью. – Я ненавижу его, оно достойно лишь бездушных скотов! Но не хочу больше тратить с вами слов!

Он вскочил со скамьи и хотел войти в хижину, но на пороге остановился и, обернувшись, прибавил с величайшим жаром:

– А чтобы вы не думали, что источником моих так называемых благодеяний служит дурацкое и раболепное чувство, именуемое любовью к ближним, знайте, что если бы на свете был человек, который обманул бы сладчайшую надежду моей души, истерзал бы мое сердце в клочки, иссушил бы мой мозг и довел бы его до белого каления, и будь жизнь и судьба этого человека в моей власти, так же как вот эта посуда, – он схватил стоявшую возле него глиняную чашку, – я бы и не подумал расшибить его вдребезги, вот так! – Он со всей силы швырнул ею в стену, и чашка разлетелась на мелкие кусочки. – Нет! – Тут он заговорил тише и спокойнее, но с невыразимой горечью. – Я бы его ублажал, окружил бы его богатством, одарил могуществом, чтобы хорошенько разжечь его дурные страсти, развить его злую волю; я дал бы ему все средства к удовлетворению его пороков и подлых склонностей; он был бы центром непрестанного водоворо-

та, без отдыха кипел бы сам в своей злобе и в то же время имел бы свойство губить каждую утлую ладью, попадающую в его соседство; подобно землетрясению, он потрясал бы саму почву, его несущую, и всех ее обитателей превращал бы в бездомных, безродных и злополучных уродов... как я!

С этими словами несчастный опрометью бросился в хижину, захлопнул за собой дверь и задвинул ее двойным засовом, как бы с тем, чтобы избавиться от вторжения ненавистного человечества, доведшего его душу до такой безумной ярости.

Эрнскифф ушел отсюда со смешанным чувством ужаса и сострадания, раздумывая о том, какие странные и печальные причины могли довести до такого жалкого состояния человека, который, судя по его речам, очевидно, был и по рождению и по образованию гораздо выше простолюдина. Не менее удивляло его и то обстоятельство, каким образом этот отшельник, живший так уединенно и так еще недавно здесь поселившийся, мог узнать столько подробностей касательно образа мыслей, характера и частной жизни своих соседей.

«Что удивительного, – думал Эрнскифф, – что, обладая такими сведениями, живя такой жизнью, обладая такой поразительной внешностью и выражая столько ненависти и презрения к человечеству, этот бедняк прослыл колдуном и люди думают, что он связался с врагом рода человеческого!»

Глава V

*И каменный утес в глуши уединенной
Невольно чувствует дыхание весны;
Апрельская роса и солнца луч приветный
В поблекший горный мох вливают жизнь и свет.
Так точно и в душе, не ведавшей отрады,
Внезапно дрогнет жизнь при виде женских слез;
И долю мрачную, в борьбе с судьбой суровой,
Улыбка женская весельем озарит.*

Бомонт^[20]

По мере того как весна подвигалась вперед, погода становилась теплее и отшельник все чаще выходил посидеть на широком камне у дверей своего жилища. Однажды около полудня, когда он сидел таким образом, на некотором расстоянии от его хижины пронеслась целая толпа дам и джентльменов верхом на борзых конях, в сопровождении множества слуг. Собаки, соколы, запасные лошади дополняли их штат, и воздух по временам оглашался криками охотников и звуками охотничьих рогов. При виде этого веселого сборища отшельник встал с намерением уйти в хижину, но в эту самую минуту перед ним внезапно очутились три молодые девушки со своей прислугой: они, очевидно, отделились от остального общества и подъехали с другой стороны, потому что им показалось любопытно посмотреть вблизи на мудреца Мекл-

стон-мура. Завидев его, одна из них вскрикнула и закрыла лицо руками, как будто не ожидала возможности подобного уродства. Другая, стараясь скрыть свой ужас и посмеиваясь истерически, спросила карлика, не согласится ли он предсказать им их судьбу. Третья, которая была гораздо лучше одета, несравненно красивее остальных, да и лошадь под ней была породистее, выехала вперед, как бы желая поправить неделикатную выходку своих подруг.

– Мы сбились с дороги через болото и отстали от наших спутников, – сказала эта девушка, – но, увидев, что вы сидите у дверей вашего дома, дедушка, мы подъехали спросить...

– Перестаньте! – перебил ее карлик. – Как вы молоды и какая уже мастерица лгать! Вы сами знаете, зачем вы сюда заехали: затем, чтобы противопоставить свою молодость, богатство и красоту моей старости, бедности и безобразию и насладиться этим. Занятие, вполне достойное дочери вашего отца, но – ах! – как оно не пристало дочери вашей матери!

– Стало быть, вы знаете моих родителей и знаете, кто я?

– Знаю. В первый раз вижу вас наяву, но часто видел во сне.

– Во сне?

– Да, Изабелла Вэр, только во сне. Что же может быть общего между тобой или твоим семейством и моими мыслями наяву?

– Ваши мысли наяву, сэр, – подхватила одна из подруг Изабеллы Вэр с напускной важностью, – вероятно, заняты

какой-нибудь премудростью, а глупости могут посещать вас только во сне.

– А вот твоими мыслями глупость владеет всецело и во сне и наяву! – возразил карлик с запальчивостью, которой трудно было ожидать от философа и отшельника.

– Господи помилуй, – воскликнула веселая девица, – должно быть, он и в самом деле всеведущий пророк!

– Это так же верно, как то, что ты женщина, – продолжал отшельник, – женщина... то есть барышня, модная барышня. Вы просили погадать, какая будет ваша судьба? Это очень легко предсказать: всю жизнь вы будете гоняться за вздором, которого не стоит ловить, и каждый раз, как поймаете, бросите. От первого младенчества до глубокой старости будет все то же: в детстве – игрушки и веселье, в молодости – любовь со всеми ее дурачествами, в старости – вист или бостон, иных интересов у вас не будет... Цветы и бабочки весной, бабочки и чертополох летом, блеклые листья осенью и зимой. Все в свое время, за всем поочередно будете гоняться, ловить и бросать. Отойдите прочь – ваша судьба предсказана!

– Стало быть, не только гоняться, но и ловить! – со смехом повторила шалунья, пришедшаяся кузиной Изабелле Вэр. – Слышишь, Нэнси, – продолжала она, обращаясь к трусихе, прежде всех увидавшей карлика, – это все-таки что-нибудь да значит. А ты будешь пытаться свою судьбу?

– Ни за что на свете, – сказала та, пятясь назад, – с меня

довольно и того, что я слышала о тебе.

– Ну так я заплачу ему за предсказание, – сказала мисс Илдертон, подавая карлику деньги, – ведь принцессы всегда награждали прорицателей.

– Правды нельзя ни купить, ни продать, – молвил предсказатель, с суровым презрением отстраняя предлагаемую награду.

– Хорошо, – сказала молодая девушка, – эти деньги я приберегу, мистер Элшендер, они мне пригодятся для той гонки, в которой я буду проводить жизнь.

– Еще бы негодились, – сказал циник, – без них немногие добиваются успеха, да и за вами при деньгах охотнее будут гоняться... Постой, – обратился он к Изабелле Вэр, между тем как ее подруги отъезжали прочь, – с тобой я еще поговорю. У тебя есть все, к чему стремятся твои спутницы, все, чем они желали бы блистать: красота, богатство, положение, таланты...

– Простите, что я последую за моими подругами, дедушка. Уверяю вас, что лесть мне неприятна, а гадать о своей судьбе я не желаю.

– погоди, – продолжал карлик, ухватив ее лошадь под уздцы, – я не простой гадальщик и не льстец. Все упомянутые блага, все – и каждое из них – сопровождаются соответственными бедствиями: несчастная любовь, помехи в привязанностях, мрачная келья монастыря или ненавистный брак... Я, желающий зла всему роду человеческому, не нахожу, че-

го бы еще пожелать тебе, так твоя жизнь и без того полна несчастьями!

– Коли так, дедушка, дайте же мне наилучшее утешение в горе, пока еще в моей власти делать добро. Вы старый человек, вы бедны; если вас постигнет болезнь или нужда, вы слишком далеко живете от людской помощи; ваше положение таково, что возбуждает подозрительность простого народа, а он часто способен на самые грубые выходки. Дайте мне случай думать, что я могла бы облегчить судьбу хоть одного человеческого существа. Примите пособие, какое я могу дать вам, сделайте это ради меня, если не хотите для себя; я тогда, если действительно со мной случатся все те несчастья, которые вы предсказывали, – они очень вероятны! – буду, по крайней мере, знать, что не даром прошли мои лучшие годы.

Старик произнес прерывающимся голосом и как бы не обращаясь к своей собеседнице:

– Да, именно так должна ты думать... так должна говорить, если человеческие речи и мысли могут передаваться другому существу... Но нет! Это не то, не то... не может быть! Однако подожди здесь, не уезжай, пока я не ворочусь.

Он вошел в свой садик и принес оттуда полурасцветшую розу.

– Ты заставила меня прослезиться, а этого со мной не случилось уже многие годы! За такое доброе дело прими от меня этот знак моей признательности. Это самая обыкновен-

ная роза, но ты береги ее, не бросай. Когда настанет для тебя черный день, приходи ко мне: покажи мне эту розу или хоть один лепесток от нее, хотя бы он успел высохнуть так же, как мое сердце, и хотя бы ты застала меня в припадке злейшей ярости против ненавистного мне света. Этот цветок навевает на мою душу лучшие мысли и, может быть, внесет в твою жизнь лучшую долю. Но никого не посылай ко мне! – воскликнул он вдруг, по обыкновению переходя в неожиданный порыв гнева. – Не нужно мне посланцев! Приходи сама, и то сердце и те двери, которые заперты от всех остальных существ, откроются для тебя и для твоих печалей. А теперь ступай!

Он выпустил поводья, и молодая девушка, поблагодарив его насколько сумела, уехала от этого странного человека, дивясь его загадочным речам. Она несколько раз оборачивалась и смотрела на карлика, а он все стоял у своей двери, глядя ей вслед, пока она ехала через болото, направляясь в замок Эллисло, поместье своего отца. Наконец она скрылась за холмом вместе со своими спутницами.

Девушки между тем смеялись и шутили с мисс Вэр над своим визитом к знаменитому знахарю и мудрецу Меклстон-мура.

– Изабелле постоянное счастье во всем, – говорила одна, – ее сокол заклевал самого крупного глухаря, ее глаза привлекают лучших кавалеров, в ее присутствии нам, бедным, нет никаких шансов на успехи в свете, даже колдун и

тот не устоял перед ее прелестями! Милая Изабелла, будьте великодушны, оставьте что-нибудь и на нашу долю или откройте лавочку и назначьте распродажу того, что вам самим не нужно.

– Сделайте одолжение, возьмите хоть все, – отвечала мисс Вэр, – и колдуна в придачу, – я вам дешево уступлю.

– Нет, колдуна следует уступить Нэнси, – сказала мисс Илдертон. – Для равновесия... знаете, она сама не мастерица очаровывать.

– Господи! – воскликнула младшая мисс Илдертон. – Что же я буду делать с таким чудищем, сестра? Я только раз на него взглянула и то зажмурилась. И, вообразите, хотя все время оставалась с закрытыми глазами, мне все казалось, что я его вижу.

– Жалко, – отозвалась ее старшая сестра. – Хорошо сделаешь, Нэнси, если при выборе поклонника нападешь на такого, недостатки которого не будут заметны, как только закроешь глаза. Ну что же, если тебе не нужно, я возьму его себе и поставлю в мамашину японскую шифоньерку. Надо же показать добрым людям, что Шотландия способна создавать из местного материала нечто в десять тысяч раз более безобразное, нежели могут выдумать фарфоровые фабриканты Пекина и Кантона, а уж они, кажется, довольно знамениты по части изобретения уродов!

– Положение этого бедняка до того печально, – сказала мисс Вэр, – что я не могу, как обыкновенно, смеяться вашим

шуткам, Люси. Если у него нет средств к жизни, как он будет существовать среди этого пустыря, так далеко от человеческих жилищ? А если он обладает хоть маленькими средствами, слух об этом может распространиться по соседству, тут водятся люди очень неблагонадежные, и его легко могут ограбить и убить!

– Но вы забываете, что он слышет знахарем и колдуном, – сказала Нэнси Илдертон.

– И если бы нечистая сила перестала помогать ему, – подхватила ее сестра, – он мог бы обойтись своими природными средствами: стоит ему высунуть в окно или показать в дверях свою громадную голову и сверхъестественную физиономию, и вряд ли найдется такой храбрый разбойник, чтобы выдержать это зрелище. Хотелось бы мне на полчаса иметь в своем распоряжении такое страшилище!

– Это для чего же, Люси? – спросила мисс Вэр.

– О, для того чтобы спугнуть и выжить из замка этого мрачного, чопорного, чинного сэра Фредерика Лэнгли, которого так необыкновенно любит ваш отец, а вы совсем не любите. Я готова на всю жизнь сохранить признательное чувство к колдуну за то, что мы отстали от нашей компании ради знакомства с ним и хоть на полчаса избавились от общества сэра Фредерика.

– А что бы вы сказали, – молвила мисс Вэр вполголоса, так чтобы младшая мисс Илдертон не расслышала ее слов (тропинка была так узка, что они не могли ехать все три ря-

дом), – что бы вы сказали, моя милая Люси, если бы вам предложили на всю жизнь не разлучаться с ним?

– Что бы я сказала? Конечно, нет, нет и нет, три раза кряду, и раз от разу все громче, так чтобы под конец меня слышно было в Карлайле.

– А сэр Фредерик сказал бы на это, что девятнадцать отрицаний равняются полусогласию.

– Ну, – возразила мисс Люси, – это зависит от того, каким тоном произнести «нет». Если бы мне пришлось это сделать, могу ручаться, что никаких признаков согласия никто бы не выследил в моем голосе.

– А если бы ваш отец, – продолжала мисс Вэр, – объявил вам: выходи за него, не то...

– Я бы предпочла всякое другое условие, будь он хоть самый жестокий из отцов, изображаемых в романах.

– А что, если бы он пригрозил отослать вас к тетке католичке, игуменье, которая засадила бы вас в монастырскую келью?

– А я бы ему пригрозила зятем протестантом, – отвечала мисс Илдертон, – и с радостью воспользовалась бы случаем оказать ему неповиновение, сославшись на вопросы совести. Нэнси нас не услышит, а потому позвольте вам откровенно выразить мое мнение: по-моему, и перед Богом, и перед людьми вы будете кругом правы, если всеми мерами воспротивитесь такому нелепому браку. Это человек гордый, надменный, мрачный, честолюбивый, бунтовщик про-

тив государственного порядка, знаменитый своей скаредностью и строгостью, дурной сын, дурной брат, злой обидчик всех родственников. Знаете, Изабелла, я бы лучше повесилась, чем вышла за него замуж.

– Смотрите, когда-нибудь не проговоритесь при моем отце, – сказала мисс Вэр. – Если бы он знал, что вы подаете мне такие советы, милая Люси, вам пришлось бы навек проститься с замком Эллисло.

– Вот уж простилась бы от всего сердца, – воскликнула ее подруга, – если бы только знала, что и вы оттуда ушли и приютились под покровительство человека, который был бы к вам добрее вашего естественного покровителя! О, если бы мой бедный отец был здоров по-прежнему, с какой радостью он приютил бы вас, пока не кончится это глупейшее и жестокое сватовство!

– Дай бог, чтобы это было так, милая Люси, – отвечала Изабелла, – но опасаясь, что при слабом здоровье вашего батюшки он теперь был бы не в состоянии защитить несчастную беглянку, а за мной, конечно, тотчас же прискакала бы погоня.

– Да, это очень вероятно, – сказала мисс Илдертон, – но мы еще подумаем, нельзя ли будет как-нибудь это устроить. В настоящее время ваш отец и его гости так заняты таинственными переговорами, столько они рассылают гонцов, получают писем, так часто появляются и опять исчезают какие-то новые лица, которых с нами не знакомят, а во всех

углах между тем происходит какая-то возня, собирают и чистят оружие, и все до одного мужчины в замке ходят такие озабоченные и мрачные, что, если бы дело дошло до крайности, и мы, со своей стороны, могли бы учинить свой маленький заговор. А вась джентльмены забрали себе не всю дипломатическую мудрость; а впрочем, есть один человек, которого бы я охотно призвала на совет в нашем деле.

– Это Нэнси?

– О нет! – сказала мисс Илдертон. – Нэнси – славная девочка, предобрая и к вам искренне привязана, но из нее вышла бы плохая заговорщица, вроде Ринальдо и прочих второстепенных лиц в поэме «Спасенная Венеция»^[21]. А тот, о ком я говорю, похож скорее на Джифара или на Пьетро, если этот герой вам больше нравится. И хотя я знаю, что угодила бы вам, а все-таки боюсь произнести его имя, чтобы в то же время не досадить. Неужели вы не догадываетесь? В этом имени есть и орел, и утес... только не на английском языке, а на шотландском⁴.

– Не может быть, чтобы вы намекали на Эрнсклифа, Люси! – сказала мисс Вэр, покраснев.

– А то на кого же еще? – возразила Люси. – Джифаров и Пьетро, я полагаю, немного водится в нашей стороне, а Ринальдо и Бедамаров – сколько угодно.

– Как можно болтать такие пустяки, Люси? Романы и комедии положительно вскружили вам голову. Разве вы не зна-

⁴ Эрнсклиф – в буквальном переводе: «Орлиный утес».

ете, что никогда я не выйду замуж без согласия моего отца, а в том случае, о котором вы упоминаете, о таком согласии не может быть и речи; кроме того, мы ровно ничего не знаем о намерениях самого молодого Эрнсклифа, помимо того, что вы себе воображаете, и притом вам известна роковая история фамильной распри!

– Это когда убили его отца? – сказала Люси. – Но ведь это случилось так давно! Надеюсь, что для нас миновали времена кровавых наследственных ссор, когда мщение передавалось из рода в род и два семейства враждовали без конца – как испанцы в шахматы играют – и в каждом поколении повторялись одно или два убийства, чтобы распря как-нибудь не позабылась. Нынче мы поступаем со своими распрями так же, как с платьями: сами их выкраиваем, сами изнашиваем и столь же мало помышляем о наследственном мщении, как и о том, чтобы донашивать старые камзолы и штаны наших предков.

– Вы слишком легко относитесь к этим вопросам, Люси, – заметила мисс Вэр.

– Нисколько, милая Изабелла, – отвечала Люси. – Подумайте, хотя ваш отец и присутствовал при этой несчастной стычке, но никто не думает обвинять его в нанесении смертельного удара; к тому же, в старину, когда дрались между собой целые кланы, брачные союзы между ними не только не считались невозможностью, но часто бывало, что залогом примирения служила именно рука сестры или дочери

начальника. Вот вы смеетесь над моим пристрастием к романам, а я могу вас уверить, что, если написать вашу историю, как были описаны судьбы многих героинь, гораздо менее вас того достойных и находившихся в менее бедственных обстоятельствах, благомыслящий читатель непременно заключил бы, что вы-то и есть предмет любви Эрнскифа, именно по той причине, которую вы считаете непреодолимым препятствием.

– Но мы живем не в романе, а в печальной действительности, ибо вот и замок Эллисло.

– А вон и сэра Фредерик Лэнгли стоит у ворот, намереваясь помогать дамам слезать с лошадей. Но, на мой вкус, приятнее дотронуться до лягушки, чем до него; погодите, я обману его ожидание и обращусь за этой услугой к вашему старому конюху, Хорсингтону.

С этими словами шалунья тронула свою лошадь хлыстом, проскакала мимо сэра Фредерика, собиравшегося подхватить ее коня под уздцы, и, мимоходом бесцеремонно кивнув ему головой, спрыгнула в объятия старого грума. Изабелла охотно последовала бы ее примеру, если бы смела; но отец ее стоял тут же, мрачное неудовольствие уже проглядывало на его лице, самой природой приспособленном к выражению грубых и суровых ощущений. Она не решилась прогневить его еще более и поневоле подчинилась постылым любезностям своего ненавистного поклонника.

Глава VI

*– Пусть же нас, ночных шатунов, не зовут
дневными грабителями; пускай лучше величают
нас стражами Дианы, рыцарями тени, любимцами
луны...*

Шекспир. «Король Генрих IV»

После посещения молодых девушек отшельник провел остальной день в стенах своего садика. Под вечер он снова вышел посидеть на своем любимом камне. Багровое солнце садилось среди клубившихся облаков, обдавало пустырь зловещими лучами и окрашивало темно-пурпурным цветом широкую линию покрытых вереском гор, окаймлявших эту печальную местность. Карлик сидел, устремив взоры на тучи, тяжелыми грядами собиравшиеся на горизонте, и когда яркий луч солнца, прорвавшийся сквозь них, озарил красным светом его одинокую и безобразную фигуру, легко было принять его за демона собиравшейся бури или за гнома, вызванного из недр земли, чтобы возвестить близкую грозу. Пока он сидел таким образом, глядя на хмурое и почерневшее небо, на пустынном поле показался мчавшийся всадник и, поравнявшись с ним, остановил коня, как бы с тем, чтобы дать ему передохнуть, а сам поклонился отшельнику со смешанным выражением нахальства и смущения.

Всадник был высокого роста, худощав и строен, но кост-

лявая фигура его изобличала атлетическое телосложение; видно было, что он провел всю жизнь в сильных физических упражнениях, которые, мешая развитию толщины, укрепляют мышцы и способствуют увеличению телесной силы. Его лицо, с резкими чертами, загорелое, покрытое веснушками, носило отпечаток бурных страстей, бесстыдства и хитрости, попеременно преобладавших на нем. Волосы песочного цвета и рыжеватые брови, из-под которых выглядывали острые серые глаза, довершали неприглядную наружность этого человека. У его седла торчали пистолеты и еще пара засунута была за поясом, но эти он старался прикрыть камзолом, застегнутым на все пуговицы. На нем был заржавленный стальной шлем, кожаная куртка или, скорее, старинная накидка, перчатки, из которых одна, правая, была покрыта мелкими железными чешуйками вроде древних рыцарских поручней, а сбоку болтался длинный палаш.

– Ну вот, – молвил карлик, – значит, разбой и грабеж опять на коне?

– На коне? – повторил разбойник. – Да-да, Элши, кабы не ваше лекарское умение, не сидеть бы мне больше на моем добром скакуне.

– А что же твои клятвы исправиться, обещание переменить жизнь, данные во время болезни? Небось уж и забыл их? – продолжал Элшендер.

– Э-э, все в трубу выскочило вместе с декоктами и припарками, – отвечал беззастенчивый пациент, – сами знаете,

Элши, потому что ведь вы с ним, говорят, запанибрата.

Как черт захворал, так монахом стал,

А как выздоровел черт, так клобук и за борт.

– Правда! – молвил отшельник. – Как волка не отучить искать кровавой добычи и ворона не отвадить от падали, так и тебя не исправишь от твоих проклятых наклонностей!

– Что же прикажете делать, я с этим родился, такова моя натура. Знаете ли вы, что уж целых десять поколений все ребята из Уэстбернфлета были воры и разбойники? Все были пьяницы, все любили жить широко, за малейшую обиду отплачивали сторицей и ни у кого не просили жалованья!

– И отлично, – молвил карлик, – значит, и ты настоящий волк, не хуже тех, что лезят по ночам в овчарню. На какое же бесовское дело ты сегодня собрался?

– Коли вы колдун, то сами отгадайте.

– Я и так знаю, – сказал карлик, – что задумал ты пакость, сделаешь еще худшую пакость, а последствия будут и того хуже.

– А ведь за это вы меня и жалуете, дядя Элши? – сказал Уэстбернфлет. – Правда ведь? Вы всегда говорили, что это во мне и нравится вам.

– Мне всегда нравятся те, кто служит бичом для себе подобных, – отвечал отшельник, – а ты не только бич, но еще и кровь проливаешь.

– Нет, в этом неповинен, крови не проливаю, иначе как в случае сопротивления; ну, тут уж, сами знаете, поневоле ошестинишься. Да, впрочем, беда невелика, коли, например, отсечь гребешок какому-нибудь петушку, который вздумает чересчур громко петь и хорохориться.

– Как, например, Эрнсклиф? – сказал отшельник с некоторым волнением.

– Нет, на этот раз еще не Эрнсклиф, его очередь впереди. А я и до него доберусь, если он не уберется подобру-поздорову назад, в город... Ему самое место жить в городах! Чего он бродит тут да стреляет последнюю дичь, какая осталась у нас в краю?.. Да еще берется за прокурорскую должность и отписывает разным знатным особам в Эдинбург, что у нас в стране неспокойно! Нет, ему надо посоветовать, чтобы не совался не в свое дело.

– Так, может быть, ты надумал сегодня идти на Габби Эллиотта, в Хейфут? – сказал Элши. – Чем этот паренек провинился перед тобой?

– Не то чтобы особенно провинился, но я слышал, что он рассказывает, будто оттого меня не было на играх на масленнице, что я побоялся его, а я оттого не пришел, чтобы не попасться на глаза объездному смотрителю, потому что в ту пору вышел приказ задержать меня и представить в тюрьму. А что до Габби, так я его ни крошечки не боюсь и готов постоять хоть против всего его клана. Но это пустяки, а я хочу хорошенько его проучить, чтобы зря не чесал язык

и не болтал бы о людях почище себя. Авось к завтрашнему утру выдерну ему самое заветное перышко из крыла... До свиданья, Элши! Там, под горой, поджидают меня кое-какие молодцы... На обратном пути опять заеду к вам и расскажу препотешную историю в благодарность за ваше лечение.

Прежде чем карлик успел собраться с мыслями для ответа, уэстбернфлетский разбойник вонзил шпоры в бока своей лошади. Испуганное животное, искоса поглядывая на один из камней, рассеянных вокруг, бросилось прочь с торной дороги. Но ездок шпорил его без всякого милосердия. Конь взвился на дыбы, метался, прыгал, как олень, вскидывал всеми четырьмя ногами, но напрасно: безжалостный всадник сидел так крепко, как будто составлял с ним одно нераздельное целое; словом, отчаянное сопротивление коня было непродолжительно, и ездок все-таки заставил его ехать по дороге, и притом с такой быстротой, что вскоре оба скрылись из вида.

– Вот негодяй! – воскликнул ему вслед карлик. – Хладнокровный, закоренелый, неумолимый злодей, и этот мерзавец, каждое помышление которого пропитано преступлениями, одарен такими нервами и мускулами, настолько ловок и силен, что может принудить благородное животное везти себя туда, где он намерен совершать свои пакости, а я... Будь я настолько малодушен, что пожелал бы предупредить его жертву об угрожающей ей опасности, спасти от гибели целую семью, я не мог бы этого сделать: все мои хорошие наме-

рения должны разбиться о неодолимую преграду моей собственной немощи! Она приковывает меня к месту!.. Впрочем, к чему желать, чтобы это было иначе? Что за дело мне, с моим скрипучим совиным голосом, с моей безобразной фигурой и страшным лицом, что мне за дело до баловней природы? Разве я не знаю, что даже мои благодеяния принимаются с невольным ужасом и плохо скрываемым отвращением? С чего мне заботиться о племени, которое считает меня диковинным выродком, отверженным и сообразно этому поступает со мной?.. Нет, клянусь всей неблагодарностью, испытанной мной в жизни, всеми оскорблениями и несчастьями, какие я перенес, клянусь моей тюрьмой, моими узами и оковами: я не дам себе поддаваться одолевающим меня чувствам сострадания! Что за вздор, в самом деле, изменять моим правилам всякий раз, как людям вздумается вызывать к моей чувствительности! Раз никто мне не выказывает сочувствия – и я не обязан никому сочувствовать. Пусть же судьба гонит свою тяжкую колесницу, вооруженную смертоносными остриями, через трепещущую толпу поверженного ниц человечества! Неужели я буду такой глупец, что брошу и свое безобразное, старческое тело под ее колеса, чтобы этот карлик, это чудовище, этот горбун защитил своей персоной и спас от гибели какую-нибудь красивую женщину или статного молодца, а свет стал бы рукоплескать и кричать, что так и следовало? Нет, никогда!.. А между тем этот Эллиот... этот Габби... такой молодой, такой прямодушный, добрый...

Нет, не буду больше думать об этом. Ведь я не в силах помочь ему, если бы и захотел. А я решил... да, твердо решил, что и не стал бы помогать, хотя бы для этого стоило только пожелать, и он бы спасся. – С этими словами он встал и ушел в свою хижину.

Пора было искать защиты от быстро надвигавшейся бури: начинали падать крупные капли дождя, последние лучи солнца потухли окончательно, и вдали, в горах и лощинах, раза два или три прокатились раскаты грома, точно отголоски отдаленной битвы.

Глава VII

*Горделивая птица, собью тебе спесь!
Воротившись домой, что застанешь ты там?
Обгорелую землю на месте жилища,
Да услышишь тоскливый, среди пустыря,
Обезумевшей матки пронзительный крик;
Ищет корма она для голодных птенцов.*

Кэмпбелл^[22]

Ночь была мрачная и бурная, но утро настало ясное, как бы освеженное проливным дождем. Даже Меклстон-мур, с его широким простором оголенных холмов и болотистых участков стоячей воды, словно улыбался навстречу сияющей синеве небес, подобно тому как радостное расположение духа придает иногда невыразимую прелесть самому некрасивому человеческому лицу. Вересковые заросли достигли полного развития своей густоты и обильного цветения. Пчелы, которыми отшельник в недавнее время пополнил свое хозяйственное обзаведение, предавались хлопотливой деятельности, и в воздухе гудело их приятное жужжанье. Когда старик вышел из хижины, обе его козы подошли и стали лизать ему руки в благодарность за зеленый корм, который он приносил им из своего садика.

– По крайней мере, хоть вы, – сказал он, – не разбираете

различий в наружности человека, и ваша признательность не меняется оттого, что вам благодетельствует урод. Пожалуй, вы остались бы равнодушны, а может быть, испугались, если бы вместо безобразного старика, к которому вы привыкли, появился перед вами красивейший человек, стройный, как изящная статуя... Пока я жил в мире, видал ли я когда изъятие такой искренней благодарности? Нет, слуги, выросшие у меня в доме, гримасничали, стоя за моим креслом; товарищ, с которым я делил свое богатство и ради которого даже запяtnал... – Он оборвал свою речь, и судорожный трепет пробежал по его членам. – Даже он счел, что меня приличнее держать в доме умалишенных, подвергать тем же позорным притеснениям, тем же жестоким лишениям, лишь бы не допускать в общество остальных людей. Один Губерт... но придет время, когда и Губерт от меня отступится... Все на один покрой... все погрязли в пороках, в эгоизме, в неблагодарности... все негодяи... грешат, даже когда Богу молятся. Они до того зачерствели, что даже не умеют от души поблагодарить Бога за чистый воздух и жаркое солнце!

Бормоча такие мрачные фразы, он услышал по ту сторону своей ограды лошадиный топот и басистый мужской голос, который звонко и оживленно распевал самым веселым тоном:

Габби Эллиот, Габби милый мой,
На край света я убегу с тобой!

В ту же минуту большая гончая собака перепрыгнула через стенку. Всем охотникам тамошних диких пустынь давно известно, что общий вид и запах козы до такой степени похож на ту дичь, которую они обыкновенно выслеживают, что даже собаки, наилучшим образом дрессированные, по ошибке часто бросаются на коз. Так и эта гончая мигом напала на одну из коз, принадлежавших отшельнику, и задушила ее; а Габби Эллиот, подъехавший следом, соскочил с лошади и, невзирая на все усилия, не мог освободить невинную тварь от клыков своей собаки. Карлик несколько секунд смотрел на судорожные вздрагивания своей издыхающей любимицы, покуда бедная коза не вытянулась в предсмертной агонии. Тогда на него нашел припадок безумной ярости; он выхватил из-под полы своего кафтана длинный, острый нож или что-то вроде кинжала и хотел швырнуть им в собаку; но Габби, угадав его намерение, бросился вперед и, крепко удержав его за руку, воскликнул:

— Ну, оставь ее, оставь собаку! Нет-нет, хоть и надо ее проучить, а только другим манером!

Бешенство карлика обратилось против молодого фермера: внезапным движением он вырвал у него свою руку с такой силой, которой Габби никак не ожидал от него, и направил кинжал к его груди. Все это совершилось в одно мгновение, и обезумевший карлик имел полную возможность завершить свое мщение, вонзив нож в сердце Эллиота; но вдруг в нем

самом произошло нечто такое, что заставило его воздержаться от удара и откинуть кинжал далеко в сторону.

– Нет! – воскликнул он, сам себя лишив таким образом средства к удовлетворению своей ярости. – Это больше не повторится... не повторится!

Габби отступил шага на два, и лицо его выразило удивление и некоторое брезгливое неудовольствие оттого, что он подвергался такой серьезной опасности со стороны существа, с его точки зрения презренного.

– Черт его дери, какой сильный да злощий, – проворчал Габби и вслед за тем стал извиняться в том происшествии, которое породило их ссору. – Я ведь не говорю, что моя собака совсем не виновата, и, право же, не меньше вашего сожалею, что вышел такой случай; и вот что, Элши, мы поправим это дело тем, что я вам пришлю еще пару коз да двух ярочек в придачу. Вы человек разумный и потому, верно, не станете сердиться на бессловесную тварь; ведь коза-то приходится сродни оленю, стало быть, моя собака поступила согласно своей природе. Будь тут вместо козы любимая овечка, тогда другое дело, я бы и говорить не стал. А вы напрасно не держите овец, Элши, как же можно убереечь коз в таком месте, где то и дело пробегают охотничьи борзые и гончие... Ну, да я вам пришлю и коз и овец!

– Негодяй, – сказал отшельник, – твоя жестокая забава причиной, что погибло одно из двух существ, которые одни во всем мире смотрели на меня с любовью!

– Господи, Элши, – сказал Габби, – мне очень горько, что вам приходится так говорить, но, право, я тут ни при чем... хотя, правда, что мне бы следовало помнить про ваших коз и заранее придержать собак на привязи. Мне бы легче было, кабы они затравили лучшего барана из моего стада. Ну, полно, позабудьте и простите! Мне досадно не меньше вашего... Но я, видите ли, женюсь на этих днях, так немудрено, что все остальное вылетело у меня из головы. А свадебный обед или, по крайней мере, изрядную часть провизии для него мои братья везут на санях окольным путем, через Верховую тропинку! Трех добрых оленей везут, «таких не видно с давних пор среди родимых наших гор», как говорится в песне. Потому и везут окольным путем, что низовыми дорогами слишком вязко, не провезешь... Я бы вам прислал кусок дичины, да вы, может быть, побрезгуете принять, потому что вот этот самый пес и затравил всех трех оленей.

Покуда добродушный охотник произносил эту длинную речь, стараясь всеми мерами успокоить и задобрить карлика, тот сидел, уставившись глазами в землю, погруженный в глубокое раздумье; но тут он вдруг поднял голову и заговорил:

– Согласно природе?.. Да, и в самом деле таков обычный ход событий в природе. Сильный хватает и душит слабого, богатый притесняет и обирает бедного, счастливый... то есть тот, кто по своей глупости считает себя счастливым, издевается над печалью и отнимает последнюю отраду у несчастного. Ступай прочь, ты, принесший еще одно лишнее горе зло-

получнейшему из людей... Ты лишил меня того, что я считал почти источником утешения. Ступай прочь и наслались тем счастьем, что ждет тебя дома!

– Постоите-ка, – сказал Габби, – я бы как-нибудь прихватил вас с собой, коли вы скажете, что вам было бы интересно побывать у нас на свадьбе в понедельник. Одних верховых Эллиотов будет до ста человек! Ничего подобного у нас не бывало со времен старого Мартина из Прекин-тауэра... Я, пожалуй, пришлю за вами санки, запряженные добрым пони...

– Это мне ты предлагаешь опять вмешиваться в толпу простых смертных? – сказал отшельник с отвращением.

– Не очень-то простых! – возразил Габби. – Мы, Эллиоты, хорошего, старинного рода.

– Прочь! Убирайся! – повторил карлик. – И пусть на тебя обрушится такая же печаль, какую ты мне причинил! Меня ты с собой не прихватишь, но не уйдешь от моих приспешников, Злобы и Горя. Они побывали у твоего порога, и посмотри, что они тебе приготовили!

– Ну вот, зачем же так говорить, – сказал Габби. – И то правда, Элши, что никто вас не считает добряком; однако вот что я вам скажу: вы сейчас пожелали, и даже прямо накликали беду на меня и на моих домашних, так если, боже сохрани, стрясется какая-нибудь напасть над Грейс, или надо мной, или хотя бы что случится с этой бедной бессловесной тварью, если будет нам телесное повреждение, увечья

или убытки, я уж буду знать, кому я этим обязан, и небось не позабуду!

– Прочь отсюда! – воскликнул карлик. – Ступай домой! Поезжай к своему жилью и припомни меня, когда увидишь, что там случилось!

– Ладно-ладно, поеду, – молвил Габби, влезая на лошадь. – С этими калеками никогда не столкнешься: знай себе злятся целый век. Только и вы знайте, соседюшка, что если с Грейс Армстронг не все благополучно, я вас в смоле сожгу; хотя бы пришлось все пять приходов обыскать, уж я отыщу бочку с дегтем!

С этими словами он уехал. Элши посмотрел ему вслед, усмехнулся гневно и презрительно, потом взял кирку и лопату и пошел рыть могилу для своей умершей любимицы.

Это печальное занятие было прервано тихим свистом и сдержанным возгласом:

– Эй... Элши... эй!

Карлик поднял голову и увидел уэстбернфлетского разбойника. Подобно убийце Банко^[23], его лицо было в крови, а шпоры и бока его взмыленной лошади тоже были измараны кровью.

– Ну что, негодяй, – спросил карлик, – обделал свои дела?

– Еще бы не обделал! Все обошлось как не надо лучше, – отвечал злодей. – Уж когда я выехал со двора, моим недругам несдобровать. В Хейфуте сегодня света было много, а радости мало. Теперь там чисто, просторно, и небось все еще

воют и плачут по красавице невесте.

– По невесте?

– Как же! Чарли Висельник, как мы его прозвали, то есть Чарли Фостер, из Тиннингбека, обещал подержать ее в Камберленде, покуда суматоха не уляжется. Она видела меня и узнала, потому что маска на минуту свалилась у меня с лица; я сообразил тогда, что для меня может выйти очень опасная штука, в случае если эта девушка когда-нибудь снова попадет сюда. Этих Эллиотов у нас в краю тьма-тьмущая, и все друг за друга горой стоят. Так вот я и приехал к вам, чтобы посоветоваться, как бы от нее отделаться попрочнее.

– Стало быть, думаешь ее убить?

– Гм... нет! Нет, я бы охотно избежал этого, если можно. Но я слышал, что если умненько пробраться в один из портовых городов, то там можно сбывать такой товар на продажу на заморские плантации, а за хорошеньких девушек даже и очень хорошую цену дают. Там, за морем, вишь, больно нуждаются в этом бабье, а у нас его и так довольно. Но для этой девочки я хочу устроить что-нибудь получше. Есть тут одна барышня, которую на днях насильно ушлиют за границу, если только она не перестанет упрячиться и не станет покорным дитяткой; вот я и думаю приставить к ней Грейс вместо горничной, – она славная девочка. И веселое же времечко переживет Габби, когда воротится домой и увидит, что ни невесты, ни добра больше нет!

– А тебе не жалко его? – сказал отшельник.

– А как вы думаете, пожалел бы он меня, кабы видел, как я поднимаюсь на Замковый холм в Джеддарте?⁵ Вот девочку мне немножко жалко, а он другую найдет, ему и горя мало: что одна, что другая, не все ли равно?.. Ну-ка, вы такой охотник до молодецких потех, слышали ли вы когда о чем-нибудь лучше нашей сегодняшней проделки?

– И воздух, и океан, и пламя, – произнес карлик, рассуждая сам с собой, – землетрясение, бури, огнедышащие вулканы – ничто в сравнении с человеческой злобой. И что такое этот человек, как не существо, изошренное в искусстве достигать своих целей?.. Слушай, подлец: съезди опять туда же, куда я тебя посылал в прошлый раз.

– Это к управляющему?

– Ну да, и скажи ему, что Элшендер-отшельник приказал выдать тебе золота. Но слушай: пусть девушка будет отпущена на свободу и без всякой обиды; возврати ее родственникам, только возьми с нее клятву не выдавать тебя.

– Клятву? – сказал Уэстбернфлет. – А что, если она не сдержит слова? Женщины не очень благонадежны по этой части. Вы умный человек, сами небось знаете... А что до того, чтобы без обиды... Кто же может поручиться за разные случайности, раз она пробудет некоторое время в Тиннингбеке? Чарли Висельник довольно беспардонный парень! А впрочем, коли отсчитаете золотом монеток двадцать, я думаю, можно бы поручиться, что через сутки она будет до-

⁵ Место казни под Эдинбургом. – *Примеч. авт.*

ставлена своим родственникам.

Карлик достал из кармана записную книжку, написал несколько слов, вырвал эту страницу и подал ее разбойнику.

– Вот тебе, – сказал он, – но помни, ты знаешь, что обмануть меня нельзя; если ты осмелишься поступить не так, как я приказал, ты мне ответишь за это собственной головой!

– Знаю, – сказал разбойник, потупляя глаза, – знаю, что вы человек властный и большую силу имеете на земле, хоть и не знаю, откуда берется ваше могущество; вы делаете много такого, чего никто другой не может: и от болезней пользуете, и вперед видите будущее; по вашему слову и золото сыпется так густо, как осенние листья падают с ясеня в морозное утро. Я вас не слушаюсь.

– Так ступай же прочь отсюда: мне ненавистно твое присутствие!

Разбойник пришпорил коня и уехал, не проронив больше ни слова.

Тем временем Габби Эллиот быстро продолжал путь, мучимый неопределенным и тяжелым опасением, все ли дома благополучно, и той тревогой, которую люди зовут обыкновенно предчувствием беды. Не доехав до вершины холма, откуда видна была его усадьба, он встретил свою кормилицу, особу в то время важную и почетную во всяком шотландском семействе как в высшем, так и в среднем сословии. Связь кормилицы с питомцем считалась столь близкой и дорогой, что никогда не разрывалась, и с течением времени случалось

обыкновенно так, что кормилица окончательно поселялась в семействе своего питомца, помогала в хозяйстве и пользовалась знаками уважения и доверия со стороны старших в доме. Как только Габби завидел издали фигуру Эннепл и узнал ее по красной накидке и черному чепцу, он невольно проворчал про себя:

– Вот не к добру моя старуха ушла так далеко от дома! Что бы это могло значить? Обыкновенно она ни за что не отходит от порога и на ружейный выстрел. Э, да она, наверное, отправилась на болото за клюквой, или за брусникой, или за другой какой штукой в этом роде, потому что ей понадобится много ягод на пироги и лепешки к понедельнику... А я все не могу позабыть тех слов, что накаркал мне старый чертов козел, этот проклятый карлик. Всякая безделица меня пугает, того и гляди, услышу что-нибудь недоброе. Ох, борзая, наделала ты мне хлопот! Мало ли дичи и коз в нашем краю, так надо же тебе было загубить именно его скотину!

Между тем Эннепл, с самым трагическим выражением лица, прихрамывая, подошла и ухватилась за поводья его лошади. В ее глазах было такое глубокое отчаяние, что у него от ужаса язык отнялся и он не мог даже спросить, что случилось.

– О, мое дитяtko! – завопила она. – Не ездй дальше, не ездй! Такое зрелище хоть кого может уморить, а уж тебя и подавно!

– Господи помилуй, что такое? – еле вымолвил изумлен-

ный всадник, пытаюсь вытащить повод из рук старухи. – Ради бога,пусти меня, я хочу знать, что там такое!

– Ох!.. Вот до чего я дожила, старая!.. Дом-то разорили, и добрые амбары с хлебом огнем пожгли, а остальное добро увезли! Не ходи туда, не надо! Надорвется твое молодое сердечко, дитя мое, когда увидишь то, что мои старые глаза видели нынче утром!

– Но кто же смел все это сделать? Пустиповодья, Эннепл,пусти... Где бабушка и сестры?.. Где Грейс Армстронг?.. Боже мой, предсказания колдуна все еще отдаются в моих ушах!

Видя, что иначе не избежится от помехи, он спрыгнул с лошади, бегом побежал в гору и вскоре, достигнув вершины, увидел то самое, чем страшала его кормилица.

Зрелище было поистине душераздирающее. Усадьба, которую он оставил в ее уютном уголке, на берегу горного ручья, окруженную всеми признаками сельского довольства, в настоящую минуту представляла собой голую и почерневшую развалину. Из-за обрушенных и обугленных стен все еще клубился дым; запасы торфяного топлива, овины, гумна с хлебом, хлевы, наполненные скотом, словом, все богатство тогдашнего зажиточного фермера, каким с полным правом считал себя бедный Эллиот, погибло, было уничтожено дотла или разграблено в одну ночь. С минуту он стоял, ошеломленный, потом воскликнул:

– Разорили! Ограбили дочиста!.. Но черт с ним, с нажи-

тым добром, жалко только, что за неделю до свадьбы все пропало!.. Но я не малое дитя, чтобы сидеть сложа руки и выть об этом. Лишь бы найти Грейс, бабушку и сестер в добром здравьи! Что ж такого! Можно пойти воевать во Фландрию, как дедушка ходил со старым Боклю, под знаменами Беллендена! Во всяком случае, не следует падать духом, не то они и вовсе повесят носы.

Габби бодро пошел под гору, решившись подавить собственное горе и принести утешение другим, хотя сам не ощущал ни малейшей отрады. Соседние фермеры, особенно его однофамильцы, были тут все в сборе. Молодые люди были вооружены и громко говорили об отмщении, хотя не знали, на кого обратить свой гнев; более пожилые хлопотали о подаче помощи обнищавшему семейству. Избушка кормилицы, стоявшая на берегу того же ручья, но на некотором расстоянии от дома, уцелела, и туда наскоро перевели старую бабушку и ее внучек, снабдив их кое-какими припасами от соседей, потому что из их собственного имущества почти ничего не могли спасти.

– Что же, господа, – воскликнул один молодой человек высокого роста, – неужто мы целый день будем тут стоять и любоваться на сожженные стены жилища нашего родственника? Разве каждый клуб этого дыма не ложится на нас позорным пятном? Сядем на коней, да и в погоню!.. У кого есть поблизости собака-ищейка?

– Ближе Эрнскифа ни у кого нет, – отозвался другой, –

а он уж с утра поскакал с шестью верховыми товарищами на поиски, надеялся выследить.

– Так поедем и мы за ними, а на пути поднимем других, соберем побольше народу и нагрянем на камберлендских разбойников! Все вали, жги, бей!.. Которые первые попадутся, те прежде и поплатятся.

– Цыц, придержите языки, неразумные ребята! – сказал один из стариков. – Вы сами не знаете, о чем толкуете! Возможно ли дело поднимать войну между только что замиренными областями?

– А вы зачем же прожужжали нам уши подвигами наших предков, – возразил юноша, – если нам следует смотреть сложа руки на то, как над головами наших друзей сжигают их дома, и не подавать им руку помощи? Отцы наши небось не так смотрели на такие дела!

– Да я не говорю, что не надо мстить обидчикам нашего Габби, бедняжки, я только хочу сказать, что нынче все надо делать по закону, Саймон, – отвечал осторожный старик.

– Да к тому же, – вмешался другой старик, – я не знаю, есть ли кто в живых, знающий, как следует по закону проделывать отмщение, когда переходишь границу. Тэм из Уитрама до тонкости знал это дело, но ведь он умер в ту морозную зиму.

– Да-да, – подхватил третий старик, – он участвовал в том великом сборище, которое преследовало добычу вплоть до Сирлуола: это было через год после битвы при Филипхоу.

– Постоите, – молвил еще один советчик, – я не понимаю, что за особые познания требуются в этом случае: просто насади кусок просмоленной пакли на копье, или на вилы, или на что другое, зажги ее, потруби в рог, кликни клич, да и валяй с богом в Англию, а там бери по закону свое добро, силой ли отнимай или просто отбирай у первого попавшегося англичанина, с тем только, чтобы не захватить ни на волос больше того, что было украдено. Это и есть старый пограничный закон, установленный в Дундринене при Дугласе Черном^[24]. Чего еще сомневаться? Уж, кажется, это ясно как день!

– Так идем, ребята! – воскликнул Саймон. – Сядем на коней да прихватим с собой старого Кэдди, здешнего работника: он доподлинно знает, сколько было скота и сколько хлеба пропало. К ночи опять будут у Габби полные хлевы и полные житницы, а так как нельзя ему так скоро выстроить большого дома, мы по крайности сожжем какую-нибудь английскую усадьбу, чтобы сравнять ее с Хейфутом, это уж по справедливости и во всем свете так водится!

Такое ободрительное предложение было с восторгом принято наиболее юной частью собрания, но в ту же минуту между ними пронесся шепот:

– Габби идет, бедняга! Сам Габби... Ну, как он решит, так мы и сделаем.

Пострадавший фермер между тем спустился с холма и вошел в толпу, но от волнения не мог сказать ни слова и лишь

молча пожимал протянутые со всех сторон руки своих соседей и родных, также безмолвно выражавших ему свое сочувствие и дружбу. Наконец, пожав руку Саймона из Хэкторна, он произнес с усилием:

– Спасибо, Саймон, спасибо, соседи... Я знаю, что у вас на уме... Но они-то где же?.. Где мои... – Он запнулся, как бы опасаясь даже назвать предмет своей смертельной тревоги.

Повинуясь тому же чувству, родственники молча указали ему рукой на хижину, и Габби бросился туда с отчаянным видом человека, готового на всякие ужасы. Присутствующие провожали его глазами, выражая глубокое сочувствие и волнение.

– Ах, бедняга, бедняга! Ах, несчастный Габби!

– Сейчас узнает самую худшую беду!

– Надеюсь, что Эрнклиф отыщет какие-нибудь следы бедной девушки!

Таковы были восклицания в толпе; не успев выбрать себе настоящего вожака для руководства их действиями, они решились теперь подождать возвращения пострадавшего и подчиниться его велениям.

Встреча Габби и его семейства была в высшей степени трогательна. Сестры бросились ему на шею и чуть не задушили его ласками, как бы не давая ему оглядываться и заметить отсутствие особы, еще более любимой.

– Помоги тебе Боже, дитя мое! Он один может помочь там, где все земное рушится, как хрупкий посох!

Так приветствовала старушка своего несчастного внука. Он торопливо озирался по сторонам, держа за руки двух сестер, между тем как третья обнимала его за шею.

– Вас-то я вижу... дайте-ка я вас посчитаю... вот бабушка, Лили, Дженни, Анна... А где же... – Он запнулся и прибавил с усилием: – Где же Грейс? Неужто она и теперь будет от меня прятаться?.. Совсем не время шутки шутить.

Вместо ответа сестры только и могли произнести:

– Ох, братец! Наша бедная Грейс!

Тогда бабушка встала, тихо отстранила от него плачущих сестер, подвела его к скамье, усадила и с тем трогательным спокойствием, которое дает лишь глубокая вера и которое, подобно маслу, пролитому на бурные волны, может смирить наиболее обостренную чувствительность, сказала:

– Дитячко мое, когда твоего дедушку убили на войне и я осталась одна с шестью сиротами на руках, и почти хлеба не было прокормить их, да худая крыша над головой, и то у меня была сила, не своя, конечно, а свыше мне данная сила, сказать: да будет воля Божья! Дитя мое, сегодня ночью в наш мирный дом ворвались разбойники, с оружием и в масках, все обобрали, разграбили, уничтожили и увезли нашу дорогую Грейс. Помолись, чтобы Бог дал тебе силу сказать: да будет Его святая воля!

– Матушка, матушка, не заставляйте меня... не могу... не теперь!.. Я грешный человек, зачерствелой породы. В масках... вооруженные... И Грейс увезли! Подайте мне мою

саблю и отцовский ранец... Я хочу отомстить, хотя бы пришлось для этого спуститься в сам ад!

– О, дитя мое, милое дитя, переноси с терпением постигший тебя удар! Как знать, быть может, Господь еще и помиует нас. Молодой Эрнсклиф, дай ему Бог здоровья, пустился в погоню, с ним Дэви из Стенхауса и еще некоторые, кто первыми подоспели. Я взмолилась к ним, чтобы бросили и дом и амбары, пускай горят, лишь бы скорее догнали злодеев и отняли у них Грейс. Не более как три часа прошло с той поры, как ее увезли, и Эрнсклиф со своими людьми бросились за реку. Благослови его Бог, вот настоящий Эрнсклиф, достойный сын своего отца и верный друг!

– Да, истинный друг, награди его Бог, – воскликнул Габби, – ну и мы вслед за ним поедем!

– О дитя мое, перед тем как уйдешь на опасное дело, дай мне услышать иную речь! Скажи: да будет Его святая воля!

– Не просите, матушка... не теперь.

Он бросился к двери, но, обернувшись, увидел бабушку, вся фигура которой выражала безысходное горе. Тогда он поспешно воротился, обнял ее и сказал:

– Да, матушка, я могу сказать: «Да будет воля Его», коли это может вас успокоить.

– Господь с тобой... Господь не покинет тебя, дорогое мое дитя! И дай бог, чтобы, воротившись к нам, ты имел причину возблагодарить Его!

– Прощайте, матушка! Прощайте, милые сестры! – вос-

кликнул Эллиот и выбежал вон из дома.

Глава VIII

*– Скорей, – воскликнул воеждь лихой, –
Садитесь на коня!
Кто нынче не пойдет за мной,
Тот недруг для меня!*

Из пограничной баллады

– Лошадь мне, лошадь и копье! – крикнул Габби, бросаясь в толпу своих родственников.

Многие с готовностью прыгнули в стремя, и, пока Эллиот наскоро собирал оружие и сбрую, что было далеко не легким делом в такой суматохе, по всей долине разнеслись отголоски одобрения его пылких молодых товарищей.

– Так, так, Габби, – говорил Саймон из Хэкторна, – ты принялся за дело как следует! Пускай женщины сидят дома и воют, а мужчины должны оплачивать за нанесенную обиду; так и в Писании сказано...

– Придержи язык за зубами! – сурово оборвал его один из стариков. – Не перевирай Писания по-своему, ты сам не знаешь, о чем говоришь!

– Да есть ли какие-нибудь указания? Габби, нашел ли ты хоть следы?.. Ох, детки, куда вы так спешите! – сокрушался старый Дик из Дингла.

– Не в пору вы вздумали читать нам проповедь, – сказал

Саймон, – коли сами не в силах ничего сделать, так не мешайте хоть тем, кто может помочь делу!

– Тише, сэр! Кого же вы намерены карать, коли еще не знаете, кто вас обидел?

– А вы думаете, что мы не знаем дороги в Англию так же хорошо, как отцы наши знали? Все беды всегда идут из Англии, недаром сложена такая поговорка. Значит, туда и мы направимся, да так живо, как будто черт подгоняет нас к югу.

– По следам Эрнсклифа, где его лошади прошли, и мы туда же, через болото! – воскликнул один из Эллиотов.

– Его след я и по сухому мху узнаю, даром что в той стороне третьего дня была ярмарка, – сказал Хьюг, кузнец из Ринглборна, – потому что его лошадь всегда кована моими собственными руками.

– Выпускайте гончих, – кричал другой, – где собаки?

– Э, брат, теперь уж поздно: солнце давно взошло и роса вся высохла, стало быть, и следов не учуять.

Но Габби тотчас свистнул и созвал своих собак, которые тем временем бродили вокруг развалин бывшего жилища и жалобно завывали.

– Ну-ка, Килбек, – молвил Габби, – покажи сегодня свое умение!.. – И вдруг, точно его озарило какое-то воспоминание, он прибавил: – А ведь проклятый колдун намекал на что-то и об этом?.. Может быть, он про это что-нибудь да знает через тех ли мерзавцев, что по земле ходят, или через

бесов, что под землей... Погоди же, я от него добьюсь толку, хотя бы пришлось ножом вырезать из его безобразного нутра то, что мне нужно знать!

Он обратился к товарищам и поспешно раздал им указания:

– Вы четверо, с Саймоном во главе, поезжайте прямо в Грэймское ущелье: коли это были англичане, то непременно будут возвращаться этим путем. Остальные разделитесь по двое и по трое и рассыпьтесь по пустырю, а потом я к вам подъеду, и вы меня ждите у Сборного пруда. Если встретите моих братьев, скажите им, чтобы также ехали за вами и подождали меня. Бедные парни! И им будет немногим слаще моего... Они и не подозревают, в какое печальное жилище ведут свою дичину! А сам я теперь поеду на Меклстон-мур.

– Будь я на вашем месте, – сказал Дик из Дингла, – я бы пошел посоветоваться с мудрым Элши. Он, коли захочет, все вам расскажет, что делается вокруг, потому что знает всю подноготную!

– Он мне скажет, – отвечал Габби, поспешно приводя в порядок свое оружие, – скажет все, что ему известно о том, что сделано этой ночью; а не то я буду знать, почему он не говорит.

– Только вы с ним обойдитесь поласковее, голубчик, обратитесь к нему как можно учтивее, Габби; такие, как он, не любят, чтобы им перечили. Им так часто приходится иметь дело со злыми духами и бесенятами, что от этого у них нрав

портится...

– Ну, уж предоставьте мне ладить с ним по-своему, – отвечал Габби, – у меня нынче таково на сердце, что, кажется, не только всякого колдуна в бараний рог согну, но и с самим чертом справлюсь!

Покончив со своими приготовлениями, он вскочил на лошадь и погнал ее рысью в гору.

Вскоре Эллиот взобрался на вершину холма, так же быстро спустился с противоположного склона, проехал через лес, миновал длинную лощину и, наконец, достиг Меклстон-мура.

Так как ввиду предстоявшего путешествия приходилось побережь силы коня, он придержал его немного и, стало быть, мог на досуге обдумать, как лучше подступиться к карлику и выведать у него все, что, вероятно, было ему известно насчет личности тех, кто был причиной его несчастий. Габби, при всем своем прямодушии, откровенности речей и пылкости нрава, был, однако, не лишен хитрости, которая также составляет основную черту характера его земляков.

Судя по всему, что он подметил в памятный вечер своего первоначального знакомства с карликом, и по тому, как вел себя впоследствии этот таинственный знахарь, молодой человек справедливо предполагал, что бранью и угрозами ничего от него не добьешься, и тот только пуще упрется в своем суровом молчании.

«Я заговорю с ним поласковее, – думал Габби, – как сове-

товал старый Дик. Хоть люди и толкуют, будто он связался с нечистым, однако не такой же он сатана, в самом деле, чтобы не сжалиться над человеком в моем положении. И все-таки, говорят, случается, что он делает добро, оказывает настоящие благодеяния. Попробую укротить свое сердце, насколько могу, и поглажу его вдоль шерстки. Ну а коли совсем ничего не удастся, сверну ему шею, и дело с концом!»

В таком мягком настроении подъехал он к хижине отшельника.

Старика было не видно на обычном его месте на камне, ни в саду, ни на дворике за оградой.

– Залез в самое логово, – проворчал про себя Габби, – значит, не хочет попадаться на глаза; надо как-нибудь ему голос подать, коли нельзя иначе.

Сообразив обстоятельства, он возвысил голос и, придав ему самое умоляющее выражение, какое было возможно при обуревавших его гневных чувствах, начал так:

– Элши, мой добрый друг!

Ответа не было.

– Элши, мудрый Элши, батюшка ты мой!

Карлик не откликнулся.

– Ах ты, чтоб тебя немочь скрючила! – пробормотал фермер сквозь зубы и продолжал опять как можно умильнее: – Добрый дедушка Элши, самый несчастный человек пришел попросить совета от вашего ума-разума!

– Тем лучше, – слышался пронзительный голос карли-

ка, проходивший через крохотное окошечко рядом с дверью, более похожее на щель. Через это отверстие он имел возможность видеть всякого проходящего, а его самого при этом нельзя было рассмотреть.

– Лучше? – подхватил Габби нетерпеливо. – Чем же лучше-то, Элши? Разве вы не слышали, что я несчастнейший человек в мире?

– А ты разве не слышишь, что я говорю – тем лучше! А сегодня поутру, когда ты хвастался своим благополучием, разве я тебе не предсказывал, что вечером будет худо?

– Это так, вы точно предсказали, – отвечал Габби, – вот потому я и пришел к вам за советом: кто наперед знает про беду, тот может знать и то, как ее поправить.

– Я не знаю лекарства против земных бедствий, – отвечал карлик, – а если бы и знал, зачем я стану помогать другим, тогда как мне никто не помогает? Не я ли утратил богатство, на которое сто раз мог купить все твои голые пригорки?.. И положение в свете, в сравнении с которым твое положение немногим выше простого крестьянина?.. И общество, где постоянно вращался в самой изящной, в самой умственно развитой среде? Не я ли всего этого лишился? И вместо того не я ли живу как самый отверженный из людей, среди глухого пустыря, один-одинехонек, и сам еще безобразнее того, что меня окружает? И ко мне же приходят жаловаться на судьбу какие-то презренные черви, почуявшие, что на них наступили, а я уж давно валяюсь на дороге, потому что весь изломан,

исковеркан тяжкими колесами роковой колесницы!

– Может статься, что вы и вправду все такое потеряли, – отвечал Габби с горьким волнением, – лишились земель и друзей, именья и добра; положим, что так, но не может быть, чтобы у вас на сердце было так же тяжело, как у меня, потому что вы не лишились Грейс Армстронг. А я теперь и последнюю надежду потерял, и никогда больше ее не увижу!

Эти слова он произнес с глубоким чувством, и затем наступило продолжительное молчание, потому что, выговорив имя своей невесты, бедный Габби вдруг затих, и бурное настроение его сменилось щемящей тоской. Через несколько минут такого безмолвия в окошко просунулась костлявая рука отшельника, и его длинные пальцы выбросили наружу кожаный мешок, который со звоном треснул о землю. В то же мгновение скрипучий голос старика сказал Эллиоту:

– Вот тебе; это снадобье лечит от всех человеческих горестей, – так, по крайней мере, думают все на свете людишки. Ступай. Воротишься домой вдвое богаче того, чем был вчера; только не приставай ко мне больше ни с вопросами, ни с жалобами, ни с благодарностью; все это мне одинаково противно.

– Ведь это золото, ей-богу! – сказал Эллиот, заглянув в мешок, и, обратившись снова к пустынноку, прибавил: – Премного вам благодарен за доброе расположение и с охотой выдал бы вам расписку в получении этих денег или хоть закладную на поемные луга. Но... право, не знаю, Элши, откровен-

но говоря, не хочется мне брать денег, не зная, какими судьбами вы их добываете... А ну, как я кому-нибудь стану платить ими, а они вдруг превратятся в черепки... За что же обманывать бедного человека?

– Бессмысленный невежда, – возразил карлик, – эта дрянь есть самый неподдельный яд, когда-либо вырытый из недр земли. Возьми его, трать, и пусть он принесет тебе столько же пользы, как и мне!

– Я же вам говорю, что не об имуществе пришел с вами посоветоваться, – сказал Эллиот, – правда, славное было у меня гумно, и амбары, и тридцать голов такого скота, что лучше и не сыщешь по эту сторону границы; но это все ничего, пускай пропадает... лишь бы вы мне указали какие-нибудь следы бедной Грейс, я бы всю жизнь готов вам служить, всем для вас пожертвую, кроме спасения души. О Элши, говорите же, скажите хоть слово!

– Ну, хорошо, – отвечал карлик, как бы желая отвязаться от него, – коли мало тебе своих печалей и непременно хочешь навязать себе еще жену, ищи ее на западе.

– На западе? Да ведь запад-то широкое слово.

– Оно последнее, – сказал карлик, – больше я тебе ничего не скажу.

С этими словами он задвинул окно ставнем и предоставил Габби пользоваться данным указанием как сам знает.

«На западе... На западе? – думал Эллиот. – С той стороны в краю довольно спокойно. Вот разве Джон из Тодхолса? Да

нет, он так стар, что уж давно не пускается на такие дела. Запад... Батюшки, да это, должно быть, Уэстбернфлет!»⁶

– Элши, скажите мне еще только одно, единое словечко. Угадал я или нет? Это Уэстбернфлет? Коли ошибаюсь, скажите нет. Я бы не желал нападать на неповинного соседа... Что же вы не отвечаете? Так, верно, он и есть, рыжий разбойник. Вот не думал я, что он пойдет против меня, зная, что у меня такая обширная родня... Должно быть, набрал себе шайку почище своих обычных камберлендских приятелей... Прощайте, Элши, премного вам благодарен! Я теперь этих денег с собой не возьму, потому что еду не домой, а на Сборный пруд к своим товарищам. Так если не хотите открыть окошка, после сами подберете мешок, когда я уеду.

Ответа не было.

– Либо оглох, либо одурел, либо то и другое вместе; но мне не время с ним теперь рассуждать!

С этими словами Габби Эллот отъехал прочь и отправился к назначенному месту свидания.

Четверо или пятеро всадников уже были у Сборного пруда. Они спешили и, пустив коней пастись под тополями, окаймлявшими широкую гладь пруда, стояли на берегу и совещались между собой. С юга виднелась приближавшаяся партия всадников, более многочисленная. Оказалось, что это Эрнскиф со своими людьми; они прошли по следам угнанного скота вплоть до английской границы, но

⁶ West – запад (англ.).

воротились, потому что, по слухам, в той стороне собирались значительные военные силы под начальством якобитских джентльменов этого округа, и поговаривали, что в разных частях Шотландии вспыхнуло восстание. Это обстоятельство давало повод думать, что причиной учиненного нападения был не простой грабеж, как предполагали вначале. Эрнскиф был склонен видеть в этом признак междоусобной войны. Молодой человек приветствовал Габби Эллиота выражениями самой искренней симпатии и сообщил ему собранные слухи.

– Так вот, не сойти мне с этого места, коли не старый Эллисло всему делу голова, – сказал Эллиот. – Недаром он друг и приятель с камберлендскими католиками; и это как раз сходится с тем, что Элши намекнул мне насчет Уэстбернфлета, потому что Эллисло всегда стоял за него горой, и ему нужно сперва ограбить и обезоружить всех соседей, чтобы потом самому безопасно выехать в ратное поле.

Тут иные припомнили, что в шайке разбойников некоторые кричали, будто действуют от имени короля Иакова Восьмого^[25] и будто им поручено обезоружить мятежников. Другие сами слышали, как Уэстбернфлет хвастал в кабаке, под пьяную руку, что вот скоро Эллисло с оружием в руках станет на сторону Иакова, и сам он будет командовать одним из отрядов под начальством Эллисло, и тогда плохо придется его соседу, Эрнскифу, и всем вообще сторонникам теперешнего правительства. Из всего этого вывели заключе-

ние, что почти наверное Уэстбернфлет произвел нападение на ферму Габби по распоряжению Эллисло, и решили немедленно ехать к дому Уэстбернфлета и, если будет возможно, захватить его живьем. Между тем к месту сборища подъехали с разных сторон еще несколько товарищей, и таким образом они очутились в количестве двадцати всадников, на надежных конях, и все были довольно хорошо, хотя и различно вооружены.

Горный ручей, выбегавший из узкой лощины, омывал плоскую равнину Уэстбернфлет, которая, расходясь на полмили во все стороны, давала название этому урочищу. В этом месте характер ручья совершенно меняется и, вместо быстрого и резвого потока, он возвращается в извилистое русло стоячей воды, которая тусклой голубой змейкой вьется по болотистой почве. На краю равнины высилась башня, одна из немногих твердынь, уцелевших от прежних укреплений, рассеянных по всей границе. Башня стояла на небольшом холме, не более сотни ярдов в поперечнике, который, слегка выступая из окружающего болота, представлял вокруг башни сухую площадку, поросшую дерном; но за пределами этой площадки грунт был топкий и для незнакомых с этой местностью даже очень опасный. Один лишь владелец этой башни и постоянные ее обитатели знали все сложные и запутанные подходы и тропинки, сравнительно твердые, по которым можно было пробраться к их жилью. Но среди отряда, бывшего под начальством Эрнскифа, двое или трое

были в состоянии служить проводниками. Ибо, хотя всем были известны нравы и привычки местного владельца, однако уважение к праву собственности было в те времена так мало развито, что на него вообще далеко не смотрели с тем отвращением, которое его образ жизни заслужил бы ему во всякой другой, более цивилизованной стране. Среди соседей, сравнительно мирных граждан, насчет его установились такие воззрения, какие в наши дни прилагаются к картежникам, охотникам до петушьих состязаний или до рысистых бегов, то есть, если и были причины избегать его общества, они считались недостаточными, чтобы заклеить его позором, тем более что в своих проделках он старался придерживаться буквы закона. В настоящем случае он возбудил общественное негодование не столько сущностью своего поступка, не выходявшего из разряда обыкновенных хищнических набегов, сколько тем, что напал на соседа, с которым не был в ссоре, притом на их личного приятеля, а главное – на члена фамилии Эллиотов, то есть того клана, к которому принадлежало большинство присутствующих.

Поэтому неудивительно, что некоторые из них были хорошо знакомы с местностью и могли с такой уверенностью провести отряд, что вскоре вся компания очутилась на твердой почве перед фасадом замка Уэстбернфлет.

Глава IX

*...И великан сказал: «Бери девицу
И сам уйди скорей подальше с ней!
Из-за ее блистательных очей,
И белых рук, и нежной щечки алой
С тобою мне тягаться не пристало».*

Старинная баллада

Башня, перед которой остановился отряд, была небольшая, квадратная, самого мрачного вида. Стены ее были чрезвычайно толсты, а окна или щели, заменявшие окна, казались проделанными скорее для пропуска метательных снарядов со стороны ее защитников, нежели ради доступа света и воздуха внутрь комнат. Вершина стены со всех сторон была обнесена бруствером, зубцы и углубления которого были как нельзя лучше приспособлены к целям защиты; по ту сторону бруствера поднималась крутая крыша, выстланная серым плитняком. В одном из углов возвышалась одинокая сторожевая башенка, с витой лестницей внутри, откуда был выход на крышу и на стены. Нашим всадникам показалось, что в этой башенке кто-то есть и что за ними наблюдают. Вскоре на этот счет не осталось никаких сомнений: в одно из узких отверстий просунулась женская рука, махавшая платком, как бы желавшая подать им знак или обратить на себя внимание.

Габби чуть не сошел с ума от радостного волнения.

– Это рука Грейс! – сказал он. – Я ее узнаю из тысячи!
Другой такой руки нет и быть не может по эту сторону гор!..
Мы ее вызволим, братцы, хотя бы пришлось ради этого всю башню разобрать по камешку!

Эрнскиф усомнился, чтобы даже и глаз влюбленного мог на таком расстоянии различить одну девичью руку от другой; однако он не захотел разочаровывать своего восторженного друга и решил вызвать обитателей замка на объяснения.

Сначала они звали и кричали, потом стали трубить в рога, и наконец в одном из отверстий, проделанных рядом со входом, показалось изможденное лицо старухи.

– Это мать разбойника, – сказал один из Эллиотов. – Она вдесятеро хуже его самого, и говорят, будто она и подбивает его на всякие пакости.

– Кто вы такие? Чего вам нужно? – послышался голос этой почтенной родительницы.

– Мы хотим видеть Уильяма Грэма Уэстбернфлетского, – сказал Эрнскиф.

– Его дома нет, – объявила старуха.

– Когда он отлучился из дому? – спросил Эрнскиф.

– Не знаю, – отвечала привратница.

– Когда он воротится? – спросил Габби Эллиот.

– Ничего я об этом не ведаю, – сказала непреклонная старожиха.

– Есть в башне кто-нибудь, кроме вас? – спросил опять

Эрнскиф.

– Никого нет, только я да крысы, – сказала старуха.

– В таком случае отоприте дверь и впустите нас! – продолжал Эрнскиф. – Я мировой судья и произвожу следствие по уголовному делу.

– Отсохни рука у того, кто вам станет отпирать, – сказала старуха, – а мои руки этого не сделают. Постыдились бы лучше, экая ватага пришла, и все-то вы с саблями, копьями, и шлемы на головах стальные, знать, с тем и пришли, чтобы напугать одинокую вдовую женщину!

– Мы имеем верные сведения, – сказал Эрнскиф, – и разыскиваем имущество, разграбленное из дома частного лица, на значительную сумму.

– И еще одну молодую девушку, которую взяли в плен и утащили против ее воли, а она одна стоит вдвое дороже всего имущества, – прибавил Габби.

– Предупреждаю вас, – продолжал Эрнскиф, – что для вас одно средство доказать невинность вашего сына: впустить нас добровольно в дом для обыска.

– А что же вы сделаете, коли я ни ключей не дам, ни задвижек не сниму, ни решеток не отворю для такой шайки бездельников? – осведомилась почтенная дама презрительно.

– Коли не отворите добром, у нас найдутся и другие ключи, мы насильно ворвемся и свернем шею всякому, кого застанем в доме! – пригрозил Габби, начинавший приходить в ярость.

– Ну, кого больно страшали, тот дольше проживет! – отвечала ведьма тем же насмешливым тоном. – У меня дверь-то железная, попробуйте к ней приступиться, ребяташки, она не раз выдерживала осаду и почище этой.

С этими словами она рассмеялась и отошла от отдушины, через которую вела переговоры.

Осаждающие приступили к серьезному совещанию. Чрезвычайная толщина стен и малый размер окошек были таковы, что это здание могло бы устоять некоторое время даже и против пушечной стрельбы. Единственный вход в башню был защищен снаружи крепкой решетчатой дверью из кованого железа такой толщины, что прошибить ее не было ни малейшей надежды.

– Ее ни щипцами, ни молотом не возьмешь, – сказал Хьюг, кузнец из Рингборна, – все равно что колотить по ней чубуком от трубки.

Внутри, на расстоянии девяти футов от этой первой двери (что доказывало, какова была толща стен), была другая дверь, дубовая, вся перекрещенная железными полосами и усеянная громадными гвоздями с широкими шляпками. Помимо этих средств к обороне наши приятели были далеко не уверены в том, что старуха сказала правду, говоря, будто она своей особой представляет весь гарнизон крепости. Знаток рассмотрели на тропинке, по дороге к башне, явственные следы лошадиных копыт, что доказывало, что очень недавно сюда проехали несколько всадников.

Кроме того, затруднения увеличивались тем обстоятельством, что у них попросту не было никаких способов к атаке укрепления. Не предвиделось возможности достать лестниц достаточной длины, чтобы влезть на стены, а окна были не только слишком узки, но и защищены железными решетками.

Стало быть, проникнуть внутрь нельзя; подкопаться и взорвать – тоже нельзя, по недостатку орудий для подкопов и даже пороха. Блокировать башню было неудобно потому, что у осаждающих не было ни провианта, ни палаток и никаких средств к существованию в этой местности; к тому же можно было опасаться, что каждую минуту могли подоспеть на выручку товарищи разбойника. Габби без усталости ходил вокруг крепости, изыскивая способ проникнуть в нее, и скрежетал зубами от отчаяния, что ничего не мог придумать. Наконец он воскликнул:

– Что же тут раздумывать, братцы! Сделаем так, как делали наши праотцы: давайте нарубим бурьяна и кустов, подложим к двери да и зажжем. Пускай старая ведьма хоть дыму наглотается!

Все бросились исполнять его выдумку: одни пошли резать ножами и саблями кусты ольхи и боярышника, росшие по берегам сонливой речки и частью высохшие, так что они вполне годились для такого употребления; другие таскали их на место и складывали в большую кучу, стараясь подсовывать как можно ближе к железной двери. С помощью ружья ми-

гом добыли огня; Габби схватил пучок зажженного хвороста и пошел к приготовленному костру с намерением поджечь его, но в эту минуту в одном из окошек над дверью показалось угрюмое лицо разбойника и рядом с ним выставилось дуло мушкета.

– Премного вам благодарен, – сказал он насмешливо, – за то, что помогли наготовить топлива на зиму; но если кто из вас подступит ближе к этой куче, да еще с огнем, того я уложу на месте.

– Это мы увидим, – молвил Габби Эллиот, бесстрашно подходя со своим факелом.

Разбойник выстрелил в него, но, на счастье нашего честного приятеля, мушкет дал осечку; а между тем Эрнскифф воспользовался моментом, когда в узком отверстии показалось лицо разбойника, и так метко выстрелил, что пуля задела его голову. Рана была легкая, но Уэстбернфлет и того не ожидал, считая себя в полной безопасности за своими стенами.

Почувяв удар, он тотчас изъявил желание вести переговоры и спросил, на каком основании они вздумали нападать на мирного и честного гражданина и проливать его кровь.

– Мы требуем, чтобы вы выдали нам вашу пленницу, – отвечал Эрнскифф.

– А какое вам до нее дело? – осведомился негодяй.

– Этого, – сказал Эрнскифф, – вы не имеете права даже спрашивать, потому что держите ее насильно!

– Ну ладно, я и сам могу догадаться, зачем она вам понадобилась, – сказал разбойник. – Что же, господа, мне не хочется затевать с вами вековую ссору и проливать вашу кровь, даром что Эрнклиф со мной не поцеремонился, да и мастер же он целиться! Итак, во избежание дальнейшей распри я согласен выдать вам пленницу, раз вы непременно этого желаете.

– А имущество Габби Эллиота? – воскликнул Саймон из Хэкторна. – Не думаете ли вы, что вольны грабить хлевы и амбары родовитого Эллиота, словно это какой-нибудь бабий курятник?

– Клянусь вам насущным пропитанием, – отвечал Уильям Грэм, – вот не брать мне больше хлеба в рот, коли у меня осталась хоть единая скотина! Они уж давным-давно угнаны за болото, и в башне у меня ни одного копыта не осталось. Но вот что: я посмотрю, нельзя ли чего из этого добра получить обратно. Дня через два назначаю я Габби свидание в Кэстл-тоне; я захвачу с собой двоих свидетелей, и он пусть приведет своих двух приятелей. Тогда и сведем счеты, и пусть он выскажет, чем я его обидел!

– Ну, вот и отлично! – сказал Эллиот и, оборотившись к своему кузену Саймону, промолвил шепотом. – Бог с ним, с имуществом! Ради самого Бога, дружок, не поминай ты о моем добре. Пропадай оно совсем, лишь бы как-нибудь выцарапать бедняжку Грейс из когтей старой чертовки.

– Можете вы дать мне честное слово, Эрнклиф, – сказал

мародер, все еще стоявший у бойницы, – согласны вы поручиться мне своей совестью и честью, своей рукой и перчаткой, что никто не шелохнется, покуда я уйду и назад ворочусь, и вы дадите мне пять минут на отпирание двери и пять минут на запираение и закладку болтов? Меньшего никак нельзя, потому что они давненько не были смазаны. Можете поручиться?

– Мы дадим вам довольно времени, – отвечал Эрнскиф, – за то вам порукой моя честь и совесть, моя рука и перчатка!

– Ну, так сейчас, погодите, – сказал Уэстбернфлет, – а впрочем, еще вот что, отойдите-ка от двери на пистолетный выстрел. Вашему слову я верю, Эрнскиф, а так все-таки вернее будет.

«Ох, приятель, – думал про себя Габби, отходя подальше от дверей, – попадись ты мне на Турнирном лугу, да будь при мне пара свидетелей из порядочных людей, я тебя так угощу, что рад будешь хоть с переломанными ногами уйти, за то, что осмелился прикасаться к тому, что мне принадлежит!»

– А ведь он оказывается просто трусом, этот Уэстбернфлет, – сказал Саймон из Хэкборна, несколько разочарованный тем, что разбойник так скоро сдался, – он своему отцу и в подметки не годится.

Между тем внутренняя дверь из башни растворилась, и в сводчатом проходе между нею и наружной дверью показалась фигура старухи, матери разбойника. Потом вышел сам

Уилли, ведя за руку молодую женщину, а старуха тщательно заперла за ними дверь и сама осталась караулить ее в качестве неусыпного стража.

– Пусть двое из вас подойдут сюда, – сказал Уэстбернфлет, – и примут ее с рук на руки, в целости и добром здравии.

Габби с живостью бросился вперед навстречу своей суженой, а Эрнскиф потише последовал за ним, на всякий случай. Но вдруг Габби, с выражением глубочайшего огорчения, замедлил шаг, тогда как Эрнскиф, напротив, побежал скорее и на лице его отразилось нетерпеливое удивление.

Оказалось, что освобожденная ими пленница была совсем не Грейс Армстронг, а мисс Изабелла Вэр.

– Где же Грейс? Где Грейс Армстронг? – воскликнул Габби вне себя от досады и негодования.

– Она не в моих руках, – отвечал Уэстбернфлет, – коли не верите, позволяю вам обыскать башню.

– Подлый негодяй, ты мне ответишь за нее, или я убью тебя на месте! – сказал Эллиот, прицеливаясь из ружья.

Но подошедшие товарищи окружили его и отняли у него ружье, заговорив все разом:

– А как же рука и перчатка? Ведь на честь и совесть! Габби, погоди, стой! Мы обязаны сдержать свое слово, хотя бы Уэстбернфлет и оказался величайшим плутом.

Видя со всех сторон такую поддержку, разбойник снова принял самоуверенную осанку, которую было совсем поте-

рля, когда Эллиот начал угрожать ему.

– Я свое слово сдержал, господа, – сказал он, – и надеюсь, что после этого никто из вас не поднимет на меня руки. Если это не та пленница, которую вы искали, – продолжал он, обращаясь к Эрнсклифу, – возвратите мне ее обратно. Я за нее отвечаю перед теми, кто имеет на нее права.

– Ради самого Бога, мистер Эрнсклиф, защитите меня! – сказала мисс Вэр, прильнув к своему избавителю. – Не покиньте меня хоть вы... а то все меня покинули!

– Не бойтесь ничего, – шепнул ей Эрнсклиф, – я буду вас защищать до последней капли крови! – Потом, обратясь к Уэстбернфлету, он сказал: – Негодяй, как ты осмелился оскорбить эту леди?

– На этот счет, Эрнсклиф, – отвечал мародер, – я буду отвечать перед теми, кто больше вашего имеет права задавать мне подобные вопросы; но раз вы явились с вооруженными силами и самовольно отнимаете ее у тех, кому она поручена своими родными, я желал бы знать, как вы за это ответите? Но это уж ваше дело... Не могу же я один защищаться против двадцати! Этого никто с меня и не потребует.

– Он лжет самым бессовестным образом, – сказала Изабелла, – он силой отнял меня у родного отца!

– А может быть, он нарочно подстроил, чтобы вы так думали, голубушка, – возразил разбойник, – но все равно, это меня не касается, и пусть будет по-вашему... Так не желаете отдавать мне ее обратно?

– Обратно, вам? Уж конечно, нет, – отвечал Эрнсклиф, – я беру мисс Вэр под свое покровительство и провожу ее в сохранности всюду, куда ей угодно.

– Ладно, ладно; может быть, вы с ней заранее стоворились на этот счет, – сказал Уилли Уэстбернфлет.

– А что же Грейс? – прервал его Габби, вырываясь из рук товарищей, которые все время тщетно ставили ему на вид нерушимость поручительства, на основании которого мародер решил выйти из своей башни. – Где Грейс? – крикнул опять Габби и, обнажив саблю, кинулся на Уэстбернфлета.

Испуганный разбойник закричал:

– Ради бога, Габби, сперва выслушайте меня! – И бросился бежать без оглядки.

Мать его держала дверь открытой и захлопнула ее в ту самую секунду, как ее сын вскочил в башню; но Габби преследовал его по пятам и с размаха с такой силой ударил саблей, что оставил порядочную щель на косяке, где она видна и поныне и служит очевидным доказательством того, какие водились силачи в старые годы. Прежде, нежели Габби успел повторить удар, дверь затворили и задвинули внутренними засовами; а спутники его собрались снять осаду уэстбернфлетской башни и потребовали, чтобы он непременно уехал вместе с ними.

– Вы и так уж нарушили законы перемирия, – сказал ему старый Дик из Дингла, – а потому мы должны присматривать за вами, чтобы не наделали еще каких-нибудь бед, а то вы

сами станете посмешищем всего округа, да и нас подведете под обвинение в измене. Подождите до тех пор, пока встретитесь с ним в Кэстлтоне; если там окажется, что он не хочет вас удовлетворить, ну, тогда мы повыжмем из него сок. Но теперь надо вести себя благоразумно и не нарушать договор, так будет вернее, и ручаюсь вам, что воротим и Грейс, и коров, и все такое!

Злополучный жених с большим трудом подчинился таким хладнокровным увещаниям; но так как иначе не мог обеспечить себе содействия соседей и родных, то поневоле был вынужден согласиться с их доводами насчет святости круговой поруки и необходимости действовать по закону.

Между тем мисс Вэр настойчиво просила отвезти ее в отцовский замок Эллисло, и Эрнскиф, обратившись к товарищам, пригласил нескольких присоединиться к нему ради ее охраны. Пять или шесть молодых людей немедленно выразили готовность сопровождать ее, и они отправились. Но Габби не поехал с ними. Измученный событиями этого дня и в особенности последним разочарованием, он совсем упал духом и уныло направился домой, чтобы как-нибудь устроить и обеспечить свое семейство, а также и для того, чтобы условиться с соседями насчет дальнейших мер к отысканию Грейс Армстронг. Остальная компания разъехалась в разные стороны, как только все переправились через болото. Разбойник и мать его все время наблюдали за ними с вершины сторожевой башенки и смотрели до тех пор, пока последний

всадник не скрылся из вида.

Глава X

*Покинул я родной приют
В снегу холодном, в час ночной;
А возвращусь туда весной,
Как глянет солнца луч золотой
И розы пышно расцветут.*

Старинная баллада

Взбешенный тем, что друзья, по его мнению, так хладнокровно отнеслись к вопросу, столь для него важному и близкому, Габби кое-как отвязался от всех и один поехал домой.

– А, чтоб тебя черт искалечил! – говорил он, гневно пришпоривая свою утомленного и спотыкавшегося коня. – И ты туда же, вслед за другими! Стоило ли тебя поить и кормить, растить на своем дворе и холить собственными руками, чтобы ты тут-то и споткнулся и сломал мне шею, когда мне всего туже приходится? Но и ты, видно, такой же, как все... Ведь вот все приятели, все родня... никак не дальше десятого колена... и я день и ночь, во всякое время, готов им служить, душу за них положу... А они... Да им, кажется, этот вор и мерзавец Уэстбернфлет милее меня! Что же это, однако, не видать огней в Хейфуте?.. Эх, горе мое! – продолжал он, спохватившись. – Теперь уж в Хейфуте не будут больше мелькать ни свечи, ни красные угли на очаге! Кабы не матушка,

да не сестры, да не бедная моя Грейс, дал бы я шпоры коню да с размаху и бухнулся бы в речку с головой! Тут бы и конец всему!

В таком безутешном настроении повернул он лошадь в сторону того коттеджа, где приютилась его семья.

Подъехав к двери, он услышал, что сестры шепчутся и пересмеиваются между собой.

– Черт их знает, этих женщин, – проворчал Габби, – они станут хихикать, болтать и судачить, хоть бы самый близкий человек лежал перед ними мертвый... А впрочем, я рад, что они не упали духом, бедные дурочки; и то сказать, им-то легче, нежели мне!

Раздумывая таким образом, он привязал лошадь под навесом и обратился к ней опять с такой речью:

– Обойдешься сегодня без попоны и без покрывки, бедная скотина; оба мы с тобой воротились домой ни с чем. Лучше бы нам вместе свалиться в омут под водопадом!

В эту минуту выбежала из коттеджа младшая из его сестер и натянутым голосом, как бы силясь подавить волнение, закричала ему:

– Габби, что ты валандаешься так долго? А у нас сидят гости из Камберленда, уже больше часу тебя дожидаются! Иди скорее в дом, я сама расседлаю лошадь.

– Из Камберленда! – воскликнул Эллиот и, бросив уздечку на руки сестре, ринулся к дому. – Где они? Где он? – спрашивал он, озираясь во все стороны и видя одних женщин. –

Не принес ли он известий о Грейс?

– Да он не захотел оставаться ни минуты дольше, тотчас и ушел, – отвечала старшая сестра, тоже едва удерживаясь от смеха.

– Ну, полноте, что за вздор, – молвила с добродушным упреком старушка бабушка, – перестаньте мучить бедного Габби... Оглянись, дитяtko, посмотри, нет ли здесь кого-нибудь, кого утром тут не было?

Габби вертелся, оглядывался.

– Никого больше не вижу... только вы да эти три болтушки...

– Так ведь нас четыре стало, а не три, – сказала младшая сестра, вошедшая в эту минуту.

В одну секунду Габби схватил в объятия Грейс Армстронг, закутанную в плед одной из сестер, что и помешало ему узнать ее в первую минуту.

– Как же ты смела меня обманывать? – сказал Габби.

– Не моя вина, – сказала Грейс, пытаясь закрыть лицо руками, как для того, чтобы скрыть яркую краску, бросившуюся ей в лицо, так и в защиту бурных поцелуев, которыми жених осыпал ее в наказание за невинную уловку, – я не виновата, Габби; целуй лучше Дженни и остальных, потому что это они выдумали, а не я!

– Что ж, и их расцелую, и их! – сказал Габби и принялся обнимать то сестер, то бабушку, и вся семья от радости плакала и смеялась одновременно.

– Какой же я счастливый, – молвил Габби, падая наконец на стул от усталости, – счастливее меня теперь никого на свете нет!

– В таком случае, дорогое дитя мое, – сказала добрая старушка, не хотевшая пропустить случая преподать урок благочестия в такую минуту, когда все сердца были наиболее доступны подобным чувствам, – в таком случае, сын мой, возблагодари Того, Кто обращает слезы в улыбки, из горя делает радость, из тьмы извлекает свет и весь мир создал из ничтожества. Не говорила ли я тебе, что если ты скажешь: «Да будет Его святая воля!» – то, воротясь домой, будешь иметь причину благословлять имя Его?

– Правда, вы так именно и сказали, бабушка, – сказал честный парень, взяв ее руку, – и я благословляю Его имя за то, что Он сохранил мне вас после потери моих собственных родителей, а вы меня учите помнить Бога и прибегать к Нему и в горе и в радости!

Минуты две все молчали, мысленно вознося благодарение Всевышнему, и в сердечном чистом порыве славили имя Того, Кто так неожиданно возвратил в лоно семьи ту, которую они считали потерянной.

Габби начал с того, что потребовал отчета о приключениях, испытанных Грейс. Она рассказала ему все подробно, мы же ограничимся следующим кратким извлечением.

Грейс проснулась от шума, произведенного разбойниками, вломившимися в дом, и тем сопротивлением, которое

тщетно оказывали им двое слуг. Одевшись как можно поспешнее, она сбежала с лестницы, и, когда во время борьбы Уэстбернфлет на минуту обронил с лица свою маску, она его узнала, неосторожно окликнула по имени и обратилась к нему с мольбой о пощаде; тогда злодей заткнул ей рот, вытащил ее из дому и посадил на лошадь за спину одного из своих сообщников.

– Вот я ему сломаю проклятую шею, – сказал Габби, – хотя бы он был последний в роде, и не было бы на свете другого Грэма!

Продолжая свое повествование, Грейс сказала, что ее повезли к югу, вместе со всей шайкой и угнанным скотом, и что они успели уже перейти английскую границу, как вдруг их догнал скакавший во весь опор родственник Уэстбернфлета и сказал, что его кузен узнал из верного источника, что никакого толку из предприятия не выйдет, если девушку не возвратят немедленно ее родным. Некоторое время поспорили на этот счет, наконец начальник отряда согласился. Грейс посадили тогда за спину нового покровителя, и он помчался с ней что есть духу окольными путями и малоезженными тропинками по направлению к Хейфуту; под вечер он, не говоря ни слова, ссадил с коня на землю перепуганную и уставшую девушку за четверть мили от фермы, а сам ускакал обратно. Семья еще раз обменялась искренними и радостными поздравлениями с тем, что так благополучно кончились эти приключения.

Мало-помалу все успокоились, и на первый план выступили соображения менее приятного свойства.

– Плохое у вас тут помещение, – сказал Габби, оглянувшись кругом, – мне-то ничего, я могу переночевать рядом с лошадьё под навесом, как часто дельвал на охоте в горах. Но как вы разместитесь, я ума не приложу! Хуже всего то, что помочь-то делу я не могу. Может случиться, что еще много дней пройдет, и все останется так, как есть, ни на волос не лучше.

– Ну, не подлость ли, – сказала одна из сестер, также озираясь вокруг, – так ограбить бедную семью, что едва остались одни голые стены!

– А на дворе ни телки, ни бычка, – молвил младший брат, только что вошедший в лачугу, – ни овцы, ни барана, некому даже травки пощипать.

– Хоть бы они с нами ссору затеяли! – сказал Гарри, средний из братьев. – Ну, что же, мы во всякое время готовы были подраться как водится. А то пришли как раз в такую пору, когда никого из нас дома не было, все трое были на охоте... Небось, кабы мы дома-то были, Уилли Грэм обошелся бы сегодня без завтрака... Но это еще впереди, не так ли, Габби?

– Соседи назначили день, чтобы нам с ним сойтись в Кэстлтоне и на людях покончить дело полюбовно, – уныло отвечал Габби, – так они решили, и мне пришлось согласиться, потому что иначе ничего не поделаешь.

– Полюбовно! – вскрикнули разом оба брата. – После та-

ких-то пакостей, о которых у нас и не слыхано со времен стародавних набегов!

– Да, братцы, уже и моя кровь кипела от этого... да вот, увидел Грейс Армстронг, – от сердца-то и отлегло!

– А как же с урожаем, Габби? – сказал Джон Эллиот. – Ведь нас вконец разорили. Мы с Гарри ходили и на дальнее гумно, хотели хоть остатки собрать; но и там хоть шаром покати. Я не знаю, как нам быть... На войну идти, что ли? Уэст-бернфлет не в состоянии вознаградить нас за убытки, если бы и захотел. С него и взять-то нечего; только то и утешенье, чтобы поколотить его хорошенько. У него ни одной скотины нет, кроме той запаленной лошаденки, на которой он ездит, да и ту он совсем заморил своими ночными походами, так что разоренье наше полное.

Габби бросил печальный взгляд на Грейс Армстронг; она потупилась и вздохнула.

– Не падайте духом, детушки, – сказала бабушка, – у нас немало есть добрых людей, они не оставят нас без помощи. Вот, например, сэр Томас Киттлупф, он мне приходится троюродным братом по матери; а он много денег загреб, да еще и в баронеты был произведен, в ту пору как был комиссаром во время присоединения.

– Он и медной полушки не даст, чтобы спасти нас от голодной смерти, – сказал Габби, – а если бы и дал, так у меня бы в горле застрял хлеб, купленный на его деньги, потому что я бы не мог забыть, что он нажил свое богатство тем, что

продал и корону, и прежнюю независимость нашей бедной Шотландии.

– Ну, так обратимся к лэрду Дандеру, это одна из старейших фамилий в долине Тевииота.

– Он посажен в тюрьму, матушка... отсиживает в Эдинбурге, из-за тысячи марок, которые занял у Сандерса Уилкота, стряпчего.

– Бедняга! – воскликнула миссис Эллиот. – Габби, надо бы послать ему какое-нибудь пособие!

– Вы забыли, бабушка... вспомните, что мы теперь сами нуждаемся в пособиях, – сказал Габби с некоторой досадой.

– И то забыла, голубчик, – отвечала добродушная старушка, – совсем из головы вон на эту минуту. Такая уж привычка, как же не подумать о родных, прежде чем о себе?... Ну, вот еще молодой Эрнсклиф.

– Он и сам не больно богат, ему трудно поддерживать и свое-то громкое имя, – сказал Габби, – так совестно наваливать на него еще заботу о нашей бедности. Да что, бабушка, какая вам охота перебирать имена всех наших сродников и союзников, словно от их знатных фамилий может быть для нас облегчение; кто познатнее, тот о нас и думать забыл, а кто нам ровня, тому впору самому как-нибудь прожить с семьей, никого у нас нет, кто бы мог или захотел нам пособить сызнова заводить ферму.

– Стало быть, Габби, возложим всю надежду на Того, Кто один может и друзей и богатство создать нам, как говорится,

из бесплодного болота.

Габби вскочил с места.

– А ведь вы правы, бабушка, – воскликнул он, – ведь это так и есть. Я знаю одного такого друга на бесплодном болоте, который и может и хочет нам помочь... Сегодня такой выдался тревожный день, что у меня голова кругом пошла и все в ней вверх дном. Сегодня поутру я оставил на пустыре Меклстон-мур такую кучу золота, что с ним можно и дом выстроить, и все хозяйство восстановить вдвое больше и лучше прежнего, и я уверен, что Элши нисколько не посетует на нас за это!

– Элши? – сказала бабушка с удивлением. – Какой такой Элши?

– Да, конечно, все тот же Элши, знахарь и мудрец, что живет на Меклстон-мур, – отвечал Габби.

– Сохрани тебя Бог, дитяtko! Не ходи за водой в худую лохань и не бери денег от тех, кто водится с нечистой силой! От их подарков никому счастья не бывает, и ходить-то к ним большой грех. Кто же в нашей стороне не знает, что этот Элши злой чародей? Ох, кабы жили мы по закону да были бы у нас праведные судьи, которыми всякая земля держится в порядке и благочестии, такого человека не оставили бы в живых! Вот эти знахари да колдуны и губят нашу сторону.

– Нет, матушка, – сказал Габби, – вы себе толкуйте, что хотите, а в нынешние времена колдуны и ведьмы далеко не так могущественны, как в старину; по моему разумению, ка-

кой-нибудь злоумышленник, вроде старого Эллисло, или такой разбойник, как этот проклятый мерзавец Уэстбернфлет, гораздо хуже и вреднее для нашего края, нежели целая стая самых злощих ведьм, какие когда-либо гарцевали верхом на помеле или откалывали коленца на масленицу! Небось, ведь не Элши спалил мой дом и амбары; так уж я попробую попросить его отстроить мне их сызнова. Всем известно тоже, что он человек искусный, слава о нем идет до самого Бруфа, что под Стенмором.

– Погоди немного, дитяtko, вспомни, пошли ли кому впрок его услуги. Джек Хауден все-таки помер по осени от той самой болезни, от которой Элши будто бы вылечил его; а у Лембсайда он хоть и исцелил корову от болотной немочи, зато в ту зиму у него все овцы переболели. Опять же, говорят, он такими словами ругает человеческую натуру, как будто самого Господа Бога попрекает. И не ты ли сам говорил, когда увидел его в первый раз, что он больше похож на пугало, чем на человека!

– Полноте, матушка, – сказал Габби, – Элши не так уж плох; ну, конечно, больно он искалечен, и смотреть на него, нельзя сказать, что приятно, да и речь у него грубая; но язык его острее зубов, и он больше лает, чем кусается, так что, если бы мне дали чего-нибудь перекусить, а то у меня сегодня во рту ни маковой росинки не было, я бы поел да и лег часа два или три соснуть рядом с моей скотиной, а завтра чем свет съезжу на Меклстон-мур.

– А почему же не сегодня, Габби? – спросил Гарри. – И я бы с тобой поехал.

– Моя лошадь уж больно устала, – сказал Габби.

– Так возьми мою, – сказал Джон.

– По правде сказать, я и сам очень утомился.

– Ты утомился? – сказал Гарри. – И тебе не стыдно? Я видел, как ты целые сутки напролет проводил на лошади, да и то никогда не жаловался на усталость.

– Да и ночь какая темная, – сказал Габби, вставая и глядя в окно, – а я, признаюсь откровенно, что греха таить, хоть Элши и славный парень, а все-таки я как-то охотнее пойду к нему при дневном свете!

Это откровенное заявление положило конец уговорам; таким образом, Габби сумел примирить отважные советы брата с осторожными доводами бабушки, после чего ему дали поесть.

Подкрепив свои силы, чем бог послал, и еще раз расцеловав всех присутствующих, он пошел под навес и растянулся рядом со своим верным конем. Его братья поделили между собой несколько снопов чистой соломы, стащив ее в хлев, где старая Эннепл прежде держала свою корову; а женщины кое-как устроились на ночлег внутри хижины.

Габби встал еще до зари и, собственными руками вычистив и оседлав коня, поехал в Меклстон-мур. Он избегал общества своих братьев, так как ему казалось, что карлик лучше принимает того, кто является к нему в одиночку.

– Он так нелюдим, – размышлял Габби по пути, – ему и на одного-то человека тошно смотреть. Интересно узнать, вылезал ли он из своей берлоги и подобрал ли мешок с деньгами. Коли он этого не сделал, какой-нибудь прохожий мог от души порадоваться такой находке, а я останусь в дураках. Ну-ка, Тэррес, – продолжал он, обращаясь к лошади и в то же время давая ей шпоры, – поворачивайся, братец, проворнее, постараемся быть на месте прежде всех!

Он уже выехал на вересковое поле, начинавшее окрашиваться первыми лучами восходящего солнца; грунт был слегка покатым и, спускаясь по нему, ему было явственно видно издали жилище карлика. Дверь домика растворилась, и Габби собственными глазами увидел то, о чем до сих пор слышал только рассказы. Из хижины одинокого отшельника вышли две человеческие фигуры (если можно приложить это понятие и к самому карлику) и, остановившись в ограде, стали разговаривать между собой. Наиболее высокая фигура наклонилась, как бы подняв что-то, лежавшее у дверей хижины; потом обе прошли немного вперед и снова остановились, продолжая совещаться между собой. При виде этого зрелища все суеверные ужасы с новой силой проснулись в душе Габби. Ему казалось одинаково невероятным, чтобы карлик сам впустил смертного в свое жилище или чтобы кто-нибудь добровольно остался у него на ночь. Поэтому, будучи в полной уверенности, что колдун совещается с бесом, Габби придержал лошадь и затаил дыхание, страшась

слишком внезапным появлением нарушить беседу и возбудить их гнев. Но и они, как видно, заметили его, потому что, как только он остановился среди поля, карлик воротился в свою усадьбу, а сопровождавшая его высокая фигура сначала проскользнула за ограду садика, а потом исчезла из глаз изумленного Габби.

«Видано ли когда что-нибудь подобное, – подумал Эллиот, – но я в таком отчаянном положении, что будь тут хоть сам Вельзевул, я бы все-таки попытался к нему сунуться».

Однако, невзирая на такую решимость, он поехал потише; на том самом месте, где в последний раз видел он высокую фигуру, он увидел лежащий среди длинных веток вереска небольшой темный предмет, похожий на спящую собаку из породы такс.

– Никогда я не слыхивал, чтобы он держал собаку, – сказал про себя Габби, – довольно с него и чертей, которые его сторожат, прости, Господи, мое согрешение!.. Что бы это ни было, оно не шевелится... Похоже на барсука, а впрочем, кто их знает, оборотни принимают всякие личины, чтобы только напугать человека... Подойдешь к нему ближе, а он, того и гляди, прыгнет на тебя, словно лев или крокодил. Попробовать разве швырнуть в него камешком, куда издали... А то, коли близко подъедешь, да он вздумает превратиться во что-нибудь другое, моя лошадь непременно взбесится... И мне уж не под силу будет возиться и с конем и с чертом.

Он осторожно швырнул камешек, но предмет оставался

неподвижным.

– Да это вовсе не живая тварь, – молвил Габби, приблизившись к нему, – а тот самый мешок с деньгами, который он вчера выбросил в окошко. А тот другой... долговязый... оттащил его на дорогу, в мою сторону.

Он подошел и приподнял тяжелый мешок, битком набитый золотыми монетами.

– Господи помилуй! – проговорил Габби, и сердце его сначала радостно встрепенулось при мысли об открывавшейся перед ним счастливой будущности, а потом опять замерло со страха, так как он не мог понять, с какой целью предлагается ему такая богатая подачка. – Господи помилуй! Дрожь берет прикасаться к тому, что сейчас только побывало в когтях нечистого. Никак не могу отделаться от мысли, что тут проказничает сам сатана. Ну, будь что будет, а я все-таки буду действовать как следует честному человеку и христианину.

Он подошел к двери, несколько раз постучал, не получил никакого ответа и, наконец, возвысив голос, обратился к обитателю хижины с такой речью:

– Элши! Дедушка Элши! Я знаю, что вы дома, потому что видел вас у дверей, когда ехал с горы. Выйдите, пожалуйста, наружу и побеседуйте минутку с человеком, который желает усердно поблагодарить вас. Все, что вы сказали насчет Уэстбернфлета, оказалось верно; только он прислал Грейс назад, в полной сохранности и без обиды, так что никакой беды не случилось, кроме убытков, которые можно перене-

сти или поправить. Вышли бы вы на минуту, дядюшка, или хоть сказали бы, что слышите! Ну, ладно, коли не хотите проронить ни словечка, я буду продолжать. Я, видите ли, рассудил, что мы с Грейс люди молодые, и больно уж обидно нам будет откладывать свадьбу на многие годы, покуда я отправлюсь за море, сколочу деньжонок и ворочусь домой. К тому же, говорят, нынче за границей на войне не дозволяется наживать добычу так, как в прежние годы, а на королевской службе жалованье маленькое, с него не разживешься. А бабушка у меня уж старый человек... опять же и сестры... коли меня не будет при них, насидятся они без женихов, да натерпят всякого горя. А Эрнслиф и другие соседи, да, пожалуй, что и вы, Элши... может быть, придет вам такая нужда, что Габ Эллиот сможет оказать вам добрую услугу. Могу ведь и я вам пригодиться на что-нибудь. Вот и жалко было бы совсем-то разрушить наше фамильное гнездо. Так вот я и хотел... только, черт побери, прости, Господи, не могу же я просить милостыни у человека, который не удостоивает и одного словечка проронить, так что я даже не знаю, слышит ли он меня!

– Говори что хочешь и делай как знаешь, – отозвался карлик изнутри хижины, – только уйди и оставь меня в покое!

– А-а, ну хорошо, – сказал Эллиот. – Раз вы слушаете, я постараюсь объясниться покороче. Вы были так добры, сказав, что с удовольствием дадите мне денег, сколько нужно на стройку и на возобновление всего хозяйства в Хейфуте; ну

и я со своей стороны очень рад принять от вас эту помощь и премного вам обязан за великую любезность. В моих руках эти денежки будут, пожалуй, сохраннее, чем в ваших, потому что вы вон взяли да и выкинули их на дорогу, где всякий проезжий негодяй мог их поднять и присвоить; а есть и такие, что в запертые двери ломаются и стены прошибают, как я сам испытал на свое горе. Так я и говорю, что, если вы мне оказываете такое милостивое расположение, я с радостью принимаю вашу добрую помощь, и мы с матушкой – она пожизненно владеет пустошью Уайдонен, а я после нее наследник, – мы вам выдадим вексель или закладную на эту землю, и каждые полгода будем выплачивать вам годовичную ренту; все бумаги выправим у Сандерса Уилкота, нотариуса, и уж возьмем издержки на свой счет!

– Перестань болтать вздор и убирайся прочь, – сказал карлик, – от твоей тупоголовой и словоохотливой честности мне еще тошнее, чем от вороватого искусства тех светских людей, которые обернут человека дочиста и не побеспокоят его ни благодарностью, ни извинениями, ни разъяснениями. Прочь, говорю тебе, уходи скорее! Ты из тех смиренных рабов, у которых честное слово стоит всяких писанных договоров. Бери деньги и держи у себя капитал и проценты, пока я сам не потребую их обратно!

– Как же так, Элши, – возразил упрямый фермер, – все мы люди смертные, так надо на этот счет выправить какое-нибудь обеспечение. Коли хотите, сами напишите бумагу, рас-

писку там, что ли, или что другое, а я отдам переписать и подпишусь, как следует, при благородных свидетелях. Только уж я вас попрошу, Элши, не вставляйте ничего такого, что послужило бы во вред спасению моей души; потому что я непременно дам вашу записку прочесть пастору, стало быть, только понапрасну подведу вас под неприятности... Ну а теперь я уйду, потому что вам надоело слушать, а мне надоело болтать, не получая ответа... А вот лучше я принесу вам как-нибудь на днях кусок свадебного пирога, да, может быть, и Грейс приведу с собой. Вот увидите, что за благодать – хоть только поглядеть на мою Грейс... Ох, Господи! Уж здоров ли он, что это как он страшно зарычал?.. Или, может быть, оттого, что я помянул про благодать?.. Бедняга! Должно быть, туго ему приходится! А ведь какой добрый! Обошелся со мной как с родным сыном... Вот был бы у меня диковинный отец, кабы и вправду я ему сыном приходился!

С этими словами Габби избавил благодетеля от своего присутствия и в радостном настроении отправился домой показывать свое богатство и советоваться с домашними насчет поправок и возмещения убытков, нанесенных ему падением Рыжего разбойника из Уэстбернфлета.

Глава XI

*Едва лишь солнце поднялось,
В мой терем трое ворвалось;
Схватили бедную меня
И положили на коня,
Связавши, поперек седла;
А чтоб кричать я не могла,
Мне силой зажимали рот
И быстро увезли. И вот,
Клянуся вам душой моей,
Что я не знаю тех людей!*

«Кристабел»^[26]

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление, дабы выснить обстоятельства, поставившие мисс Изабеллу Вэр в то неприятное положение, из которого так неожиданно и даже невольно вывело ее появление Эрнсклифа, Эллиота и их товарищей перед стенами башни Уэстбернфлет.

Поутру, накануне того дня, когда произошел грабеж и пожар на ферме Габби Эллиота, мистер Вэр позвал свою дочь на прогулку в отдаленную часть живописных угодий, окружавших замок Эллисло.

Такое приглашение было равносильно приказанию и требовало столь же безусловного повиновения, как и в домашнем быту любого восточного деспота. Изабелла молча, но с

трепетом следовала за отцом то по каменистым тропинкам, вившимся вдоль берега реки, то по крутым скалам, выдвигавшимся над водой. Единственным провожатым был слуга, как будто нарочно выбранный за свое тупоумие. Судя по молчанию отца, Изабелла не сомневалась, что он затеял эту дальнюю и уединенную прогулку с целью возобновить так часто повторявшийся между ними разговор насчет сватовства сэра Фредерика и теперь придумывает, с чего бы начать, так чтобы окончательно убедить ее в необходимости принять его предложение. Однако поначалу казалось, что ее опасения были неосновательны. Несколько фраз, произносимых ее отцом время от времени, относились исключительно к красотам разнообразного и романтического пейзажа, через который они проходили. Хотя эти замечания произносились таким мрачным тоном, что видно было, из какого угрюмого и озабоченного источника они происходили, Изабелла старалась отвечать на них как можно более непринужденно, хотя собственное ее сердце невольно сжималось от предчувствия чего-то недоброго.

С трудом поддерживая такую отрывочную беседу, они дошли до середины небольшого леса, состоявшего из крупных дубов, перемешанных с березой, горной ольхой, орешником, остролистом и разнообразным кустарным подлеском. Высокие деревья соприкасались вверху своими густыми шатрами, а внизу стволы их тонули в чаще кустов. Но место, где они остановились, было более открыто: это была полянка, осе-

ненная естественными аркадами старых деревьев и окаймленная более молодыми кустами и подлеском.

– А здесь, Изабелла, – сказал мистер Вэр, продолжая все тот же отрывистый разговор, – здесь воздвиг бы я храм, посвященный дружбе!

– Дружбе, сэр? – сказала мисс Вэр. – Почему же именно в таком уединенном и унылом месте?

– О, пригодность этого места для подобной цели легко объяснить, – отвечал ее отец насмешливым тоном. – Вам известно, мисс Вэр, – потому что вы, я знаю, барышня образованная и ученая, – что римляне боготворили не только всякое полезное качество и нравственное свойство, делая из каждого отдельное божество, но ставили отдельные алтари каждому из личных атрибутов или особенностей такого божества. Так, например, и здесь, воздвигая храм дружбе, я разумел бы не мужскую приязнь, для которой ненавистны и презренны всякие извороты, ложь и лицемерие, но именно женскую дружбу, которая вся основана на том, что так называемые подруги подбивают друг друга на обман, плутни и мелкие интриги.

– Вы очень строги, сэр, – молвила мисс Вэр.

– Нет, я только справедлив, – сказал ее отец, – я рисую прямо с натуры, имея перед глазами такие превосходные образцы, как вы и Люси Илдертон.

– Если я имела несчастье прогневать вас, сэр, могу по совести сказать, что мисс Илдертон ничего мне не советовала

и ничему не учила.

– Вот как, – сказал мистер Вэр, – в таком случае, откуда же взялись у вас такие дерзкие речи и такая решительность тона, которыми вы последнее время озадачивали сэра Фредерика, а мне доставили глубокое огорчение?

– Если мои манеры были таковы, что причинили вам неудовольствие, сэр, то искренно прошу у вас прощения; но не могу сказать, чтобы ощущала раскаяние в том, что отвечала в решительном тоне на грубые приставания сэра Фредерика. Когда он позабывает, что я девушка из порядочного круга, должна же я напомнить ему, по крайней мере, что я женщина!

– Поберегите свою запальчивость для тех, кто станет приставать к вам по этому поводу, Изабелла, – отвечал ее отец холодно, – что до меня, этот предмет смертельно мне наскучил и я никогда больше не буду о нем говорить.

– Да благословит вас Бог, милый папенька, – сказала Изабелла, схватив почти насильно его руку, – что бы вы ни приказали мне, чего бы ни потребовали, я готова делать все на свете, лишь бы позволили мне не слушать этого человека.

– Вы очень любезны, мисс Вэр, в тех случаях, когда вам угодно быть почтительной, – сказал беспощадный отец, вырывая у нее свою руку, – только отныне я себя избавлю от труда подавать вам неприятные советы. Можете действовать по собственному усмотрению.

В эту минуту из лесу выскочили четыре разбойника и на-

пали на них. Мистер Вэр и его слуга выхватили из-за пояса ножи, которые в то время каждый носил при себе, и попытались отбиться и защитить Изабеллу. Но пока они боролись с двумя противниками, двое остальных схватили ее, утащили в чашу и посадили на заранее приготовленную лошадь; потом оба сели на других лошадей, поместились у ней по бокам, взяли в руки ее поводья и поскакали крупной рысью. Ехали извилистыми тропинками, по глубоким лощинам и горам, через болота и трясины, и привезли ее, наконец, в башню Уэстбернфлет; тут старуха, мать разбойника, приняла ее на свое попечение и, хотя обращалась с ней не дурно, но присматривала очень строго и, невзирая ни на какие мольбы, не соглашалась сказать Изабелле, зачем ее увезли насильно, с какой целью заперли и держат в таком глухом месте.

Появление перед башней Эрнсклифа со значительным отрядом конных товарищей испугало разбойника. Так как он уже распорядился отправить Грейс Армстронг обратно к ее родным, ему и в голову не пришло, что непрощенные гости явились именно за ней. Увидев во главе партии Эрнсклифа, о привязанности которого к мисс Вэр он не раз слышал, ему показалось очевидным, что на его жилище нападают с единственной целью освободить ее. Боясь для себя лично очень неприятных последствий ее задержания, он счел более благоразумным выдать пленницу на описанных выше условиях.

Как только замер вдали топот лошадей, увозивших по лесу Изабеллу Вэр, отец ее упал на землю. Его слуга, дюжий

парень, начинавший одолевать своего противника, перестал сражаться и бросился на помощь своему господину, думая, что он смертельно ранен. Оба негодяя тотчас отказались от дальнейшего состязания, скрылись в чащу, вскочили на запряженных там лошадей и во весь дух помчались вслед за своими товарищами.

Между тем слуга Диксон с удовольствием убедился, что мистер Вэр не только не мертв, но даже не ранен. Он только потерял равновесие и упал, споткнувшись о древесный корень, в тот момент, как слишком сильно замахнулся на своего противника. Отчаяние, овладевшее им по поводу похищения дочери, по выражению Диксона, растрогало бы даже каменное сердце. Он столько времени разыскивал следы похитителей, тщетно бросаясь то в одну сторону, то в другую, и от волнения до того ослабел, что прошло много времени, прежде чем он возвратился к себе домой и сообщил домохозянам о постигшем его несчастье.

В это время он вел себя и говорил, как человек, пришедший в самое отчаянное состояние.

– Перестаньте, не говорите со мной, сэр Фредерик! – говорил он нетерпеливо. – У вас не отцовское сердце... а ведь она мне дочь; правда, быть может, неблагодарная дочь, но все-таки родное дитя мое, единственное дитя! Где мисс Илдертон? Она что-нибудь должна знать об этом. Это как раз вяжется с тем, что мне сообщали о ее планах. Диксон, пойдди позови мне Ратклиффа... Скажи, чтобы шел сюда немед-

ленно!

В эту минуту в комнату вошел тот самый джентльмен, за которым он посылал.

– Слышишь, Диксон, – продолжал мистер Вэр, меняя тон, – доложи мистеру Ратклиффу, что я покорнейше прошу его сойти сюда по важному делу... Ах, это вы, дорогой сэр! – прибавил он, как будто только сейчас заметил вошедшего. – Вы единственный человек, могущий подать мне благой совет в такую ужасную минуту.

– Что случилось, мистер Вэр, и что вас так расстроило? – спросил мистер Ратклифф степенно; и покуда хозяин замка Эллисло со всеми признаками горестного негодования рассказывает ему об удивительном утреннем приключении, мы воспользуемся этим моментом, чтобы сообщить читателю о взаимных отношениях этих джентльменов между собой.

В ранней юности мистер Вэр вел жизнь чрезвычайно разгульную, а на склоне лет предался не менее пагубной страсти, а именно самому необузданному и мрачному честолюбию. В обоих случаях он удовлетворял своей преобладающей потребности, не справляясь со своими финансовыми средствами, и хотя в иных случаях отличался скупостью, сребролюбием и даже скаредностью, но мало-помалу сильно расстроил свое состояние. В сильно стесненных обстоятельствах отправился он в Англию и там, как говорят, женился весьма выгодно. В течение многих лет он не бывал в своем родовом поместье, но в один прекрасный день приехал туда

внезапно, уже вдовцом и в сопровождении дочери, девочки лет десяти. С этих пор он начал жить так широко, что обитатели его родных гор, простодушные соседи, не могли надивиться такой расточительности. Полагали, что он по уши залез в долги; но он продолжал тратить деньги так же широко, пока общее мнение не подтвердилось тем обстоятельством, что в замке Эллисло поселился вдруг мистер Ратклифф, и, очевидно к великому неудовольствию хозяина, но как бы с его согласия, с первых же дней своего водворения в доме начал заправлять хозяйством и оказывать какое-то необъяснимое влияние на частные дела мистера Вэра. Это случилось за несколько месяцев до начала нашего повествования.

Мистер Ратклифф был человек серьезный, степенный, сдержанный и уже очень пожилой. Все, кому приходилось вступать с ним в деловые отношения, не могли нахвалиться его познаниями и начитанностью. С остальными он редко разговаривал, но, когда случалось ему в общей беседе высказать свои воззрения, видно было, что у него развитой ум и обширное образование. Еще до своего окончательного водворения в замке он несколько раз приезжал туда в гости, и мистер Вэр при этих случаях обращался с ним крайне внимательно и даже почтительно, что далеко не было для него обычным способом обхождения с людьми низшего состояния. Тем не менее приезд этого гостя каждый раз заметно смущал хозяина, а его отъезд доставлял ему видимое облегчение, так что, когда мистер Ратклифф сделался постоянным

обитателем замка, для всех было очевидно, что его присутствие решительно тяготит мистера Вэра.

Их отношения представляли странную смесь доверия и натянутости. Мистер Ратклифф заправлял всеми важнейшими делами домохозяина, который далеко не был из числа тех беспечных богачей, что с радостью сваливают свои заботы на чужие плечи; однако не раз было замечено, что он отказывался от собственного мнения и подчинялся противоположным решениям мистера Ратклиффа, не стеснявшегося в выражении своего образа мыслей.

Ничто, по-видимому, до такой степени не досаждало мистеру Вэру, как если в присутствии посторонних лиц случались подобные примеры его зависимости от мистера Ратклиффа. Когда сэра Фредерик или кто-нибудь из других гостей позволял себе делать на этот счет замечания, он или с надменным негодованием оспаривал их справедливость, или же старался обратить дело в шутку и говорил смеясь:

– Этот Ратклифф, правда, немножко важничает, но зато это честнейший и дельнейший человек; без него я бы ни за что не сладил с управлением моих поместий в Англии.

Таков был джентльмен, вошедший в комнату в ту минуту, когда мистер Вэр за ним посылал. Когда ему наскоро передали историю того, что случилось с Изабеллой, он принял это известие с большим удивлением и с очевидным недоверием.

Мистер Вэр закончил этот рассказ, обратившись к сэру Фредерику и прочим джентльменам, стоявшим вокруг в без-

молвном изумлении:

– Друзья мои, вы видите перед собой несчастнейшего из отцов. Не откажите мне в своем содействии, господа!.. Подайте совет, что мне делать, мистер Ратклифф, сам я не в состоянии ничего придумать, так меня сразило это ужасное происшествие.

– Сядем на коней, соберем прислугу и поедем по всем окрестностям искать следов этих мерзавцев! – сказал сэр Фредерик.

– Не можете ли припомнить, – сказал Ратклифф серьезно, – нет ли такого лица, для которого столь странное преступление было бы выгодно? Мы живем в практическое время, нынче уж барышень не похищают из-за одной их красоты.

– Опасаюсь, что этот странный случай объяснится слишком просто, – сказал мистер Вэр. – Прочтите вот это письмо, которое мисс Люси Илдертон изволила писать из замка Эллисло молодому Эрнсклифу, то есть наследственному врагу моего дома. Как видите, она ему пишет как поверенная нежной страсти, которую он самонадеянно питает к моей дочери, сообщает ему, что горячо поддерживает его интересы перед своей подругой, но что у него и так есть сторонница в осаждаемой крепости, и гораздо более влиятельная. Обратите внимание на подчеркнутые строчки, мистер Ратклифф; эта назойливая девица советует ему действовать решительнее, заверяя, что его сватовство всюду имело бы успех, но

только не в пределах баронского поместья Эллисло.

– И вы, мистер Вэр, заключаете из этого романтического письма весьма романтической молодой девицы, что Эрнслиф похитил вашу дочь, – сказал Ратклифф, – и, следовательно, совершил весьма серьезное и преступное деяние без всяких к тому поводов, помимо того, что могла ему присоветовать мисс Люси Илдертон?

– Да как же иначе об этом думать? – сказал Эллисло.

– И что вы можете сказать против этого? – сказал сэр Фредерик. – Кому же еще могло быть выгодно совершить подобное преступление?

– Если бы разыскивать виновных на этом основании, – сказал мистер Ратклифф спокойно, – то было бы легко указать на лиц, которым более привычен такой образ действий, и притом более причин к совершению такого поступка. Положим, что кто-нибудь желал бы удалить отсюда мисс Вэр и поместить в такие условия, где легче будет заставить ее покориться чужой воле, нежели это возможно при существующих обстоятельствах в замке Эллисло. Что скажет на это сэр Фредерик Лэнгли?

– Я скажу, – отвечал сэр Фредерик, – что, хотя мистеру Вэру угодно переносить со стороны мистера Ратклиффа дерзости, вовсе несовместные с его званием, но я не намерен безнаказанно переносить ничего подобного и не дозволю никаких оскорбительных намеков на свой счет.

– А я скажу, – вмешался юный Маршал из Маршал-Уэль-

са, гостивший в замке, — что все вы, должно быть, вовсе потеряли рассудок: чем стоять здесь и спорить из-за пустяков, не лучше ли поспешить в погоню за негодяями?

— Я уже распорядился, — сказал мистер Вэр, — и послал часть прислуги в ту сторону, где всего вероятнее настигнуть их; если вам угодно сопровождать меня, я вас покорнейше попрошу поехать туда же и помочь нашим разведчикам в их поисках.

Эти поиски производились без всякого успеха, быть может, потому, что Эллисло направлял их в сторону замка Эрнсклиф, выразив предположение, что хозяин этого поместья и есть похититель его дочери, между тем как по-настоящему надо было искать виновных в направлении прямо противоположном. Вечером все воротились в Эллисло измученные и недовольные. Но в отсутствие их в замок прибыли другие гости, и им еще раз было рассказано о несчастье, постигшем хозяина дома, и они тоже сначала изумились, а потом потужили; этот случай вскоре был на время позабыт или, по крайней мере, внимание к нему померкло, перейдя всецело к обсуждению политических интриг и важности настоящей критической минуты, когда с часу на час ожидалось начало восстания.

Многие из джентльменов, принявших участие в совещании, были католики и все до одного горячие приверженцы Стюартов (якобиты); они были преисполнены самых радужных надежд, потому что каждый день ожидали из Франции

высадки подкреплений в пользу претендента; а в Шотландии, ввиду несостоятельности местных крепостей и малочисленности их гарнизонов, были расположены скорее принять чужеземных гостей с честью, нежели оказывать им сопротивление. Ратклифф не принимал никакого участия в этих совещаниях, да его и не приглашали на них, а потому он заранее удалился в свою комнату. Мисс Илдертон находилась под почетным арестом в отведенной ей светлице, и мистер Вэр распорядился «доставить ее в родительский дом», что и было исполнено на другой день.

Прислуга только дивилась тому, что гости так скоро и легко примирились с отсутствием мисс Вэр и с более чем странным способом ее исчезновения из замка. Они не знали, что лицам, наиболее заинтересованным в ее судьбе, были доподлинно известны и повод к ее похищению, и место ее пребывания; остальные же были слишком поглощены сомнениями и тревогами, предшествующими выполнению политического заговора, чтобы думать о чем-либо, кроме своих личных интриг и интересов.

Глава XII

*Те шлют сюда, а эти шлют туда;
Куда ж идти, скажите, господа?*

Поиски мисс Вэр возобновились и на другой день (вероятно, ради соблюдения приличий); они были опять так же неудачны, и к вечеру общество снова возвратилось в Эллисло.

– Удивительное дело, – сказал Маршал Ратклиффу, – целых четыре всадника и их пленница проехали по здешним окрестностям и точно в воду канули, не оставив ни малейших следов!

– Люди часто добиваются правды путем исключения, – отвечал Ратклифф. – Мы теперь побывали на всех дорогах, тропинках и просеках, ведущих из замка во все стороны, исключая один лишь сложный и трудный путь, который тянется к югу на Уэстберн и пролегает через болота.

– А почему же мы туда не заглядывали? – спросил Маршал.

– О, об этом нужно спросить мистера Вэра, – сухо отвечал его собеседник.

– Так я сейчас спрошу, – молвил Маршал и, обращаясь к мистеру Вэру, сказал: – Я слышал, сэра, что есть еще одна тропинка, не исследованная нами и ведущая в Уэстбернфлет!

– О, – отозвался со смехом сэр Фредерик, – владелец Уэстбернфлета нам хорошо известен... Это довольно неотесанный парень, не видящий большой разницы между имуществом соседа и своим собственным; но у него тем не менее благородные правила: он не тронет ничего, принадлежащего владельцу Эллисло.

– К тому же, – сказал мистер Вэр с загадочной улыбкой, – он закинул удочку в другом месте. Вы слышали, что прошлой ночью сгорела ферма молодого Эллиота из Хейфута и весь его скот угнали за то, что он отказался выдать свое оружие некоторым благомыслящим людям, которые намереваются восстать в защиту короля?

Спутники с улыбкой переглянулись, как бы радуясь, что совершен такой подвиг, выгодный для их общего дела.

– Однако, – возразил Маршал, – по-моему, следует съездить на разведку и в ту сторону, иначе нас могут справедливо укорить в небрежности.

Так как на это возразить было нечего, вся компания повернула лошадей по направлению к Уэстбернфлету.

Отъехав на некоторое расстояние, они услышали конский топот с противоположной стороны и вскоре увидели группу всадников, ехавших им навстречу.

– Вон едет Эрнсклиф, – сказал Маршал, – я узнал его чудесную гнедую лошадь со звездочкой во лбу!

– А с ним и дочь моя! – с яростью воскликнул мистер Вэр. – Кто может теперь утверждать, что мои подозрения

были напрасны или оскорбительны? Джентльмены... друзья мои... обнажите ваши шпаги, помогите отбить мою дочь!

Он выхватил свою шпагу из ножен; его примеру последовали сэр Фредерик и некоторые другие, с намерением тотчас напасть на приближавшуюся группу. Но большинство воздержалось от этого.

– Они едут мирно и спокойно, – сказал Маршал-Уэльс. – Сперва послушаем, как они объяснят это таинственное происшествие. Если Эрнклиф нанес мисс Вэр малейшее неудовольствие или оскорбление, я первый готов за нее вступить и отомстить; но надо же узнать, в чем дело!

– Вы оскорбляете меня своими подозрениями, Маршал, – продолжал Вэр, – никак я не ожидал от вас такого недоверия!

– А вы себе вредите своей запальчивостью, Эллисло, хотя причина такова, что вам это извинительно.

Маршал-Уэльс выехал вперед и закричал громким голосом:

– Остановитесь, мистер Эрнклиф, или подъезжайте вы и мисс Вэр вдвоем, а остальные пусть остаются на месте! Вас обвиняют в том, что вы похитили эту девицу из родительского дома, а мы собрались здесь с оружием в руках, готовые пролить свою кровь ради ее освобождения и расправиться со всяким, кто ее обидел или оскорбил!

– А кто же охотнее меня предпринял бы подобную расправу, мистер Маршал? – сказал Эрнклиф надменно. – Я только сегодня поутру имел удовольствие освободить ее из

заклучения в башне, где она томилась, а в настоящую минуту провожаю ее обратно в Эллисло!

– Так ли это, мисс Вэр? – сказал Маршал.

– Так, так, – поспешно отвечала Изабелла, – конечно! Ради бога, вложите оружие в ножны! Клянусь всем, что есть святого, что меня похитили разбойники; я не знаю ни их самих, ни того, зачем они это сделали, а получила свободу по милости вот этого джентльмена!

– Но кто же мог это сделать и для чего? – продолжал Маршал. – Разве место, куда вас привезли, было вам совсем незнакомо?.. Эрнскиф, где вы застали мисс Изабеллу Вэр?

Но прежде, нежели последовал ответ на тот или другой из вопросов, Эллисло подъехал, вложил шпагу в ножны и положил конец объяснениям, ухватив лошадь своей дочери под уздцы.

– Когда я наверное узнаю, – сказал он, – до каких размеров простираются мои обязательства к мистеру Эрнскифу, он может рассчитывать на соответственную благодарность с моей стороны, а пока я благодарю его за то, что он возвратил мою дочь ее естественному покровителю.

Он угрюмо кивнул головой Эрнскифу, на что молодой человек ответил ему так же горделиво, после чего Эллисло повернул своего коня и, уезжая рядом с дочерью, вступил с ней в такой серьезный разговор, что остальное общество сочло более приличным отстать от них и предоставить им совещаться на свободе.

Эрнсклиф обратился к партии мистера Вэра и, поклонившись присутствующим, сказал во всеуслышание:

– Не могу себе представить, на каком основании могло возникнуть подобное подозрение, однако вижу, что мистер Вэр считает возможным мое участие в насильственном похищении его дочери. Прошу вас, господа, быть свидетелями, что я положительно отвергаю столь обидное обвинение, и хотя могу снизойти к расстроенным чувствам отца, способного забыть в подобную минуту, но если бы кто из других джентльменов, – тут он взглянул в упор на сэра Фредерика Лэнгли, – счел мое уверение, слова мисс Вэр и свидетельство друзей, меня сопровождающих, недостаточными для моего оправдания, я с удовольствием, с величайшим удовольствием берусь опровергнуть возведенную на меня клевету тем способом, который всего приличнее для человека, дорожащего честью более, чем жизнью!

– А я буду его секундантом, – молвил Саймон из Хэкборна, – и берусь один постоять против двоих из вас, кто бы вы ни были, господа или слуги, мне все едино!

– Это что за грубиян, – сказал сэр Фредерик Лэнгли, – и как он смеет вмешиваться в ссоры джентльменов?

– А я из Верхнего Тевиота, – отвечал Саймон, – и могу ссориться с кем хочу, только бы не с королем да не с тем помещиком, на землях которого живу!

– Ну, ладно, ладно, – сказал Маршал, – не будем поднимать шума из-за пустяков... Мистер Эрнсклиф, хоть мы с

вами и различного мнения насчет некоторых пунктов, надеюсь, что, если доведется нам, по воле судьбы, стать даже врагами, все-таки мы оба сохраним уважение друг к другу и, если сразимся, то все будет честно и благородно. Я считаю, что вы так же неповинны в этом деле, как и я сам; ручаюсь, что и кузен мой Эллисло, когда оправится от перенесенных волнений и будет в состоянии здраво рассуждать, в полной мере признает, что вы оказали ему сегодня чрезвычайно важную услугу, и постарается выразить вам за это свою признательность.

– С меня довольно и сознания, что я оказал услугу вашей кузине... Доброго вечера, господа, – продолжал Эрнсклиф, – я вижу, что ваши товарищи уже направились в Эллисло!

Он любезно раскланялся с Маршалом, равнодушно кивнул головой остальным, повернул коня и поехал в Хейфут, чтобы условиться с Габби Эллиотом насчет дальнейших мер к отысканию его невесты, о возвращении которой в семью он еще не знал.

– Каким молодцом он сидит на лошади! – молвил Маршал, глядя ему вслед. – Славный юноша, ей-богу, а хотелось бы мне с ним сразиться в чистом поле! В школе мы с ним считались почти одинаковой силы в фехтовании на рапирах; но теперь приятно было бы померяться острым оружием.

– По-моему, мы напрасно так выпустили их из рук, – сказал сэр Фредерик Лэнгли, – следовало обезоружить этого Эрнсклифа и его товарищей, иначе виги^[27] могут наделать

нам хлопот под начальством такого молодчика.

– Стыдитесь, сэр Фредерик! – воскликнул Маршал. – Неужели вы думаете, что Эллисло был бы способен согласиться на подобное насилие над Эрнсклифом, когда он только затем и ступил на его землю, чтобы воротить ему дочь? Да если бы и оказалось, что он на этот счет одного мнения с вами, ни я, ни один из этих джентльменов наверное не согласились бы унизиться до содействия вам в этом случае. Нет-нет! Да здравствует старинная шотландская честность! Когда придется обнажить меч на деле, и я сумею действовать им не хуже других; но пока мы не в ратном поле, будем вести себя как джентльмены и добрые соседи.

С такими разговорами приехали они в замок. Эллисло, достигший своего жилища на несколько минут раньше, встретил их на дворе.

– Как себя чувствует мисс Вэр и не узнали ли вы чего насчет поводов к ее похищению? – осведомился Маршал с живостью.

– Она очень утомлена и удалилась в свою комнату; я видел, что нельзя ожидать большого толку от расспросов, пока она несколько не оправится, а потому отложил объяснения до другого раза, – отвечал ее отец, – тем не менее и она и я очень благодарны вам, Маршал, а также и остальным нашим добрым друзьям за ваше любезное содействие. Но я обязан на время подавить в себе родительские чувства и всецело отдаться патриотическим соображениям. Вам извест-

но, что нынешний вечер у нас назначен для принятия окончательного решения. Время не терпит... наши друзья собираются... мои двери для всех открыты, не только для нашей братии, дворян, но и для тех низших деятелей, которых мы по необходимости должны употреблять в дело. Надо поспешить; немного осталось времени на приготовление к приему гостей. Марши (такова была уменьшительная кличка Маршала, сочиненная его приятелями), просмотрите эти списки, а вы, сэр Фредерик, прочтите письма, полученные из Лотигана и западных провинций. Везде жатва поспела, предстоит только собрать жнецов!

– И отлично, – сказал Маршал, – чем больше возни, тем больше веселья.

Сэр Фредерик стоял с недовольным и хмурым лицом.

– Пройдемся немного в сторону, друг мой, – сказал Эллисло омрачившемуся баронету, – мне надо сообщить вам наедине нечто такое, чем, я знаю, вы будете довольны.

Они прошли в дом, а Ратклифф и Маршал остались на дворе.

– Что же это, – сказал Ратклифф, – неужели эти джентльмены, ваши политические единомышленники, считают наше правительство таким непрочным, что уже не стесняясь обнаруживают свои махинации против него?

– По чести, мистер Ратклифф, – отвечал Маршал, – может быть, вашей партии было бы приличнее прикрываться ради благопристойности, а мы пойдем в откровенной наготе.

– Возможно ли, чтобы вы, – продолжал Ратклифф, – не взирая на все ваше легкомыслие и горячность... Вы меня простите за выражение, мистер Маршал, но я человек прямой. Но вы, помимо этих прирожденных недостатков, все-таки человек от природы здравомыслящий, образованный, и при всем том неужели вы настолько слепы, что добровольно впутались в такое отчаянное предприятие? Скажите, как вы себя чувствуете, присутствуя при этих опасных совещаниях?

– Да как вам сказать, – отвечал Маршал, – я действительно чувствую тогда, что моя голова не так крепко сидит на плечах, как если бы я рассуждал об охоте с гончими или с соколами. Но ведь это оттого, что я не так прочно создан, как мой любезный кузен Эллисло: он говорит об измене так бегло и просто, точно читает детскую басенку; дочь у него пропадала, прелестная девушка... потом опять нашлась, и он к этому относится гораздо спокойнее, чем мог бы я отнестись, если бы у меня пропал щенок от охотничьей собаки, а потом отыскался бы снова. У меня, видите ли, нрав не такой непреклонный, да и ненависть моя к существующему правительству не настолько сильна, чтобы я утратил сознание опасности такого предприятия.

– Так зачем же вы в нем участвуете? – спросил Ратклифф.

– Во-первых, я всем сердцем привязан к бедному королю-изгнаннику; во-вторых, мой покойный отец был в числе тех, что дрались под Килликрэнки^[28], а потом... ужасно хочется поколотить тех льстивых юнионистов, что предали

и продали нашу королевскую корону и нашу древнюю шотландскую самостоятельность!

– Стало быть, ради этих призраков вы намерены вовлечь свою родину в междоусобную войну, а себя подвергать всяким случайностям? – продолжал разумный старик.

– Я-то, собственно, никого не вовлекаю, а что до случайностей, то чем скорее, тем лучше. Не все ли равно, ведь чему быть, того не миновать, и когда бы ни пришел мой конец, я от того моложе не сделаюсь. Ну а что до виселицы, как говорит сэра Джон Фальстаф^[29], так и мы на это годимся не хуже всякого другого, знаете, как в балладе поется^[30]:

Так бойко он да весело
Всю жизнь свою провел,
Что с пляскою да с присвистом
Под виселицу шел...

– Жалко мне вас, мистер Маршал, – молвил старик серьезно.

– Очень вам благодарен, мистер Ратклифф; но, пожалуйста, по моим речам не судите о нашем предприятии: в этом деле участвуют головы и поумнее моей.

– И умные головы могут свалиться так же низко, как другие, – сказал Ратклифф наставительно.

– Может быть, но никто не пойдет в дело с более легким сердцем, чем я. А вот чтобы оно у меня не отяжелело от ваших увещеваний, я лучше прощусь с вами, мистер Рат-

клифф. До свиданья, до обеда... Увидите, по крайней мере, что сознание опасности не умерило моего аппетита!

Глава XIII

*Наверно, не желаете принять
Участие в кровавом возмущенье,
Которое явилось, как всегда,
В своем обыкновенном, гнусном виде,
С толпой бездомных нищих и мальчишек,
Безумно подстрекаемых враждою...*

Шекспир. «Король Генрих IV»

Великие приготовления делались в замке Эллисло к этому дню в ожидании множества гостей. Здесь должны были собраться сегодня не только соседние дворяне, преданные делу Стюартов, но и всякая мелкота, которую затруднительные обстоятельства, любовь к приключениям, недовольство Англией и мало ли какие другие побуждения, разжигавшие человеческие страсти того времени, склоняли к участию в таком рискованном предприятии. Людей родовитых и богатых тут было немного; почти все крупные землевладельцы держались в стороне от заговора, а из более мелких большинство принадлежали к пресвитерианской церкви и потому хотя и были недовольны воссоединением королевств, однако не желали действовать заодно с якобитами. Впрочем, тут все же было несколько джентльменов с состоянием, которые из политических видов или по религиозному убеждению, а кто

и по сочувствию к честолюбивым планам мистера Вэра прикнули к его партии. Было и несколько пылких юношей, которые, подобно Маршалу, пуще всего стремились отличиться чудесами храбрости в надежде отвоевать обратно независимость своей родины. Остальное сборище состояло из простых авантюристов, которые охотно пристали к восстанию в этой области, так же как впоследствии, в 1715 году, встали под знамена Форстера и Дервентуотера^[31] и воевали под начальством пограничного помещика Дугласа; известно, что его отряд состоял почти исключительно из бродяг и разбойников, среди которых особенно отличался и был весьма уважаем вор, по прозвищу Лакин-бэг, то есть Счастливчик. Считаю необходимым коснуться этих подробностей, относящихся только к той местности, где происходила наша повесть, потому что в других областях королевства партия якобитов состояла из гораздо более грозных и несравненно более почтенных личностей.

Один длинейший стол тянулся вдоль просторного зала в замке Эллисло, остававшемся почти в том же виде, каким был сто лет назад. Этот мрачный зал занимал одну из сторон замка во всю длину: сводчатый потолок его поддерживался рубчатыми колоннами и был покрыт каменными изваяниями всех чудищ и фантастических тварей, какие могло придумать необузданное воображение готического зодчего, и все эти дикие образы усмехались, хмурились и скалили зубы на многочисленное общество, собравшееся под ними. Пирше-

ственный зал с обеих сторон освещался длинными, узкими окнами с цветными стеклами, сквозь которые солнце проливал тусклый и неопределенный свет. Над креслом хозяина возвышалось знамя, по преданию отнятое у англичан в битве под Сарком и будто нарочно поставленное тут, с тем чтобы пробудить отвагу присутствующих, напомнив им о прежних победах над соседями. Сам Эллисло, со своей величавой фигурой, одетый на сей раз с особой изысканностью, и с чертами лица, которые, несмотря на угрюмое и суровое выражение, были все-таки положительно красивы, представлял собой типичный образец старинного феодального барона. По правую руку от него сидел сэр Фредерик Лэнгли, по левую – Маршал-Уэльс. Далее на верхнем конце стола разместились важные гости, более или менее значительные помещики, их сыновья, братья, племянники; тут же сидел и мистер Ратклифф. Посреди стола возвышался массивный серебряный судок с солонкой, а ниже его за столом сидела мелкота *sine nomine turba*⁷, то есть люди, считавшие за великую честь занимать хотя бы и низшие места за общей трапезой, между тем как порядок их размещения льстил также и гордости более значительных лиц.

Надо сознаться, что состав этой нижней палаты был далеко не избранный, так как в числе гостей находился и Уилли из Уэстбернфлета. Наглость этого человека, осмелившегося явиться как ни в чем не бывало в дом джентльмена, кото-

⁷ Без имени (*лат.*).

рого он только что оскорбил чувствительнейшим образом, объясняется тем, что он был заранее убежден в полной безнаказанности и в том, что его участие в похищении мисс Вэр останется тайной между ним и ее отцом.

Роскошный обед, предложенный этому многочисленному и смешанному обществу, состоял не из гастрономических тонкостей, а из множества сытных, обильных и солидных кушаний, под которыми трещали доски стола. Но обед был невеселый и настроение гостей не соответствовало качеству угощения. На нижнем конце довольно долго ощущалось тягостное стеснение, происходившее от сознания столь близкого присутствия важных особ; эти господа чувствовали себя вроде того, как рассказывает про себя приходский псаломщик, которому приходилось в первый раз в жизни возгласить стих перед такими высокочтимыми лицами, каковы были премудрый судья Фримен, добрейшая леди Джонс и сам именитый сэр Томас Трюби. Впрочем, этот церемонный озноб довольно скоро прошел под влиянием возбуждающих напитков, обильно подливаемых гостям и быстро поглощаемых в нижнем конце стола. Пирующие стали сначала разговорчивы, потом несколько шумливы и, наконец, уж просто хохотали и кричали во все горло.

Но ни виски, ни вино не в силах были расшевелить компанию, занимавшую более почетные места за столом. В умах этих людей преобладала теперь та мрачная и леденящая враждебность, которая нередко овладевает человеком в ту

минуту, когда его заставляют принять отчаянное решение, а обстоятельства между тем так слагаются, что одинаково рискованно и рвануться вперед, и отступить. По мере того, как они ближе подходили к краю пропасти, она казалась им все глубже, темнее, и вот они стояли теперь на самой окраине, и каждый с внутренней дрожью ожидал, что скажет его сосед и который из единомышленников первый подаст пример и ринется в бездну. Эти интимные чувства ужаса и отвращения различно выражались на лицах, смотря по личному характеру и привычкам каждого. Один был необыкновенно серьезен, другой как будто поглупел, третий опасливо таращил глаза на пустые кресла у верхнего конца стола, оставшиеся незанятыми по той причине, что некоторые из приглашенных магнатов вняли голосу благоразумия и, воздерживаясь от дальнейшего участия в заговоре, вовсе не приехали; наконец, были и такие, что сидели молча и в уме как будто подсчитывали шансы и относительное значение как присутствующих, так и тех, кого тут не было.

Сэр Фредерик Лэнгли был угрюм, сдержан и недоволен. Сам Эллисло своими натянутыми попытками поднять дух сотоварищей явно обличал собственное угнетенное состояние. Ратклифф наблюдал всю эту сцену со спокойствием внимательного, но равнодушного зрителя. Один Маршал, верный беззаботной пылкости своего нрава, пил и ел, смеялся и шутил, и даже как будто забавлялся смущением остальных.

– Что это мы сегодня точно в воду опущенные? – воскликнул он. – словно на похоронах, где облекшаяся в траур семья разговаривает шепотом, а носильщики и факельщики, – он кивнул головой на нижний конец стола, – тем временем угощаются на кухне. Эллисло, скоро ли вынос начнется? Вы точно уснули, право!.. А вы, благородный рыцарь Лэнглийской долины, что так приуныли?

– Вот сумасшедший человек, – сказал Эллисло, – разве вы не замечаете, скольких из наших недостает?

– Ну, так что же из этого? – сказал Маршал. – Точно вы не знали наперед, что половина людей на свете дела делает, а другая половина только болтает? Что до меня, я нахожу крайне ободряющим то обстоятельство, что по крайности две трети наших друзей явились на собрание, хотя подозреваю, что из них половина больше польстилась на обед, чем на совещание.

– С побережья все еще нет известий, и мы не знаем наверное, приедет ли король, – сказал один из гостей тем дрожащим шепотом, который изобличает отсутствие решимости.

– От графа Д*** до сих пор ни строчки, а с южной границы ни один джентльмен не явился, – сказал другой.

– Да кому же здесь нужны англичане? – воскликнул Маршал и продекламировал тоном театрального героя:

Тебе ль, скажи, кузен мой Эллисло?

Нет, если суждено нам всем в бою погибнуть...

– Ради бога, Маршал, перестаньте паясничать! – сказал Эллисло.

– Ну, хорошо, – отвечал Маршал, – в таком случае я, так и быть, поделюсь с вами своей мудростью. Итак, если мы, слишком зарвавшись вперед, сделали глупость, то не станем же пятиться назад, потому что это будет подлость. Мы своими действиями успели возбудить подозрения и навлечь на себя мстительность правительства; и так как во всяком случае придется за это отвечать, надо же хоть чем-нибудь заявить себя, чтобы знать, за что мы будем в ответе. Ну, что же вы молчите?.. Хорошо, я первый перепрыгну через ров!

Он быстро встал, налил до краев пивную кружку красным вином, поднял руку и всех пригласил последовать его примеру и встать с мест. Все повиновались: наиболее значительные гости как будто пассивно, остальные с восторгом.

– Итак, друзья мои, я провозглашаю тост за независимость Шотландии и за здравие законного государя нашего, короля Иакова Восьмого, ныне прибывшего в Лотиан и, как я желаю и надеюсь, успевшего вновь овладеть своей древней столицей!

Он залпом осушил стакан и швырнул его через голову.

– Чтобы эти стаканы не рисковали оскверниться менее высокими пожеланиями! – сказал он.

Все последовали его примеру и среди звона битого стекла и среди громких возгласов поклялись постоять или умереть

за те политические заветы, которые были выражены тостом Маршала.

– Вы перепрыгнули через ров при свидетеле, – сказал Эллисло вполголоса Маршалу, – но это, я думаю, к лучшему. Теперь уж нам нельзя пятиться назад. Только один человек, – тут он взглянул на Ратклиффа, – не отвечал на тост. Но об этом после...

Он встал и, обращаясь ко всем, произнес зажигательную речь против правительства, нападая на каждую из предпринятых им мер, но в особенности восставая против присоединения Шотландии к Англии. Он утверждал, что с помощью этого договора их родина не только лишалась самостоятельности, но что сразу погибли и ее торговля, и честь; она, как рабыня, закованная в цепи, повержена к ногам своей соперницы, против которой столько веков с такими опасностями, с такими жертвами и кровопролитием благородно отстаивала свою независимость. Этим он затронул самые чувствительные струны и нашел отголосок в сердце каждого из присутствующих.

– Пропала наша торговля! – вопил с нижнего конца стола старый Джон Рукэстл, контрабандист из Джебберга.

– Наше сельское хозяйство разорено вконец! – отозвался землевладелец Брокенхерт, обладатель поместья, где от сотворения мира ничего не росло, кроме вереска и клюквы.

– Наша религия повержена в прах! – молвил красноносый пастырь епископальной церкви в Кирк-Уистле.

– Скоро нельзя будет ни подстрелить оленя, ни поцеловать красной девицы, не запасшись дозволением из консистории или от церковного казначея! – сказал Маршал-Уэльс.

– А в морозное утро нельзя будет сварить себе горячего пуншу, не спросившись у акцизного надзирателя, – ворчал контрабандист.

– А в темную ночь нельзя проехать верхом, – сказал Уэстбернфлет, – не испросив разрешения Эрнсклифа или какого-нибудь другого мирового судьи, на английский манер. Ох, прошли наши красные дни, когда в пограничных областях не слыхать было ни о мировых, ни о правосудии!

– Вспомним об обидах, причиненных нам при Дарьене и Гленко^[32], – продолжал Эллисло, – и возьмемся за оружие на защиту наших прав, нашей собственности, жизни и семейств!

– Подумайте о праведном епископальном рукоположении, без которого не может быть законного духовенства, – сказал пастор.

– Подумайте о том, как Грин и прочие английские разбойники разорили нашу торговлю с Ост-Индией, – сказал Уилли Уилсон, главный пайщик и единоличный шкипер двухмачтового суденышка, по четыре раза в год совершавшего рейсы от Кокпула до Уайтхевена^[33].

– Вспомните о ваших вольностях, – подхватил Маршал, очевидно забавляясь возрастанием энтузиазма, им пробужденного; так шаловливый мальчик вытаскивает ради потехи

затычку шлюзного затвора и любителю тем, как побежала вода, как завертелись колеса, и не думает о том, что натворил, быть может, серьезных бед. – Вспомните о ваших вольностях, – воскликнул он, – и к черту все подати, налоги, консистории, мемории, и проклянем память старого Уилли^[34], который впервые навлек на нас все эти беды!

– К черту акцизного, – подтвердил старый Джон Рук-эстл, – я его расшибу собственными руками!

– Пропадай сторожа и полицейские! – кричал Уэстберн-флет. – К утру уложу парочку этих подлецов. Небось моих пуль не минуют!

Когда крики и шум поутихли, Эллисло сказал:

– Стало быть, мы все согласны, что нельзя долее терпеть такого порядка вещей?

– Все согласны, как один человек! – отвечали гости.

– Позвольте, это не совсем точное показание, – сказал мистер Ратклифф, – хотя я не надеюсь своим влиянием смягчить опасных припадков, так внезапно обуявших всю компанию, но все-таки прошу заметить, что я лично не сочувствую заявленным здесь жалобам и неудовольствиям и решительно не согласен на те крайние меры, к которым вы намерены прибегать ради их устранения. Легко могу себе представить, что многое из сказанного здесь было произнесено так, сгоряча, а может быть, ради шутки. Но бывают шутки, которые слишком легко выходят наружу, и вам нелишнее напомнить, господа, что и каменные стены имеют уши.

– Да, у каменных стен точно бывают уши, – отвечал Эллисло, глядя на него со злорадным торжеством, – но у домашних шпионов, мистер Ратклифф, можно и отрезать уши, когда они насильно втираются в дом и постоянно бывают в тягость хозяину, особенно если нахально вмешиваются не в свое дело и играют роль непрошенных советчиков; если же они не понимают намеков, то рискуют дожидаться, чтобы их вытолкали в шею из порядочного дома.

– Мистер Вэр, – сказал Ратклифф с презрительным спокойствием, – я вполне понимаю, что с той минуты, как я перестану быть вам полезен, – а это, судя по принятому вами отчаянному решению, должно наступить теперь же, – мое присутствие здесь становится столь же опасно для меня самого, как оно ненавистно для вас. У меня против вас только одна защита, зато надежная; вы, наверное, не пожелаете, чтобы я в присутствии джентльменов и порядочных людей разоблачил те особые обстоятельства, по поводу которых начались наши с вами сношения. Я, со своей стороны, могу только радоваться их окончанию. Так как я полагаю, что мистер Маршал и некоторые другие из присутствующих здесь джентльменов могут на эту ночь поручиться за целость моих ушей и, главное, моей шеи, за которую имею причины еще более опасаться, я еще не оставлю вашего дома до завтрашнего утра.

– Пусть так, сэр, – отвечал мистер Вэр, – можете быть спокойны и не бояться последствий моего недовольствия, по-

тому что я считаю себя выше подобного мщения, а не оттого, что испугался разоблачения фамильных тайн, однако же, ради вас самих, советую вам поосторожнее выражаться. Ваше содействие или вмешательство ровно ничего не значит для человека, который ставит на карту всю свою карьеру и может все выиграть или все проиграть, судя по тому, правда или беззаконие восторжествуют в предстоящей нам борьбе. Прощайте, сэр!

Ратклифф встал, обвел глазами все собрание, причем Вэр не выдержал его взгляда и потупил глаза, и, поклонившись всем, вышел из зала.

Этот разговор на многих произвел сильное впечатление, которое Эллисло поспешил загладить, заговорив о насущных вопросах этой минуты. После краткого совещания решили организовать немедленное восстание. Эллисло, Маршал и сэр Фредерик Лэнгли были избраны руководителями, с правом распоряжаться всеми дальнейшими мерами. Назначили сборный пункт, куда все сговорились съехаться на другой день утром и привести с собой всех сторонников и друзей, каких в состоянии будут набрать. Многие из гостей разъехались, дабы начинать необходимые приготовления; перед остальными хозяин извинился, говоря, что должен выйти из-за стола и подробно обсудить положение дел с теми сотрудниками, которых они ему сами назначили; за столом остались, между прочим, Уэстбернфлет и старый контрабандист, которые тем охотнее приняли извинение мисте-

ра Вэра, что он их просил не стесняться и занять свой досуг всем, что было в его погребах прохладительного. Будущих начальников проводили из зала громкими криками одобрения, и весь остальной вечер то и дело выпивали за здоровье Вэра, Лэнгли и в особенности Маршала, потребляя при этом значительное количество всяких вин.

Когда главные заговорщики удалились в особую комнату, они с минуту глядели друг на друга с видом замешательства, которое на мрачном лице сэра Фредерика выражалось угрюмой досадой. Маршал первым нарушил молчание и вдруг, громко рассмеявшись, сказал:

– Значит, мы теперь пустились в плавание, господа, начало положено и в путь, галера!

– По вашей милости мы вам обязаны спуском на воду, – сказал Эллисло.

– Не знаю только, будете ли вы мне благодарны за это, когда я вам покажу письмецо, полученное мной в ту минуту, как мы сядились за стол, – сказал Маршал. – Мой слуга сказал, что письмо вручил ему человек, которого он никогда прежде не видел, и, приказав ему передать мне «в собственные руки», в ту же минуту ускакал назад.

Эллисло нетерпеливо развернул письмо и прочел вслух:

«Эдинбург

Многоуважаемый сэр!

Будущи премного обязан вашему семейству за услуги,

коих не буду здесь перечислять, и узнав, что вы принадлежите к партии торговцев, разъезжающих по делам торгового дома «Иаков и К°», владелец которого, бывший лондонский купец, ныне имеет лавку в Дюнкерке, считаю долгом заранее предупредить вас частным образом, что ожидаемые вами суда не прибыли по назначению и ушли обратно в море, не найдя возможности ни разгрузиться, ни сдать товары в один из портов. По этой причине компаньоны западных областей решили расторгнуть свои сношения с означенной фирмой, видя, что иметь с ней дело не представляет выгод. А потому и я, предупреждая вас об этом заранее, надеюсь, что вы воспользуетесь моим сообщением в интересах собственной безопасности.

Ваш покорнейший слуга Нил Безьямный.

Господину Ральфу Маршалу из Маршал-Уэльса.

Весьма важно, в собственные руки».

У сэра Фредерика Лэнгли лицо вытянулось и приняло еще более мрачное выражение, а Эллисло, прочитав письмо, воскликнул:

– Да ведь это вконец подрывает наше предприятие! Если французский флот, везший короля, действительно был прогнан от берегов англичанами, как видно из этого проклятого письма, с чем же мы-то останемся?

– С тем же, с чем были сегодня утром, я думаю, – сказал Маршал, продолжая смеяться.

– Нет, извините, и позвольте вам заметить, мистер Мар-

шал, что ваша веселость теперь вовсе неуместна. Сегодня утром мы еще не делали никаких публичных заявлений, а теперь мы приняли на себя известные обязательства, и в этом виноваты вы со своим безрассудным поступком, тогда как у вас в кармане было письмо, предупреждавшее вас о том, что наше предприятие вполне безнадежно!..

– Ну, так и есть, я так и ждал, что вы это скажете. Но, во-первых, может оказаться, что мой приятель, Нил Безымянный, и его письмо – чистейший вздор; а во-вторых, сознаюсь вам, мне прискучило принадлежать к партии, которая только и делает, что с вечера принимает смелые решения, а наутро, проспавшись, уже не помнит их из-за выпитого вина. В настоящую минуту у правительства еще нет ни людей, ни боевых припасов; через несколько недель оно вдоволь запасется и тем и другим; в настоящую минуту страна пылает ненавистью к правительству, но пройдет несколько недель, и общество, кто ради личных выгод, кто из страха, а кто просто по равнодушию или из лени, следы которых уж и теперь слишком очевидны, окончательно охладает к предприятию. Но я твердо решил начать игру, а потому постарался и вас втянуть в нее; прыгнуть в болото еще ничего, но я вас завел в самую середину трясины, и вы теперь должны поработать, чтобы из нее вылезти.

– Относительно одного из нас вы сильно ошибаетесь, мистер Маршал, – сказал сэр Фредерик Лэнгли. Он позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге немедленно со-

брать его людей и лошадей.

– Вы не можете уехать, сэр Фредерик, – сказал Эллисло, – вспомните, что мы с вами должны делать смотр нашим боевым силам!

– Я уезжаю сегодня, мистер Вэр, – отвечал сэр Фредерик, – по возвращении домой я вам напишу о своих намерениях на этот счет.

– Ну да, – сказал Маршал, – и пришлете это письмо с отрядом конницы из Карлайла^[35], которая приедет арестовать нас? Слушайте, сэр Фредерик, я не допущу ни покинуть нас, ни предавать; если вы сегодня уедете из замка Эллисло, то не иначе как переступив через мое мертвое тело!

– Не стыдно ли вам, Маршал, – сказал мистер Вэр, – как можно так легкомысленно перетолковывать слова нашего друга? Я уверен, что сэр Фредерик только пошутил с нами; он слишком благороден, чтобы покинуть наше общее дело... притом он должен же помнить, какие имеются веские доказательства его причастности к делу и как он сам ревностно хлопотал об осуществлении предприятия. К тому же, если бы дело пошло на то, чтобы все открыть правительству, известно, что оно всего благоприятнее относится к тому, кто первый сообщает ему о заговоре, а в таком случае мы имеем шансы предупредить сэра Фредерика на несколько часов.

– То есть «вы», а никак не «мы», если вы точно замышляете подобную скачку с доносами; что до меня, я в таком состязании участвовать не намерен, – сказал Маршал реши-

тельным тоном и потом прибавил сквозь зубы: – Нечего сказать, хороша парочка... и стоит того, чтобы из-за них рискнуть своей головой!

– Запугиванием вы меня не заставите отказаться от того, что я считаю нужным сделать, – сказал сэр Фредерик Лэнгли, – и первым долгом я уеду из Эллисло. У меня нет причин оставаться верным человеку, – тут он взглянул на Вэра, – который передо мной не сдержал своего слова.

– Позвольте, – сказал Эллисло, движением руки унимая своего неугомонного кузена, – в каком же отношении я у вас в долгу, сэр Фредерик?

– В том, которое мне всего дороже и всего меня ближе касается. Вы меня обманули касательно предполагавшегося между нами союза, а между тем знали, что на нем зиждется и наше политическое единомыслие. Что значит похищение мисс Вэр, потом ее возвращение, ее холодное со мной обращение и всякие ваши отговорки по этому поводу? Я думаю, что все это не более как увертки с вашей стороны: вы просто не хотите выпускать из рук состояния, принадлежащего ей по праву, а меня между тем вовлекли в отчаянное предприятие, постоянно поддерживая во мне ожидания и надежды, которых вы заранее решили никогда не исполнять.

– Сэр Фредерик, клянусь вам всем, что есть священного!..

– Не нужно мне ваших уверений; я и так слишком долго ими пробавляюсь, – отвечал сэр Фредерик.

– Если вы нас покинете, – продолжал Эллисло, – вы зна-

ете, что и вы и мы неминуемо пропадем; весь успех теперь зависит от нашего тесного сближения.

– Предоставьте мне самому о себе позаботиться, – сказал баронет. – Если бы вы и правду сказали, для меня лучше погибнуть, нежели остаться в дураках!

– Неужели ничто, никакие доводы не в силах убедить вас в моей искренности? – воскликнул Эллисло с тревогой. – Сегодня утром я счел бы оскорблением такие ваши несправедливые подозрения, но при теперешних обстоятельствах...

– Вы чувствуете себя обязанным к откровенности, не так ли? – возразил сэр Фредерик. – Если хотите, чтобы я вам поверил, у вас есть средство убедить меня. Устройте так, чтобы ваша дочь сегодня же отдала мне свою руку.

– Так скоро это невозможно, – отвечал Вэр, – подумайте, как она только что была напугана, вспомните о том, что мы сами затеваем...

– Ничего и слышать не хочу, кроме ее клятвы перед алтарем. Ведь у вас есть капелла в замке, и доктор Хобблер здесь, в числе гостей. Дайте мне сегодня же это доказательство вашего искреннего доброжелательства, и мы с вами опять будем близкими друзьями. Если же вы мне откажете в такую минуту, когда вам всего выгоднее согласиться, кто мне поручкой, что вы будете сговорчивее завтра, когда я окончательно примкну к вашему предприятию и мне уже нельзя будет отступить?

– Стало быть, если вы сегодня станете моим зятем, я мо-

гу рассчитывать на возобновление вашей дружбы? – сказал Эллисло.

– Без всякого сомнения и навек, – отвечал сэр Фредерик.

– В таком случае, – сказал Вэр, – хотя ваше требование преждевременно, неприлично и несправедливо относительно меня, тем не менее, сэр Фредерик, вот вам моя рука! Дочь моя будет вашей женой!

– Сегодня?

– Да, сегодня вечером, прежде чем пробьет полночь, – отвечал Эллисло.

– Но не иначе как с ее согласия, я надеюсь? – сказал Маршал. – Предупреждаю вас, господа, что я не стану стоять сложа руки и не допущу, чтобы мою хорошенькую кузину выдавали замуж насильно!

– Вот наказание мне с этим безголовым парнем, – проворчал про себя Эллисло и прибавил вслух: – Как «с ее согласия»? За кого же вы меня принимаете, Маршал, если думаете, что вам придется защищать мою дочь против ее родного отца? Будьте спокойны, она ничего не имеет против сэра Фредерика Лэнгли.

– Или, скорее, против титула леди Лэнгли? Что же, это очень вероятно, немало есть женщин, которые не отказались бы от этого. Вы меня извините, но столь внезапное сватовство и быстрое соглашение совсем сбили меня с толку, и я несколько испугался за нее.

– Меня именно и смущает внезапность этого сватовства, –

сказал Эллисло, – но, если бы мне не удалось уговорить мою дочь, надеюсь, сэр Фредерик примет во внимание...

– Нет, мистер Вэр, я не желаю ничего принимать во внимание! Или я сегодня же сочетаюсь браком с вашей дочерью, или уеду, хотя бы в полночь. Это мое последнее слово.

– Я согласен, – сказал Эллисло. – Займитесь тут обсуждением наших военных приготовлений, а я пойду приготовлю мою дочь к такой внезапной перемене ее судьбы.

С этими словами он вышел из комнаты.

Глава XIV

*С Осмондом я пред алтарем предстану?
О, тяжкий долг! Я мнила зреть Танкреда,
И что ж? Супругом будет мне Осмонд!*

«Танкред и Сигизмунда»^[36]

Мистер Вэр, долголетним упражнением в лицемерии причивший себя даже осанку и походку изменять по мере надобности, отправился вдоль каменного коридора и вверх по лестнице тем бодрым, легким и ровным шагом, который показывает, что человек идет по важному делу, но несколько не сомневается в успехе. Но, отойдя на такое расстояние, что оставленные им джентльмены не могли больше слышать его походки, он пошел все медленнее, нерешительнее, под стать обуревавшим его сомнениям и опасениям, и, наконец, в одной из проходных комнат он совсем остановился и начал собираться с мыслями, чтобы сообразить, каким образом войти к дочери и чем на нее повлиять.

«Возможно ли вообразить себе более безвыходное и запутанное положение? – размышлял он. – Несчастный я человек! Если наша партия теперь распадется, нет сомнения, что правительство лишит меня жизни как главного зачинщика восстания. Положим, что я захотел бы унизиться по-

спешным изъяснением раскаяния и покорности, – ведь и это не поможет, потому что я разорен вконец! С Ратклиффом я рассорился, нажил себе в нем непримиримого врага, значит, от него и ожидать нечего, кроме обид и преследований. Опозоренный, обнищавший, я должен буду бежать отсюда без всяких средств к жизни... Если бы у меня оставалось состояние, я еще мог бы противопоставить его тому бесславию, которое всегда сопутствует имени политического ренегата, а это название дадут мне и те, от кого я отшатнулся, и те, к которым я пристал. Но об этом и думать нечего. А между тем что же еще осталось мне в жизни? Позорная плаха? Нет, единственное спасение – примириться с этими людьми. А для этого я обещал сэру Фредерику, что Изабелла сегодня, до полуночи, будет его женой, а Маршалу поручился, что это случится с ее согласия. Стало быть, между мной и конечной гибелью остается одно средство: вынудить ее согласие на брак с человеком, которого она ненавидит, и притом вынудить так внезапно, что это было бы ей противно, даже если бы на месте жениха был человек любезный ее сердцу; следовательно, вся надежда – на свойственное ей романтическое великодушие. Нужно представить ей неотложность решения и необходимость повиновения в таких ярких красках... Да, впрочем, они и в действительности таковы».

Раздумывая таким образом о своем крайне опасном положении, он напряг все силы своего воображения для успешного выполнения предстоявшей ему роли и с печальным ви-

дом вошел в комнату дочери. Невзирая на всю свою двуличность и честолюбивые стремления, он не настолько был лишен родительских инстинктов, чтобы без отвращения приступить к этой роли: дочь его была такая кроткая и любящая девушка, а ему приходилось пользоваться этими ее качествами, даже злоупотреблять ими, ради своих личных целей. Но он еще раз повторил себе, что в случае успеха его дочь все-таки вступит в выгодный брак; если же успеха не будет, то сам он погибший человек, – и эти соображения убили в нем последние колебания.

Он застал Изабеллу в спальне, у окна; она сидела, подперев голову рукой, и так задумалась или так задремала, что не слышала, как он вошел. Он приблизился к ней, изображая на своем лице глубокую горесть и сострадание, сел возле нее и тихо взял ее за руку, сопровождая это движение глубочайшим вздохом.

– Мой отец! – воскликнула Изабелла, вздрогнув, и на ее лице отразился испуг, очевидно, не менее сильный, нежели ее радость и нежность.

– Да, Изабелла, – сказал Вэр, – твой несчастный отец, пришедший просить у дочери прощения за обиду, нанесенную ей от избытка родительской любви, а затем проститься навеки.

– Какая обида? Почему проститься навеки? Что все это значит, сэр? – спросила мисс Вэр.

– Да, Изабелла, я не шучу. Но прежде ответь мне, не

приходило ли тебе в голову, что я мог быть причиной того странного приключения, которое постигло тебя вчерашним утром?

– Вы, сэр?.. – проговорила Изабелла нерешительно, с одной стороны сознавая, что он верно угадал ее мысли, а с другой – стыдясь, что могла допустить столь унижительное и противоестественное подозрение.

– Да, – продолжал он, – твой нерешительный ответ показывает, что ты уже думала об этом, и мне остается исполнить печальный долг, сказав, что твое предположение было справедливо. Выслушай, в чем дело. В недобрый час я согласился на предложение сэра Фредерика Лэнгли, полагая невероятным, чтобы ты могла долго упорствовать в отказе от брака, во многих отношениях представлявшего для тебя несомненные выгоды. В еще худшую минуту я предпринял вместе с ним некоторые меры к восстановлению на престоле нашего изгнанного монарха и к завоеванию вновь нашей независимости. Он воспользовался моей полной откровенностью, и теперь моя жизнь в его руках.

– Ваша жизнь, сэр? – повторила Изабелла чуть слышно.

– Да, Изабелла, – продолжал он, – жизнь того, кто дал тебе жизнь. Как только я увидел, до каких крайностей может его довести безрассудная страсть, ибо, по правде говоря, я не могу приписать его безумного поведения ничему иному, кроме любви к тебе, я попытался выпутаться из моего безвыходного положения тем, чтобы под каким-нибудь предло-

гом усладить тебя из дому на несколько недель. И вот я решил, что в случае, если ты по-прежнему будешь сопротивляться этому браку, я удалю тебя секретным образом в монастырь, где ты сможешь провести несколько месяцев под крылышком твоей тетки по матери, в Париже. Но тут случился целый ряд недоразумений, вследствие которых тебя извлекли из тайного убежища, в котором я тебя временно приютил, и привезли обратно домой. То была моя последняя надежда на спасение; но и тут судьба разрушила мои планы, и мне остается лишь дать тебе свое благословение и отослать тебя из замка с мистером Ратклиффом, который сейчас уезжает. Моя же судьба скоро будет решена.

– Боже милостивый, сэра! Возможно ли это? – воскликнула Изабелла. – О, зачем же меня освободили из того места, куда вы меня услали! И отчего вы сами не объявили мне, что это делается по вашему желанию?

– Подумай, Изабелла, сообрази все обстоятельства. Как же я стал бы еще сильнее восстанавливать тебя против своего друга, сообщив тебе его оскорбительные претензии и назойливые требования? И мог ли я на это решиться, тогда как сам обещал ему поддерживать его искательство и действительно сильно желал ему успеха? Но что об этом говорить!.. Теперь уж все кончено. Я и Маршал окончательно решились мужественно встретить смерть... Только бы успеть отослать тебя отсюда с надежным человеком.

– Силы небесные!.. Неужели нет никакого выхода? – ска-

зала молодая девушка в ужасе.

– Никакого, дитя мое, – кротко отвечал Вэр, – то есть один... но ты не посоветуешь отцу им воспользоваться: он состоит в том, чтобы первому выдать своих друзей.

– О нет, нет! – воскликнула она с отвращением, как бы спеша отделаться от искушения. – Но нельзя ли как-нибудь иначе... бежать, уговорить, умолить... Я брошусь к ногам сэра Фредерика!

– Напрасно только унизишься; он не отступится от своих намерений, да и я не менее твердо решил покориться судьбе. Только одно обстоятельство могло бы изменить его планы, но оно таково, что ты никогда не услышишь о нем из моих уст.

– Напротив, скажите мне, дорогой папенька, – воскликнула Изабелла, – чего может он желать, на что мы не могли бы согласиться во избежание того ужаса, который вам угрожает?

– Этого, Изабелла, – произнес Вэр торжественно, – ты не узнаешь до тех пор, пока голова отца твоего не скатится на обагренный его кровью эшафот; тогда ты действительно услышишь, какова была жертва, ценой которой возможно было его спасти.

– Отчего же вы теперь не хотите сказать, – спросила Изабелла, – неужели вы опасаетесь, что я не пожертвую всем нашим состоянием ради вашего спасения? Или вы желаете оставить мне в пожизненное наследство горькое раскаяние,

каждый раз как я буду вспоминать, что вы погибли, тогда как оставалось еще средство избавить вас от такой страшной судьбы?

– Ну, дитя мое, раз ты непременно хочешь узнать то, что я предпочел бы скрыть от тебя, я вынужден тебе сознаться, что единственным выкупом за мою жизнь он поставил женитьбу на тебе, и притом не позже как сегодня же вечером, до полуночи!

– Сегодня вечером, сэра, – произнесла молодая девушка, пораженная ужасом подобного предложения, – выйти замуж, и за такого человека!.. Да нет, это не человек, а чудовище! Свататься к дочери, угрожая смертью отцу!.. Нет, это невозможно!

– Ты права, дитя мое, – отвечал отец, – это совершенно невозможно, и я не имею ни права, ни желания требовать от тебя подобной жертвы... Таков закон природы, чтобы старые умирали и предавались забвению, а молодые пользовались жизнью и были счастливы.

– Мой отец умрет, тогда как дочь еще может спасти его? Но нет, нет!.. Папенька, милый, простите, этого быть не может! Вы, верно, хотите только довести меня до исполнения вашей воли. Я знаю, что вы думаете устроить этим мое счастье и рассказали всю эту историю, только чтобы повлиять на мою решимость и устранить сопротивление...

– Дочь моя, – возразил Эллисло таким тоном, в котором оскорбленное достоинство боролось с родительской нежно-

стью, — неужели моя дочь подозревает, что я выдумал фальшивую историю, чтобы легче повлиять на ее чувства? Но и это мне следует перенести, даже и от такого унижительного предположения я должен оправдаться. Тебе известна честность и правдивость твоего кузена Маршала. Посмотри, что я сейчас напишу к нему, потом прочти, что он ответит, и по этому суди, как велика угрожающая нам опасность и все ли способы я истощил к ее отвращению.

Он сел, поспешно написал несколько строк и отдал их Изабелле. Она с трудом подавила свое смятение, осушила слезы и прочла следующее:

«Любезный кузен, согласно моему ожиданию, дочь моя в отчаянии от столь несвоевременного и поспешного требования со стороны сэра Фредерика Лэнгли. Она не в силах даже постигнуть ни угрожающей нам опасности, ни того, до какой степени мы находимся в его руках. Ради бога, повлиайте на него в том смысле, чтобы он изменил свои условия; я же не могу да и не хочу понуждать к их принятию мою дочь, как потому, что этим возмущается ее собственное чувство, так и потому, что это противно всем правилам деликатности и благопристойности. Исполнением моей просьбы премного обяжете любящего вас *P. В.*».

Мисс Вэр была так взволнована, и глаза ее были так отуманены слезами, что она едва понимала смысл читаемого; поэтому неудивительно, что она не заметила, что в письме гораздо более внимания обращалось на форму и срок сва-

товства, нежели на ее личное отвращение к жениху. Мистер Вэр позвонил, отдал письмо слуге, приказал подать его мистери Маршалу, а сам встал и со всеми признаками глубокого волнения стал молча ходить взад и вперед по комнате, пока слуга не воротился с ответом. Пробежав записку Маршала, мистер Вэр отдал ее дочери и при этом крепко сжал ее руку. Содержание записки было таково:

«Дорогой кузен, я уже пробовал повлиять на баронета в указанном вами смысле, но он оказался непоколебим, подобно утесу. Я искренно огорчен тем, что он не желает делать ни малейших уступок девическим колебаниям моей милой кузины. Впрочем, сэръ Фредерик согласен уехать из замка вместе со мной, немедленно после окончания брачной церемонии, так что мы с ним тотчас приступим к формированию своих отрядов и начнем кампанию. Таким образом может случиться, что новобрачного пришибут, прежде чем он успеет еще раз свидеться с молодой женой, и Белла, превратясь в леди Лэнгли, отделается очень дешево. Однако я должен сказать, что если она действительно склонна к этому браку, то теперь не время жеманиться и лучше пускай она не оттягивает исполнения церемонии: она и после может на досуге обдумать свое положение, тогда как нам всем недосуг ни каяться, ни раздумывать. Большие пока ничего не могу сказать и остаюсь преданный вам
Р. М.

P.S. Скажите Изабелле, что я предпочту перерезать горло баронету и тем сразу покончить с затруднительными вопросами, чем допустить, чтобы ее обвенчали с ним против ее желания».

Когда Изабелла дочитала эту записку, она выронила ее из рук и в ту же минуту упала бы со стула, если бы отец не поддержал ее.

– Боже мой, дитя мое умирает! – воскликнул Вэр, в груди которого естественная привязанность к дочери на минуту пересилила расчеты себялюбия. – Изабелла, взгляни на меня... открой глаза, дитя мое! Нет, будь что будет, а я не пожертвую тобой! Я сам погибну, но с сознанием, что оставлю тебя счастливой. Моя дочь будет плакать на моей могиле, но, по крайней мере, не попрекнет моей памяти! – Он позвал слугу: – Ступай, позови мне сюда Ратклиффа, скорее!

Между тем мисс Вэр смертельно побледнела, сложила руки, крепко сжав ладони, закрыла глаза и, так же крепко сжав губы, застыла на месте, как будто то нравственное принуждение, которому она себя подвергала, распространилось и на ее физическое состояние. Потом она подняла голову, испустила глубокий вздох и произнесла с твердостью:

– Папенька, я согласна на этот брак.

– Не надо, не надо, дитя мое... дорогое дитя! Ты не пойдешь на верное несчастье ради спасения меня от возможной опасности.

Так говорил Эллисло; и такова странная непоследователь-

ность человеческой натуры, что в эту минуту он выражал действительные, хотя и мимолетные ощущения своего сердца.

– Папенька, – повторила Изабелла, – я согласна на этот брак.

– Нет, дитя мое, нет, по крайней мере не теперь! Претерпим унижение, смиримся перед ним и вымолим отсрочку... А между тем, Изабелла, если бы ты могла в самом деле преодолеть отвращение, не имеющее никаких реальных оснований, подумай только, какая это великолепная партия!.. И богатство, и почести, и влияние...

– Папенька, – снова повторила Изабелла, – я согласна.

Она как будто не в состоянии была произнести ничего другого, ни придумать иной формы речи, и даже эти немногие слова выговаривала с большим усилием.

– Да благословит тебя Небо, дитя мое! Господь с тобой! Бог тебе пошлет за это и богатство, и радости, и почет!

Мисс Вэр едва слышно попросила на остальной вечер оставить ее одну.

– А разве ты не примешь сейчас сэра Фредерика? – тревожно спросил ее отец.

– Я с ним увижусь, – отвечала она, – я встречу с ним, когда это будет нужно и там, где нужно... До тех пор избавьте меня!

– Ну, пускай так, моя дорогая; я не стану тебя неволить, насколько возможно. Не будь же слишком сурова к сэру Фре-

деряку из-за этого. Вспомни, что все происходит от избытка его страсти к тебе.

Изабелла нетерпеливо махнула рукой.

– Прости меня, дитя мое, сейчас уйду... Бог с тобой! В одиннадцать часов, если ты не пришлешь за мной ранее... в одиннадцать я сам приду за тобой.

Когда он вышел, Изабелла упала на колени.

– Боже, помоги мне выполнить мое решение... Ты один можешь поддержать меня. О, бедный Эрнклиф! Кто его утешит? С каким презрением будет он произносить имя той, которая утром выслушивала его признания, а вечером того же дня отдалась другому! Но пусть он презирает меня – это лучше, нежели если он узнает всю правду. Да, пускай он меня презирает, лишь бы это облегчило его горе, – я примирюсь с утратой его уважения.

Она горько плакала и несколько раз тщетно пыталась настроить себя на молитву, ради которой преклонила колени, но не могла достаточно успокоить свою душу, чтобы вознестись к Богу. Она все еще оставалась в этой позе, испытывая мучительное волнение, когда дверь ее комнаты тихо отворилась.

Глава XV

*Проникнув тайно в темную пещеру,
Они застали несчастливца там:
Он предавался горестным мечтам.*

«Королева фей»^[37]

Посетитель, нарушивший печальные размышления Изабеллы Вэр, был Ратклифф. Уходя из комнаты дочери, мистер Вэр был так озабочен, что позабыл отменить свой приказ позвать его, так что, отворяя дверь, мистер Ратклифф сказал:

– Вы желали меня видеть, мистер Вэр? – но, оглянувшись, он воскликнул: – Что это значит? Мисс Вэр, в одиночестве... на полу... и в слезах!

– Оставьте меня... уйдите, мистер Ратклифф, – сказала несчастная девушка.

– Нет, я не должен покидать вас, – отвечал Ратклифф. – Я уже несколько раз просил допустить меня проститься с вами, но мне отказывали в этом, пока ваш отец сам не послал за мной. Не вините меня, если я кажусь вам дерзким и назойливым: это оттого, что на мне лежит долг, который я обязан исполнить.

– Я не в состоянии ни слушать вас, ни говорить с вами, мистер Ратклифф. Примите мои наилучшие пожелания и, ради

бога, оставьте меня.

– Скажите мне одно, – продолжал Ратклифф, – правда ли, что эта чудовищная свадьба должна состояться, притом сегодня же? Сейчас, поднимаясь по главной лестнице, я слышал, как слуги толковали об этом. Слышал, как им приказывали убрать и осветить капеллу.

– Мистер Ратклифф, пощадите меня! – сказала несчастная невеста. – Вы видите, в каком я состоянии, поймите же, что ваши вопросы просто жестоки!

– Выйти замуж, да еще за сэра Фредерика Лэнгли, и сегодня же вечером! Не может быть, этого не должно быть и этого не будет!

– Должно быть, мистер Ратклифф, потому что в противном случае отец мой погибнет.

– Ага, теперь понимаю, – сказал Ратклифф, – значит, вы пожертвовали собой тому, кто... Но пускай великодушные дочери искупает ошибки отца, теперь не время критиковать его. Что же теперь предпринять? Времени так мало... Я только одно средство и вижу. Будь у меня впереди хоть одни сутки, я бы нашел множество способов. Мисс Вэр, вы должны прибегнуть к покровительству единственного в мире человека, имеющего власть остановить поток событий, которые угрожают поглотить вас.

– А кто же этот человек, облеченный такой властью? – спросила мисс Вэр.

– Не пугайтесь, когда я его назову, – молвил Ратклифф,

подходя к ней ближе и понижая голос. – Это тот, кого зовут Элшендер, пустынный на Меклстон-муре.

– Вы с ума сошли, мистер Ратклифф, или вздумали еще насмеяться надо мной в столь тяжкую минуту? Мне не до шуток!

– Я настолько же в своем уме, как и вы, сударыня, – отвечал благожелательный советчик. – Я и сам шутить не люблю, а насмеяться и того меньше, особенно над вашим горем. Я могу лишь поклясться вам, что этот человек, представляющийся далеко не тем, каков он на самом деле, действительно обладает средством избавить вас от этого ненавистного брака.

– И все-таки спасти моего отца?

– Да, он даже и это может, – сказал Ратклифф, – если вы сами его об этом попросите. Весь вопрос в том, как добиться свидания с ним?

– Об этом не беспокойтесь, – сказала мисс Вэр, внезапно вспомнив о подаренной ей розе. – Я припоминаю, что он сам велел мне прибегнуть к нему в минуту крайности и дал мне вот этот цветок в залог того, что окажет мне помощь. Он сказал, что цветок не успеет высохнуть, как я буду нуждаться в его содействии. Может ли быть, чтобы эти слова имели настоящий, разумный смысл? Я приняла их за бред помешанного.

– Не сомневайтесь в их разумности и не бойтесь его. Но пуще всего не теряйте времени понапрасну. Свободны ли

вы? Никто за вами не следит?

– Никто, я думаю, – сказала Изабелла, – но что же вы хотите, чтобы я делала?

– Уйдите из замка сию же минуту, – сказал Ратклифф, – и падите к ногам того необыкновенного человека, который, при всей видимой бедности и убогости своей обстановки, тем не менее может оказать самое решительное влияние на вашу судьбу. В эту минуту и гости и слуги бражничают, главные руководители восстания заседают особо и совещаются о мерах выполнения своих изменнических замыслов. Моя лошадь стоит оседланная в конюшне. Сейчас я оседлаю другую, для вас, и буду ждать вас у малой садовой калитки. О, не сомневайтесь в моем благоразумии и преданности вам, верьте, что это единственный для вас способ избавиться от ужасающей судьбы, которая неминуемо ждет жену сэра Фредерика Лэнгли!

– Мистер Ратклифф, – сказала мисс Вэр, – вы всегда имели репутацию честного и благородного человека, а утопающий хватается и за соломинку... Я доверяюсь вам, я последую вашему совету и... и выйду в сад, к маленькой калитке.

Как только мистер Ратклифф вышел из комнаты, она заперла дверь на задвижку, а сама вышла через другой ход, ведущий из ее спальни прямо на лестницу, и спустилась в сад.

По пути она почувствовала сильное искушение воротиться назад и не соглашаться на такой отчаянный и необыкновенный поступок. Но, проходя мимо двери, ведущей с заднего

крыльца в капеллу, она услышала голоса служанок, занятых там чисткой и убранством.

– Замуж выдают, как же! Да за кого выдают-то! Ну уж, нечего сказать! Хуже-то не нашли?

– За кого угодно, только бы не за этого!

«Они правы, вполне правы, – подумала мисс Вэр, – только бы не за этого».

И она бегом побежала через сад. Мистер Ратклифф, верный своему обещанию, ожидал ее у калитки с двумя оседланными лошадьми, и через несколько минут они скакали по направлению к хижине пустынника.

Пока дорога была ровная, они ехали с такой быстротой, что разговаривать было неудобно, но когда пришлось подниматься на крутую гору и лошади пошли тише, в уме Изабеллы возникли новые опасения.

– Мистер Ратклифф, – сказала она, придерживая лошадь, – я думаю, лучше мне не продолжать путь; эту поездку предприняла я только потому, что сильно была расстроена и не могла обсудить своих поступков. Между тем мне известно, что народ приписывает этому человеку сверхъестественное могущество, основанное будто бы на том, что он находится в сношениях с невидимым миром; я должна предупредить вас, что не верю этим глупостям, а если бы и поверила, то мои религиозные правила воспрепятствуют мне обращаться за помощью к существу этого сорта.

– Я полагал, мисс Вэр, что мой образ мыслей и личный

характер вам достаточно известны, и что поэтому вы могли бы знать, что я не способен верить в подобные нелепости.

– Но чем же объяснить, – продолжала Изабелла, – что существо, до такой степени жалкое и неимущее, обладает возможностью спасти меня?

– Мисс Вэр, – сказал Ратклифф после минутного раздумья, – я не могу объяснить вам этого, потому что дал торжественную клятву молчать. Не требуйте объяснений, но верьте мне, верьте, что у него есть такая власть, он может вас спасти, если только захочет. А это, я твердо уверен, вполне зависит от вас самих.

– Но вы и сами можете ошибаться, мистер Ратклифф, – сказала мисс Вэр, – а от меня требуете безусловного, слепого доверия.

– Вспомните, мисс Вэр, – возразил он, – что, когда вы, по своему милосердию, просили меня вступить перед вашим отцом за Хэсуэла и его разоренную семью, вы меня побуждали заставить его сделать нечто такое, что более всего на свете претит вашему родителю, а именно – простить обиду и освободить от штрафа. В то время я поставил условием успеха, чтобы вы не спрашивали, какими путями я его добьюсь. И вы не имели причин раскаиваться в том, что согласились тогда на это условие! Доверьтесь же мне и теперь.

– Но почему же этот человек ведет такой странный образ жизни? – сказала мисс Вэр. – Его одиночество, его внешность, та глубокая мизантропия, которая проглядывает в его

речах... Мистер Ратклифф, что же я должна думать о нем, если он действительно обладает тем могуществом, которое вы ему приписываете?

– Сударыня, он воспитан в католической религии, а в этой секте, как вам известно, бывали тысячи примеров, что люди отказывались от богатства и власти и добровольно вели жизнь еще более суровую и тяжкую, чем он.

– Но он, кажется, не проявляет никаких религиозных побуждений! – возразила мисс Вэр.

– Нет, – отвечал Ратклифф, – отвращение к миру заставило его удалиться в эту пустыню, не прикрываясь личиной суеверия. Я могу сказать вам, по крайней мере, что он родился от очень богатых родителей, которые вздумали еще увеличить его состояние, женив его на богатейшей девушке, их родственнице, которую они с этой целью приняли к себе в дом и сами воспитали. Вы его видели, стало быть, можете судить, что могла думать эта молодая девушка об ожидавшей ее судьбе. Впрочем, она настолько привыкла к его наружности, что не выказывала отвращения, и его друзья не сомневались, что его страстная к ней привязанность, изящно образованный ум и многие другие любезные качества его души и характера помогут нареченной невесте превозмочь тот естественный ужас, который могло внушать ей его несомненное физическое безобразие.

– И что же, оправдались их ожидания? – спросила Изабелла.

– Сейчас узнаете. Сам он в полной мере сознавал свое уродство, и это сознание мучило его постоянно. «Что ни говорите, – отвечал он, бывало, одному доверенному лицу, – а я жалкое отребье человечества, и лучше было меня задушить в колыбели, чем выпустить на свет Божий пугать добрых людей». Его собеседник тщетно старался внушить ему равнодушное отношение к внешней оболочке вещей, преподавал ему заветы чистой философии или же напоминал о том, что развитие ума и души несравненно выше личной привлекательности и наружных прелестей. «Да, я слышу, что вы говорите, – отвечал он, – но таков голос хладнокровного философа или же пристрастного друга. Возьмите любую из прочитанных нами книг, исключая, конечно, те умозрительно-философские сочинения, которые не находят отголоска в наших естественных чувствах. Разве внешняя красота или, по крайней мере, сносная наружность, не пробуждающая ужаса, не представлена везде существенным условием симпатии, и не только в любви, но даже и в дружбе? Разве такой безобразный урод, как я, самой природой не устранен от участия в ее лучших радостях? Что, как не мое богатство, препятствует всем, в том числе, быть может, даже и Легации, и вам самим, отшатнуться от меня, как от существа, чуждого вашей природе, и тем более омерзительного, что имеет все-таки что-то общее с человеком, подобно тем породам зверей, которые особенно противны людям, потому что представляются как бы карикатурами их самих».

– Все это мысли, свойственные сумасшедшему, – сказала мисс Вэр.

– Нет, – отвечал ее спутник, – это было лишь следствием болезненной чувствительности и обостренного сознания своего положения, а не безумием. Впрочем, я должен допустить, что постоянное размышление об этих предметах и тягостные опасения с течением времени расстроили его рассудок. Он вообразил, что для него обязательно сорить деньгами, оказывать услуги и благодеяния направо и налево, не разбирая ни поводов, ни степени нужды тех, кто к нему обращался, лишь бы своей щедростью примирить с собой человечество, от которого он считал себя отчужденным самой природой. Будучи по натуре чрезвычайно добрым человеком, он творил добро с преувеличенной щедростью, подстрекаемый к тому тем соображением, что от него люди вправе ожидать большего, чем от других, точно будто ему хотелось подкупить людей, чтобы они и в нем признали человека. Нечего и говорить, что многие злоупотребляли щедротами, изливавшимися из такого беспорядочного источника, и его часто обманывали. Каждый из нас, в большей или меньшей степени, испытывал в жизни подобные разочарования, а особенно часто они случаются с теми, кто расточает благодеяния без разбора; но его болезненное воображение приписало такие случаи людской ненависти и тому презрению, какое возбуждала во всех его ужасающая наружность. Но я наскучил вам, мисс Вэр?

– Нет-нет, нисколько, только я... я немного задумалась о другом. Пожалуйста, продолжайте!

– Наконец, – продолжал Ратклифф, – он сделался самым изобретательным мучителем собственной особы, какого можно себе вообразить. Насмешки простолюдинов, а тем паче издевательства грубых натур из высшего сословия, были для него худшими из пыток. Когда, проходя по улице, он замечал, что на него глазают и смеются, или, еще того хуже, – сдержанно хихикают, но особенно если молодые девушки, которым его представляли в обществе, смотрели на него с ужасом, – он считал, что это и есть настоящее отношение к нему света, что на него взирают, как на чудище, недостойное вращаться среди людей, и что, следовательно, он поступит вполне разумно, если окончательно запрется в четырех стенах. Казалось, что он вполне доверял искренности и привязанности только двух лиц, а именно: своей нареченной невесты и одного друга, человека, одаренного многими привлекательными качествами и, как казалось, действительно ему преданного. Впрочем, иначе и быть не могло, так как этот друг был буквально осыпан благодеяниями со стороны человека, к которому вы теперь едете. Между тем родители его умерли один за другим, в самое короткое время. Их кончина заставила отложить свадьбу, а день уже был назначен. Невеста, по-видимому, не очень горевала по поводу этой отсрочки, да и трудно было ожидать, чтобы она горевала от этого. Однако она не заявила никакой перемены в своих намерени-

ях, когда по прошествии срока траура опять назначили день свадьбы. Друг, упомянутый мной, в то время постоянно гостил у них в замке.

В недобрый час, по настоятельной просьбе этого друга, они вместе отправились в один дом, где собрались гости различных политических направлений, и там пили очень много. Произошла крупная ссора; друг теперешнего отшельника обнажил шпагу, как и другие, но был сбит с ног и обезоружен более сильным противником. Во время борьбы оба они упали у ног отшельника, который, хоть и калека, но обладает замечательной физической силой и одарен весьма сильными страстями. Он выхватил чью-то шпагу и пронзил сердце того, кто победил его друга. Его судили, едва не приговорили к смертной казни и лишь с большим трудом выхлопотали ему более мягкое наказание, а именно – одиночное заключение на год в тюрьме за убийство. Этот случай произвел на него глубочайшее впечатление, тем более что убитый им был превосходный человек и только потому обнажил оружие, что получил грубое и незаслуженное оскорбление. С той минуты я заметил... Извините, я не то хотел сказать. С тех пор припадки болезненной подозрительности, так сильно мучившие несчастного карлика, стали повторяться все чаще и усложнялись еще угрызениями совести, которые были для него совершенно новым и неожиданным терзанием, так что под влиянием их он был часто вне себя от лютого отчаяния. Этих припадков нельзя было скрыть от особы, с кото-

рой он был помолвлен, и надо сознаться, что они были поистине страшны. Он утешал себя только тем, что, отбыв срок тюремного заключения, женится и в обществе своей жены и верного друга будет жить в тесном домашнем кругу, совершенно отказавшись от остального мира. Но он и в этом ошибся: прежде чем он вышел из тюрьмы, его невеста вышла замуж за его друга.

Невозможно описать, как этот тяжкий удар подействовал на человека с горячим темпераментом, с характером, омраченным горьким раскаянием, с воображением и без того уже пораженным недоверием к человечеству. Он был похож на корабль, потерявший последние снасти и предоставленный на произвол бушующим стихиям. Его поместили в приют для умалишенных. Это могло быть довольно разумной мерой, если бы его оставили там лишь на время лечения. Но жестокосердый друг, вследствие женитьбы на его кузине ставший его ближайшим родственником, нарочно продлил его заточение, чтобы пользоваться доходами с его огромных поместий. Но был еще один человек, всем обязанный этому страдальцу, – человек незнатного происхождения, но признательный и преданный. Он до тех пор хлопотал и осаждал своими просьбами представителей правосудия, что ему удалось наконец добиться освобождения своего бывшего патрона и возвращения ему прав управлять своими именьями; вскоре после того состояние карлика еще увеличилось по случаю кончины бывшей его невесты, которая умерла, не

оставив мужского потомства, а потому все ее имущество перешло по наследству ему же. Но ни свобода, ни богатство не могли воротить ему уравновешенного рассудка: горе сделало его равнодушным к свободе, а богатство послужило лишь к тому, что он получил способ к удовлетворению своих странных и неожиданных фантазий. Он отрекся от католической религии, но некоторые доктрины этого вероучения продолжали оказывать влияние на его ум, всецело охваченный теперь угрызениями совести и ненавистью к человеческому роду. С тех пор он вел жизнь то паломника, то отшельника, подвергая себя самым суровым лишениям, но вовсе не из религиозного аскетизма, а единственно по отвращению к людскому обществу. Но никогда речи и поступки человека не были в большем противоречии между собой, ни один негодный лицемер не проявлял большего искусства в прикрывании своих злодеяний благими намерениями, чем этот несчастный, употреблявший все усилия на согласование своих крайних мизантропических теорий с таким образом действий, который проистекал прямо от его природной доброты и склонности к благодеяниям.

– Все-таки, мистер Ратклифф, все, что вы рассказываете, есть, по-моему, доказательство того, что он помешанный.

– Нисколько, – возразил Ратклифф, – воображение у него расстроенное, это не подлежит сомнению; и я уже говорил вам, что по временам на него находят припадки буйной вспыльчивости. Но я разумею то, каков он в своем обычном

состоянии: он рассуждает неправильно, но вполне способен рассуждать, а это так же отличается от настоящего сумасшествия, как полдень от полуночи. Тот карьерист, который тратит все свое состояние для достижения громкого, но ни к чему не ведущего титула, тот честолюбец, который добивается власти и могущества, не умея ими пользоваться, тот скупец, накапливающий несметные и бесполезные богатства, и тот расточитель, который сорит ими и проживает их бесследно, – все они, и каждый в своем роде, до некоторой степени помешанные. То же понятие приложимо и к преступникам, совершающим чудовищные деяния под влиянием таких пустячных стимулов, которые в глазах здравомыслящих людей несоразмерны ни с ужасами самого действия, ни с вероятием изобличения и кары; так что каждую сильную страсть и всякий приступ буйного гнева можно рассматривать как период краткого безумия.

– Все это хорошо с точки зрения отвлеченной философии, мистер Ратклифф, – отвечала мисс Вэр, – но простите, если я вам замечу, что это звучит вовсе не ободряюще для меня лично, и что я боюсь, особенно в такой поздний час, отправиться к человеку, у которого вы сами признаете расстроенное воображение, хоть и стараетесь объяснить его как можно мягче.

– Поверьте же мне на слово, – сказал Ратклифф, – клянусь вам, что он для вас несколько не опасен. Но вот чего я до сих пор не говорил вам, из опасения встревожить вас заранее, а

теперь должен сказать, потому что мы в виду его жилища. Вон я могу уж различить его в полутьме... Дело в том, что я с вами дальше не поеду, вы должны продолжать путь одни.

– Одна? Но я не смею...

– Это необходимо, – продолжал Ратклифф, – я останусь здесь и буду ждать вас.

– Так, по крайней мере, не трогайтесь с этого места, – сказала мисс Вэр, – однако ведь это очень далеко... вы, пожалуйста, не услышите, если я буду кричать о помощи?

– Не бойтесь ничего, – сказал ее проводник, – употребите все старания, чтобы, по крайней мере, не обнаруживать вашей робости. Не забывайте, что его преобладающее и самое мучительное опасение именно в том и состоит, что он считает себя пугалом и сознает, что производит отталкивающее впечатление. Ваш путь пролегает прямо мимо той обвалившейся ветлы: тропинка идет по левую руку от нее, а вправо – болото. До свиданья, поезжайте! Вспомните об угрожающей вам судьбе, это должно пересилить и страх ваш, и колебания.

– Мистер Ратклифф, – сказала Изабелла, – до свиданья. Если вы обманули такую несчастную, как я, то вы навеки утратили право на репутацию честного человека, благородству которого я вверяю себя.

– Ручаюсь вам жизнью, душой своей, – продолжал Ратклифф, усиливая голос, по мере того как она отъезжала все дальше, – вы ничем не рискуете, решительно ничем!

Глава XVI

*...Время и печали
Свою печать на эту душу клали;
Но если время нужною рукой
Ему воздаст за прежние страданья,
Смягчится в нем и боль воспоминанья
И возвратит душе его покой.*

Старинная баллада

Мало-помалу голос Ратклиффа замер в отдалении. Изабелла ничего более не слышала, но, оборачиваясь несколько раз, она все-таки могла рассмотреть его фигуру, и это ободряло ее. Вскоре, однако, надвигавшаяся темнота скрыла от нее и это утешительное зрелище. При последнем свете сумерек она очутилась перед хижиной отшельника.

Два раза протягивала она руку к двери и дважды отдерживала ее; наконец решила стукнуть, но так слабо, что биеие ее собственного сердца заглушило этот стук. Тогда она стукнула крепче, потом начала повторять удары, учащая их; ею овладело опасение, что не удастся добиться того покровительства, от которого, со слов Ратклиффа, она ожидала так многого, и этот страх пересиливал тот ужас, который внушал ей безобразный вид этого странного покровителя. Наконец она стала громко звать карлика по имени, умоляя отпереть

ей дверь.

– Что за жалкая тварь ищет здесь пристанища? – послышался ужасающий голос отшельника. – Ступай прочь! Если болотной птице нужен приют, она ищет его не в гнезде ночного хищника.

– Я пришла к вам, дедушка, – сказала Изабелла, – в крайнюю минуту отчаяния, как вы сами приказали, когда обещали, что ваше сердце и ваша дверь откроются перед моим несчастьем. Я только опасуюсь...

– Ага, – сказал отшельник, – значит, ты – Изабелла Вэр? Чем же ты это докажешь?

– Я принесла вам обратно ту розу, что вы мне дали; она, точно, не успела высохнуть, как меня постигла страшная судьба, предсказанная вами!

– Ну, коли ты принесла залог, – сказал карлик, – то и я сдержу свое слово. Сердце и дверь, запертые для остального человечества, откроются для тебя и для твоих печалей!

Она услышала, как он стал расхаживать внутри домика, потом зажег огонь. Дверные засовы один за другим отодвинулись, и сердце Изабеллы билось все тревожнее по мере того, как уничтожались преграды между нею и хозяином жилища.

Дверь распахнулась, и отшельник появился перед ней, держа в руке железную лампу, осветившую его нескладную фигуру и суровые черты.

– Войди, дочь скорби, – сказал он, – войди в жилище стра-

дания!

Она вошла и, осторожно озираясь, с ужасом заметила, что карлик, поставив лампу на стол, первым делом стал задвигать многочисленные болты, запиравшие изнутри вход в его жилище.

Услыхав визг этих зловещих задвижек, она вздрогнула и вся сжалась; но, вспомнив о предостережении Ратклиффа, постаралась и виду не показать, до чего ей страшно.

Лампа скудно освещала комнату своим трепещущим пламенем, но отшельник, почти не глядя на Изабеллу, движением руки пригласил ее присесть на низкую скамью у камина, а сам поспешил зажечь на очаге охапку сухого бурьяна, который мигом запылал и осветил всю хижину. По одну сторону камина тянулись деревянные полки, на них лежали книги, связки сушеных трав, пара деревянных чашек, тарелки; по другую сторону очага разместились несколько обыкновенных земледельческих орудий, плотничьих и механических инструментов. Там, где должна была стоять кровать, было нечто вроде деревянной рамы или плоского ящика, на дне которого были насыпаны сухой мох и тростник, служившие жесткой постелью отшельнику. Все пространство внутри хижины было не более десяти футов в длину и шести в ширину; помимо упомянутых предметов, вся меблировка состояла из одного стола и двух стульев, срубленных из самого простого дерева.

В этом-то тесном помещении очутилась Изабелла с глазу

на глаз с человеком, странная история которого была далеко не успокаивающего свойства, а крайнее уродство и страшное лицо внушали почти суеверный ужас. Он сел против нее на другой стул и, сдвинув свои лохматые брови над пронизательными черными глазами, смотрел на нее исподлобья, не говоря ни слова, но, по-видимому, взволнованный множеством противоположных чувств. По другую сторону очага сидела Изабелла, бледная как смерть; ее длинные волосы, отсыревшие от вечерней росы, распустились и покрывали ее грудь и плечи, подобно тому как влажные вымпелы висят на корабельной мачте, после того как буря миновала, прибыв корабль к берегу. Карлик первым нарушил молчание, внезапно и резко обратившись к ней с вопросом:

– Женщина, что привело тебя сюда?

– Опасность, угрожающая моему отцу, и ваше собственное приказание, – ответила она тихо, но твердо.

– И ты надеешься, что я помогу тебе?

– Если в вашей власти оказать мне помощь, – отвечала она тем же тоном кроткой покорности.

– А с чего же мне обладать такой властью? – продолжал карлик с горькой усмешкой. – Разве такие, как я, бывают защитниками невинности? Разве мое жильё похоже на палаты тех сильных мира сего, к которым красавицы прибегают с мольбами о спасении? Нет, я посмеялся над тобой, обещав тебе мою помощь!

– Так я уйду и покорюсь своей жестокой судьбе!

– Нет, – молвил карлик, вставая. Встав между нею и дверью, он повелительным движением снова указал ей на стул. – Нет, вы от меня так не отделаетесь; мы еще с вами поговорим. С какой стати одно существо ожидает помощи от другого? Почему каждый не живет сам для себя? Оглянитесь вокруг! Вот я, самый жалкий, самый презренный калека на жизненном поле, ни у кого не просил ни помощи, ни сочувствия. Эти камни таскал я и складывал собственными руками; эту утварь выдолбил себе сам; а вот этим, – прибавил он, с жестокой улыбкой схватившись рукой за длинный кинжал, всегда торчавший у него за поясом под верхним платьем, и вытащив его из ножен настолько, что лезвие сверкнуло при блеске пылавшего камина, – этим, – продолжал он, сунув кинжал обратно за пояс, – могу, коли понадобится, защитить искру жизни, что еще теплится в этом бедном теле, против всех красивых и здоровых молодцов, которые вздумали бы угрожать мне!

Изабелла с великим трудом воздержалась от крика при виде сверкнувшего ножа, однако не крикнула.

– Вот это и есть естественное существование, – продолжал отшельник, – одинокое, независимое, самодовлеющее. Волк не зовет волка на помощь, когда роет свое логовище. И ястреб не просит другого ястреба помочь ему схватить добычу.

– А когда они не в состоянии существовать сами по себе, – сказала Изабелла, справедливо полагая, что ему будет всего понятнее, если и она заговорит с ним таким же метафориче-

ским стилем, – что же с ними тогда будет?

– Пускай умирают. Умрут, будут забыты, и только, – таков общий удел всего человечества.

– То есть таков удел дикарских племен, – сказала Изабелла, – и преимущественно тех, которые осуждены существовать грабежом и хищничеством и не терпят товарищества. Но общий закон природы не таков: даже низшие твари собираются обществами ради взаимной защиты. Что до человечества, оно бы исчезло с лица земли, если бы люди перестали помогать друг другу. С той минуты, как мать пеленает свое дитя, и до той, когда какой-нибудь добрый человек оттирает предсмертный пот со лба умирающего, мы не можем жить без чужой помощи. Следовательно, каждый, нуждающийся в помощи, имеет право прибегать за нею к своим ближним, и грех будет тому, кто имеет власть помогать и откажется от этого!

– И с этой-то надеждой, бедная девочка, – сказал отшельник, – явилась ты в эту пустыню, к человеку, который только того и желает, чтобы эта связь между людьми была навеки порвана и чтобы человеческий род извелся и погиб? И неужели ты не побоялась?

– Мои бедствия сильнее страха, – сказала Изабелла с твердостью.

– Разве ты не слыхала от людей, что я связался с силами иного мира, такими же безобразными и злыми, как и я сам? Разве тебе не говорили этого? И ты все-таки пришла в мою

келью в час полночный?

– Тот, кому я поклоняюсь, охраняет меня от суеверных ужасов, – сказала Изабелла, но грудь ее тяжело дышала и видно было, с каким трудом она поддерживает в себе бодрость.

– Ого, – молвил карлик, – так ты еще и философствуешь? А ты не подумала о том, что для молоденькой и красивой девушки опасно предаваться во власть существа, настолько ненавидящего человечество, что лучшим для него удовольствием служит исказить, унижать, истреблять прекраснейшие создания природы?

Изабелла сильно струсилась, но продолжала отвечать все так же твердо и уверенно.

– Каким бы обидам и огорчениям вы ни подвергались в жизни, вы не способны вымещать их на той, которая вам ничего не сделала, да и никому умышленно не наносила оскорбления, – сказала она.

– Однако, красная девица, – продолжал он, и темные глаза его блеснули лукавым огнем, – мщение ведь сладко, а мстительность – все равно что голодный волк, так и жаждет живого мяса и крови... Как ты думаешь, станет он слушать, как овечка будет ему доказывать свою невинность?

– Несчастный человек, – сказала Изабелла, вставая и глядя на него с большим достоинством, – я не боюсь тех ужасов, которыми вы меня страшаете. Я пренебрегаю подобными намеками. Человек ли вы или бес, вы не решитесь оскор-

бить женщину, молившую вас о помощи в минуту крайней опасности. Вы не отважитесь на это и не захотите!

– Правду ты сказала, девушка, – отвечал отшельник, – и не посмею, и не захочу. Ступай домой. Не бойся того, чем тебе угрожают. Ты искала моего покровительства – и я буду тебе защитой.

– Но, дедушка... Я сегодня дала согласие на брак с человеком, которого ненавижу; иначе моему отцу грозила неминуемая гибель.

– Сегодня, говоришь? А в котором часу?

– Свадьба назначена до полуночи.

– До полуночи... а уж совсем стемнело, – сказал карлик, – но не бойся, времени будет довольно; я тебя избавлю от этого.

– А мой отец как же? – продолжала Изабелла умоляющим голосом.

– Твой отец, – отвечал карлик, – и был и есть злейший враг мой. Но не бойся. Твоя доброта спасет его. А теперь уйди. Если бы ты осталась со мной подольше, я бы, пожалуй, опять уверовал в человеческие добродетели. Но я знаю, что это пустые грезы, от которых меня давно и жестоко отрезвили. Не страшись ничего. В ту минуту, как станешь перед алтарем, я тебя спасу! Прощай, времени терять нечего, я должен действовать.

Он повел ее к двери хижины, отодвинул засовы и выпустил Изабеллу. Она села на лошадь, которая тем временем

паслась внутри первой ограды, и при свете восходящей луны погнала ее к тому месту, где ожидал ее Ратклифф.

– Ну что, успешно ли съездили? – был его первый вопрос.

– Тот, к кому вы меня посылали, надавал мне обещаний, но каким образом сможет он выполнить их?

– Слава богу! – молвил Ратклифф. – В этом не сомневайтесь, выполнит!

В эту минуту раздался пронзительный свист, разнесшийся по всему пустырю.

– Чу! – произнес Ратклифф. – Это он зовет меня. Мисс Вэр, поезжайте домой и оставьте садовую калитку отворенной. От двери на заднюю лестницу у меня есть свой особый ключ.

Второй свисток донесся оттуда же, еще более пронзительный и длинный.

– Сейчас, сейчас! – крикнул Ратклифф и, пришпорив своего коня, стрелой помчался по направлению к хижине отшельника.

Мисс Вэр одна воротилась в замок и благодаря ретивости своей лошади и собственному возбужденному состоянию доехала до дому гораздо скорее, чем ожидала. Она в точности исполнила все указания Ратклиффа, хотя и не знала, к чему они клонятся, и, пустив свою лошадь пастись на лугу перед садом, поспешила в свою комнату, куда ей удалось пройти никем не замеченной.

Открыв дверь своей комнаты, она позвонила и приказа-

ла подать свечи. Вместе с прислугой, отвечавшей на звонок, пришел и ее отец.

– Я два раза подходил к твоей двери, – сказал он, – в течение тех двух часов, что мы расстались; но так как не слышал твоего голоса, я боялся, не захворала ли ты.

– Милый папенька, – сказала она, – позвольте вам напомнить данное мне обещание: вы были так добры, что согласились предоставить мне провести в уединении последние часы моей свободы; дайте же мне ими насладиться без помехи и продлите, насколько возможно, даруемую мне отсрочку.

– Об этом я позабочусь, – сказал отец, – никто больше не потревожит тебя. Но что за беспорядок в твоём туалете? Ты совсем растрепалась. Чтобы этого не было, когда я приду за тобой, жертва только тогда может быть благодетельна, когда ее приносят добровольно.

– Вот как, – сказала она, – в таком случае не бойтесь, папенька! Жертва будет разукрашена.

Глава XVII

Что-то непохоже на свадьбу!
Шекспир. «Много шума из ничего»

Капелла замка Эллисло, где должно было произойти это зловещее бракосочетание, была построена гораздо прежде самого замка, хотя и он был очень старинным зданием. Еще до того времени, как войны между Шотландией и Англией сделались таким обычным и продолжительным явлением, что все жилые постройки по обеим сторонам границ принимали воинственный и крепостной характер, Эллисло было монастырским поселением, или, как полагают антиквариисты, поселением богатейшего аббатства Джедбергского. Случайности войны и взаимные захваты враждующих сторон давно изменили границы первоначальных владений. На развалинах монастыря вырос феодальный замок, а монастырская капелла вошла в состав его постройки.

Это здание, со своими круглыми сводами и массивными колоннами, простота которых доказывала их принадлежность к так называемому саксонскому периоду нашей архитектуры, носило во все времена самый темный и мрачный характер. Внутри его были фамильные усыпальницы феодальных владык, а в прежние времена там же были склепы для монастырской братии.

На этот раз капелла была еще мрачнее обыкновенного, потому что ради предстоящего случая ее осветили несколькими дымными, смоляными факелами, которые вблизи горели желтым огнем, а на некотором расстоянии были окружены тусклым, красным сиянием, происходившим от их собственного дыма, далее же была уже густая тьма, из-за которой нельзя было судить о настоящих размерах капеллы, и она казалась необъятной. Попытки украсить ее несколькими разрозненными и наскоро собранными предметами были вполне неудачны и, скорее, способствовали усилению унылого впечатления. Обрывки старинных шпалер, содранные со стен других комнат, были неуклюже развешаны по стенам капеллы, чередуясь с гербовыми щитами и надгробными памятниками, рассеянными по всему зданию. По бокам алтаря возвышались два мавзолея совершенно различного характера: на первом была каменная фигура монаха или какого-то изможденного отшельника, умершего в ангельском чине; он был в пелерине с капюшоном, с четками в сложенных руках, коленопреклоненный в молитвенной позе и с головой, поднятой вверх. По другую сторону алтаря стоял памятник в итальянском вкусе, из чистейшего белого мрамора и настоящей художественной работы. Он был посвящен памяти покойной матери Изабеллы, миссис Вэр, которая была изображена лежащей на смертном одре, а возле нее плачущий ангел, отвернувшись, гасил огонь догорающей лампы, служившей эмблемой ее быстрой кончины. Эта группа

была в высшей степени изящным памятником искусства, но казалась как-то некстати среди грубой и суровой обстановки остального здания. Многие дивились, иные даже возмущались тем, что Эллисло, при жизни своей супруги обращавшийся с ней далеко не любезно, вздумал после ее смерти соорудить ей такой драгоценный памятник своей притворной скорби; но потом нашлись люди, которые вполне очистили его от подозрений в подобном лицемерии, доказав, что мраморный мавзолей был заказан и выполнен под руководством мистера Ратклиффа, и притом на его собственный счет.

Перед этими монументами собрались теперь свободные гости. Их было немного; из числа обедавших в замке многие разъехались по домам ради спешных приготовлений к походу, притом обстоятельства были таковы, что мистер Вэр вовсе не желал лишних свидетелей и пригласил в церковь ровно столько родственников, сколько было необходимо по обычаям страны. Ближе всех к алтарю стоял сэр Фредерик Лэнгли, мрачный, угрюмый и задумчивый даже более, чем обыкновенно. Рядом с ним Маршал, взявший на себя роль шафера. Беспечная шутливость этого юного джентльмена, и не думавшего стесняться ни при каких обстоятельствах, еще резче оттеняла сердитое выражение на лице жениха.

– А невеста еще так и не выходила из своей комнаты, – шептал Маршал сэру Фредерику. – Надеюсь, что нам не придется прибегать к тем насильственным мерам, какие были в употреблении у древних римлян, как нам преподавали в

школе. Моей прелестной кухне не поздоровится, коли два дня кряду ее будут похищать, хоть я и должен сознаться, что она стоит того.

Сэр Фредерик притворился, что не слышит этих речей, и, отвернувшись в другую сторону, начал напевать себе что-то под нос, но Маршал не унимался.

– Вот тоже пастор Хобблер, я думаю, как на иголках: его позвали и велели готовиться к радостному торжеству в ту самую минуту, как он с успехом откупорил третью бутылочку. Смотрите не подведите его под строжайший выговор со стороны духовного начальства, потому что по церковным правилам, кажется, не дозволяется венчать в такие поздние часы... А-а, вот и Эллисло, и с ним моя прекрасная кухня! Ей-богу, прекраснее, чем когда-либо, только бледна как смерть и еле держится на ногах. Слушайте, господин баронет, если она не совсем охотно скажет «да», то свадьбы не будет, что бы там ни случилось, я вам наперед говорю.

– Свадьбы не будет, сэр? – переспросил сэр Фредерик громким шепотом и таким тоном, который показывал, с каким трудом он сдерживает свой гнев.

– Да, так-таки и не будет, – отвечал Маршал. – За это уж я ручаюсь, и вот вам моя рука.

Сэр Фредерик Лэнгли взял его руку, сжал до боли и проговорил тихим шепотом:

– Маршал, я вам это припомню. – Затем он оттолкнул его руку.

– О, я и сам не забуду, – сказал Маршал. – Мне еще не случалось произносить таких слов, за которые моя рука не была бы готова отвечать во всякое время. Пожалуйте сюда, моя прекрасная кузина, и скажите мне: по своей ли доброй воле и свободному выбору вы намерены признать сего благородного рыцаря своим властелином и супругом? Потому что, если вы на этот счет хоть сколько-нибудь сомневаетесь, отступайте и уходите прочь, он на вас не женится.

– С ума вы сходите, Маршал? – сказал Эллисло, который в качестве его бывшего опекуна часто принимал еще с ним авторитетный тон. – Неужели вы полагаете, что я способен насильно влачить мою дочь к алтарю и что она сюда явилась не по собственному желанию?

– Пустяки, Эллисло, – возразил юный джентльмен, – никогда я этому не поверю! У нее полны глаза слез, а личико бледнее ее белого платья. Во имя простого человеколюбия я должен настоять на том, чтобы церемония была отложена до завтра.

– Вечно ты мешаешься не в свое дело! Это, наконец, несносно! Она сейчас сама скажет тебе, что церемония назначена именно сегодня по ее желанию. Изабелла, милая моя, скажи, так ли это?

– Так, – отвечала Изабелла умирающим голосом. – Видно, не будет мне помощи ни от Бога, ни от людей...

Но присутствующие расслышали одно только первое слово, остальные она произнесла беззвучно. Маршал пожал пле-

чами и отступил, а Эллисло подвел или, скорее, подтащил дочь к алтарю. Сэр Фредерик выступил вперед и стал с нею рядом. Священник раскрыл требник и взглянул на мистера Вэра, ожидая, когда он велит начать.

– Начинайте! – сказал Вэр.

Но в эту минуту раздался голос, исходивший как будто из гробницы его жены, но такой громкий и резкий, что от него пошел гул по всей церкви. Этот голос произнес:

– Перестаньте!

Все замерли на месте, безмолвно переглядываясь, и при наступившей тишине где-то в отдаленных покоях замка слышались глухой шум и топот и как будто звон оружия.

Потом все стихло.

– Это что еще за выдумки? – сказал сэр Фредерик, яростно оглядываясь и вперив сначала в Эллисло, потом в Маршала злобные и подозрительные взгляды.

– Кто-нибудь из гостей зашумел в нетрезвом виде, – сказал Эллисло, сам сильно сконфуженный, – ради сегодняшнего торжества мы должны быть снисходительны к подобным проявлениям. Прошу вас начать богослужение.

Священник опять взялся за книгу, но не успел он произнести ни слова, как из того же пункта раздался все тот же голос и то же воспреещение.

Женская прислуга с криками испуга выбежала из церкви; джентльмены схватились за шпаги. Все были еще под впечатлением этого странного перерыва, как вдруг из-за мра-

морного памятника выступил карлик и стал перед мистером Вэром.

Появление этого странного и уродливого существа, особенно в таком месте и при таких обстоятельствах, на всех подействовало удручающим образом, но мистер Вэр был поражен как громом; выпустив руку дочери, он, шатаясь, прислонился к ближайшей колонне и, обхватив ее обеими руками, прильнул к ней лбом.

– Это кто такой, – сказал сэр Фредерик, – и чего ему здесь нужно?

– Я пришел объявить вам, – сказал карлик своим обычным язвительным тоном, – что вступающая в брак девица не есть наследница поместья Эллісло, ни замка Маули-холл, ни Полвертона, ни единой пяди земли, иначе как с моего ведома и согласия; а тебе я такого согласия, конечно, не дам, – продолжал он, обращаясь непосредственно к сэру Фредерику Лэнгли. – Преклони колена и благодари Бога за то, что я помешал тебе сочетаться браком с такими качествами, которые тебе вполне чужды: она бесприданница, неимущая, добродетельная, невинная и правдивая девушка. А ты, неблагодарный негодяй, – обратился он к Эллісло, – чем теперь оправдаешь свою подлую уловку? Ради собственного спасения ты хотел продать родную дочь; а в голодный год ты бы ее зарезал и съел, чтобы насытиться? Да, закрывай лицо руками! Должно быть, стыдно тебе смотреть на того, чье брненное тело ты держал в оковах, чью руку подвигнул на преступле-

ние, а душу наполнил мучением. Еще раз тебя спасает добродетель той, что зовет тебя отцом; ступай прочь отсюда, и пусть мое прощение и благодеяния, которыми я тебя осыпаю, превратятся в пылающие уголья, и падут на твою голову, и иссушат твой мозг, как ты иссушил мой!

Эллисло в безмолвном отчаянии воздел руки к небу и ушел из капеллы.

– Пойди за ним, Губерт Ратклифф, – сказал карлик, – и сообщи ему о моем решении. Он будет очень доволен. Ему лишь бы дышать на воле да сорить деньгами, только в этом и видит счастье.

– Я все-таки ничего не понимаю, – сказал сэр Фредерик Лэнгли, – но мы здесь образовали вооруженный отряд джентльменов, сторонников короля Иакова Восьмого, и нам все равно, сэр, точно ли вы сэр Эдуард Маули, которого считали давно умершим в заключении, или вы облыжно приняли на себя его имя и титул; но мы задержим вас до тех пор, покада ваше появление здесь, в такую минуту, не получит достаточного объяснения. Нам нежелательно иметь здесь шпионов. Друзья мои, возьмите его!

Но испуганная челядь отступила, не решаясь повиноваться.

Тогда сэр Фредерик сам двинулся вперед, как бы намереваясь схватить карлика собственными руками; но тут его неожиданно остановило блестящее острие бердыша, направленного в его грудь дюжей рукой Габби Эллиота.

– Я вас проткну насквозь, коли вы его хоть пальцем тронете, – молвил фермер очень решительно, – подайтесь назад, не то наткнетесь! Никому не дам обидеть Элши; он нам добрый сосед и всегда готов помочь человеку в нужде! И хоть вы его считаете, может быть, калекой, а попробуйте подать ему руку, так ручаюсь, что у вас из-под ногтей кровь пойдет, с ним тоже шутки плохи! Наш Элши, коли ухватит тебя, так что твои кузнечные клещи!

– Зачем вы сюда явились, Эллиот, – сказал Маршал, – и кто вас просил вмешиваться?

– А вот видите ли, Маршал-Уэльс, – отвечал Габби, – я здесь не один, а со мной еще десятка два-три молодцов, и явились мы от моего имени, да еще от имени короля... или королевы, что ли?.. А также от имени мудрого Элши, чтобы водворить мир, да кстати уж отплатить хозяину Эллисло за то, что он у меня натворил. Небось слышали вы, какой вкусный завтрак задали мне вчера поутру? Ну, я узнал, что это было сделано по его распоряжению, вот и явился задать ему ужин. И напрасно вы хватаетесь за шпаги, джентльмены: замок в наших руках и достался нам не больно дорого. Мы застали все двери настежь, а народ у вас так налился, что обезоружить людей ничего не стоило; мы отобрали сабли и пистолеты так же легко, как горох шелушили.

Маршал бросился вон из капеллы, но тотчас вернулся назад.

– А ведь это правда, ей-богу! – воскликнул он. – Сэр Фре-

дерик, дом полон вооруженных людей, а наши скоты все пьяны и обезоружены. Обнажайте шпагу и пробьемся как-нибудь!

– Пойдите, пойдите! – крикнул им Габби. – Вы погодите, послушайте! Мы вам зла не желаем; но, как вы стали за короля Иакова да за прелатов, вот и мы по-старому, по-соседски, стали за свой закон и за свою церковь; только мы и волоса с вашей головы не тронем, коли вы спокойно разойдетесь по домам. А это будет, право, всего лучше, потому что из Лондона пришли верные вести, что этот Бэнг или Бинг... ну, все равно, как его звать; одним словом, отогнал он от наших берегов французские корабли и того нового короля; так не лучше ли вам удовольствоваться нашей старушкой Нэнси, покуда что?

Вошедший в эту минуту Ратклифф подтвердил точность известий, столь неблагоприятных для партии якобитов. Сэр Фредерик в ту же минуту, ни с кем не простившись, ушел и, собрав кое-как тех из своих служителей, которые оказались способны за ним следовать, уехал из замка.

– А вы, Маршал, что намерены делать? – спросил Ратклифф.

– И сам не знаю, право, – отвечал тот, улыбаясь, – душа у меня слишком велика, а карманы слишком пусты, чтобы я мог последовать примеру доблестного жениха. Это не в моей натуре, да и не стоит того!

– Так вы просто отошлите назад своих людей, а сами по-

сидите спокойно, ничего и не будет; ведь кампания еще не начиналась и открытого восстания не было.

– Э, стоит ли об этом говорить! – сказал Эллиот. – Станем опять жить приятелями, вот и ладно будет. Я ни на кого зла не имею, кроме этого черта, Уэстбернфлета; ну, да я ему уж задал препорядочно. Только вот досада! Как только я его хватил раза три палашом, он – прыг в окошко, да и бултыхнулся в ров с водой, а там и поплыл на другой берег, точно дикая утка. Парень ловкий, что и говорить: одну красную девицу утром уволок, а другую вечером! Меньше ему никак нельзя, извольте видеть! Ну, постой же, коли он подобру-поздорову не уберется из наших краев, я его сам уберу, да! Потому что никакого соглашения у нас с ним в Кэстлтоне не будет; его приятели сами от него отступились.

Во время общей суматохи Изабелла бросилась к ногам своего родственника, сэра Эдуарда Маули, ибо так мы должны отныне звать отшельника. Она со слезами выражала ему свою благодарность и умоляла простить ее отца. Когда общее смятение и беспорядок несколько утихли, взоры всех обратились на них.

Мисс Вэр преклонила колена возле гробницы своей матери, и все заметили удивительное сходство ее лица с чертами мраморного изваяния. Держа руку карлика, она беспрестанно целовала ее и обливала слезами. Он стоял безмолвно и почти неподвижно, глядя то на лицо статуи, то на ее подобие, преклоненное у его ног.

Наконец крупные слезы, повисшие на его ресницах, показались по щекам, и он отер их рукой.

— Я думал, — сказал он, — что уж совсем разучился плакать, но мы плачем, едва родившись на свет, и, как видно, источник слез не иссякает в нас до самой могилы. Но хоть и растаяло мое сердце, а решение остается неизменно. В эту минуту расстаюсь навеки и сразу со всем, что мне дорого как в прошлом, — он взглянул на памятник, — так и в настоящем, — тут он перевел глаза на Изабеллу и сжал ее руку в своей. — Нет, не трать слов понапрасну! Не пытайся поколебать мою решимость! Ничто не изменит ее; ты больше не увидишь этого безобразного калеку и ничего о нем не услышишь. Для тебя я умру прежде, нежели действительно буду лежать в могиле, а ты думай обо мне как о друге, избавившемся от тяжелых трудов и греховных деяний бытия!

Он поцеловал в лоб Изабеллу, потом запечатлел такой же поцелуй на лбу мраморной статуи и ушел из капеллы в сопровождении Ратклиффа.

Изабелла, измученная волнениями этого дня, отдалась в руки своих прислужниц и почти без чувств была унесена в свои покои. Большая часть гостей разъехалась, причем каждый из них в отдельности постарался внушить всем и каждому, что он вовсе не одобряет заговора против правительства и весьма сожалеет, что ввязался в эту историю.

На эту ночь Габби Эллиот взял на себя обязанности начальника в замке, не ложился спать и все время ходил до-

зором. Он немало хвастался тем, с какой поспешностью он и его друзья явились на призыв, который послал им Элши через верного Ратклиффа. По счастливой случайности, говорил он, в тот самый день они узнали наверное, что Уэстбернфлет вовсе не намерен прийти на свидание, назначенное в Кэстлтоне, а хотел только посмеяться над ним. По этому случаю в Хейфуте собралось порядочное количество добрых молодцов, и они собирались как раз под утро нагрянуть к башне разбойника, но Ратклифф застал их в сборе и повернул на замок Эллисло.

Глава XVIII

*– Последнее сказанье,
Диковинных событий окончанье!*

Шекспир. «Как вам это понравится»

На следующее утро мистер Ратклифф вручил Изабелле Вэр письмо от ее отца следующего содержания:

«Дорогое дитя мое!

Преследования со стороны злобствующего правительства вынуждают меня ради личной безопасности уехать за границу, и на некоторое время я располагаю поселиться в чужих краях. Не прошу тебя ни сопровождать меня, ни следовать за мной: оставаясь на месте, ты можешь с большей пользой соблюдать мои интересы, а также и твои собственные. Нет нужды подробно разьяснять тебе причины вчерашних странных происшествий. Я имею поводы горько жаловаться на то, как поступал относительно меня сэр Эдуард Маули; он твой ближайший родственник с материнской стороны; но, так как он признал тебя своей наследницей и еще при жизни своей намерен передать тебе значительную часть своего состояния, я считаю, что этим он загладил свою вину передо мной. Я знаю, что он никогда не мог мне простить того, что твоя мать отдала руку мне, вместо того чтобы, согласно

нелепым и деспотическим фамильным распоряжениям, от-
даться своему безобразному кузену.

Этот удар был для него столь чувствителен, что оконча-
тельно свел его с ума, тем более что, по правде сказать, его
мозги и так были не в порядке; я же, как муж его ближайшей
родственницы и наследницы, должен был принять на себя
щекотливую обязанность опекать его личность и имущество
и выполнял этот долг до тех пор, пока некоторые лица, веро-
ятно находившие, что так следует, не выхлопотали ему пра-
во распоряжаться своей собственностью. Однако, если здра-
во обсудить некоторые пункты его последующего поведения,
ясно, что для него же было бы лучше, если бы его подверг-
ли легким и спасительным стеснениям. Впрочем, он доказал
в одном случае, что понимает святость родственных связей
и сознает свое собственное убожество, потому что, когда он
окончательно удалился от света, скитался под различными
именами и личинами и даже пожелал распространить слух
о своей смерти, в чем и я, из снисхождения к его фантазии,
охотно ему содействовал, в то же время он предоставил мне
пользоваться доходами с большей части своих имений, и в
особенности с тех, которые принадлежали твоей матери по-
жизненно, а от нее перешли в наследство ему как старше-
му по мужской линии. В этом случае он, вероятно, думал,
что выказывает необычайное великодушие, между тем как,
по мнению всех беспристрастных людей, он просто испол-
нил нравственную обязанность, потому что, по естественно-

му ходу вещей, если не по закону, ты прямая наследница своей матери, а я твой натуральный опекун и распорядитель твоего состояния.

Поэтому я не только не считал себя осыпанным благодеяниями сэра Эдуарда, но думал, что вправе был сетовать на то, что доходы доставлялись мне не иначе как через руки мистера Ратклиффа, который к тому же требовал с меня обеспечения из моего собственного родового поместья Эллисло за каждую сумму денег, перебираемых мной вперед, на экстренные расходы. Этим способом он, так сказать, насильно втерся в мой дом и в конце концов забрал в руки распоряжение всем моим имением. Если же сэр Эдуард с тем и затеял эти якобы дружественные со мной отношения, чтобы овладеть сначала ведением моих дел, а потом окончательно меня разорить, то я, повторяю, не чувствую себя нимало ему обязанным.

С осени прошлого года, как я узнал, вздумал он, под влиянием ли своего расстроенного воображения или во исполнение того плана, о котором я намекнул выше, поселиться в здешнем краю. Поводом к тому было, по-видимому, желание полюбоваться памятником, который он воздвиг в нашей капелле над прахом твоей покойной матери. Мистер Ратклифф, около того же времени оказавший мне честь поселиться в моем замке, как у себя дома, был так любезен, что втайне приводил его в капеллу. Вследствие того, как он сам сообщил мне, на сэра Эдуарда нашел припадок бешенства,

длившийся несколько часов кряду; в этом виде он убежал в соседние болота, а когда несколько опамятовался, выбрал один из самых диких пунктов этой пустынной местности и порешил поселиться тут, построить себе жилище и прослыть чем-то вроде деревенского знахаря, – к этой роли, мимоходом сказать, он и прежде был весьма склонен. Замечательно, что мистер Ратклифф не только не уведомил меня об этих обстоятельствах, дабы я мог своевременно позаботиться о судьбе родственника моей покойной жены и подать ему руку помощи в таком его бедственном состоянии, но, напротив, мистер Ратклифф всячески ему потворствовал и не только помогал во всех его безумных планах, но поклялся, что никому об этом не расскажет. Он часто посещал сэра Эдуарда и лично способствовал исполнению его дикой фантазии собственноручно построить себе убежище. Они, по-видимому, ничего так не боялись, как раскрытия своей тайны.

Пустынные окрестности этого жилища были обнажены со всех сторон, и, как только кто-нибудь приближался к этому месту, Ратклифф скрывался в небольшую пещеру, вроде подземного хода, который они открыли поблизости от высокого гранитного столба. Надеюсь, что и ты согласишься, моя дорогая, что для такой необычайной секретности должны были быть какие-нибудь серьезные поводы. И то достойно замечания, что, пока я считал, будто злосчастный друг мой проживает в монастыре у траппистов^[38], он в течение нескольких месяцев жил, в качестве сельского знахаря, на

расстоянии каких-нибудь пяти миль от моего дома, и каждый мой малейший шаг был ему известен или через Ратклиффа, или через Уэстбернфлета и других, так как он имел полнейшую возможность подкупить кого угодно.

Он вменяет мне в великое преступление то, что я желал выдать тебя замуж за сэра Фредерика. Я думал этим устроить твою судьбу; если же сэр Эдуард Маули был иного мнения, почему он не отважился вступить в это дело, почему не заявил своевременно о том участии, какое принимает в твоём благосостоянии и в тебе самой, как его будущей наследнице?

Как ни поздно этот твой взбалмошный и странный родственник выступил со своими заявлениями, я даже и теперь далек от того, чтобы поставить свой родительский авторитет наперекор его желаниям; несмотря на то что джентльмен, которого он прочит тебе в мужья, есть не кто иной, как молодой Эрнсклиф, я бы никак не ожидал, что он выберет именно его, принимая во внимание некоторое роковое обстоятельство. Но я и на это даю свое полное согласие, с тем условием, чтобы по брачному контракту имение было закреплено за тобой в такой форме, чтобы моя дочь ни в каком случае не подвергалась мучительной зависимости от другого лица и тем внезапным и капризным лишениям содержания, от которых столько пострадал ее отец.

Полагаю, что сэр Фредерик Лэнгли больше не будет тебя беспокоить. Он не из тех людей, которые способны жениться на бесприданнице. Поэтому поручаю тебя, милая Изабелла,

мудрости Провидения и твоему собственному благоразумию и прошу тебя, не теряя времени, воспользоваться теми выгодами, которых лишил меня твой легкомысленный родственник, тебя же, напротив, осыпающий ими.

Мистер Ратклифф говорил как-то, что сэр Эдуард намерен назначить мне значительную сумму ежегодного содержания для прожития приличным образом за границей. Но я слишком горд, чтобы принять от него подачку. Я отвечал ему, что у меня есть любезная дочь, которая не потерпит, чтобы отец ее жил в нищете, пока она будет пользоваться достатком. Я счел приличным внушить ему совершенно прямо, что, какова бы ни была цифра дохода, укрепляемого за тобой, они обязаны принимать в расчет и то, что ты, естественно, должна будешь уделять мне. Я охотно предоставляю тебе замок и усадьбу Эллисло в доказательство родительской любви своей и усердного и бескорыстного желанья устроить тебя сколь возможно лучше. Проценты с долговых обязательств, лежащих на поместье, несколько превышают сумму доходов даже в том случае, если отдать усадьбу внаем; но так как она заложена на имя мистера Ратклиффа, за поручительством твоего родственника, я не думаю, чтобы этот кредитор стал тебя тревожить.

Здесь считаю долгом предупредить тебя, что хотя относительно меня лично мистер Ратклифф вел себя предосудительно, но я все-таки считаю его за человека честного и прямодушного, и ты вполне можешь на него положиться при ве-

дении своих дел, не говоря уже о том, что, сохраняя его доброе мнение, ты тем самым обеспечиваешь себе благоволение твоего родственника.

Кланяйся от меня Маршалу. Надеюсь, что недавние происшествия не наделали ему хлопот. Из-за границы буду писать подробнее.

Остаюсь любящий тебя отец *Ричард Вэр*».

Приведенное письмо есть единственный документ, проливающий дополнительный свет на прошлые события этой истории. По мнению Габби Эллиота, а может быть, и большинства наших читателей, отшельник из Меклстон-мура страдал помрачением рассудка и никогда не понимал по-настоящему ни того, чего сам хотел, ни истинных средств для достижения своих целей, так что добиться ключа к его поступкам было так же трудно, как рассмотреть прямую дорогу через выгон, где сотни людей наследили вкривь и вкось во все стороны и так напутали и накружили, что ни одной прямой черты не осталось.

Окончив чтение письма, Изабелла прежде всего осведомилась, где ее отец. Ей отвечали, что он ранним утром выехал из замка после продолжительного свидания с мистером Ратклиффом и в настоящее время должен быть далеко от дома, на пути к ближайшему приморскому городу, откуда отправится на континент.

– А где сэр Эдуард Маули?

Карлика никто не видел со вчерашнего вечера.

– Вот странно, – молвил Габби Эллиот, – не случилось ли какого несчастья с бедным Элши? По мне, лучше бы меня самого в другой раз ограбили.

Он тотчас поехал верхом к его хижине. Навстречу ему заблеяла оставшаяся в ограде коза, которую давно пора было подоить. Отшельника нигде не было видно; дверь его жилища, против обыкновения, была растворена настежь, огонь потушен и все внутри лачуги осталось в том виде, как было накануне вечером, при Изабелле. Было ясно, что карлик куда-то уехал тем же способом, каким вчера был доставлен в Эллисло.

Габби, сильно огорченный этим открытием, печально воротился в замок.

– Сдается мне, что не видать нам больше нашего мудрого Элши, – сказал он.

– И вы не ошиблись, – сказал Ратклифф, вынимая из кармана бумагу и подавая ее Эллиоту, – прочтите вот это и увидите, что, по крайней мере, ничего не потеряли через знакомство с ним.

То была краткая дарственная запись, в силу которой «сэр Эдуард Маули, иначе называемый Элшендером-отшельником, передавал Гальберту, или Габби, Эллиоту и Грейс Армстронг в полное и потомственное владение, значительную сумму денег, данную им займы означенным лицам».

Габби был крайне рад, но к этой радости примешивалось другое чувство, от которого по его загорелому лицу потекли

слезы.

– Странное дело, – сказал он, – меня и богатство не веселит, покуда не узнаю, что тот бедняга, который мне дал его, тоже счастлив.

– Для того, кому судьба не дала личного счастья, – сказал Ратклифф, – нет лучшей радости как осчастливить других. Если бы все те благодеяния моего патрона оказывались так же удачны, как это, иначе бы сложилась его жизнь! Но бесплодная щедрость только плодит корысть либо поощряет ту-неядцев, от нее никому нет пользы и ни от кого не бывает благодарности, она сеет ветер, а пожинает бурю.

– Да, жатва неважная, – заметил Габби, – а мне, коли позволит барышня, хотелось бы перевезти к себе в усадьбу пчелиные ульи, что стоят у Элши в огороде: я бы их поставил в саду, среди цветников моей Грейс, и никогда бы не закуривал их до смерти. Вот тоже и бедная его коза, в таком обширном хозяйстве, как здесь, о ней и думать забудут, а у нас она бы паслась на лугу у самого ручья; наших собак можно к ней приучить в одни сутки, они будут знать ее и никогда не тронут, а доить ее Грейс станет собственными руками, ради Элши, потому что он хоть и бывал крутенок в разговоре, а бессловесных тварей даже очень любил!

Мисс Вэр очень охотно согласилась на обе просьбы Габби Эллиота и даже подивилась той врожденной тонкости чувства, которая внушила ему наилучший способ доказать свою благодарность. Когда же Ратклифф сказал ему, что его бла-

годетель непременно узнает о том, как он будет ухаживать за его любимицей козой, Габби пришел в совершенный восторг.

— Так уж вы ему скажите, порадуйте его, что, дескать, все мы здоровы и счастливы, бабушка и сестренки, а пуще всего мы с Грейс, и все довольны судьбой... А ведь это все его рук дело, так должно быть приятно ему.

Итак, Эллиот и все его семейство благополучно проживали на ферме в Хейфуте и были так счастливы, как того заслуживал неизменно честный, мягкосердечный и отважный Габби.

Никто более не препятствовал браку Эрнсклифа с Изабеллой, и когда Ратклифф предъявил от имени сэра Эдуарда Маули, какое приданое закрепляется за мисс Вэр, оно оказалось столь великолепно, что могло бы удовлетворить жадности самого Эллисло. Но ни мисс Вэр, ни Ратклифф не сочли нужным сообщать Эрнсклифу, что одной из главных причин, побудивших сэра Эдуарда осыпать юную чету столькими щедротами, было стремление искупить убийство его отца, случившееся от руки карлика много лет назад, во время шумной приятельской попойки. Если и правда, как утверждал Ратклифф, что в последнее время крайняя мизантропия карлика начала понемногу смягчаться от сознания, что он многих сделал счастливыми, все-таки очень вероятно, что память об этом кровавом событии была одним из главных поводов к тому, что он упорно отказывался видеть тех, кого

так существенно облагодетельствовал.

Маршал охотился с собаками, стрелял дичь, пил бордоское вино. Наконец все это ему смертельно надоело; он уехал в чужие края, проделал три кампании, воротился на родину и женился на Люси Илдертон.

Годы проходили, Эрнклиф и жена его были все так же довольны и счастливы. Склонность к интригам и беспокойное честолюбие сэра Фредерика Лэнгли увлекли его в несчастное возмущение 1715 года. Он был взят в плен под Престоном, в Ланкашире, вместе с графом Дервентуотером и другими. Его защиту на суде и предсмертную речь у эшафота можно найти в отчетах о государственных преступниках.

Мистер Вэр, получая от дочери весьма щедрое содержание, постоянно проживал за границей, сильно запутался в банковских операциях Лоу^[39] в эпоху правления регента, герцога Орлеанского, и одно время считался необыкновенным богачом. Но когда лопнул этот знаменитый мыльный пузырь и он снова очутился при прежних своих умеренных доходах, это его так расстроило (хотя в то же время тысячи его сотоварищей по несчастью остались в несравненно худшем положении), что с горя его разбил паралич, и он скончался, прохворав несколько недель.

Уилли Уэстбернфлет бежал от гнева Габби Эллиота так же, как более важные господа бежали от преследований закона. Любовь к отечеству понуждала его служить своей родине за границей, а неохота покидать родную землю удер-

живала на возлюбленном острове, внушая ему стремление собирать по большим дорогам коллекцию кошельков, часов и перстней. К счастью для него, однако, первое побуждение оказалось сильнее, и он отправился служить в армию Мальборо^[40]; там, благодаря проявленному им искусству поставлять в войска рогатый скот, ему дали патент; он воротился домой при деньгах, нажитых бог весть какими способами, разрушил свою башню на уэстбернфлетском пустыре, вместо нее выстроил себе узкий трехэтажный дом, с каменными трубами по углам, распивал виски с теми соседями, которых ограбил в старые годы, умер в своей постели и похоронен в Киркуистлском приходе, где и поныне можно видеть его гробницу, на которой написано, что он был при жизни храбрый воин, добрый сосед и истинный христианин.

Мистер Ратклифф продолжал жить в Эллисло, в семействе Эрнскифа, но каждую весну и каждую осень он аккуратно отлучался на месяц. Никогда он не сообщал никому, куда и зачем он едет, но все полагали, что в это время он навещает своего несчастного патрона. Наконец однажды он возвратился в глубоком трауре и с печальным лицом, из чего семейство Эрнскиф вывело заключение, что общий благодетель их скончался. Со смертью его состояние их не увеличилось, так как он еще при жизни распорядился всем своим имуществом и преимущественно в их пользу. Единственный поверенный всех его секретов, мистер Ратклифф, скончался в глубокой старости, но так и не сказал, куда под конец жиз-

ни удалился сэр Эдуард, ни того, как он умер, ни где похоронен. Полагали, что покойник взял с него слово никому не сообщать этих подробностей.

Внезапное исчезновение Элши из его пустынного жилища подтвердило в простонародье догадки о его чудесных свойствах. Многие думали, что так как он, невзирая на свои сношения с дьяволом, решился войти в освященное место, то в наказание за это на обратном пути домой черт утащил его живьем; но большинство склонялось к тому мнению, что он исчез лишь на время и по сию пору продолжает иногда являться в горах. А так как, по общему людскому обыкновению, его безобразная внешность и суровые речи остались в народной памяти гораздо дольше, нежели благодушное направление большинства его деяний, то его часто смешивают со злым духом, прозванным Болотным Человеком, о котором старая миссис Эллиот так много рассказывала своим внукам. Поэтому очень часто его обвиняют в том, что овцы порчены, что они неблагополучно ягнятся, или же видят, как он обрушивает высокий сугроб на голову тех, кто, укрываясь от метели, садится, например, на скалистом берегу горного потока или залезает для той же цели в глубокую лощину. Словом, какая бы ни приключилась беда или хозяйственная неудача среди населения этой пастушеской страны, они все приписывают козням *Черного Карлика*.

Легенда о Монтрозе

Вступление

[41]

Сержант Мор Мак-Элпин во все время своего пребывания среди нас был одним из наиболее почетных обитателей Гандерклейха. Никто и не думал оспаривать его права на большое кожаное кресло, стоявшее в самом уютном уголке, у камина, по субботам, в общей зале трактира под вывеской «Герб Уоллеса». Так же и наш пономарь Джон Дуирвард счел бы за большое невежество, если бы кому-нибудь вздумалось самовольно занять угловое сиденье на левой скамье, ближайшей к церковной кафедре, которое всегда занимал по воскресеньям сержант Мор. Тут он и сидел, в своем синем инвалидном мундире, вычищенном самым тщательным образом. Две медали в петличке и пустой рукав вместо правой руки свидетельствовали, что он был честным служакой и видал виды на своем веку. Резкие черты его загорелого лица, седые волосы, завязанные сзади хвостиком, по старинной военной моде, а также привычка слегка наклонять голову на левый бок, чтобы легче расслышать голос пастора, также служили признаками его звания и недугов. Рядом с ним сидела его сестра Дженет, чистенькая старушка в чепце и клетча-

том плече, которая на лету ловила малейшие желания своего брата, в ее глазах величайшего в мире героя, и отыскивала для него в Библии с серебряными застежками те места и тексты, которые цитировал или объяснял священник.

Я думаю, что именно это всеобщее почтение, оказываемое ему всеми поголовно жителями Гандерклейха, было причиной, что заслуженный воин избрал своим местопребыванием наше село, – первоначальные его планы были совсем иного рода.

Он дослужился до чина старшего сержанта артиллерии после долговременных походов по всему свету и считался одним из самых бравых и благонадежных людей в шотландской милиции. Во время испанской кампании шальная пуля раздробила ему правую руку, что доставило ему наконец возможность с честью выйти в отставку, получить пенсию из инвалидного капитала и порядочную награду из так называемого патриотического фонда. К тому же сержант Мор Мак-Элпин был не только храбрый воин, но и умеренный человек, а потому успел кое-что сберечь на черный день, и когда получил еще награду, то оказался обладателем небольшого капитала, который и обратил в процентные облигации государственного банка.

Устроив таким образом свои дела, он вознамерился жить своими доходами в той самой горной шотландской долинке, где, еще будучи мальчиком, он пас черных коров и коз, покуда не слышал барабанного боя, который заставил его за-

ломить шапку набекрень и уйти вслед за этой музыкой, таскавшей его за собой по разным землям в течение целых сорока лет. В его памяти эта долинка осталась таким прелестным местом, в сравнении с которым ни одна из посещенных им роскошных стран ровно ничего не стоила. Вероятно, и Счастливая долина принца Расселаса^[42] не выдержала бы в его глазах такого сравнения. Воротился он на родину, пришел в свои любезные места; оказалось, что это не более как бесплодная лощина, окруженная крутыми скалами, а на дне ее бежит с севера ручей. Но это бы еще ничего. Тридцать домашних очагов навеки потушили свои огни; от домика его предков остались лишь несколько разрозненных камней; даже местное наречие почти исчезло, потому что древний род, от которого он с гордостью вел свою родословную, переселился за океан и нашел себе пристанище в Северной Америке. Один фермер-южанин, три пастуха в серых плащах да полдюжины собак были единственными обитателями лощины, где во дни его молодости проживало если не в богатстве, то, по крайней мере, в довольстве более двухсот человек.

Однако в доме нового хозяина сержант Мак-Элпин встретил неожиданный источник радости и наилучшее средство к удовлетворению своей потребности в семейной жизни. По счастью, сестра его Дженет так твердо была убеждена, что брат когда-нибудь да воротится домой, что наотрез отказалась последовать за своими родственниками в дальнюю сторону. Как ни было это для нее унижительно, она согласи-

лась даже поступить в услужение к изгнанному ее родичей южанину и говорила впоследствии, что он хоть и саксонец, а был для нее добрым хозяином. Такая неожиданная встреча с сестрой показалась сержанту достаточным утешением во всех горестях и недочетах его жизни, хотя все-таки непрощенная слеза навернулась на его ресницы, когда он услышал из уст сестры подробную историю выселения деревни, рассказанную так, как только местная уроженка сумела бы ее рассказать.

Она обстоятельно излагала ему, как они тщетно предлагали уплатить все подати вперед, что неминуемо должно было довести их до нищеты; но они и на это были готовы, лишь бы дали им жить и умереть на родной земле. Дженет не забыла упомянуть и о предзнаменованиях, возвестивших об уходе из края кельтской расы и о замене ее чужеземцами. За два года до переселения, каждый раз, как по ночам ветер выл в ущелье Балахры, он явственно напевал мелодию песни «Хатиль ми тулид» («Мы уйдем и не вернемся»), которую обыкновенно пели переселенцы, отплывая от родных берегов. На холмах, среди тумана, часто раздавались резкие возгласы южных пастухов и лай их собак, задолго до их появления в стране. Последний бард их рода сложил песню о том, как исконные обитатели долины были изгоняемы оттуда, и, слушая эту песню, старый воин чувствовал, как невольные слезы закипают у него на глазах. Первый куплет этой баллады в вольном переводе начинался так:

Ах, зачем ты, сын равнины,
Кинул свой привольный край?
Пожалей ты наши нивы,
Тихий дом не разоряй!

Всего больше огорчило сержанта Мора то обстоятельство, что главным зачинщиком переселения был тот самый вождь, который в силу предания и общественного мнения считался представителем древнего их рода и предводителем клана. А сержант Мор до сих пор чрезвычайно гордился тем, что мог доказать свое кровное с ним родство посредством генеалогического древа. Но после этого в его чувствах к нему произошла радикальная и горестная перемена.

– Не могу я предать его проклятию, – сказал сержант, встав с места и шагая назад и вперед по комнате, когда Дженет закончила свою повесть, – и не хочу проклинать. Он все-таки наследник и представитель отцов наших. Но отныне никто не услышит от меня его имени! – И он сдержал слово: до самого смертного часа ни разу он не произнес имени этого себялюбивого и жестокосердого вождя.

Посвятив день-другой печальным воспоминаниям, отважный дух сержанта, не покидавший его среди многих опасностей, воспрянул в его груди и внушил ему еще одно предприятие. Он решился отплыть в Канаду, где поселились его родичи и даже назвали одну американскую лощину именем своей родной долины.

– Дженет, – сказал он, – подоткни-ка юбки, как следует в дорогу, да и марш за мной. Дальнее расстояние? А плевать мне на эту даль; она ничего не значит в сравнении с теми походами да переходами, что мы отламывали на своем веку и не с такими еще важными целями!

Собрались они, вышли из гор и пришли вместе с сестрой в Гандерклейх, по дороге в Глазго, откуда намеревались отплыть в Канаду. Между тем настала зима. Рассудив, что лучше дожидаться весны и совершить переезд уж тогда, когда вскрыется река Святого Лаврентия, он поселился у нас на несколько месяцев своего пребывания в Великобритании. Как упомянуто выше, во всех классах населения он встретил у нас самый почтительный и внимательный прием; так что, когда пришла весна, он так был доволен своим новым местопребыванием, что больше не заикался о путешествии. Дженет боялась переезда по морю, да и сам он начал ощущать свои недуги и последствия прежних трудов гораздо сильнее, чем ожидал. Словом, как он признавался священнику (и моему почтенному принципалу) мистеру Клейшботэму, он находил, что «лучше оставаться с добрыми друзьями, чем ехать вдаль, да еще нажать что-нибудь и похуже».

Так он и основался у нас в Гандерклейхе, к великому удовольствию, как уже сказано, всех обитателей, для которых он сделался настоящим оракулом по части всех военных известий, истолкования газет, реляций и прочих событий как в прошедшем, так в настоящем и будущем.

Были, впрочем, у сержанта некоторые черты, ставящие нас в большое затруднение. У него не доставало последовательности. Так, он был завзятый якобит, и в 1745 году его отец и четыре дяди участвовали в восстании^[43]. Но в то же время он стоял горой и за короля Георга^[44], на службе которого нажил свое маленькое состояние и потерял трех братьев, так что одинаково опасно было в его присутствии называть принца Карла претендентом или сказать что-либо не к чести короля Георга. Кроме того, нечего греха таить, в те дни, когда он получал свои доходы, сержант засиживался по вечерам в «Гербе Уоллеса» гораздо дольше, чем того требовало трезвое поведение и даже простой хозяйственный расчет, ибо в этих случаях его собутыльники ухитрялись угождать ему, распевая якобитские песни, провозглашая погибель Бонапарту и здоровье герцога Веллингтона^[45] до тех пор, покуда сержант не раскошеливался окончательно и не только брал на себя уплату за угощение всей компании, но раздавал взаймы по мелочам некоторым из своих корыстных товарищей. По миновании таких *спрысков*, как он это называл, и придя на другой день в более здоровое состояние, он почти всякий раз благодарил Бога и с признательностью поминал герцога Йоркского^[46], постановившего такие правила, при помощи которых старому солдату гораздо труднее стало разориться по собственной глупости, чем бывало в старину.

Но я не в таких случаях бывал в обществе сержанта Мора Мак-Элпина. Напротив, когда выдавался у меня свободный

часок, я любил разыскивать его, как он выражался, на утреннем или на вечернем параде, то есть на прогулке, которую он в хорошую погоду совершал так же аккуратно, как если бы его призывал туда барабанный бой. По утрам он выходил гулять под тенью вязов на кладбище, потому что смерть, говорил он, столько лет кряду состояла его ближайшей соседкой, что прерывать с ней знакомство уж не приходится. Вечерняя его прогулка происходила на белильном лугу, на берегу реки, где нередко можно было застать его сидящим на скамейке, с очками на носу, окруженным сельскими политиками, которым он читал газету, объяснял военные термины и даже, ради большей вразумительности, кончиком своей палки делал на земле чертежи. В другое время он, бывало, заберет себе под команду толпу школьников и учит их выделять артикул, а иногда, к неудовольствию родителей, обучает их таинствам приготовления фейерверков. На случай публичных торжеств и общественных праздников сержант состоял присяжным пиротехником (как выражаются в энциклопедиях) при Гандерклейхе.

Я чаще встречался с ветераном во время утренней прогулки. И теперь еще, глядя на дорожку, осененную высокими вязами, поневоле вспоминаю вытянутую фигуру старика, идущего мне навстречу мерным шагом и своей палкой отдающего мне честь по-военному... Но он давно скончался и спит рядом со своей верной Дженет, как раз под третьим деревом с краю, считая от рогатки в западном углу кладбища.

Восхищение, с которым я слушал рассказы сержанта Мак-Элпина, относилось не только к личным его приключениям, — а их было немало в течение долгой, скитальческой его жизни, — но также к его многочисленным воспоминаниям о хайлендерских преданиях, о которых в ранней молодости наслышался он от своих родителей и до конца жизни счел бы святотатством усомниться в их подлинности. Из числа таких преданий многие относились к походам Монтроза^[47], в которых, по-видимому, некоторые из предков сержанта принимали деятельное участие. Невзирая на то что эти междоусобия проливают весьма выгодный свет на хайлендеров, так как в это время они впервые выказали свое равенство — а в иных случаях даже и превосходство — в военных стычках с соседями из южных равнин, однако случилось так, что эти события гораздо слабее живут в памяти народа, нежели многие другие, несравненно менее интересные. Поэтому я с особым удовольствием вытягивал из памяти моего воинственного друга и некоторые любопытнейшие подробности, относящиеся к тому времени. К ним примешано немало дикостей и странностей, неразлучных с духом той эпохи и самого рассказчика; но зато я нимало не посетую на читателя, если он к этой части повествования отнесется с недоверием, лишь бы он имел любезность в полной мере верить тому, что здесь приводится фактического и что наравне со всеми прочими историями, которые я имел честь повергать на его благоусмотрение, основано на истинных событиях.

Глава I

*...Кто веру крепкую свою
Доверил пике да ружью,
Кто, вместо богословских прений
И всяких длинных рассуждений,
Лишь в пушке видел свой оплот;
И наконец пустили в ход,
Как убедительную речь,
Артиллерийскую картечь.*

Батлер^[48]

Начало нашей повести относится к периоду великого и кровавого междоусобия, которое в семнадцатом веке потрясло Великобританию^[49]. До тех пор Шотландия еще была свободна от ужасов междоусобной войны, но жители ее уже проявляли серьезные несогласия по части политических вопросов; многие из них, наскучив подчинением шотландскому союзному парламенту и не одобряя принятой им решительной меры, состоявшей в том, чтобы послать в Англию многочисленное войско на помощь парламенту, решились со своей стороны при первом удобном случае заявить себя сторонниками короля и произвести такую диверсию, которая вынудила бы, по крайней мере, отозвать из Англии армию генерала Лесли^[50], если бы даже большинство Шотландии и не примкнуло еще к партии короля. Этот план был

принят преимущественно северным дворянством, которое с великим упорством противилось заключению Торжественной лиги и ковенанта^[51], а также и многими вождями горных кланов; последние полагали, что их прямая выгода и авторитет связаны с королевской властью, питали положительное отвращение к пресвитерианской форме религии, да к тому же находились в том полудиком состоянии, в котором война всегда представляется привлекательнее мира.

Совместное действие всех этих причин предвещало великую неурядицу, и случайные набеги, которые шотландские горцы во все времена производили на равнины, начали принимать более постоянный и систематический характер, являясь как бы частью общего, определенного военного плана.

Люди, стоявшие во главе правления, понимали, что настает опасная минута, и усердно принялись за приготовления к тому, чтобы встретить ее и отразить. Впрочем, они значительно успокаивались на том, что на севере не появлялось ни одного вождя, достаточно значительного или популярного, чтобы сплотить вокруг себя целую армию роялистов или хотя бы направить деятельность тех бродячих шаек, которые предприняли военные действия, вероятно, столько же из любви к грабежу, сколько из соображений политических. Вообще полагали, что, если выставить некоторое количество регулярного войска в равнине, на границе предгорий, этого будет достаточно для усмирения горных вождей; между тем как влияние нескольких северных баронов, примкнув-

ших к договору, как, например, графа Маршала, знатных фамилий Форбс, Лесли, Ирвинг, Грант и других пресвитерианских кланов, могло оказать противовес не только могущественным Огильви и другим роялистам из Ангуса и Кинкардина, но даже самим знаменитым Гордонам, властное влияние которых равнялось их ненависти к пресвитерианским образцам.

В горных округах западной Шотландии правительство насчитывало тоже немало врагов; но предполагалось, что могущество недовольных кланов ослаблено и вожди их запуганы возрастающим влиянием маркиза Аргайла^[52], на которого союзный совет возлагал все свои надежды и власть которого в горных округах, и прежде весьма значительная, еще усилилась уступками, насильственно добытыми от короля во время последнего замирения. Впрочем, было известно, что Аргайл скорее искусный политик, нежели отважный воин, и более пригоден для ведения государственной интриги, чем для усмирения враждебных горцев. Но численность его клана и доблестный дух воинственных его предводителей вполне могли загладить личные недостатки главного вождя; и так как члены фамилии Кэмпбел успели уже значительно усмирить некоторые из соседних племен, полагали, что эти последние не скоро захотят снова помериться силами с таким могущественным кланом.

Таким образом, имея в своем распоряжении весь юг и запад Шотландии (составляющие, бесспорно, богатейшую

ее часть), располагая притом на особых правах графством Файф и насчитывая многих и могущественных сторонников даже севернее Форта и Тэя, шотландский союзный совет считал для себя вполне безопасным держаться однажды принятого образа действий и не считал нужным отозвать из Англии двадцатитысячную армию, посланную на подмогу английскому парламенту; а помощь эта оказалась столь существенной, что по ее милости партия короля вынуждена была принять оборонительное положение, тогда как до тех пор пользовалась повсеместным успехом и одерживала одну победу за другой.

Причины, побудившие шотландский союзный совет принимать в это время столь непосредственное и деятельное участие в английских междоусобиях, подробно изложены нашими историками; но и здесь можно вкратце их перечислить. Никаких новых поводов к неудовольствию на короля они не имели, и мир, заключенный Карлом I с его шотландскими подданными^[53], не был нарушен; но правители Шотландии понимали, что этот мир насильно навязан королю с одной стороны парламентской партией в Англии, с другой – боязнью их собственных военных сил. Правда, после заключения мира Карл I лично побывал в столице своего древнего королевства, утвердил новую организацию церкви и даже надавал важных почестей и наград предводителям той партии, которая наиболее враждебно относилась к его личным интересам; но думали, что милости, столь неохотно дарован-

ные, могут быть и отняты при первом удобном случае.

В Шотландии с глубокими опасениями взирали на приниженное положение английского парламента; боялись, что, если Карлу удастся с помощью войска усмирить мятежных англичан, он вскоре потребует, чтобы и шотландцы помогли ему отомстить тем, кто подал пример восстания. Таково было значение политики, внушавшей им послать в Англию вспомогательную армию; и это было вполне откровенно выражено в манифесте, изданном ради разъяснения причин, почему они сочли своевременным оказать такую поддержку английскому парламенту. «Английский парламент, – говорилось в манифесте, – оказывал нам дружеские услуги и впредь еще может оказать таковые; король же, хотя еще недавно установил им религию, согласно их желаниям, однако же не дал им повода вполне доверять его королевским обещаниям, ибо его слова не всегда согласуются с его действиями. Совесть наша, – было сказано в заключение, – и Бог, Который еще выше нашей совести, повелевают нам заявить, что мы имеем в виду лишь славу Божью, мир обоих народов и честь короля, когда предпринимаем, на законных основаниях, усилия, чтобы наказать и усмирить тех, кои являются зачинщиками смут в Израиле, подстрекателями диавола, исчадиями Корахов, Валаамов, Дозгов, Рабшеков, Аманов и Товиев^[54] нашего времени, а совершив сие – успокоимся. Равно заявляем, что не помышляли посылать в Англию означенную военную экспедицию для достижения помянутых благочести-

вых целей, пока не истощили предварительно всяких других средств, какие могли придумать; и тогда лишь надумались употребить сие последнее средство как единственное, что нам осталось».

Предоставляю казуистам решить, имеет ли право одна из договорившихся сторон нарушить торжественный договор только из-за того, что она подозревает возможность такого нарушения другой стороной, и перейду к еще двум обстоятельствам, имевшим на шотландских правителей и народ отнюдь не меньшее влияние, чем сомнения их насчет добросовестности короля.

Первым из них был состав и состояние их войска. Во главе его стояли неимущие и недовольные дворяне, под командой которых были офицеры, состоявшие преимущественно из шотландских авантюристов, до тех пор воевавших в Германии, пока они вовсе не потеряли понятия о политических принципах и даже о любви к родине, но зато выработали себе твердое убеждение, что первой обязанностью каждого воина должна быть верность тому государству или монарху, от которого он получает жалованье, причем вовсе не обращалось внимания ни на справедливость повода к войне, ни на личное свое отношение к той или другой партии. О людях этого сорта Гродиус^[55] дает следующий суровый отзыв: «Nullum vitae genus est improbus, quam eorum, qui sine causae respectu mercede conducti, militant»⁸.

⁸ Нет более бесчестного образа жизни, чем у воюющих ради платы, без уваже-

Для этих жадных наемников, равно как и для обедневших дворян, с которыми они разделяли начальство над солдатами и которые также охотно присоединялись к их мнению, довольно было и того, что недавнее краткое их вторжение в Англию, учиненное ими в 1641 году, принесло столь богатую наживу: им хотелось поскорее повторить такой прибыльный опыт. Щедрое жалованье и привольное житье на английских хлебах произвели самое благоприятное впечатление на этих воинственных авантюристов; одна мысль опять набирать до 850 фунтов контрибуции в день действовала на них лучше всяких красноречивых воззваний и заменяла им как государственные, так и нравственные соображения.

Другая причина столько же разжигала умы народа вообще, как лестная перспектива английского богатства прельщала умы солдатчины. С обеих сторон столько наговорили и написали по поводу формы церковного управления, что в глазах толпы эти вопросы казались несравненно важнее самих евангельских истин, принятых обеими церквами. Фанатизм прелатистов и пресвитерианцев дошел до такой нетерпимости, что не уступал в этом отношении и папистам^[56]: ни одна из этих сект не допускала возможности вечного спасения вне пределов своего особого вероучения. Тщательно поставляли на вид этим изуверам, что, если бы основатель христианской религии считал какую-либо форму церковного управления существенной для спасения души, он бы дал

ния к делу, которому они служат (*лат.*).

на этот счет столь же определенные указания, какие были даны для Ветхого Завета. Обе партии продолжали отстаивать свою правоту с таким ожесточением, как будто получали на то точные предписания с Небес. Епископ Лауд^[57] во дни своей власти сам поджег эту мину, попытавшись навязать шотландскому народу некоторые формы богослужения, противные его духу и традициям. Шотландцы так яростно и успешно сопротивлялись этим нововведениям и так поспешно ввели у себя пресвитерианские порядки, что сами привязались к ним, видя в них залог своего преуспеяния. Они усерднейшим образом примкнули к Торжественному союзу и договору, принятому большей частью королевства, и силой меча старались водворить его в остальных частях, а этот договор главной своей целью поставлял именно введение догматов и дисциплины пресвитерианской церкви и уничтожение ересей и расколов. И вот, достигнув у себя на родине установления этого «золотого светильника», шотландцы возымели братское намерение оказать такое же благодеяние и своим английским соседям. Им казалось, что это легко осуществить, послав на помощь парламенту значительный отряд шотландского воинства. В английском парламенте пресвитерианцы составляли многочисленную и сильную партию и до сих пор постоянно чинили оппозицию королю, а индепенденты и другие сектанты, которые впоследствии, при Кромвеле, также взялись за меч и ниспровергли пресвитерианские порядки как в Шотландии, так и в Англии, покуда еще дер-

жались смиренно и искали покровительства более богатой и сильной партии^[58]. Поэтому приведение к единству церковного управления в Англии и Шотландии как в смысле иерархии, так и богослужения казалось столь же справедливым, как и желательным.

Один из комиссаров, хлопотавших об устройстве союза между Англией и Шотландией, знаменитый сэръ Генри Уэйн^[59], увидел, какое сильное влияние эта приманка оказывала на людей, с которыми приходилось ему иметь дело. Будучи самым крайним индипендентом, он, однако, ухитрился и оживить, и в конце концов обмануть пламенные надежды пресвитериан, изложив обязательство переустроить английскую церковь в такой форме, что это будет сделано «согласно слову Божью и сообразно устройству наилучших церквей». Ослепленные собственным усердием, не сомневаясь в божественном происхождении своего церковного устройства и не считая возможным, чтобы кто-либо мог в этом сомневаться, союзный совет и шотландская церковь поняли эти слова в том смысле, что они подразумевают неперемнное и повсеместное утверждение пресвитерианства. Они пребывали в этом убеждении до той поры, когда, не нуждаясь более в их поддержке, сектанты дали им понять, что эта фраза была одинаково приложима и к индипендентам, и ко всякой другой форме богослужения, лишь бы те, кто в данное время находится во главе управления, считали его согласным со «словом Божиим и устройством реформированных церк-

вей». Обманутые шотландцы пришли в еще большее удивление, узнав, что английские сектанты имели в виду переделать монархическое устройство Великобритании; но, желая по возможности ограничить королевскую власть, они в то же время отнюдь не хотели отменить королевское звание. В этом отношении, однако, они действовали наподобие тех неосторожных врачей, которые пичкают пациента таким множеством лекарств, что совершенно изнуряют его организм и потом ничем уже не могут восстановить его силы.

Но это все случилось уже гораздо позднее. До сих пор шотландский парламент считал союз с Англией делом справедливости, благоразумия и благочестия, а военные его предприятия, казалось, оправдывали все его лучшие ожидания. Соединение шотландской армии с войсками Фэрфакса^[60] и Манчестера^[61] дало возможность парламентскому войску осадить Йорк и дать отчаянное сражение при Марстон-Муре^[62], в котором были разбиты принц Руперт^[63] и маркиз Ньюкаслский^[64]. Шотландские союзники, впрочем, менее отличились в этот раз, чем бы того желали их соотечественники. Кавалерия их, с Дэвидом Лесли^[65] во главе, билась отчаянно, и честь победы, несомненно, принадлежала ему и еще одной бригаде индепендентов, находившейся под начальством Кромвеля. Но старый ковенантский генерал, граф Ливен^[66], был прогнан с поля сражения натиском храброго принца Руперта, бежал по направлению к Шотландии и успел отскочить целых тридцать миль, прежде чем до-

шли до него слухи, что его партия одержала полнейшую победу.

Отсутствие вспомогательного войска, высланного как бы в крестовый поход для насаждения в Англии пресвитерианства, значительно ослабило власть союзного шотландского парламента и подало повод к тем волнениям среди противников ковенанта (договора), о которых мы упомянули в начале этой главы.

Глава II

*Ему служили вместо колыбели
Отцовский щит и панцирь боевой;
Их звон и лязг младенцу песни пели,
Он засыпал под их протяжный вой.
Ему во сне уж битвы призрак снился,
А наяву он лишь ходить учился.*

Холл^[67]. «Сатиры»

В течение упомянутого смутного времени случилось, что однажды, к концу летнего вечера, молодой джентльмен знатного рода, исправно вооруженный и на добром коне, в сопровождении двух верховых слуг и одной вьючной лошади, медленно подвигался вверх по одному из тех крутых ущелий, по которым можно пробраться в шотландские горы из равнин графства Пертского⁹. Некоторое время они ехали берегом озера, глубокие воды которого отражали багряные лучи заходящего солнца. Неровная тропинка, по которой они проезжали с некоторым трудом, местами была осенена старыми березами и дубами, а местами над ней нависли глыбы скал. В других местах холмы, окаймлявшие с севера это красивое озеро, подымались не так круто и были одеты ве-

⁹ Живописное ущелье Лени, близ Каллендера, в графстве Ментейт, во многих отношениях соответствует этому описанию. – *Примеч. авт.*

реском темно-пурпурного цвета. В наши дни такая картина могла бы привлечь внимание восхищенного путешественника, но в те беспокойные времена, когда путники были постоянно окружены опасностями всякого рода, им было не до того и даже в голову не приходило любоваться живописными окрестностями.

Во всех местах, где тропинка была попросторнее, джентльмен ехал рядом с одним из слуг, а не то и с обоими, и держал с ними серьезные совещания; причиной такого свободного с ними обращения были, вероятно, труды и опасности, всеми сообща разделяемые и потому часто заставлявшие господ забывать о различии рангов. Предметами настоящей беседы были, во-первых, образ мыслей вожаков местного населения, а во-вторых, степень вероятности их участия в политических столкновениях, которые в скором времени должны были возникнуть.

Проехав до половины береговой тропинки вдоль озера, молодой джентльмен только что указал своим спутникам видевшийся впереди поворот к северу, который отступал в этом месте от озера и поворачивал направо, в глубокую ложину, как вдруг они заметили одинокого всадника, ехавшего по тому же берегу, навстречу им. Солнечные лучи, ярко отражаясь на его шлеме и панцире, показывали, что он в полном вооружении, и, следовательно, нельзя было пропустить его мимо без расспросов.

– Надо узнать, кто он таков и куда едет, – сказал молодой

джентльмен.

Пришпорив коней, он и его спутники поскакали вперед, насколько позволяли неровности дороги, поспешая к тому месту, где береговая тропинка пересекалась входом в лощину, и желая таким образом помешать незнакомцу свернуть в сторону прежде, чем они соединятся с ним.

Одинокий всадник, видя троих конных людей, скакавших на него, тоже пришпорил свою лошадь; но, когда заметил, что они остановились и выстроились в ряд, преграждая ему путь, он придержал коня и стал приближаться к ним потише, так что обе стороны имели время основательно осмотреть друг друга. Одинокий путник ехал на крепком, выносливом коне, годном и для военных действий, и для ношения изрядной тяжести, а сам он так крепко и свободно сидел в своем боевом седле, что видно было, как он привык к нему. На нем был блестящий шлем из вороненой стали, украшенный пучком перьев; на груди толстый панцирь, непроницаемый для ружейной пули, а на спине кираса из более легкого материала. Под панцирем была у него кожаная куртка, на руках стальные рукавицы до самых локтей. Впереди седла висела пара пистолетов необычайной величины, почти два фута длиной, заряженных «двадцатками», то есть пулями по двадцати штук на фунт. Кожаный пояс с широкой серебряной пряжкой поддерживал висевший на левом боку длинный, обоюдоострый, прямой меч, с крепкою рукояткой и таким лезвием, которое могло и колоть и рубить. На правом

боку висел кинжал, дюймов восемнадцать в длину. На перевязи за спиной виднелся мушкетон, а на другой перевязи, которая перекрещивалась с первой, прикреплены были пороховница и прочие запасные снаряды. Стальные набедренники спускались вплоть до толстых и длинных сапог, которыми заканчивалось полное боевое вооружение тогдашнего воина.

Наружность этого всадника вполне соответствовала его костюму, очевидно, издавна для него привычному. Он был выше среднего роста и настолько крепок, что без малейшего усилия носил свои тяжелые наступательные и оборонительные доспехи. Ему было, наверное, за сорок лет, а по лицу было заметно, что это человек решительного нрава, отважный боец, побывавший во многих сражениях и вынесший оттуда немало шрамов и рубцов. Шагов тридцать не доезжая до встречных путников, он остановил коня, приподнялся на стременах, как бы желая сперва удостовериться в намерениях противника, и взял под мышку мушкетон, чтобы он был под рукой в случае надобности. Во всех отношениях, кроме численности, он был обставлен выгоднее тех, что вознамерились преградить ему дорогу.

Правда, предводитель этой маленькой партии ехал на прекрасной лошади, и кожаный камзол его был богато расшит шелками, как было принято в те времена для домашних костюмов воинского сословия; но на слугах его были только толстые куртки из грубого войлока, которые, конечно, не за-

щитили бы их от удара мечом, если бы наносила его сколько-нибудь опытная и сильная рука; к тому же они были очень слабо вооружены, имея при себе лишь пистолеты и мечи, без которых ни джентльмены, ни слуги их никогда не выходили из дому в те смутные времена.

Простояв с минуту, во все глаза глядя друг на друга, молодой джентльмен задал наконец вопрос, неизбежный при каждой подобной встрече с незнакомым человеком:

– Вы за кого стоите?

– Прежде вы мне скажите, – отвечал воин, – за кого стоите вы? Вас больше, вы и должны прежде высказаться.

– Мы за Бога и короля Карла, – отвечал первый из говоривших. – Теперь вы знаете, какой мы партии, назовите же и свою.

– Я за Бога и за свое знамя, – ответил одинокий всадник.

– А какое же ваше знамя? – спросил предводитель его противников. – Вы кавалер или круглоголовый^[68], за короля или за ковенант?

– Честное слово, сэръ, – отвечал воин, – не хотелось бы мне сказать вам неправду, ибо это непристойно для воина и дворянина. Но, дабы отвечать вполне правдиво, необходимо сперва, чтобы я сам решил, к которой из партий, ныне разделяющих государство, удобнее мне окончательно примкнуть; а это такая материя, насчет которой я еще покуда не пришел ни к какому решению.

– Я полагаю, – сказал молодой джентльмен, – что, когда

дело идет о верности престолу и религии, ни один джентльмен и никакой вообще честный человек не может сомневаться насчет того, к какой партии ему примкнуть!

– Поистине, сэра, – возразил вояка, – если вы сказали это в переносном смысле, имея в предмете заподозрить мою честь или дворянское происхождение, я готов с радостью принять ваш вызов и пойду один против вас троих. Если же вы затеяли логическое рассуждение, каковому и я в молодости обучался в маршальской коллегии Абердина, то я могу логически доказать вам, что, откладывая на время решение вопроса о том, к которой из партий мне примкнуть, я поступаю не только как подобает джентльмену и честному человеку, но также согласно с благоразумием, осторожностью и полученными в юности гуманитарными правилами, притом как человек, с ранних лет привыкший воевать под знаменем непобедимого Густава^[69], Северного Льва, а также под начальством многих других героев как лютеранского и кальвинистского закона, так и папистов и арминиан^[70].

Обменявшись несколькими словами со своими спутниками, молодой джентльмен сказал:

– Я был бы рад, сэра, побеседовать с вами о столь интересных вопросах и чрезвычайно бы гордился, если бы мне удалось убедить вас в правоте того дела, которому я сам служу. Я еду сегодня к одному из моих друзей, дом которого не дальше трех миль отсюда. Там, если бы вам удобно было сопровождать меня, вы найдете хороший ночлег, а наутро мо-

жете беспрепятственно отправиться далее, в случае если не рассудите за благо присоединиться к нам.

– А кто мне поручится за это? – спросил осторожный воин. – Надо узнать, с кем имеешь дело, иначе попадешь в западню!

– Меня зовут, – отвечал молодой джентльмен, – граф Ментейт, и я надеюсь, что мое честное слово послужит достаточной для вас поручкой.

– Истинный дворянин, – сказал воин, – никогда не скажет неправды. – Тут он перекинул мушкетон обратно за спину, отдал честь по-военному и, подъехав к юному графу, продолжал свою речь. – Надеюсь, – сказал он, – что и я, со своей стороны, могу поручиться, что буду добрым товарищем вашему сиятельству как в мире, так и в опасности, на все время, какое проведем мы вместе; и слова мои также будут вами приняты на веру, хотя по нынешним сомнительным временам справедливо говорится, что безопаснее держать голову в шлеме, чем в мраморном дворце.

– Могу вас уверить, сэръ, что, судя по вашей наружности, – сказал лорд Ментейт, – я весьма высоко ценю честь состоять под вашей охраной; но полагаю, что нам не придется проявлять свою храбрость, потому что я вас приведу в дружеский дом, где нам будет и сытно и покойно.

– Хороший ночлег, милорд, – возразил воин, – вещь прекрасная, и выше его можно поставить разве что хорошее жалованье или хорошую добычу, не считая, конечно, военной

чести или исполнения предписанных нам обязанностей. Поистине, милорд, ваше благородное предложение тем более для меня кстати, что ведь я не знал наверняка, найду ли сегодня пристанище для себя и для бедного моего товарища, – прибавил он, похлопав свою лошадь по шее.

– В таком случае могу ли я узнать, – сказал лорд Ментейт, – кому буду иметь честь служить сегодня квартирмейстером?

– Конечно, милорд. Зовут меня Дальгетти, Дугалд Дальгетти, ротмистр Дугалд Дальгетти из Драмсуокита, к услугам вашего сиятельства. Вы могли встретить это имя в «Франко-бельгийском листке»^[71], в «Шведском вестнике» или же, если понимаете по-голландски, в газете «Летучий Меркурий», издаваемой в Лейпциге. Родитель мой, милорд, посредством неудачных спекуляций довел изрядное состояние до полного разорения, так что я, восемнадцати лет от роду, счел за благо отдать образование, полученное мной в маршальской коллегии Абердина, дворянскую мою кровь, прозвище Драмсуокит, пару своих здоровых рук и таковых же ног на службу в германские войска и там на войне поискать счастья и поправить свои дела. И вот, милорд, оказалось, что ноги-то и руки были для меня не в пример полезнее и дворянского происхождения, и книжной науки. Поступил я рядовым под команду старика сэра Людовика Лесли, дали мне в руки копье и обучили военному артикулу столь крепко, что не скоро позабудешь. Бывало, сэр, поставят меня в караул

на восемь часов кряду, без перерыва, значит, с полудня до восьми часов вечера; стой у дворца в полном вооружении с ног до головы: панцирь, шлем, наручники, все железное, а на дворе мороз и лед что твой кремень. Это было в наказание за то, что остановился на минуту перемолвиться с квартирной хозяйкой, тогда как барабан звал на переключку.

– Но, без сомнения, сэра, – сказал лорд Ментейт, – бывала у вас служба и погорячее этой, не все вас держали на морозе?

– Об этом, милорд, не мое дело рассказывать; скажу только, что, кто побывал под Лейпцигом и под Лютценом^[72], тот видал настоящие битвы. А кому довелось присутствовать при взятии Франкфурта, Шпангейма, Нюрнберга и тому подобных, тот знает толк в осадах, штурмах, подкопах, вылазках и всякой резне.

– Но ваша доблесть, сэра, и опытность, вероятно, доставили вам значительное повышение по службе?

– О, повышения шли туго, милорд, ужасно туго, – отвечал Дальгетти, – однако, когда шотландские мои земляки, отцы войны, предводители тех шотландских полков, которые приводили в трепет Германию, начали валиться и редеть, кто от болезней, кто от ран, тогда и мы, их дети, унаследовали их места. Я, сэра, шесть лет прослужил рядовым в дворянской роте, да еще три года копьеносцем. Алебарды я не согласился носить, считая это несогласным с дворянским званием. После того произвели меня в знаменосцы, что у голландцев означает старшего в отряде, и причислили к королевскому

лейб-гвардии полку всадников Черной конницы. Потом повысили в поручики и, наконец-то, в ротмистры; но это уже случилось под начальством непобедимого монарха, оплота протестантской религии, Северного Льва, грозы австрийцев, победоносного Густава.

– Однако, насколько я понял, капитан Дальгетти... ведь этот чин, я полагаю, соответствует тому, что у иностранцев называют ротмистром?..

– Именно, тот самый чин и есть, – отвечал Дальгетти, – ибо ротмистр значит, собственно, ротный командир.

– Так я хотел сказать, – продолжал лорд Ментейт, – что, насколько я понимаю, вы все-таки покинули знамена этого славного принца.

– После его смерти, сэр, только после его кончины, – сказал Дальгетти, – ибо тогда уж я никоим образом не был обязан служить со шведами. На этой службе, милорд, бывают ведь такие случаи, что просто с души воротит всякого честного человека. Например, жалованье полагается не бог знает какое, ротмистру идет всего-то около шестидесяти талеров в месяц, однако непобедимый Густав никогда не выдавал более одной трети этой суммы в месяц, да и то в виде ссуды; тогда как, по справедливости, следовало бы считать, что остальные-то две трети великий монарх брал себе взаймы у своих воинов. И я сам бывал свидетелем того, как целые полки голландцев и голштинцев, подобно каким-нибудь кухонным мужикам, бунтовали на поле сражения перед самой

битвой и кричали: «Гельт, гельт!», то есть требовали жалованья, вместо того чтобы прямо идти в бой, как шли обыкновенно наши молодцы, благородные шотландские шпаги, которые никогда, милорд, не ставили свою честь в зависимость от денежных выгод.

– И что же, – сказал лорд Ментейт, – это запоздавшее жалование платилось когда-нибудь в определенные сроки?

– Милорд, – ответил Дальгетти, – по совести говоря, ни в какие сроки и никакими способами никогда мы не видавали из них ни одного крейцера. Про себя скажу, что и двадцати талеров своего жалованья я не получил за все время служения непобедимому монарху, разве что случайно иногда перехватишь после штурма или большой победы либо возьмешь, бывало, город или деревню... Ну, тут уж кавалер, знакомый с военными обычаями, конечно, сумеет соблюсти кое-какую выгоду.

– Мне не то кажется удивительным, сэр, – сказал лорд Ментейт, – что вы в конце концов покинули шведов, а, скорее, удивляет меня то, что вы так долго оставались у них на службе.

– Я бы и сам то же думал, – отвечал ротмистр, – да, видите ли, их великий предводитель, полководец и король, Северный Лев, оплот протестантской веры, имел дар так выигрывать сражения, брать города, захватывать страны, собирать контрибуции, что служить с ним было истинным наслаждением для настоящего кавалера, пристрастного к благород-

ной военной профессии. Я сам, вот каким вы меня видите, милорд, командовал целым Дункельшпильским округом на Нижнем Рейне, жил во дворце пфальцграфа, распивал с товарищами отборнейшие вина из его погребов, взимал контрибуции, реквизиции, да и себя не забывал, как следует хорошему повару. Но уж правда, что все эти прелести пошли прахом, как только нашего великого полководца прострелили тремя ядрами под Лютценом. Тогда я, видя, что фортуна повернула в другую сторону, что жалованье наше по-прежнему идет взаймы начальству, а прежних случайных доходов уж нет, подал в отставку и перешел на службу к Валленштейну^[73], поступив в ирландский полк под начальством Уолтера Батлера^[74].

– А позвольте узнать, – сказал лорд Ментейт, очевидно заинтересованный приключениями этого авантюриста. – Как жилось вам с переменой начальства?

– Да нельзя сказать, чтобы хорошо, – отвечал капитан, – и даже плоховато, можно сказать. Их император платил немногим лучше великого Густава. А колотушек-то доставалось нам порядочно. Мне частенько приходилось натывать на шведские перышки, которые, надо вам пояснить, не что иное, как колья, заостренные с обоих концов и обитые железом: их расставляют частоколом впереди отряда, вооруженного пиками, чтобы помешать кавалерии проникнуть в их ряды. Так вот, эти самые шведские перышки хоть и очень красивы на взгляд, потому что похожи на кусты и мелкие де-

ревя на опушке леса, тогда как громадные пики, выстроенные за ними в боевом порядке, представляют собой высокий сосновый бор, однако же на ощупь они не то что гусиные перья, а будут пожестче. Впрочем, невзирая на тяжкие колотушки и на редкое жалованье, еще можно бы кое-как существовать на службе у императора, потому что на частные доходы там не так строго смотрят, как у шведов; и лишь бы офицер исправно делал свое дело на поле сражения, ни Валленштейн, ни Паппенгейм, ни старый Тилли до них никогда бы и не подумали выслушивать жалобы мужиков или мещан против солдат или офицеров, которые стали бы их немножко прижимать насчет поборов. Так что опытный кавалер, умеющий, как говорится у нас в Шотландии, сложить свинью с поросенком, мог бы еще выручить с подданных то жалованье, которого ему не платит император.

– И, конечно, с процентами, сэр, на том основании, что своя рука – владыка, – сказал лорд Ментейт.

– Без всякого сомнения, милорд, – отвечал Дальгетти спокойно, – потому что было бы вдвойне позорно для дворянина, если бы его призвали к ответу из-за каких-нибудь пустяков!

– Скажите, пожалуйста, сэр, – продолжал лорд Ментейт, – что же, собственно, заставило вас отказаться от такой выгодной службы?

– А вот что, сэр, – отвечал воин, – был у нас в полку ирландец, майор О'Киллиган, и я с ним повздорил из-за того,

чей народ лучше и достойнее уважения; а на другой день после того он вздумал передавать мне приказания, держа палку наотлет и концом вперед, а не вниз, как было принято у нас между офицерами одинаковой породы, хотя бы один был и старше другого чином. Из-за этого, сэр, произошел между нами частный поединок; нарядили следствие, и наш оберст, сиречь полковник, Уолтер Батлер, изволил приговорить своего земляка к легкому наказанию, а меня – к тяжелому. Ну, я, видя такое лицепрятие, вышел в отставку и пошел на службу к испанцам.

– Надеюсь, что это была перемена к лучшему? – спросил лорд Ментейт.

– По правде сказать, – ответил ротмистр, – жаловаться было не на что. Даже жалованье нам платили довольно аккуратно, благо деньги-то доставляли богатые фламандцы и валлоны нидерландские. Квартыры отводили нам отличные. Фламандский белый хлеб не в пример вкуснее ржаных шведских лепешек; а рейнского вина давали нам столько, сколько, бывало, и черного ростокского пива не было в лагере у Густава. Служить почти не приходилось; обязанностей было немного, да и те – хочешь исполняй, хочешь нет, как угодно. Прекрасное житье для служаки, несколько утомленного походами и осадами, стяжавшего своей кровью изрядную репутацию и желающего пожить на покое и с некоторыми удобствами.

– А можно ли узнать, капитан, – сказал лорд Ментейт, – почему вы, находясь в столь завидном положении, покинули

также и испанскую службу?

– Примите во внимание, милорд, – возразил капитан Дальгетти, – что испанцы – народ в высшей степени высокомерный и воображают о себе так много, что даже не умеют ценить храбрость иных благородных иностранцев, соглашающихся служить в их рядах. А ведь честному солдату обидно, когда из-за каждого надутого сеньора его обходят, обделяют, оттирают в сторону; если же дело дойдет до того, кому первому вскочить на брешь или броситься в атаку, то очень охотно пропускают шотландца вперед. Сверх того, сэр, у меня совесть была неспокойна касательно вопроса о религии.

– Я бы думал, капитан Дальгетти, – сказал молодой граф, – что старый воин, столько раз менявший службу, не станет на этот счет особенно церемониться.

– Да я и не церемонился, милорд, – отвечал капитан, – я всегда считал, что не мое дело заниматься такими вопросами, коли на то есть капеллан, которому ведь больше и делать-то нечего, а жалованье и содержание он все-таки получает. Но тут вышло совсем особое обстоятельство, милорд, так сказать, *casus improvisus*¹⁰, а капеллана моего вероисповедания тут не было, так что посоветоваться было не с кем. На меня уж давно косились, что я протестант; но я думал – это потому, что я дельнее и опытнее всех остальных донов, вместе взятых; однако, когда стали мы гарнизоном на месте, оказалось, что требуется и мне вместе с полком ходить

¹⁰ Непредвиденный случай (*лат.*).

к обедне. Между тем, милорд, я природный шотландец, воспитывался в маршальской коллегии, в Абердине, должен же я был рассматривать католическую обедню как языческое идолопоклонство, ослепление папизма, и никоим образом не поддерживать этого моим присутствием. Правда, пробовал я на этот счет посоветоваться с одним земляком, отцом Фэтсайдом, из шотландского монастыря в Вюрцбурге...

– И, вероятно, получили довольно ясные указания от подобного отца? – заметил лорд Ментейт.

– Как нельзя яснее, – отвечал капитан Дальгетти, – принимая в расчет, что мы с ним распили при этом полдюжины рейнвейна да усидели кувшина два киршвассера. Отец Фэтсайд объявил мне, что, по крайнему его разумению, для такого еретика, как я, совершенно все равно, что ходить к обедне, что не ходить, потому что я во всяком случае осужден на вечную погибель, будучи нераскаянным грешником, упорствующим в своей проклятой ереси. Такой ответ обескуражил меня немного, и я пошел посоветоваться к голландскому пастору реформатской церкви, который сказал, что, по его мнению, закон не воспрещает мне ходить к обедне, ибо пророк разрешил Нааману, храбрейшему кавалеру и весьма благородному сирийскому дворянину, входить вместе с его королем во храм Риммона, сиречь языческого бога или идола, которому тот король обещал служить, и даже дозволил склоняться перед ним, когда король опирался на его руку. Но и этот ответ меня не удовлетворил, потому что, во-пер-

вых, то был сирийский король, все-таки какой ни на есть помазанник, не чета нашему испанскому полковнику, которого я мог бы разом сдуть с места, как ореховую шелуху; а во вторых, меня пуще всего смущало то, что ни по каким военным законам не обязан я был ходить к обеду, да и выгоды в том не видал, потому что особой платы за это не полагалось, а между тем могло быть для совести моей вредоносно.

– Так что вы опять переменяли службу? – сказал лорд Ментейт.

– Вот именно, милорд, переменял. После этого пытался я на короткое время поступить к двум или трем другим державам; и даже несколько времени состоял на службе у голландских штатов...

– Ну, как же вам понравилось у них? – осведомился опять его собеседник.

– О, милорд! – воскликнул служака с некоторым восторгом. – Насчет жалованья всей Европе надо бы у них поучиться: ни они у тебя не занимают, ни ты у них, ни просрочек, ни проволочек, все начистоту; то есть так верно получаешь с них свои денежки, словно сам их в банк положил. Квартиры тоже у них отличные, и харчи первый сорт. Но зато народ они аккуратный, щепетильный, и никакой мелочи тебе не пропустят даром. Так что, например, пожалуется мужик, что ему голову проломили, или кабатчик заявит, что у него пивной кувшин расшибли, или пугливая девчонка где-нибудь пискнет, а честного воина за это потащат к ответу; да не своим

военным судом судят, который, конечно, лучше может его рассудить, а призовут к бургомистру, простому ремесленнику низкого звания, и начнет он тебе угрожать и тюрьмой, и веревкой, и всякой такой дрянью, словно ты не воин, а такой же поганый земноводный, толстопузый мужик, как и он сам. Так я и не мог ужиться с этими неблагодарными плебеями: вот ведь, сами не умеют защищаться, силенки не хватает; а когда за это дело берется благородный иностранец, храбрый кавалер, они ему за это только жалованье платят и никакой воли не дают, а этого ни одна честная душа не вытерпит. Разве можно сравнить одно жалованье с привольным житьем да почетным обращением?.. Ну и порешил я с этими мингерами^[75] распротиться. А тут прослышал я, к превеликому моему удовольствию, что нынче летом затевается что-то для меня подходящее здесь, на любезной моей родине. Вот я и явился сюда, по пословице, точно нищий на свадьбу, с тем чтобы предложить свою боевую опытность, приобретенную в чужих краях, к услугам дорогих моих соотечественников. Итак, значит, теперь вся моя история известна вашему сиятельству, за исключением того лишь, как я себя вел в различных делах, в ратном поле, при осадах, штурмах и атаках; но это долго да и скучно рассказывать; и притом было бы приличнее говорить об этом кому другому, а не мне самому.

Глава III

*Пусть о правах заботятся в палатах,
Мое же дело – драться без затей;
И я скажу, с наемниками в латах,
Что правы там, где платят пощедрей.*

Донн^[76]

Между тем неровная тропинка становилась все уже, путники не могли более ехать рядом, разговор их пресекался, и лорд Ментейт, придержав на минуту коня, вступил вполголоса в переговоры со своими слугами. Капитан, очутившийся впереди всех, медленно поехал дальше и, поднявшись около четверти мили по каменистому и крутому скату, выехал на дно горной долины, по которой в глубоком русле протекал стремительный поток, а берега его, одетые зеленым дерном, были настолько широки, что наши путешественники снова получили возможность ехать рядом.

Лорд Ментейт тотчас возобновил беседу, прерванную неудобствами дороги.

– Мне думается, – сказал он, обращаясь к капитану Дальгетти, – что воин вашего почтенного закала, столь долго и с честью служивший доблестному шведскому королю, одушевляемый притом понятным презрением к низким ремесленникам голландских штатов, должен бы не задумываясь

объявить себя сторонником короля Карла, а не тех хундордных круглоголовых ханжей, которые бунтуют против него?

– Вы рассуждаете правильно, милорд, – сказал Дальгетти, – и я, при равенстве остальных условий, смотрел бы на дело в этом самом смысле. Однако существует такая южная поговорка, милорд, что одними словами репу не намаслишь. С тех пор как я приехал на родину, я довольно уж насыщался всякой всячины, чтобы понять, что честный человек волен пристать к любой из партий, замешанных в эту усобицу, а выбирать должен ту, которая ему больше приглянется. Вот вы, милорд, изволите говорить: «Верность престолу», а с той стороны кричат: «Свобода!» «За короля!» – орут одни. «За парламент!» – режут другие. «Да здравствует Монтроз!» – возглашает Дональд, взмахивая шапкой. «Многая лета Аргайлу и Ливену!» – надсаживается южанин Сандерс, потрясая шляпой с пером. «Стой грудью за епископов!» – говорит священник в стихаре. «Бейся за кирху!» – кричит пастор в женовских скуфье и шарфе. Хорошие слова, что и говорить! Слова отличные. А вот которое дело правее – не знаю. Только то и знаю, что случилось мне на своем веку драться по колена в крови за такие дела, которые были вдесятеро хуже худшего из них.

– Ну, капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, – раз, по-вашему, обе партии равны, угодно вам будет сказать нам, по крайней мере, чем вы намерены руководствоваться при окончательном выборе?

– А двумя соображениями, милорд, – отвечал воин, – во-первых, которая из сторон учтивее попросит моих услуг, а во-вторых – это уж будет венцом первого условия, – которая из партий в состоянии щедрее отблагодарить меня за службу. Откровенно говоря, милорд, в настоящее время я по обоим пунктам склоняюсь на сторону парламента.

– Потрудитесь объяснить причины, – сказал лорд Ментейт, – и посмотрим, не могу ли я противопоставить им другие, более веские.

– Сэр, я не прочь обсудить этот вопрос, – сказал капитан Дальгетти, – лишь бы вы не теряли из виду моей чести и выгоды. Вот, например, в настоящее время здесь, в горах, собрались или собираются целые толпы хайлендеров, сторонников короля. Вам, сэр, известно ведь, что это за народ. Я не спорю, они телом крепки и духом бодры, и храбрости у них довольно, когда начнут драться; но дерутся они не людски, у них такие же понятия о военной дисциплине, какие были у древних скифов или у теперешних дикарей, американских индейцев. Они не ведают ни немецкого свистка, ни барабана, чтобы подавать сигналы: не бьют ни марш, ни тревогу, ни атаку, ни отступление, ни утреннюю зорю, ни вечернюю; только и знают свои проклятые скрипучие дудки, и хотя сами-то уверяют, будто понимают, что они там пищат, но для кавалера, привыкшего воевать в цивилизованной Европе, это нечто совершенно непонятное. Так что, возьмись я дисциплинировать отряд таких голоштанников, ведь они не

поймут, что я им буду говорить; а если и поймут, сами посудите, милорд, станут ли меня слушаться эти полудикие молодцы, привыкшие слушаться своих собственных лэрдов и вождей и вовсе не приученные беспрекословно повиноваться офицеру. Если я буду, например, учить их строиться посредством извлечения квадратного корня, то есть образовать каре во столько рядов, по сколько человек в каждом ряду, что может из этого выйти? Я им преподам драгоценную тайну военной тактики, а они мне за это всадят ножик в живот, потому что какой-нибудь Мак-Алистер Мор, Мак-Шимей или Кэпперфе окажется на фланге либо в тылу, тогда как он считал себя вправе стоять впереди... Нет уж, правда говорится в Священном Писании: «Не мечите бисера перед свиньями, не то обратятся против вас, и вас же растерзают».

– Я полагаю, Эндерсон, – сказал лорд Ментейт, оборачиваясь назад к одному из слуг, ехавших за ним следом, – я полагаю, вы можете засвидетельствовать перед этим джентльменом, что мы очень нуждаемся в опытных офицерах и гораздо более расположены воспользоваться их воинской наукой, нежели он, по-видимому, ожидает.

– С дозволения вашей милости, – сказал Эндерсон, почтительно приподняв шапку, – когда подоспеет ирландская пехота, которую мы ждем, да и пора бы ей высадиться у западных гор, нам понадобятся знающие офицеры, чтобы хорошенько вымуштровать новобранцев.

– Вот это мне нравится, очень нравится, – сказал Даль-

гетти, – приятное было бы дело. Ирландцы – славные ребята, как есть молодцы. В ратном поле это лучший народ. Помню я, один раз, когда мы брали Франкфурт-на-Одере, я сам видел, как себя держала одна ирландская бригада: до тех пор они работали палашами и пиками, покуда не отбили сине-желтых шведов; а шведские бригады были тут из самых стойких и считались не хуже тех, что дрались под командой бессмертного Густава. И хотя бравый Хелберн, храбрый Лэмсдейл, бесстрашный Монро и другие кавалеры, да и я в том числе, ворвались с пиками в руках в город, но, если бы всем нам пришлось встретить такое же сопротивление, мы бы так и ушли с пустыми руками и без всякого удовольствия. Правда, по общепринятому обыкновению, мы тогда перерезали этих славных ирландцев всех до единого; а все-таки они заслуживали величайших похвал и стяжали неувыдаемую славу... Вот потому я с тех пор так и люблю эту братию и почитаю их первейшим народом после шотландцев.

– Я думаю, – сказал Ментейт, – что почти могу вам обещать командование ирландцами, если вы надумаете пристать к партии короля.

– Да, – молвил капитан Дальгетти, – а второе-то, самое затруднительное условие так и остается под сомнением. Хоть я и считаю низким и непристойным для солдата, когда у него на языке только и есть что жалованье, как у тех подлецов, немецких ландскнехтов, о которых я вам рассказывал, и хотя я готов с мечом в руке доказать, что честь военная доро-

же жалованья, привольного житья и всяких добавочных доходов, однако, *ex contrario*¹¹, солдатское жалованье – вознаграждение за службу, и всякому разумному кавалеру надлежит заранее сообразить, какая будет ему плата за труды и из каких источников она будет взиматься. А разве неправда, милорд, по всему, что я здесь слышал и видел, что деньги-то водятся только у парламентских толстосумов? Хайлендеров, конечно, легко удовлетворить, стоит только разрешить им воровать скот. Ирландцам ваше сиятельство и прочие господа могут, согласно военным обычаям, платить так редко и так мало, как вам заблагорассудится. Но таким образом нельзя же поступать с благородным кавалером, как я например, который должен держать своих лошадей, прислугу, оружие, амуницию и не может, да и не желает идти на войну на свой собственный счет.

Эндерсон, тот слуга, который только что выражал свое мнение, и теперь почтительно обратился к графу.

– Я думаю, милорд, – сказал он, – что, если вы позволите, я бы мог сказать нечто в опровержение второго условия капитана Дальгетти. Он желает знать, откуда мы возьмем свое жалованье; по моему рассуждению, и для нас открыты те же источники, из которых черпают ковенантеры. Они устанавливают налоги по своему усмотрению и грабят имущество друзей короля. А когда мы перейдем на равнину, да за нами наши хайлендеры, наши ирландцы, и мы сами с мечом

¹¹ С другой стороны (*лат.*).

в руках, небось там найдется немало разжиревших изменников, владеющих незаконно нажитым добром; вот этим-то добром мы пополним нашу военную кассу, да и воинов наградим. Кроме того, то и дело пойдут конфискации поместьев; и король, раздавая земельные участки всем храбрым кавалерам, которые пойдут под его знаменем, тем самым и их наградит, да и накажет своих врагов. Словом, кто пойдет служить круглоголовым псам, может быть, и получит кое-какое жалованье, а кто присоединится к нашей партии, тот имеет шансы получить рыцарское, баронское, даже графское достоинство, коли выдастся счастье.

– А вы когда-нибудь служили, любезный друг? – спросил его капитан.

– Немного, сэр, только во время домашних наших междоусобиц, – скромно ответил тот.

– А в Германии не бывали на службе, или хоть в Нидерландах? – спросил Дальгетти.

– Никогда не имел чести, – отвечал Эндерсон.

– Могу сказать, – обратился Дальгетти к Ментейту, – что у вашего слуги много природного смысла и о военных предметах он имеет довольно точное понятие, рассуждает, впрочем, не совсем правильно, ибо похоже на то, что продает шкуру с медведя, прежде чем вышел на охоту. Однако я все это приму к сведению.

– Да, капитан, обдумайте хорошенько, – сказал лорд Ментейт, – целый вечер вам остается на размышления, потому

что мы уж почти приехали к дому, где я надеюсь вам обеспечить ласковый прием.

– Вот это будет очень кстати, – сказал капитан, – потому что я с самого рассвета ничего не ел, кроме одной овсяной лепешки, да и той половину скормил своему коню. На третью петлю уж затянул на себе пояс – так отощал. Боялся даже, как бы тяжелые железные доспехи совсем с меня не свалились.

Глава IV

*Когда-то, и не так давно,
В какое время – все равно,
В лощине темной и глухой
Собрались витязи толпой.
На них широкие плащи,
Щиты, кинжалы и мечи,
И все, как следует по моде,
У горцев принятой в народе.*

Местон^[77]

Перед путниками возвышался холм, покрытый старым еловым лесом; верхние, редкие ветви деревьев, распростертые на фоне западного горизонта, алели в лучах заката. Среди леса возвышались башни и трубы не то дома, не то замка, бывшего целью их странствия.

По тогдашнему обычаю главный корпус жилья состоял из двух узких зданий с высокими, заостренными крышами, которые перекрещивались между собой под прямым углом. Одна или две высокие вышки над крышей да башенки по всем углам, более похожие на перечницы, доставили этому дому горделивое название замка Дарнлинварах. Он был окружен двором, обнесенным невысокой каменной стеной, вдоль которой с внутренней стороны тянулись обычные службы.

По мере приближения к замку путешественники замечали следы недавних прибавлений к его обороне, вызванных, вероятно, смутами последнего времени. В различных частях дома, а также и окружавшей его ограды пробиты были ружейные бойницы, а окна тщательно защищены железными полосами, укрепленными и вдоль и поперек, подобно тюремным решеткам. Ворота во двор были заперты, и лишь после некоторого обмена осторожными вопросами и ответами один из притворов распахнулся и за воротами показалась пара сторожей, крепких хайлендеров, в полном вооружении, которые, подобно классическим стражам в «Энеиде», казались готовыми преградить вход, чуть только путники показались бы им подозрительными.

Войдя во двор, наши путешественники увидели новые приготовления к защите. Вокруг стен выстроены были подмости для огнестрельных орудий, и одна или две пушки мелкого калибра, называемые фальконетами, были подняты на углах, у подножия башенок.

Из дома в ту же минуту выскочили несколько слуг, частью в одежде хайлендеров, частью в английском платье; одни бросились принять лошадей, как только гости спешили, остальные выстроились у входа в дом, чтобы проводить приезжих во внутренние покои. Но капитан Дальгетти отказался от услуг конюха, хотевшего взять на себя уход за его конем.

– Я привык всегда сам отводить в конюшню моего Густава, друзья мои, а назвал я его в честь непобедимого монар-

ха, моего прежнего начальника; мы с моим конем старинные приятели и товарищи, и так как я часто нуждаюсь в услугах его ног, то, со своей стороны, пускаю в ход мой язык, чтобы добыть для него все, что требуется. – С этими словами капитан без церемонии вошел в конюшню вслед за своей лошастью.

Ни лорд Ментейт, ни его спутники не были так внимательны к своим коням и, поручив их заботам местной прислуги, пошли в дом, где в обширных темных сенях со сводами, в числе прочей разнородной утвари, стояла бочка с пивом и около нее два или три деревянных ковша или чары, нарочно с тем и поставленных, чтобы желающие могли утолять свою жажду. Лорд Ментейт вынул втулку, нацедил себе пива, напился и передал чару Эндерсону, который также последовал его примеру, но наперед выплеснул оставшиеся на дне капли и слегка сполоснул деревянную посудину.

– Вот черт! – молвил один старый хайлендер, давнишний слуга здешнего семейства. – Что ж ты не можешь пить после своего барина, а непременно тебе нужно мыть посуду и понапрасну тратить добро, провал бы тебя взял!

– Я воспитан во Франции, – отвечал Эндерсон, – а там ни один человек не станет пить после другого, разве только после молоденькой девушки.

– Вишь какая брезгливость у чертей! – продолжал старый Дональд. – Коли пиво хорошее, что ж тебе за дело, если в том же ковше побывала чужая борода?

Товарищ Эндерсона выпил, не соблюдая той церемонии, которая так возмутила Дональда, и оба последовали за своим хозяином в длинный зал с низкими каменными сводами, где обыкновенно держалась семья помещика. В дальнем конце зала в громадном камине разведен был огонь: топили торфом и света было немного, но огонь был необходим, потому что даже и среди лета тут было слишком сыро. Два-три десятка щитов, столько же палашей и кинжалов, пледы, кремневые ружья, мушкеты, луки, арбалеты, секиры, серебряные латы, стальные шлемы и шишаки, старинные кольчуги, то есть рубашки из металлических петель, с соответственным башлыком и рукавами, – все это в беспорядке висело по стенам и могло бы доставить на целый месяц приятное занятие какому-нибудь члену современного нам антикварного общества. Но тогдашние люди так пригляделись к подобным предметам, что даже не замечали их.

Посреди зала стоял огромный, неуклюжий дубовый стол, на который старый слуга, упомянутый выше, поспешил расставить кое-какое угощение, состоявшее из молока, масла, козьего сыру, фляжку с пивом и бутылки с шафранной настойкой, предназначенные, собственно, для лорда Ментейта. В то же время другой слуга, низшего звания, делал то же самое на нижнем конце стола для слуг приезжего гостя. По тогдашним понятиям расстояние, отделявшее слуг от господ за общим столом, было достаточным разграничением степени их важности, даже и в том случае, если барин был титуло-

ванный, как теперь. Пока приготавливали яства, гости стояли у огня: молодой лорд у самого камина, а слуги поодаль.

– Эндерсон, какого ты мнения о нашем дорожном товарище? – спросил Ментейт.

– Парень здоровый, – отвечал Эндерсон. – Хорошо, кабы и в остальном был так же исправен. Будь у нас штук двадцать таких молодцов, они бы привели в порядок наших ирландских гусей.

– Ну, я другого мнения, – сказал Ментейт. – Мне кажется, этот Дальгетти – одна из тех пиявок, привыкших сосать кровь на чужой стороне и до того втянувшихся в это занятие, что и у себя на родине готов делать то же самое. Эти наемные витязи составляют наш позор! Они во всей Европе прославили имя шотландцев как нечто такое алчное, продажное, не имеющее ни стыда, ни чести, что только и гонится за своим месячным жалованьем, то и дело перебегает от одного знамени к другому и готов продавать свою преданность кому угодно, лишь бы подороже заплатили. Их-то страсти к грабежу и наживе мы и обязаны теми междоусобиями, которые восстановили теперь брата на брата. У меня едва хватило терпения выслушать этого наемного гладиатора, хотя, с другой стороны, я чуть не лопнул со смеху над его бесстыдством.

– Ваше сиятельство, извините меня, – сказал Эндерсон, – если осмелюсь рекомендовать при настоящих обстоятельствах быть посдержаннее и не слишком обнаруживать ваше

благородное негодование. К несчастью, мы не можем обойтись без помощи людей, которые будут действовать на основании побуждений гораздо более низких, чем наши собственные. Без таких молодцов, как этот солдат, мы ничего не сделаем. Говоря условным языком парламентских ханжей, можно сказать, что иначе «сыны Зеруи одолеют нас».

– Значит, опять надо притворяться, – сказал граф Ментейт. – Постараюсь так же, как до сих пор старался, следуя твоим советам. Но в душе очень бы желал этому молодцу провалиться сквозь землю.

– Мало ли что! Вы должны помнить, милорд, – продолжал Эндерсон, – что, когда укусит скорпион, рану ничем иным не залечишь, как если раздавишь на ней другого скорпиона... Но тише, нас могут подслушать.

Через боковую дверь в зал вошел хайлендер громадного роста, в полном вооружении; орлиное перо на шапке и спокойная величавость манер изобличали в нем человека знатного рода. Он медленно подошел к столу и ни слова не ответил на приветствие лорда Ментейта, который назвал его Алленом и спросил о здоровье.

– Вы лучше не говорите с ним теперь, – шепнул ему старый слуга.

Рослый хайлендер сел на пустую скамью у огня и, впериwв глаза на рдеющий пепел и на крупные куски торфа в камине, казался погруженным в глубокую задумчивость. Его темные глаза, резкие черты и выражение сосредоточенного восторга

на лице показывали, что предметы его мыслей производят на него глубочайшее впечатление, а окружающего он совсем не видит. Суровая строгость его взгляда, происходившая, быть может, от привычки к уединенной и аскетической жизни, в жителе равнины была бы, вероятно, приписана религиозному фанатизму; душевное расстройство этого рода в то время было не редкостью и в Англии, и в низинах Шотландии; но хайлендеры того времени были чужды подобному недугу. Зато у них были свои собственные суеверия и фантазии, которые окутывали их умы такими же непроницаемыми по темками, какими пуританство наделяло их соседей.

– Ваше сиятельство, – прошептал чуть слышно старый слуга, бочком подкравшись к лорду Ментейту, – не извольте теперь разговаривать с Алленом, он теперь находится в помрачении.

Лорд Ментейт кивнул и перестал обращать внимание на задумчивого горца.

– Я говорил, – молвил вдруг этот горец, внезапно выпрямившись и взглядывая на старого слугу, – я говорил, что приедут четверо; отчего же только троих вижу здесь?

– Да, ты так говорил, Аллен, – сказал старый хайлендер, – а вон и четвертый идет из конюшни. Слышишь, как на дворе позвякивают его доспехи? Он весь окован железом, как рыба в чешуе: и грудь, и спина, и бока, и ноги у него в латах. Как скажешь, где ему поставить стул: возле Ментейта или пониже, вон с теми честными джентльменами?

Лорд Ментейт сам ответил на этот вопрос, знаком указав слуге место подле себя.

– Ну, вот он и пришел, – сказал Дональд, видя входящего в залу капитана Дальгетти. – Надеюсь, господа, что вы пока закусите хоть хлебом и сыром, как говорится, покуда приготовят кушанья посытнее. Вот уж из гор воротится наш хозяин, и охотники, что ушли с южанами, принесут диких коз и прочей дичины, тогда Дугалд-повар и будет стряпать.

Между тем вошедший капитан Дальгетти подошел прямо к стулу, стоявшему возле лорда Ментейта, и, сложив руки на спинке стула, остановился в этой позе. Эндерсон и его товарищ тоже стояли у нижней части стола, почтительно ожидая позволения сесть, а три или четыре хайлендера, под начальством старого Дональда, бегали взад и вперед, принося на стол все нужное, или же прислуживали гостям.

Пока готовили закуски, Аллен вдруг вскочил, выхватил из рук слуги лампу, поднес ее к самому лицу Дальгетти и начал пристально и серьезно его рассматривать.

– Клянусь честью, – сказал Дальгетти недовольным тоном, когда Аллен, таинственно покачав головой, отошел от него, – в другой раз, коли встретимся с этим парнем, уж наверное, узнаем друг друга!

Аллен между тем подошел к нижнему концу стола, точно так же, с помощью лампы, внимательно посмотрел в лицо Эндерсону и его товарищу, с минуту постоял в глубоком раздумье, потом провел рукой по лбу и вдруг, неожиданно

схватив Эндерсона за руку, не то повел, не то потащил его к пустому стулу на верхнем конце комнаты, молча сделал ему знак сесть тут и с той же стремительной поспешностью без церемонии увлек Дальгетти на противоположный конец.

Капитан, в великой досаде на подобную вольность, попытался освободиться, изо всей силы встряхнув Аллена; но как он ни был силен, ему не удалось сладить с горцем. Завязалась борьба, и гигант толкнул его с такой силой, что капитан отлетел на несколько шагов и там упал во весь рост, гремя своими доспехами на всю залу. Вскочив на ноги, он первым делом выхватил меч и бросился к Аллену, который стоял скрестив руки и с презрительным равнодушием ожидал нападения. Лорд Ментейт и его слуги вступили в дело, стараясь успокоить их, а слуги-хайлендеры тем временем схватили со стен кое-какое оружие и приготовились принять участие в свалке.

– Ведь он сумасшедший, – шепнул капитану лорд Ментейт, – он совсем безумный, что вам за охота с ним связываться?

– Если ваше сиятельство мне порукой, что он не в своем уме, – сказал Дальгетти, – что довольно заметно по его поведению и манерам, то на этом мы и покончим, ибо безумный ни обидеть не может, ни дать удовлетворения в нанесенной обиде. Но, клянусь душой, успею я пропустить внутрь кое-какую еду да бутылку рейнвейна, я бы еще померился с ним. А жалко, что он такой слабоумный, потому что из себя он

молодец и отлично бы мог владеть пикой, моргенштерном¹² или каким угодно оружием.

Таким образом мир был восстановлен, и гости уселись за стол в том порядке, как прежде затеяли; Аллен же подсел снова к огню и, опять глубоко задумавшись, не вмешивался в дело. Лорд Ментейт, желая поскорее загладить впечатление неприятного случая, обратился с расспросами к старому слуге:

– Стало быть, лэрд отправился в горы, Дональд, и с ним, как слышно, какие-то англичане?

– В горы и отправился, не во гнев вашей милости, и два саксонских кавалера с ним, это точно: один будет сэра Майлс Месгрейв, а другой сэра Кристофер Холл, оба из Камрайка... так, кажется, они зовут свой округ.

– Холл и Месгрейв? – подхватил лорд Ментейт, взглянув на своих спутников. – Те самые, которых нам так хотелось видеть!

– А я, – сказал Дональд, – был бы рад-радешенек, кабы никогда их не видал; вот придут да и съедят нас живьем, со всеми пожитками.

¹² Так назывался род палки или дубины, употреблявшейся в начале XVII в. при защите брешей и стен. Когда при осаде Тральзунда немцы оскорбили шотландцев, уверяя, что, по слухам, из Дании для них нарочно пришел корабль, нагруженный табаком и трубками, один из наших солдат, рассказывает полковник Роберт Монро, показал им из-за стены моргенштерн, сиречь толстую палку, окованную железом, подобно алебарде, с наконечником в виде шарика, утыканного железными шипами, и сказал: «Вот такими трубками мы будем вышибать у вас мозги, когда вздумаете нас штурмовать!» – *Примеч. авт.*

– Что с тобой, Дональд, – сказал лорд Ментейт, – ты прежде никогда не был так скуп на мясо и пиво. А они, хоть и южане, конечно, не съедят всего скота, что пасется на здешних лугах.

– Я об этом не тужу! – сказал Дональд. – Кабы только это, никакой беды бы не было, потому что народ у нас надежный, все честные горцы, и никогда не допустят нас голодать, покуда хоть одна рогатая скотина останется между нами и Пертом. Но у нас тут затеялось дело похуже – об заклад побились!

– Об заклад! – повторил лорд Ментейт с некоторым удивлением.

– Вот то-то и есть, – продолжал Дональд, так же пламенно желавший рассказать свои новости, как Ментейт желал послушать их. – Так как ваше сиятельство и друг и родня нашим господам и все равно сейчас про это услышите, лучше уж я сам вам все расскажу. Так вот, доложу вам: ездил наш лэрд в Англию, где он бывает гораздо чаще, чем бы следовало, по мнению его друзей, и там он гостил в доме этого самого сэра Майлса Месгрейва, а у него на столе стояли шесть подсвечников, да таких, что вдвое больше тех, что стоят у нас в Дембленской кирхе; да, кроме того, они не медные, не железные, не оловянные, а все из чистого серебра... Эх, уж эти мне гордецы англичане! Сколько у них всякого добра, а что с ним делать – не знают! И стали они дразнить нашего лэрда, что никогда он ничего такого не видывал на своей

бедной родине, а лэрду нельзя же было молча слушать, как они унижают его родной край, и он, как добрый шотландец, поклялся, что у него в замке еще больше подсвечников и еще лучше этих и что таких, как у него дома, не видано во всем Камберленде... Да, их сторона называется Камберленд.

– Ну что ж, это он хорошо сказал, он любит свою родину, – заметил лорд Ментейт.

– Так-то так, – сказал Дональд, – да лучше бы он на этот раз придержал свой язык, потому что, чуть только при этих саксонцах скажешь что-нибудь необыкновенное, они тебе сейчас бьются об заклад, да так-то скоро прихлопнут, что твой кузнец по наковальне. Так и нашему лэрду пришлось либо взять назад свои слова, либо прозакладывать две сотни мерков^[78]. Ну, он и принял заклад, чтобы не осрамиться перед этим народом. А теперь, значит, придется платить проигрыш. Оттого, должно быть, так и тошно ему было воротиться домой.

– Да, правда, – сказал лорд Ментейт, – судя по тому, что мне известно о вашем фамильном серебре, Дональд, твой барин, наверное, проиграл заклад.

– Уж это верно. А где он возьмет деньги – ума не приложу, хоть и знаю, что он в двадцати местах занимал. Я ему советовал засадить обоих саксонских джентльменов, вместе с их прислугой, в подземелье, в башню, и там держать до тех пор, покада сами не откажутся от заклада, да лэрд и слушать не хочет.

Тут Аллен вскочил, крупными шагами подошел к старому слуге и громовым голосом сказал ему:

– А как ты смел подать моему брату такой подлый совет? И как ты осмеливаешься говорить, что он проиграет тот или другой заклад, раз ему угодно держать его?

– Правда, правда, Аллен Мак-Олей, – отвечал старик, – сыну моего отца не подобает осуждать того, что угодно сказать сыну вашего отца, и лэрд еще в самом деле, может быть, выиграет. А только я одно знаю, что во всем доме у нас не найдется ни одного подсвечника, кроме тех старых железных веток, что торчат на стенах со времен лэрда Кеннета, да еще тех оловянных стерженьков, которые ваш отец заказывал старому меднику, Уилли Уинки; а что до серебра, так сам черт не найдет нигде ни единой унции, кроме той старой чашки вашей покойной матушки, что давно без крышки, да и одной ножки у нее не хватает.

– Молчи, старик, – сказал Аллен яростно, – а вы, джентльмены, если кончили трапезу, прошу очистить зал! Я должен все здесь приготовить к приему английских гостей.

– Уходите! – шепнул Дональд, дергая за рукав лорда Ментейта. – На него такой час нашел, – сказал он, взглянув в сторону Аллена, – что теперь нельзя ему противоречить.

Они вышли из зала. Дональд повел лорда Ментейта и капитана в одну сторону, а обоих слуг другой хайлендер повел в другую. Едва Ментейт успел войти в комнату, нечто вроде гостиной, как туда же вошли хозяин дома, лорд Ан-

гус Мак-Олей, и его гости англичане. Встреча была самая радостная, так как лорд Ментейт был хорошо знаком с английскими джентльменами; потом он представил капитана Дальгетти, и его также лэрд принял очень ласково. Но после первых минут всеобщего возбуждения и гостеприимных приветствий лорд Ментейт мог заметить, что чело домохозяина омрачено печальной заботой.

– Вы, вероятно, уже слышали, – сказал сэр Кристофер Холл, – что в Камберленде наше предприятие лопнуло. Милиция не захотела двинуться в Шотландию, эти чуткие ковенантеры успели запугать наших сторонников в южных графствах. А мы с Месгрейвом догадались, что здесь начинают пошевеливаться, и, чтобы не сидеть дома сложа руки, явились сюда в надежде совершить кампанию в сообществе ваших килтов и пледов.

– Надеюсь, что вы захватили с собой оружие, людей и деньги тоже? – сказал с улыбкой лорд Ментейт.

– Да, с нами дюжины две конных слуг, которых мы оставили в последней пограничной деревушке, – сказал Месгрейв, – да и то с каким трудом удалось нам дотащить их туда!

– Что до денег, – сказал его товарищ, – некоторую сумму мы думаем получить здесь, у нашего друга и любезного хозяина!

Мак-Олей сильно покраснел, взял Ментейта под руку и, отведя его немного в сторону, сказал, что, к величайшему

своему сожалению, сделал ужасную глупость.

– Да, я уже слышал... от Дональда, – сказал лорд Ментейт, с трудом сдерживая улыбку.

– Черт его дери, этого старика! – сказал Мак-Олей. – Все на свете готов разболтать, хотя бы это человеку жизни стоило! Но ведь даже и для вас это не шутка, милорд, потому что я именно на вас рассчитываю, надеюсь, что вы, как близкий родственник и братски расположенный ко мне человек, можете мне расплатиться с этими господами. Иначе, признаюсь вам, мне и думать нечего отправляться с вами в поход. Клянусь вам, что, если не найду другого исхода, я присоединюсь к ковенантерам, лишь бы достать денег и разделаться с англичанами. Мне и в лучшем-то случае будет довольно скверно, потому что я должен терпеть убыток, да меня же за это и презирать будут.

– Вы можете себе представить, кузен, – сказал лорд Ментейт, – я и сам теперь не в блестящих обстоятельствах, но поверьте, что я сделаю все возможное, чтобы вам помочь, как того требует наше родство, соседство и старинная дружба.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – несколько раз повторил Мак-Олей. – Но так как и они намерены тратить деньги на пользу королевской службы, не все ли равно, кто будет платить? Все мы одному лицу служим, надеюсь?.. Но вот что, помогите мне выдумать какую-нибудь отговорку, чтобы выпутаться как-нибудь сегодня, не то придется ведь взяться за шпагу, потому что не могу же я вытерпеть, коли меня за мо-

им собственным столом будут трактовать как лгунишку или хвастуна, тогда как Бог видит, что я хотел только поддержать честь своей фамилии, своей отчизны...

В эту минуту вошел Дональд, и выражение его лица было гораздо веселее, чем можно было ожидать, принимая в расчет предстоявшие его хозяину неприятности по части кармана и репутации.

– Джентльмены, кушать подано, да и свечи зажжены! – сказал Дональд, значительным голосом подчеркивая последние слова.

– Кой черт, что он под этим разумеет? – сказал Месгрейв, переглянувшись со своим земляком.

Лорд Ментейт глазами задал тот же вопрос хозяину дома, на что Мак-Олей ответил только недоумевающим движением головы.

В дверях произошла маленькая задержка из-за того, кому идти вперед. Лорд Ментейт решительно отказался от этой чести, которая ему подобала по старшинству титула, ссылаясь на то, что он у себя на родине, да и с хозяином состоит в близком родстве. Поэтому оба английских гостя прошли в зал первыми, и глазам их представилась самая неожиданная картина. Громадный дубовый стол был уставлен солидными мясными кушаньями, и вокруг него по порядку приготовлены были стулья для гостей. За каждым стулом стояло по хайлендеру огромного роста в полном национальном костюме и вооружении: в правой руке у них были обнаженные

мечи, концом вниз, а в левой они держали пылающие факелы из можжевельового дерева. Это дерево, в большом количестве растущее в болотистых местах Шотландии, так смолисто, что, расщепленное на лучины и высушенное, у хайлендеров часто употребляется вместо свечей. Эта неожиданная и довольно поразительная картина освещалась красным пламенем факелов, при котором особенно рельефно выделялись дикие лица, странные одежды и сверкающее оружие горцев, между тем как дым, стлавшийся под потолком, образовывал над ними облачный балдахин. Гости не успели опомниться от изумления, как Аллен выступил перед ними и, указывая своим палашом на державших факелы, сказал суровым и низким голосом:

– Смотрите, джентльмены и кавалеры, какие подсвечники водятся в доме моего брата, по древнему обычаю нашего древнего рода! Ни один из этих людей не признает никакого закона, кроме воли и приказа своего вождя... Дерзните ли вы приравнять их к богатым металлам, когда-либо извлеченным из рудников? Что скажете, джентльмены? Выиграли вы заклад или проиграли?

– Проиграли, проиграли! – весело воскликнул Месгрейв. – Мои серебряные подсвечники уж расплавлены и едут теперь верхом, и очень бы я желал, чтобы мои новобранцы были хоть вполовину так благонадежны, как эти... Извольте, сэр, – прибавил он, обращаясь к домохозяину, – вот ваши деньги. В настоящую минуту для нас с Холлом оно

немножко накладно, но что ж делать: долг чести прежде всего...

– Проклятие моего отца на голову его сына, – прервал его Аллен, – если он примет от вас хоть одно пенни! Довольно и того, коли вы отказываетесь от своего права требовать с него долг.

Лорд Ментейт с жаром поддержал мнение Аллена, и старший Мак-Олей тотчас присоединился к ним, говоря, что вся затея была сущим вздором и не стоит больше об этом говорить. Англичане попробовали из любезности поспорить, но наконец согласились, что все это было одной только шуткой.

– Ну что же, Аллен, – сказал лэрд своему брату, – теперь ты мог бы и убрать свои подсвечники. Раз наши гости, саксонские джентльмены, видели их, нам удобнее будет обедать при свете наших старых оловянных шандалов, от которых, по крайней мере, нет такого дыма.

По знаку Аллена живые светильники подняли свои мечи вверх и, повернувшись, вышли из зала, предоставляя гостям приниматься за кушанья¹³.

¹³ Точно такое пари держал некто Мак-Дональд из Кэнноха и выпутался из него именно тем способом, который здесь рассказан. – *Примеч. авт.*

Глава V

*...И стал он так свиреп и смел,
Что сам отец его робел,
Дивясь на столь жестокий нрав
И странности его забав.
А он в том время провождал,
Что диких тварей усмирять,
И достигал того, что льва
Пред ним склонялась голова;
И леопарда грозный вой
Смирять он, пригрозив рукой...*

Спенсер

Невзирая на эпикурейство англичан, которое у шотландцев того времени вошло в пословицу, английские гости за обедом едва прикоснулись к яствам по сравнению с необычайной прожорливостью капитана Дальгетти, хотя этот храбрый воин имел случай и раньше проявить замечательную усидчивость и постоянство при поглощении более легкой закуски, предложенной им по приезде в дом, чтобы заморить червячка. Во все время обеда он не проронил ни одного слова, и только тогда, когда почти все кушанья убрали со стола, он обратился к обществу, смотревшему на него с некоторым изумлением, и пояснил причину, почему он так поспешно и все-таки так долго наедался.

Он сообщил присутствующим, что к поспешности в этом деле приучили его в маршальской коллегии в Абердине, где надо было держать ухо востро и работать челюстями вроде как кастаньетами, иначе ничего не успеешь схватить.

— А что до обилия принятой мною пищи, — продолжал капитан, — то да будет известно всей честной компании, что первейшая обязанность командующего крепостью заключается в том, чтобы при каждом удобном случае снабжать ее наибольшим количеством провианта, какое она может вместить, на тот случай, что она может неожиданно подвергнуться осаде или блокаде. По этой причине, джентльмены, когда кавалеру случается напасть на хорошую и обильную еду, он, по-моему, поступит благоразумно, если озаботится подкрепить себя, по крайней мере, на три дня вперед, ибо еще неизвестно, удастся ли ему до тех пор опять пообедать.

Лэрд Мак-Олей согласился, что это мера крайне разумная и предусмотрительная, и посоветовал ветерану прибавить к поглощенным яствам еще стаканчик виски и бутылку бургундского, что капитан тотчас и начал исполнять с большой готовностью.

Обед убрали, и слуги все ушли, за исключением одного лишь хозяйского пажа, или кравчего, который оставался в комнате и состоял на побегушках, когда нужно было за кем-нибудь послать или что-либо принести; словом, он играл роль того звонка, который в настоящее время у нас в столовой отвечает тем же целям. Разговор зашел о политике

и положении страны, и лорд Ментейт убедительно попросил подробно сообщить ему, которые из кланов ожидаются на сборище сторонников короля.

– Это, милорд, – сказал лэрд, – в значительной степени зависит от того, кто поднимет знамя. Вы знаете, каковы хайлендеры: если соберется хоть несколько кланов, очень трудно заставить их повиноваться какому-нибудь одному вождю, хотя бы и из нашей же среды. Слышали мы, что будто Колкитто, то есть младший Колкитто, иначе называемый Алистер Мак-Дональд, приплыл из Ирландии с отрядом людей графа Энтрима и что они уже достигли Арднемурхана. Им бы следовало уж быть здесь, но, вероятно, они застряли по дороге, занимаясь грабежом.

– Может быть, Колкитто и годился бы вам в вожди? – сказал лорд Ментейт.

– Колкитто! – проговорил Аллен Мак-Олей презрительно. – Кому нужен этот Колкитто? На свете только один и есть человек, за которым мы пойдем, и это Монтроз.

– Но, сэр, – сказал Кристофер Холл, – о Монтрозе ничего не слышно после нашей попытки восстания на севере Англии. Полагают, что он воротился в Оксфорд, к королю, за новыми инструкциями.

– Воротился! – сказал Аллен с презрительным смехом. – Я бы вам сказал... да не стоит, скоро и сами узнаете.

– Клянусь честью, Аллен, – сказал лорд Ментейт, – ты своей угрюмостью и несносным приставанием всех своих дру-

зей выведешь из терпения!.. Ну да я знаю, отчего ты не в духе, – прибавил он, смеясь, – должно быть, не видал сегодня Анну Лейл.

– Кого, вы сказали, я не видал? – переспросил Аллен су-рово.

– Анну Лейл, волшебницу, царицу песен и стихов! – ска-зал лорд Ментейт.

– Дай бог никогда мне ее не видеть, – сказал Аллен взды-хая, – лишь бы тот же зарок и на вас был положен.

– Почему же именно на меня? – спросил Ментейт безза-ботно.

– А потому, – сказал Аллен, – что у вас на лбу написано, что вы друг друга погубите. – С этими словами он встал и вышел из комнаты.

– Давно он в таком виде? – спросил лорд Ментейт, обра-тясь к старшему брату.

– Дня три, – отвечал Ангус, – припадок уж проходит; зав-тра ему будет лучше... Что же, джентльмены, не оставляйт-е стаканов недопитыми. Здоровье короля Карла! Да здрав-ствует король Карл^[79], и пусть тот ковенантский пес, который не желает ему здравствовать, отправляется в рай через Сен-ную площадь!

Тост был встречен всеобщим одобрением; за ним тотчас последовал другой, и третий, и четвертый; каждый был пред-ложен в энергичной форме, и все имели политический и пар-тийный характер. Однако капитан Дальгетти счел за нужное

оговориться.

– Джентльмены кавалеры, – сказал он, – я присоединился ко всем вашим тостам, во-первых, из уважения к здешнему гостеприимному и почтенному хозяину, во-вторых, потому, что не люблю в таких случаях придерживаться особенной точности; но заявляю, что, согласно предварительному уговору с этим благородным лордом, я удерживаю за собой право, невзирая на теперешнее мое снисхождение, хотя завтра же поступить на службу к ковенантерам, буде мне заблагорассудится.

Мак-Олей и английские гости вскочили с мест, услышав такую декларацию, и, наверное, опять произошла бы драка, если бы в дело не вступился лорд Ментейт и не объяснил, какого рода уговор произошел между ними.

– Я все еще надеюсь, – сказал он, – что нам удастся заручиться содействием капитана Дальгетти, переманив его на нашу сторону.

– А если этого не будет, – сказал лэрд, – то и я со своей стороны предупреждаю, что ничто происходящее сегодня, ни то, что он откушал моего хлеба и соли, ни то, что отвечал на мои тосты как виски и бордоским вином, так равно и шафранной настойкой, не помешает мне расшибить ему голову до самого затылка.

– Сделайте одолжение, – отвечал капитан, – если только мой палаш не сумеет защитить моей головы, что ему не раз случалось делать в таких оказиях, которые были поважнее

вашего гнева.

Тут лорд Ментейт опять вмешался и с немалым трудом таки успел восстановить доброе согласие, после чего завершили мировую еще несколькими серьезными выпивками. Однако Ментейт постарался закончить пиршество раньше того, чем было принято в замке, ссылаясь на усталость и нездоровье. Такое распоряжение несколько огорчило храброго капитана, который в числе других привычек, приобретенных в Нидерландах, нажил пристрастие к питью и способность к вмещению изумительного количества крепких напитков.

Хозяин сам проводил их в спальню, то есть в длинную галерею, где стояла одна большая кровать под клетчатым пологом, на четырех колонках, и несколько длинных плетеных корзин, поставленных вдоль стены: три из них, наполненные цветущим вереском, были, очевидно, приготовлены для гостей.

Ангус Мак-Олей отвел несколько в сторону лорда Ментейта и сказал ему:

– Вас нечего учить, милорд, как у нас в горах устраиваются ночлеги. Только мне что-то не хотелось оставлять вас на ночь вдвоем с этим немецким бродягой, и потому я распорядился приготовить постели для ваших слуг тут же, в галерее. Ей-богу, милорд, нынче такие времена, что ложишься спать с целым и здоровым горлом, способным преисправно глотать виски, а наутро, того и гляди, оно окажется разинутым вроде устричной раковины.

Лорд Ментейт искренне поблагодарил его, говоря, что это то самое устройство, о котором он сам хотел просить его, потому что, хотя он нимало не опасается неприязненных действий со стороны капитана Дальгетти, но Эндерсона желал бы иметь постоянно при себе, потому что он не совсем слуга, а нечто вроде джентльмена.

– Я еще не видал этого Эндерсона, – сказал Мак-Олей. – Вы его наняли, вероятно, в Англии?

– Да, в Англии, – отвечал лорд Ментейт, – завтра утром вы его увидите. А пока желаю вам спокойной ночи.

Мак-Олей после этого ушел из комнаты и только что намеревался мимоходом обратиться с таким же приветствием к капитану Дальгетти, как заметил, что тот увлеченно занялся осушением большого кувшина с поссетом^[80]; находя, что нечего ему мешать в столь похвальном занятии, хозяин без дальнейшей церемонии удалился.

Почти в ту же минуту вошли слуги лорда Ментейта. Почтенный капитан, начинавший ощущать некоторые неудобства после столь обильного угощения, принялся было расстегивать крючки своего панциря, но нашел, что это становится слишком трудно, и, слегка икнув, обратился к Эндерсону с такими словами:

– Эндерсон, мой любезный друг, ты, вероятно, читал в Писании, что скидывающий свои боевые доспехи не должен хвастать этим наравне с надевающим... Нет, кажется, это не так сказано. Ну, все равно, дело в том, что я рискую заноче-

вать в этом панцире, подобно многим честным воинам, которые уж и не проснулись никогда, если ты не поможешь мне расстегнуть вот эту пряжку.

– Помоги ему расстегнуться, Сиббальд, – сказал Эндерсон другому слуге.

– Клянусь святым Андреем, – воскликнул капитан, оглянувшись в изумлении, – простой слуга, наемник, получающий в год четыре фунта жалованья да ливрейный камзол, а считает для себя унижительным послужить ротмистру Дугалду Дальгетти из Драмсуокита, который получил образование в маршальской коллегии в Абердине и сам служил чуть ли не каждому из европейских монархов!

– Капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, которому в этот вечер было на роду написано беспрестанно мирить людей, – заметьте, пожалуйста, что Эндерсон никогда никому не прислуживает, кроме одного меня, но я сам с большим удовольствием помогу Сиббальду расстегнуть ваш панцирь.

– Не беспокойтесь, милорд, – сказал Дальгетти, – а впрочем, и для вас не вредно поучиться, каким образом снимается и надевается хорошая кираса. Я в свою влезаю и вылезаю обратно, точно это перчатка... Вот только сегодня... хоть и не пьян, а чувствую, что я, по классическому выражению, *vino ciboque gravatus*¹⁴.

Между тем его раздели, и он стоял перед огнем и с выражением пьяной рассудительности на лице размышлял о со-

¹⁴ Отягчен вином и едой (*лат.*).

бытиях этого вечера. Пуще всего занимал его нрав Аллена Мак-Олея.

– Вишь как ловко озадачил англичан своими факельщиками!.. Вместо шести серебряных подсвечников выставил восемь босоногих молодцов! Вот так штука!.. Нечего сказать, мастер!.. Чистый фокус... А еще говорят, что сумасшедший... Думается мне, милорд, – тут он покачал головой, – что, невзирая на его родство с вашим сиятельством, придется мне признать его за разумного человека и либо поколотить за нанесенное мне оскорбление, либо потребовать удовлетворения и биться с ним, как следует обиженному воину.

– Если бы вам не лень было в такой поздний час выслушать длинную историю, – сказал лорд Ментейт, – я бы вам рассказал, каким образом Аллен родился на свет Божий, и тогда вы сами убедились бы, что он неповинен в своих странностях и требовать с него удовлетворение совершенно невозможно.

– Длинная история, милорд, – сказал капитан Дальгетти, – да еще после хорошей вечерней выпивки, это, наравне с теплым ночным колпаком, наилучшее средство уснуть великолепнейшим образом. А потому, если ваше сиятельство будете так милостивы и возьметесь рассказывать, я буду вам терпеливым и признательным слушателем.

– Эндерсон, – сказал лорд Ментейт, – да и ты также, Сибальд, наверное, сгораете от любопытства послушать исто-

рию этого странного человека. А я думаю, что вам полезно узнать ее, чтобы вы после знали, как с ним обращаться в случае надобности. Пойдите лучше сюда, поближе к огню.

Собрав таким образом свою аудиторию, лорд Ментейт присел на край кровати с четырьмя колонками, а капитан Дальгетти обтер с усов и бороды то, что осталось от кувшина с поссетом, и, прошептав первые строки лютеранского псалма «Всяк дух благой да хвалит Господа...», завалился в одну из приготовленных постелей, закутался поплотнее и, выставив из-под одеяла свою мохнатую голову, расположился слушать лорда Ментейта в самом блаженном состоянии между сном и явью.

– Отец этих двух братьев, – рассказывал лорд Ментейт, – Ангуса и Аллена Мак-Олей, был джентльмен почтенный и родовитый, начальник одного из горных кланов, немногочисленного, но бывшего на хорошем счету. И мать этих молодых людей была также благородной и высокой породы, если позволительно мне так выражаться насчет одной из моих ближайших родственниц. Брат ее, юноша пылкий и честный, получил от короля Якова Шестого^[81] право охоты (и некоторые другие привилегии) на королевских землях, расположенных поблизости от здешнего замка, и, пользуясь этими правами, а также защищая их, он имел несчастье запутаться в ссору с несколькими из наших хайлендерских кэтеренов, или разбойников, о которых вы, по всей вероятности, слышали, капитан Дальгетти?

– Как не слышать! – сказал капитан, стараясь ответить по-толковее. – Пока еще я учился в коллегии в Абердине, Дугалд Гарр разыгрывал из себя настоящего черта в Гариохе, а Фаркуарсоны на берегах Ди; клан Чаттан делал то же на землях Гордона, а Гранты и Камероны обрабатывали дела на угодьях Морья. С тех пор видал я пандуров^[82] в Паннонии и Трансильвании, и казаков с польской границы, и всяких грабителей, бандитов и головорезов со всех концов света; стало быть, имею понятие о том, что такое ваши отчаянные хайлендеры.

– Тот клан, – продолжал лорд Ментейт, – с которым дядя Мак-Олеев состоял во вражде, был просто шайкой разбойников, которая, по своей бездомности и вечному шатанию по горам и долинам, была прозвана Сыновьями Тумана. Это все народ отважный, крепкий и свирепый, одушевленный всеми мстительными инстинктами, какие бывают свойственны людям, никогда не ведавшим никакого удержу и не тронутым цивилизацией. Отряд таких людей устроил засаду в том самом лесу, который предоставлен был в пользование дяди Мак-Олеев; его подстерегли в то время, как он охотился один, без прислуги, и убили с утонченной жестокостью. Отрубив ему голову, они решили, из удальства, показать ее в замке его зятя. Самого лэрда не было дома, и хозяйка поневоле приняла гостей, перед которыми, может быть, просто побоялась не отворить ворота. Сыновьям Тумана подали угощение, а они воспользовались удобной ми-

нутой и, вынув из плеча принесенную голову жертвы, поставили ее на стол и воткнули ей в зубы кусок хлеба, приглашая теперь поест с того самого стола, за которым столько раз она пиновала. Хозяйка, отлучавшаяся по хозяйственным делам, в эту минуту воротилась в зал и, увидев голову своего брата, бросилась вон. Как стрела помчалась она в лес, испуская дикие вопли. Злодеи, удовлетворенные таким жестоким успехом, ушли. Растерявшаяся прислуга насилу опомнилась от внезапности всего происшедшего и в ужасе бросилась во все стороны искать свою госпожу, но ее нигде не нашли. На другой день воротился несчастный муж и с помощью всех своих людей предпринял более подробный обыск ближних и дальних окрестностей, но и на этот раз без всякого успеха. Общее мнение остановилось на том, что в припадке панического ужаса она или бросилась с одного из крутых утесов, окаймляющих реку, или утонула в глубоком озере, за милю от замка. Гибель ее была тем более горестна, что леди Мак-Олей была беременна и уже на седьмом месяце; старшему ее сыну, Ангусу, было в ту пору года полтора... Однако я вас утомляю, капитан Дальгетти, и вам, кажется, хочется спать?

– Нисколько, – отвечал воин, – мне даже не дремлет, но я лучше слышу с закрытыми глазами. Я этому научился стоя, бывало, на часах.

– И воображаю, – шепнул лорд Ментейт Эндерсону, – как сержант, обходивший караул, частенько будил его алебардой.

Однако молодому графу, очевидно, припала охота рассказывать, и он продолжал свою историю, обращаясь преимущественно к своим слугам и не глядя на дремавшего ветерана.

– После этого, – сказал он, – все окрестные бароны поклялись отомстить за такое злодейство. Они взялись за оружие и вместе с зятем и со всеми родственниками убитого стали охотиться за Сыновьями Тумана и травить их, кажется, так же безжалостно, как они сами поступали с другими. Трофеями кровавой расправы оказались семнадцать голов, которые союзники разобрали между собой и, выставляя их над воротами своих замков, кормили ими ворон. Оставшиеся в живых Сыновья Тумана ушли в глубь страны, в отдаленные и пустынные места, где и заняли позицию.

– Направо кругом, марш! На прежнюю позицию! – молвил вдруг капитан Дальгетти; очевидно, он услышал спросонья знакомое слово, и оно вызвало в его уме привычную команду.

Но едва он проговорил ее, как очнулся и стал уверять, что все слышал, ни словечка не проронил из рассказа.

– В летнее время, – продолжал лорд Ментейт, не слушая его извинений, – здесь в обычае отсылать коров на горные пастбища, где трава лучше; и каждое утро, каждый вечер крестьянки из деревни и служанки с господского двора отправляются туда доить. Занимаясь этим делом, женщины из здешнего замка, к великому своему ужасу, заметили, что из-

дали за ними наблюдает какая-то бледная, худая фигура, по облику сходная с их покойной госпожой; следовательно – ее призрак. Когда те из служанок, что были посмелее, отважились приблизиться к этой тени, она испустила дикий крик и скрылась в лесу. Мужу рассказали об этом, и он, взяв с собой людей, пошел вверх по лощине, принял меры к преграждению оттуда выхода и распорядился так удачно, что несчастную беглянку нашли и задержали, но она оказалась совсем помешанной. Как она существовала во время своих странствий – осталось невыясненным. Думали, что она питалась кореньями и лесными ягодами, которых в это время года бывает очень много; но большинство простого народа было того мнения, что она питалась молоком диких ланей, или ее кормили волшебницы, или вообще с ней случилось что-нибудь сверхъестественное. Напротив, появление ее среди людей объяснялось довольно просто: вероятно, прячась в кустах, она видела, как доили коров, а так как наблюдение за молочным хозяйством всегда было ее любимым домашним делом, привычка взяла свое и, даже при расстроенном состоянии ума, она заинтересовалась этим.

Когда пришло время, несчастная леди произвела на свет мальчика, и младенец не только не пострадал, по-видимому, от бедственного состояния своей матери, но, напротив, казался необычайно здоровым и крепким ребенком. Бедная мать его после родов пришла в себя, по крайней мере стала значительно спокойнее и разумнее, но ни здоровье, ни ду-

шевная бодрость не возвратились к ней. Аллен был ее единственной отрадой, она не расставалась с ним, лелеяла его каждую минуту; и нет сомнения, что она в раннем детстве успела внушить ему многие из тех суеверий и предрассудков, к которым его восторженный и унылый нрав и без того был очень склонен. Ему было лет десять, когда она умерла. Что она ему говорила перед смертью, никто не знает, — они были тогда наедине, — но, вероятно, она завещала ему отомстить Сыновьям Тумана: с тех пор он очень пристально этим занимался.

После кончины матери Аллен Мак-Олей стал совсем другим мальчиком. До тех пор он был при ней неотлучно, выслушивал ее рассказы о сновидениях, рассказывал ей свои собственные и таким образом питал свое воображение (и без того, вероятно, расстроенное особыми обстоятельствами, которые предшествовали его рождению) всеми дикими и страшными горными суевериями, которыми его бедная мать была одержима со времени трагической смерти своего брата. От такой жизни мальчик стал робок, нелюдим, имел постоянно какой-то дикий, встревоженный вид, любил уединение, прятался по трещинам в лесу и ничего так не боялся, как общества детей одинакового с ним возраста. Помню (я, впрочем, на несколько лет моложе его), как однажды отец привез меня сюда в гости. До сих пор не могу забыть, как этот маленький отшельник чуждался меня и ни за что не хотел принять участие в играх, свойственных нашему тогдашнему

возрасту. Помню, как его отец жаловался моему на нелюдимый нрав своего сына и в то же время говорил, что не находит возможным разлучать его с матерью, потому что для его бедной жены этот ребенок не только служит единственной отрадой в жизни, но присутствие его предупреждает, по видимому, возвращение тех припадков безумия, которые на нее находили прежде, а теперь стали реже и слабее. Но со смертью матери в мальчике произошла коренная перемена. Правда, он все еще был серьезен и задумчив, и по временам на него находили такие полосы рассеянности и безмолвия, которые ясно показывали, что в этом отношении все в нем остается по-прежнему. Но в другое время он сам начал искать общества молодежи своего клана, которого до тех пор положительно чуждался. Он стал принимать деятельное участие в их забавах и упражнениях, и так как был от природы одарен необычайной силой, то вскоре перещеголял как старшего брата, так и других мальчиков значительно старше себя. До тех пор к нему относились с пренебрежением, а тут начали его побаиваться, хоть и не любили. Прежде говорили, что Аллен слабоумный мечтатель, кисляй, а теперь, когда случалось с ним бороться или играть в войну, товарищи жаловались, что он склонен слишком серьезно относиться к игре и часто забывает, что затеянная драка есть только приятельская забава, а не настоящая ссора...

Однако я обращаюсь к невнимательным ушам, – сказал лорд Ментейт, прерывая свое повествование, так как мощ-

ный храп капитана служил неоспоримым доказательством того, что он находится в объятиях Морфея.

– Если вы разумеете уши этой хрюкающей свиньи, милорд, – сказал Эндерсон, – то они действительно перестали что-либо слышать; но так как здесь нельзя найти места для более интимных совещаний, я надеюсь, что вы продолжите свой рассказ в пользу нас с Сиббальдом. История этого бедного юноши возбуждает во мне глубокий интерес.

– Итак, – продолжал лорд Ментейт, – Аллен изощрял свою силу и ловкость до четырнадцатилетнего возраста. Около этого времени он стал проявлять самостоятельную волю, независимый нрав и так нетерпеливо относился к малейшему стеснению, что отец его был этим серьезно огорчен и встревожен. Под предлогом охоты он пропадал в лесах по целым дням и ночам, но далеко не всегда возвращался с дичью. Отец его тем более беспокоился, что некоторые из Сыновей Тумана, пользуясь возрастающим брожением в стране, возвратились в свои прежние логовища, а он между тем не считал за нужное возобновлять против них гонения. Но, зная, как они злопамятны и мстительны, он тем более трепетал за Аллена, который легко мог попасться им в руки.

Я сам был в гостях в этом замке, когда разрешились на этот счет все сомнения. Аллен с рассветом ушел в лес, где я тщетно старался его разыскать; настал вечер, ненастный и бурный, а его все не было. Отец его был в мучительной тревоге и собирался наутро послать отряд искать Аллена.

Мы сидели за ужином, как вдруг дверь растворилась и Аллен вошел твердой походкой, с гордым и спокойным видом. Зная его неукротимый нрав и боясь припадков умопомешательства, отец не решился выказать своего недовольствия и ограничился замечанием, что и я ходил на охоту и застрелил жирного оленя, а воротился домой засветло, тогда как Аллен до полуночи пробыл в горах и пришел с пустыми руками. «Полно, так ли? – молвил Аллен свирепо. – У меня есть кое-что, и сейчас вы заговорите иначе».

Только тут мы заметили, что руки у него в крови и на лице брызги крови. С нетерпением ждали мы, что будет. Вдруг он отвернул угол своего пледа и выкатил на стол человеческую голову, только что отсеченную, окровавленную, приговаривая: «Ложись на то место, где прежде лежала голова лучше тебя!» В исхудалом лице, рыжей бороде и волосах с проседью отец Аллена и другие узнали голову Гектора, одного из Сыновей Тумана, известного предводителя разбойников, которого все боялись за необычайную его силу и свирепость; он принимал деятельное участие в убийстве лесничего, дяди Аллена, и спасся тогда посредством отчаянной храбрости и проворства, тогда как столько его товарищей было перебито. Можно себе представить наше изумление; но на все наши расспросы Аллен ничего не отвечал, и мы должны были довольствоваться догадками. Однако ясно было, что он сладил с разбойником лишь после ужасной борьбы, потому что у него самого оказалось несколько ран.

После этого отец, конечно, озаботился уберечь его от мщения со стороны разбойников; но ни полученные раны, ни запрещение отца, ни запираание ворот замка и дверей его комнаты не в силах были помешать Аллену отправляться на поиски тех самых людей, которым он был особенно ненавистен. Он убегал по ночам через окно и, в насмешку над тщетными предосторожностями отца, принес один раз еще голову, а в другой раз – две головы Сыновей Тумана. Наконец и эти люди, как ни были они жестоки и отважны, устрашились той упорной ненависти и отчаянной храбрости, с какими Аллен всюду их выслеживал и находил. Так как он никогда ни перед чем не останавливался и препятствий не признавал, они заключили, что жизнь его заколдована или же он находится под особым покровительством сверхъестественной силы. Они говорили, что и ружье, и кинжал, и дурлах¹⁵ бессильны против него. Это приписывали, конечно, тем исключительным обстоятельствам, при которых он был рожден. Кончилось тем, что целая шайка отчаянных хайлендеров, человек пять или шесть, в ужасе разбежалась от одного крика Аллена или звука его рога.

Тем временем, однако, Сыновья Тумана продолжали заниматься прежним ремеслом и наносили посильный вред и убытки как самим Мак-Олеям, так и их родным и сторонникам. Это вызвало новую против них экспедицию, в которой и я участвовал; мы расправились с ними довольно успеш-

¹⁵ Дурлах – колчан; буквально – мешок (со стрелами). – *Примеч. авт.*

но, обложив единовременно и верхние и нижние ущелья занимаемой ими местности. Как обыкновенно делается в таких случаях, действовали мы беспощадно: жгли и убивали без разбора. Когда война принимает такой ужасный оборот, часто погибают даже женщины и дети. Спаслась одна только маленькая девочка, да и то по настоятельной моей просьбе: Аллен бросился к ней с обнаженным кинжалом, а она ему улыбнулась. Мы привезли ее в замок, и она здесь выросла под именем Анны Лейл: это самая прелестная маленькая фея, какая когда-либо плясала на мураве при лунном свете. Аллен долго не мог переносить ее присутствия, пока ее необыкновенная наружность не навела его на мысль, что она не состоит в кровном родстве с ненавистным ему племенем, а попала к ним нечаянно, во время их грабительских набегов. Это, пожалуй, возможно, но он-то верит в это как в Священное Писание. Его особенно восхищает ее способность к музыке: и точно, никто в этой стороне лучше ее не играет на клэршахе, то есть на арфе. Замечено, что ее музыка производит благотворное впечатление на Аллена в самые мрачные минуты его припадков, наподобие того, как в древности Давид успокаивал Саула. Но нрав у Анны Лейл такой приятный, ее невинность и веселость так восхитительны, что в замке с ней обращаются скорее как с сестрой хозяина, нежели как с бедной воспитанницей, которую держат из милости. И в самом деле, невозможно ею не заинтересоваться, когда видишь такую искренность и живость, столько грации и кро-

тости...

– Осторожнее, милорд, – сказал Эндерсон с улыбкой, – такие восторженные похвалы могут быть опасны. Этот Аллен Мак-Олей, как вы его описываете, будет нешуточным соперником.

– Вот еще! – сказал лорд Ментейт, рассмеявшись, но краснея в то же время. – Аллен недоступен нежной страсти, а что до меня, – прибавил он серьезно, – неизвестное происхождение Анны мешает мне питать относительно ее серьезные намерения, а ее беззащитность исключает возможность всего другого.

– Речь, вполне достойная вашего благородства, милорд, – сказал Эндерсон. – Но надеюсь, что вы доскажете нам интересную историю?

– Она почти кончена, – молвил лорд Ментейт, – остается прибавить, что всем известная сила и отвага Аллена Мак-Олея, его энергический и неукротимый нрав, а также общераспространенное мнение, поддержанное им самим, будто он общается со сверхъестественными существами и может предсказывать будущее, – все это доставляет ему большую власть и влияние над кланом, люди почитают его гораздо больше, чем его старшего брата, который тоже храбрый и молодцеватый хайлендер, но ни в каком отношении не может тягаться со странными и исключительными качествами младшего.

– Да, такой человек, – сказал Эндерсон, – неминуемо дол-

жен производить глубокое впечатление на умы хайлендеров. Во всяком случае, милорд, нам необходимо заручиться содействием Аллена. С одной стороны, такая храбрость, с другой – дар ясновидения...

– Тсс... – прошептал лорд Ментейт. – Филин просыпается.

– Вы говорите о ясновидении, сиречь о дейтороскопии? – сказал капитан. – Помню я, блаженной памяти майор Монро рассказывал мне, как Мурдох Мак-Кензи, уроженец Ассента, волонтер в его роте и хороший солдат, предсказал смерть Дональда Тау, из Лохбера, и некоторых других лиц, а также рану самого майора, полученную во время внезапного нападения при осаде Тральзунда.

– Я часто слышал об этой способности, – заметил Эндерсон, – но всегда думал, что одержимые ею или иступленные фантазеры, или просто обманщики...

– Нет, я бы затруднился причислить к тем или другим моего кузена Аллена Мак-Олея, – сказал лорд Ментейт, – он во многих случаях проявлял большую проницательность и здравомыслие, в чем и вы сегодня могли убедиться, так что иступленным фантазером его нельзя назвать; а его мужественный характер и возвышенные понятия о чести показывают, что он не способен на обман.

– Следовательно, ваше сиятельство вполне верите в его чудесную способность? – спросил Эндерсон.

– Я в ней не вижу ничего сверхъестественного, – возразил

Ментейт, – полагаю, что он сам воображает, будто его предсказания суть сверхъестественные внушения каких-то неизвестных сил, тогда как это просто выводы разумной сообразительности; все фанатики считают плоды своего воображения вдохновениями свыше... Не знаю, Эндерсон, удовлетворит ли тебя сколько-нибудь мое объяснение, но я ничего другого не могу придумать. А нам давно пора спать после такого длинного и утомительного путешествия.

Глава VI

*Тень грядущих событий предшествует им.
Кэмбел^[83]*

Ранним утром следующего дня все гостившие в замке вскочили с постелей. Лорд Ментейт, поговорив с минуту отдельно со своими слугами, обратился к капитану, который, сидя в углу, чистил свои доспехи трепелом и замшей, мурлыча себе под нос старую военную песню, сложенную в честь победоносного Густава Адольфа:

Когда пушки загрохочут, будут ядра пролетать,
Кому честь своя дороже, тот не бойся умирать...

– Капитан Дальгетти, – сказал лорд Ментейт, – пришло время решить, расстаться нам с вами или стать товарищами по службе.

– Сперва, надеюсь, позавтракаем? – сказал капитан Дальгетти.

– Да я думал, что ваш гарнизон уже на три дня снабжен провиантом, – возразил граф Ментейт.

– Для мяса и овсяных лепешек еще есть место, – отвечал капитан, – а я никогда не пропускаю случая пополнить свои запасы.

– Но, – сказал лорд Ментейт, – ни один разумный полко-

водец не потерпит в своем лагере нейтральных флагов больше, чем того требует осторожность; поэтому и нам необходимо скорее узнать точное ваше мнение, чтобы сообразно этому дать вам пропуск для безопасного отсюда выезда или официально приветствовать в вас нового товарища.

– Это справедливо, – сказал капитан, – а потому не буду оттягивать капитуляцию посредством ложных переговоров, как то отлично проделал сэр Джемс Рамсей при осаде Ганнау в лето от Рождества Христова тысяча шестьсот тридцать шестое; откровенно говоря, если ваше жалованье окажется мне так же по вкусу, как провиант и ваша компания, то я готов хоть сейчас присягнуть вашему знамени.

– Жалованье, – сказал лорд Ментейт, – мы теперь можем назначить очень небольшое, потому что оно должно выплачиваться из того общего фонда, который мы собрали между собой с тех, кто мог что-нибудь дать. В звании майора и адъютанта я не в состоянии предложить капитану Дальгетти более полталера в сутки.

– Черт бы побрал все эти половинки да четверти! – сказал капитан. – Кабы меня спросили, я бы так же не согласился на раздел пополам этого талера, как женщина на суде Соломона не соглашалась разрубить собственное детище.

– С той разницей, капитан, что вы все-таки охотнее согласились бы взять полталера, чем уступить его целиком другому... Впрочем, в дополнение я могу вам обещать другую половину по окончании кампании.

– Уж эти мне дополнения, – молвил капитан Дальгетти, – вечно их обещают и никогда ничего из этого не выходит! Что Испания, что Австрия, Швеция – все одну песенку поют. Ох, вот уж дай бог здоровья голландцам: хоть они и свиньи, и в военную службу никуда не годятся, а платят хорошо. А все-таки, милорд, будь я только уверен, что моя родовая вотчина Драмсуокит досталась в руки какого-нибудь негодяя ковенантера и что его, в случае вашего успеха, можно будет признать изменником и, следовательно, отобрать у него имущество, я так высоко ценю прелесть этого плодородного местечка, что, пожалуй, из-за этого пошел бы воевать заодно с вами.

– Я, кажется, могу разрешить недоумение капитана Дальгетти, – сказал Сиббальд, второй слуга Ментейта, – если его родовая вотчина Драмсуокит есть то самое длинное болото этого имени, лежащее миль на пять к югу от Абердина, то я знаю, что его недавно купил Элиас Стракан, отъявленный мятежник и ковенантер.

– Вишь, корноухий пес! – воскликнул в ярости капитан. – С чего он вздумал покупать наследственное имение, принадлежавшее нашей фамилии в течение четырехсот лет? *Synthius aurem vellet*¹⁶, как говорилось у нас в маршальской коллегии, то есть это значит, что я его за уши вытащу из дома моего отца. Ну, милорд Ментейт, теперь я ваш, рука моя, меч, тело и душа – ваши, пока не разлучит нас смерть или

¹⁶ Кинфий дернет за ухо (*лат.*).

до конца предстоящей кампании, судя по тому, что прежде произойдет.

– А я, – сказал молодой граф, – скрепляю наш договор выдачей месячного жалованья вперед.

– Этого более чем достаточно, – сказал Дальгетти, пряча деньги в карман. – А теперь я сойду вниз, надо посмотреть, в порядке ли мое боевое седло, справиться всю амуницию, задать Густаву корм да сообщить ему, что мы опять поступили на службу.

– Вот каков наш любезный новобранец, – сказал Ментейт Эндерсону, когда капитан вышел из комнаты, – боюсь я, как бы он нас не осрамил.

– По нашему времени он человек довольно обыкновенный, – сказал Эндерсон, – без таких молодцов нам вряд ли удастся провести наше предприятие до конца.

– Сойдем же и мы вниз, – сказал лорд Ментейт, – посмотрим, каково идет наш сбор; мне кажется, в замке начинают пошевеливаться.

Войдя в зал, куда за ним последовали на почтительном расстоянии оба слуги, лорд Ментейт поздоровался с Ангусом Мак-Олеем и с его английскими гостями, между тем как Аллен, сидевший на вчерашнем месте у огня, ни на кого не обращал ни малейшего внимания.

Старый Дональд поспешно ворвался в зал, говоря:

– Посланный от Вих-Алистера Мора¹⁷; к вечеру он будет

¹⁷ Родовое имя Мак-Дональдов из Гленгарри. – *Примеч. авт.*

здесь!

– А много ли с ним народу? – спросил Мак-Олей.

– От двадцати пяти до тридцати человек, – отвечал Дональд, – обычная его свита.

– Навали побольше соломы в большом сарае, – сказал лэрд.

Вбежал другой служитель и доложил о приближении сэра Гектора Мак-Лина с многочисленной свитой.

– Отведи им помещение в сушильне, – сказал Мак-Олей, – да смотри, чтобы они не встречались с Мак-Дональдами, – они друг друга недолюбливают.

Дональд в эту минуту снова появился с вытянутым лицом.

– Точно сбесился народ, – сказал он, – должно быть, все хайлендеры поднялись сразу. Вон, говорят, через час сюда прибудет Ивен Ду из Лох-Ила, и с ним один бог ведает сколько молодцов.

– Этих тоже в большой сарай с Мак-Дональдами! – приказал хозяин.

После этого беспрестанно докладывали о прибытии того или другого вождя, из которых и беднейший посовестился бы выйти из дому, не имея при себе, по крайней мере, шести или семи человек прислуги. При каждом новом докладе Ангус Мак-Олей приказывал отводить им помещения, то конюшни или сеновал, то скотный двор или амбары, словом, все до одной службы и хозяйственные строения распределялись для ночлега новоприбывшим гостям. Наконец, когда

все места были заняты, пришел еще Мак-Дугал из Лорна, и хозяин оказался в большом затруднении.

– Что мы будем делать, Дональд? – сказал он. – В большом сарае, пожалуй, уместилось бы еще человек пятьдесят, если уложить их там потеснее; но тогда они передерутся из-за мест, могут взяться за ножи, и наутро мы увидим вместо людей одну мясную окрошку.

– Из-за чего вы хлопчете? – сказал Аллен, вскочив с места и подходя с обычной своей суровой резкостью. – Разве у нынешних шотландцев тела нежнее и кровь благороднее, чем у их отцов? Вышиби дно у бочки с асквибо^[84] – вот тебе и кровать! Вместо одеяла покроются пледами, вместо подушки – охалка вереска, вместо полога – чистое небо... Чего им больше? Хоть еще тысяча человек придет – и то не станут жаловаться на тесноту: на широких лугах простора довольно!

– Аллен совершенно прав! – сказал его старший брат. – Вот странность, – продолжал он, обращаясь к Месгрейву, – ведь Аллен, между нами сказать, немного помешан, а иногда он оказывается умнее нас всех. Посмотрите на него теперь.

– Да, – продолжал Аллен, впериw мрачный взор в противоположную стену зала, – пусть начинают с того же, чем кончат... много их будет ночевать там... на вересковых полях... и когда подуют осенние ветры, они будут лежать неподвижно... и не почувствуют ни стужи, ни жесткого ложа.

– Зачем ты заранее возвещаешь такие вещи, брат? – ска-

зал Ангус. – Это может принести несчастье!

– А ты какого же счастья ждешь? – сказал Аллен, и вдруг глаза его напряженно расширились, как будто хотели выскокить из орбит, по всему телу пробежала судорожная дрожь, и он упал на руки Дональда и брата, которые знали свойства его припадков и поспешили поддержать его. Они усадили его на скамью и поддерживали до тех пор, пока он не очнулся и был в состоянии говорить.

– Ради бога, Аллен! – сказал ему брат, знавший, какое ужасное впечатление могут произвести его таинственные речи на многих гостей. – Не говори ничего такого, что может обескуражить нас.

– Разве я вас обескураживаю? – сказал Аллен. – Пусть каждый идет навстречу своей судьбе, как и я пойду. Чему быть, того не миновать... И еще много будет славных битв, и мы победоносно пройдем много полей, пока достигнем рокового места... или черной плахи.

– Какого места? Какой плахи? – воскликнули несколько голосов, потому что в горных округах Аллена считали действительно за ясновидящего.

– Сами узнаете, и слишком скоро узнаете! – ответил Аллен. – Не говорите со мной. Ваши вопросы утомляют меня.

Он прижал руку ко лбу, оперся локтем о свое колено и погрузился в глубокое раздумье.

– Пошли за Анной Лейл и ее арфой, – шепнул Ангус своему слуге. – Джентльмены, покорно прошу следовать за мной,

кто не боится нашего хайлендерского завтрака.

Все пошли за гостеприимным хозяином, за исключением лорда Ментейта, который остался в глубокой амбразуре одного из окон зала.

Вскоре появилась Анна Лейл, и, увидев ее, нельзя было не согласиться с точностью описания лорда Ментейта, говорившего, что она – прелестнейшая маленькая фея, когда-либо плясавшая на мураве при лунном свете. Она была значительно ниже обыкновенного женского роста, и это придавало ей такую моложавость, что можно было принять ее за тринадцатилетнюю девочку, хотя ей было почти восемнадцать лет. Но ее лицо, ручки, ножки были так изящны и так гармонировали с ее легкой фигурой, что сама Титания^[85] не могла бы найти себе более достойного олицетворения. Ее белокурые волосы густыми локонами рассыпались вокруг головы, и их золотисто-пепельный оттенок шел как нельзя более к белизне ее кожи и простодушному, радостному выражению ее лица. Если к этим привлекательным чертам мы прибавим, что эта сиротка была самым веселым и счастливым существом в мире, то читатель не удивится тому, что всякий, видевший ее, проникался к ней сочувствием. И точно, она решительно была всеобщей любимицей и, когда находилась среди грубых обитателей замка, производила, по поэтическому выражению самого Аллена, впечатление «солнечного луча, озарившего угрюмое море», – так невольно передавалось окружающим ее радостное и ясное настроение.

Войдя в комнату и увидев лорда Ментейта, Анна улыбнулась и покраснела, а он подошел к ней и ласково пожелал ей доброго утра.

– Доброго утра и вам, милорд, – отвечала она, протягивая ему руку, – не часто мы вас нынче видим в замке, да и теперь, боюсь, приехали вы не с мирной целью.

– Во всяком случае, я не с тем приехал, чтобы нарушать вашу гармонию, Анна, – сказал лорд Ментейт, – хотя в другом месте мое появление и может внести раздор. Мой кузен Аллен теперь нуждается в вашей помощи: утешьте его своей музыкой и звуками вашего голоса.

– Мой избавитель, – сказала Анна Лейл, – имеет все права на мои слабые таланты... Но и вы также, милорд, ведь и вы мой спаситель, и вам я даже больше обязана за спасение жизни, которая сама по себе ничего бы не стоила, если бы я не могла иногда пригодиться моим покровителям.

С этими словами она села на другой конец той скамьи, на которую посадили Аллена Мак-Олея, и, настроив свой клэршах, то есть маленькую арфу около тридцати дюймов вышиной, начала петь, аккомпанируя себе на этом инструменте. Пела она старинную гэльскую мелодию, да и слова были на гэльском наречии и притом очень древнего происхождения; но мы прилагаем перевод их, сделанный Макферсоном-младшим^[86], эсквайром, из Гленфоргена, и, хотя перевод облечен в английские стихи, надеемся, что он окажется не менее точным, нежели знаменитый перевод Оссиана, сде-

1

Птицы зловещие, гады ползучие,
Филины, совы и мыши летучие,
Дайте больному теперь отдохнуть:
Целую ночь не давали уснуть...
Сгиньте же, скройтесь в развалину мшистую,
В плющ вековой или в чащу тернистую,
Там притаитесь, прошел ваш черед:
Утренний жавронок в поле поет!

2

Прочь, уходите в берлоги кровавые,
Хищные волки, лисицы лукавые,
И, уходя, не глядите назад,
Если овца заблеет на ягнят;
Ниже хвосты опустите пушистые,
Быстро минуйте тропинки росистые,
Ночь на исходе, алеет восток,
Чу!.. раздается охотничий рог.

3

Тонкого месяца призрак бледнеющий
Тонет в сиянье зари пламенеющей;
Сила бесовская, сгинь, исчезай,
Странников в поле с пути не сбивай!
Ты погаси свое пламя зеленое,
Не заводи их в болото бездонное,
Кончилась власть твоя, сумрак пропал,
Утренний луч на горе заиграл.

4

Думы унылые, грешные, темные,
Душу окутали, в сон погруженную,
Тяжкие грезы, рассейтесь как дым:
Солнце вас гонит лучом золотым.
Ведьма – тоска, безобразная, злющая,
Души людские порою гнетущая,
Сгинь, пропади, сатанинская тень!
Светел проснулся сияющий день.

По мере того как песня подвигалась вперед, Аллен Мак-Олей постепенно приходил в себя и начал сознавать окружа-

ющее. Глубокие морщины, бороздившие его лоб, понемногу разгладились, и остальные черты лица, искаженные внутренней мукой, приняли более спокойное выражение. Когда он поднял голову и сел прямо, его физиономия, продолжая быть очень печальной, утратила, однако, всю свою дикость и злобу; нельзя было назвать его красивым, но в такие тихие минуты его наружность была мужественна, оригинальна и не лишена благородства. Густые черные брови, до сих пор как бы сросшиеся, слегка раздвинулись, а серые глаза, сверкавшие из-под них таким диким и зловещим блеском, смотрели теперь твердо и решительно.

– Слава богу, – проговорил он, подождав с минуту после того, как замерли последние звуки арфы, – моя душа прояснилась... туман рассеялся!

– Кузен Аллен, – сказал лорд Ментейт, подходя к нему, – ты должен благодарить не только Бога, но и Анну Лейл за такую счастливую перемену твоего душевного состояния.

– Благородный мой кузен Ментейт, – сказал Аллен, вставая и приветствуя его почтительно и ласково, – так давно знает о моих несчастных обстоятельствах, что, вероятно, по доброте своей простит, что я только теперь скажу ему: добро пожаловать к нам в замок.

– Мы с тобой такие старые знакомые, Аллен, – сказал лорд Ментейт, – и такие притом близкие друзья, что всякие церемонии между нами излишни. Но здесь сегодня собирается чуть не половина всех горных кланов, а с их вождями,

как тебе известно, необходимо соблюдать всевозможные церемонии. Чем же мы наградим нашу малютку Анну за то, что она привела тебя в порядок к приезду Ивена Ду и бог весть скольких еще шапок с перьями?

– Чем он меня наградит? – сказала Анна, улыбаясь. – Да уж не меньше как новой лентой с ярмарки в Дауне.

– С ярмарки в Дауне, Анна? – повторил Аллен печально. – До тех пор прольется немало крови, и, может быть, я не доживу до этой ярмарки; но хорошо, что ты мне напомнила о том, что я давно собирался сделать.

Сказав это, он вышел из зала.

– Если он долго будет говорить в этом тоне, – сказал лорд Ментейт, – тебе придется постоянно держать твою арфу наготове, милая Анна.

– Авось она больше не понадобится! – сказала Анна тревожно. – Этот припадок что-то долго тянулся и теперь должен не скоро возобновиться. Как ужасно видеть человека великодушного и от природы любящего, сраженного такой жестокой болезнью!

Она говорила так тихо и осторожно, что лорд Ментейт подошел к ней и даже наклонился довольно низко, чтобы лучше расслышать ее слова. Аллен вошел так внезапно, что они невольно отшатнулись друг от друга с виноватым видом, будто хотели скрыть от него предмет своего разговора.

Это не укрылось от наблюдения Аллена: он остановился в дверях, и вдруг лицо его исказилось судорогой, жилы на лбу

вздулись, глаза выкатились... Но припадок был минутный. Он провел широкой мускулистой рукой по лбу и по глазам, как бы желая стереть с них признаки волнения, и подошел к Анне, неся в руке маленькую шкатулку из дубового дерева с инкрустациями.

– Кузен Ментейт, – сказал он, – будьте свидетелем, что я отдаю этот ларчик со всем, что в нем есть, Анне Лейл. Он содержит несколько украшений, принадлежавших моей покойной матери... Вещи недорогие, как можете себе представить, потому что у жены бедного горного лэрда какие же могут быть драгоценности?

– Однако эти украшения все-таки фамильные, – сказала Анна Лейл, кротко и робко отстраняя ларчик, – не могу же я принять...

– Нет, это моя личная собственность, Анна, – прервал ее Аллен. – Моя мать, умирая, завещала их мне. Зато помимо этого у меня ничего на свете нет, кроме моего пледа да клеймора. Возьми эти вещицы... ведь мне они совсем не нужны... и храни их на память обо мне... если я не вернусь после этой войны.

Говоря это, он открыл ларчик и подал его Анне, добавив:

– Если тут есть что-нибудь ценное, продай их и трать на свое содержание, когда неприятель сожжет этот дом и тебе некуда будет преклонить голову. Но одно кольцо все-таки сохрани на память об Аллене, который за твою доброту и услуги хоть и не мог сделать для тебя всего, что желал, но сделал

хоть то, что мог.

Анна Лейл, тщетно стараясь удержаться от слез, сказала:

– Одно кольцо я и возьму от вас, Аллен, в воспоминание о вашей доброте к бедной сиротке, но не заставляйте меня брать остального. Я не могу и не хочу принять такого дорогого подарка.

– Так выбери сама, – сказал Аллен, – быть может, ты и права, что так деликатничаешь. Мое дело обратить остальное в такую форму, которая для тебя будет полезнее.

– Не думайте об этом, – сказала Анна, выбирая из ящика кольцо, показавшееся ей наименее ценным из всех, – берегите это для своей невесты или для невесты вашего брата... Но, Боже милостивый! – воскликнула она, взглянув на вынутое ею кольцо. – Что же это я выбрала?

Аллен поспешно наклонился посмотреть на кольцо, и лицо его выразило мрачное опасение: на перстне было эмалевое изображение черепа со скрещенными под ним двумя кинжалами. Увидев эту эмблему, Аллен испустил такой глубокий вздох, что у Анны рука дрогнула и выронила кольцо, которое покатилося по полу.

Лорд Ментейт поднял его и подал перепуганной Анне.

– Призываю Бога в свидетели, – сказал Аллен торжественно, – что *ваша* рука, милорд, а не моя подала ей снова этот зловещий дар. Это траурное кольцо моя мать носила в память своего убитого брата.

– Я не боюсь предвещаний, – сказала Анна, улыбаясь

сквозь слезы, – и верю, что ничто исходящее из рук обоих моих покровителей не может принести несчастье бедной сиротке.

Она надела кольцо на палец и, взяв арфу, запела на игривый мотив следующую песенку, бывшую в то время в большой моде и неизвестно какими судьбами пробравшуюся в дикие пустыни Пертшира, прямо с какого-нибудь костюмированного бала при дворе Карла Первого:

Напрасно ты на звезды взор вперил,
Мудрец! Не там ищи своей судьбины:
Ответ найдешь в среде других светил,
Таится он в очах моей Мальвины.

Но берегись их долго созерцать!
Познав из них веления природы,
Рискуешь ты свой разум потерять,
А с ним навек лишиться и свободы!

– Она права, Аллен, – сказал лорд Ментейт, – конец этой песни справедливо указывает на то, чем кончаются наши попытки прозревать будущее.

– Она ошибается, милорд, – сказал Аллен сурово. – Хотя вы, так легко относящийся к моим предсказаниям, быть может, и не доживете до их осуществления... Не смейтесь так презрительно, – продолжал он, сам себя прерывая, – а впрочем, смейтесь сколько угодно, все равно скоро перестанете

смеяться.

– Твои видения меня не устрашают, Аллен, – сказал Ментейт. – Как бы коротко ни довелось мне пожить, нет того ясновидящего хайлендера, который мог бы заранее знать мой конец...

– Ради бога, – прервала его Анна Лейл, – ведь вы знаете его натуру, он не терпит противоречий...

– Не опасайся меня, – сказал Аллен, прерывая ее, – теперь я спокоен и тих... Что до вас, милорд, – продолжал он, обращаясь к Ментейту, – мои глаза искали вас на полях битвы... там, где жители гор и жители равнин усеяли поле так же густо, как вон те грачи, что сели на деревья. – Тут он указал в окно на группу старых деревьев, покрытую стаями грачей. – Искал я среди них, но не нашел вашего трупа... Потом глаза мои искали вас в куче обезоруженных и связанных пленников... Их притащили к зубчатой стене древней и мрачной крепости... Ружья палят... залпы следуют один за другим... Пленники падают рядами, валятся, как осенние листья... Но среди них вас тоже нет... Дальше воздвигают эшафот... ставят плаху... пол посыпают опилками... готов и священник... он развернул книгу. Тут же и палач со своей секирой... Но и там мои глаза не находят вас...

– Стало быть, мне на роду написано быть повешенным? – сказал лорд Ментейт. – Жаль, лучше бы они не надевали мне петлю на шею, хотя бы из уважения к моему наследственному сану.

Он произнес эти слова довольно небрежно, но не без любопытства и, казалось, ждал, какой на это последует ответ, ибо жажда заглянуть в будущее часто разбирает и тех, кто отрицает веру в предсказания и не признает их возможности.

– Ваш сан, милорд, не подвергнется никакому позору, и вы умрете не постыдной смертью. Три раза видел я, как хайлендер ударял вас кинжалом в грудь... Такова и будет ваша судьба.

– Так опиши мне его наружность, – сказал лорд Ментейт, – тогда я избавлю его от труда исполнять твое пророчество, всадив в него пулю или шпагу, лишь бы плед его не оказался непроницаем.

– Ваше оружие ни к чему не послужит, – сказал Аллен, – а тех сведений, которые вы желаете получить, я не могу сообщить вам, потому что видение каждый раз отворачивало от меня лицо свое.

– Ну, так и быть, – сказал лорд Ментейт, – пусть это останется неизвестным. Однако я сегодня с большим удовольствием пообедаю, окруженный пледами, дирками и килтами.

– Может быть, – сказал Аллен. – Быть может, и то хорошо, что вы в состоянии будете наслаждаться этими минутами, которые для меня уже отравлены ожиданием грядущих бедствий... Но повторяю вам, что вот оружие, точно такое оружие, – прибавил он, дотрагиваясь до рукоятки своего кинжала, – будет причиной вашей гибели.

– А между тем, – сказал лорд Ментейт, – посмотри, Аллен,

как ты напугал Анну Лейл: ее щечки совсем побледнели!.. Оставим этот разговор, друг мой, и пойдем посмотреть на то, в чем мы с тобой оба знаем толк, а именно посмотрим, как идут наши боевые приготовления.

Они присоединились к Ангусу Мак-Олею и к английским гостям, и в завязавшихся тотчас военных рассуждениях Аллен обнаружил такую ясность ума, верность суждений и точность сведений, которые совсем не вязались с мистическим настроением, проявленным им еще так недавно.

Глава VII

*Разгневанный Альбин свой меч обнажит,
И вокруг него клан, словно улей, жуужжит;
А Ранальд бесстрашный и гордый Морей
Как раз подоспеют с дружиной своей...*

Кэмбел

В это утро замок Дарнлинварах представлял поистине оживленное и воинственное зрелище.

Каждый из вождей являлся во главе своей свиты, которая по численности являла не более как обычную его личную гвардию, непременно сопровождавшую хозяина во всех важных случаях жизни. Тотчас по прибытии вождь здоровался сначала с владельцем замка, потом с другими вождями, с которыми обходился или донельзя дружелюбно и ласково, или с надменной вежливостью, судя по тому, в какой степени дружбы или вражды состояли в последнее время их кланы. И всякий из вождей, как бы ни было ничтожно его относительное значение, требовал, чтобы остальные выказывали ему все знаки почтения, на какие имеет право самостоятельный и независимый князек. Между тем наиболее сильные и могущественные из них, чуждавшиеся друг друга вследствие недавних ссор или исконной распри, считали политическим тем с большей любезностью обращаться с наименее могуще-

ственными из своих собратий, дабы, в случае надобности, обеспечить себе в их лице благоприятелей и союзников. Таким образом, это сборище шотландских вождей имело большое сходство со старинными имперскими сеймами, где малейший какой-нибудь фрейграф, владения которого ограничивались каменным замком на голой скале да сотней десятин земли, таскал за собой целый штаб и свиту, требовал себе почетного места в среде имперских сановников и почестей, воздаваемых самостоятельному государю.

Прислуга этих вождей разместились порознь, насколько позволяли обстоятельства и размеры помещений, но при каждом из начальников оставался его собственный паж, следовавший за ним как тень и обязанный исполнять все, чего бы ни потребовал его властелин.

Вне замка происходила довольно своеобразная сцена. Хайлендеры, пришедшие с различных островов, из горных ущелий и долин, издали глазели друг на друга, кто с мыслью о соревновании, кто с живым любопытством, а кто и с явным недоброжелательством. Но самой удивительной особенностью этого сборища, по крайней мере с точки зрения южан, было состязание музыкантов на волынках. Эти воинственные менестрели, из которых каждый был глубоко убежден как в превосходстве своего племени, так и в чрезвычайной важности своей профессии, сначала исполняли свой пиброх^[88], становясь перед фронтом своего клана. Но потом, по примеру тетеревов, которые, по отзывам охотников,

к концу сезона собираются стаями, будучи привлекаемы победным кликом своих собратий, так же и эти музыканты, распустив свои пледы и тартаны на тот же победоносный фасон, как тетерева топорщат свои перья, начали понемногу подходить друг к другу поближе, чтобы доставить соперникам возможность послушать, как они искусны. Подходя таким образом один за другим, почти без перерыва и обдавая друг друга гордыми и вызывающими взглядами, они важничали и наигрывали каждый свою любимую мелодию, извлекая из своих крикливых инструментов такие пронзительные звуки, что, если бы за десять миль отсюда был похоронен какой-нибудь итальянский музыкант, он бы выскочил из могилы и убежал подальше.

Между тем в большом зале замка происходило совещание вождей. Среди них находились и самые значительные из горных начальников, привлеченные сюда кто усердием к интересам короля, а кто ненавистью к возрастающему влиянию маркиза Аргайла, который становился все могущественнее и начинал оказывать невыносимое давление на своих соседей хайлендеров. Этот государственный человек, одаренный большими способностями и облеченный обширными полномочиями, в то же время имел недостатки, возбуждавшие сильнейшее неудовольствие между вождями хайлендеров. Так, его благочестие носило характер мрачный и фантастический, его честолюбие казалось ненасытным, а многие из его подчиненных жаловались на его скупость и скарред-

ность. Необходимо прибавить, что, хотя он был настоящий горец и принадлежал к семейству, которое и до него, и после него было знаменито своей храбростью, носились слухи, что Джиллиспай Грумах¹⁸ был гораздо отважнее, сидя в своем кабинете, нежели на ратном поле. И он, и все его племя были особенно ненавистны Мак-Дональдам и Мак-Линам, двум многочисленным кланам, которые исстари враждовали между собой, но оба одинаково терпеть не могли Кэмпбелов, или, как их называли, Сынов Диармида.

Некоторое время собравшиеся вожди безмолвствовали, ожидая, чтобы кто-нибудь объяснил, зачем они собрались. Наконец один из самых могущественных открыл заседание, сказав:

– Мы созваны сюда, Мак-Олей, для совещания о важных делах, касающихся интересов короля и государства; просим сообщить нам, кто же возьмется изложить перед собранием обстоятельства дела?

Мак-Олей, не отличавшийся ораторским искусством, выразил желание, чтобы эту обязанность взял на себя лорд Ментейт.

Очень скромно, но с большим воодушевлением молодой лорд начал речь. Он сожалел, что не более его известный и опытный человек предложит то, что он имеет предложить.

¹⁸ Грумах означает «урод». Это прозвище он получил вследствие того, что глаза у него были косые, а у горцев каждый человек имеет свою кличку, и других титулов они не признают. – *Примеч. авт.*

Но раз ему досталась честь излагать собранию свое мнение, он скажет вождям: тот, кто желает сбросить с себя постыдное ярмо, которое фанатизм желает закрепить на их шеях, не должен терять ни минуты.

– Ковенантеры, – говорил он, – уже два раза бунтовали против своего государя; они вынудили от него все возможные льготы, какие только могли придумать; их начальники осыпаны почестями и милостями; потом, когда его величество изволил посетить свою родину и возвращался в Англию, они же торжественно возвестили, что «довольный король приехал от довольного народа»; и после всего этого, без малейшего повода к национальному неудовольствию, вследствие гнусных подозрений, одинаково позорящих особу короля и лишенных всякого основания, они посылают целую армию на помощь английским мятежникам, до которых Шотландии столь же мало дела, как и до военных событий в Германии. И хорошо еще, – продолжал лорд Ментейт, – что поспешность, с которой они выполнили эту изменническую проделку, помешала шайке, захватившей в свои руки управление Шотландией, рассмотреть опасность, которой они тем самым себя подвергли. Армия, посланная в Англию под начальством старого Ливена, состоит из старейших их солдат, из лучших сил того войска, что набиралось в Шотландии во время двух последних войн...

Тут капитан Дальгетти хотел встать и перечислить, сколько именно ветеранов, опытных офицеров, набравшихся опы-

та в германских войсках, находилось теперь в армии графа Ливена, как ему доподлинно было известно. Но Аллен Мак-Олей, одной рукой придержав его на месте, приложил палец другой руки к губам в знак молчания и хотя не без труда, однако принудил его не вмешиваться. Капитан Дальгетти посмотрел на него с презрительным негодованием, не произведшим на его соседа никакого впечатления, и лорд Ментейт беспрепятственно продолжал свою речь.

– Настоящая минута, – сказал он, – подает особенно удобный случай каждому шотландцу показать, что упрек, недавно сделанный отчизне, вызван своекорыстным честолюбием нескольких беспокойных интриганов, а также бессмысленным фанатизмом пасторов, с высоты пятисот церковных кафедр сеющих смуту по всей низине Шотландии.

Далее Ментейт говорил, что у него есть письма об этом предмете от маркиза Гентли и он может показать их каждому из присутствующих в отдельности. Этот вельможа, столь же преданный престолу, как и могущественный, обещал самым энергическим образом содействовать общему делу; в том же смысле высказался и могучий граф Сифорт. Такие же решительные обещания получены от графа Эрли, от семейства Огильви из Ангусшира; и нет сомнения, что все они, а также все члены фамилий Гей, Лейт, Бернет и других благородных джентльменов вскоре сядут на коней и образуют корпус, более чем достаточный для устрашения северных ковенантеров, которые имели уже случай испытать их доблесть

в известной стычке, прозванной в народе Турифским побоищем. К югу от Форта и Тэя у короля немало приверженцев, угнетенных подневольной присягой, принудительными рекрутскими наборами, тяжелыми налогами, несправедливо налагаемыми и неравномерно взимаемыми; они стонут от деспотического управления ковенантерских комитетов, от нахального вмешательства в их частную жизнь пресвитерианских пасторов и только того и ждут, чтобы взвилось королевское знамя, дабы присоединиться к нам с оружием в руках. Дуглас, Тракэр, Роксбург, Юм – все сторонники короля и, конечно, сумеют составить противовес ковенантерскому влиянию на юге; а из числа здесь присутствующих двое знатных и знаменитых джентльменов из северных провинций могут поручиться за усердное содействие Камберленда, Уэстморленда и Нортгумберленда. Против стольких доблестных джентльменов южные ковенантеры могут выставить лишь самое неискusstное войско: в западных графствах им придется брать рекрутов из вигаморов, а на равнине никого не останется, кроме батраков и простых пахарей. Что до западных гор, то ковенантеры располагают там исключительно одним только приверженцем, всем известным и столь же ненавистным. Но кто же, окинув взором этот зал и видя стольких вождей, блистающих доблестью, могуществом, знатной породой, может усомниться в том, что они могут осилить и самое многочисленное войско, какое способен выставить против них Джиллиспай Грумах?

В заключение лорд Ментейт прибавил, что собраны значительные суммы денег и боевых снарядов для армии (тут Дальгетти насторожил уши); что некоторые опытные офицеры, побывавшие на войне в германских войсках, взялись обучить новобранцев, могущих нуждаться в воинской дисциплине; один из таких офицеров даже присутствует в настоящем собрании (тут капитан выпрямился и обвел взглядом весь зал); из Ирландии ожидаются тоже значительные подкрепления, так как многочисленный корпус, отряженный графом Энтримом из Ольстера, благополучно высадился на шотландский берег, с помощью людей клана Ранальда взял и укрепил замок Мингарри, и, невзирая на попытки Аргайла преградить им путь, они теперь полным ходом идут сюда, к месту общего сбора.

– Итак, – продолжал Ментейт, – остается лишь пожелать, чтобы благородные вожди, здесь собравшиеся, отложив в сторону все мелочные соображения, образовали искренний и тесный союз ради общего дела; пусть они разошлют по своим кланам огненные кресты^[89], чтобы как можно быстрее собрать все свои силы и сплотиться так скоро, чтобы неприятель не мог ни приготовиться к отпору, ни опомниться от того ужаса, в который должны повергнуть его первые звуки пиброхов. Я сам, хотя далеко не из первых в Шотландии по части богатства и могущества, тем не менее чувствую, что обязан поддержать достоинство старинного дворянского рода и независимость древней и благородной нации, и для этой

цели не пожалею ни жизни своей, ни имущества. Если те, кто гораздо могущественнее меня, выкажут столько же энергии и готовности служить общему делу, я уверен, что мы заслужим благодарность своего государя и признательность потомства!

Громкие рукоплескания были ответом на эту речь лорда Ментейта и доказательством общего сочувствия к выраженным им мыслям; но когда одобрительные возгласы замолкли, вожди продолжали переглядываться между собой, как будто сознавая, что еще далеко не все сказано. Пошептавшись с соседями, один из вождей, пожилой старик с седой головой, но не из числа знатнейших, взялся быть выразителем общих ожиданий.

– Тан Ментейтский, – сказал он, – вы хорошо сказали; и среди нас нет никого, в чьей груди не горели бы те же пламенные чувства. Но не одной силой выигрывается битва; чтобы одержать победу, мало руки воина, нужна и голова полководца. Спрашиваю вас, кто же поднимет и будет держать знамя, вокруг которого вы зовете нас собраться и сплотиться? Разве мы можем выставить в поле своих детей и цвет нашей фамильной молодежи, не узнав сперва, чьему руководству мы их поручаем? Это было бы все равно что посылать их на бойню, тогда как по законам божеским и человеческим мы призваны их охранять. Где королевское повеление, в силу которого верноподданные обязаны являться с оружием в руках? Мы люди простые, неученые, но кое-что

знаем о правилах ведения войны, да и о законах своего отечества все-таки имеем понятие, так что и не подумаем нарушать мир Шотландии, иначе как по особому повелению короля, и не будем братья за оружие, пока не будет у нас вождя, достойного командовать такими людьми, какие здесь собрались!

– Где вы найдете такого вождя, – сказал другой, вскакивая с места, – если не изберете Властелина Островов, имеющего прирожденное, наследственное право предводительствовать всеми кланами хайлендеров; а кто же здесь представитель этой власти, как не вождь рода Вих-Алистера Мора?..

– Я согласен с первой частью речи, – подхватил еще один вождь, с оживлением перебивая предыдущего, – но с какой стати Вих-Алистер Мор будет представителем Властелина Островов? Пусть он прежде докажет, что его кровь краснее моей!

– Это доказать нетрудно, – сказал Вих-Алистер Мор, положив руку на широкую рукоятку своего клеймора.

Лорд Ментейт бросился между ними, умоляя помнить, что интересы Шотландии, свобода их родины и благо короля должны быть в их глазах важнее их личных препирательств насчет происхождения, знатности и первенства. Многие из горных вождей, не желавшие признавать главенства ни одного из своих собратий, высказались в том же духе, и всех энергичнее оказался знаменитый Ивен Ду.

– Я пришел с моих озер, – сказал он, – устремился, как по-

ток по горному склону, не затем, чтобы возвращаться назад, а затем, чтобы идти дальше и выполнить мое назначение. Если мы станем оглядываться назад да заявлять свои претензии, немного будет от нас толку для Шотландии и для короля Карла. Я подам свой голос за того полководца, которого назначит нам король и который, без сомнения, будет обладать всеми качествами, какие нужны для командования людьми, подобными нам. Он должен быть высокой породы, иначе для нас унижительно повиноваться ему, умен и опытен, чтобы не погубить даром наш народ, храбрейший из храбрых, чтобы за ним не пострадала наша честь, умерен, тверд, мужествен, чтобы держать нас в тесном и дружном союзе. Таков должен быть человек, которому доведется быть нашим предводителем. Тан Ментейтский, можете ли вы сказать, где найдется такой человек?

– Такой только один и есть, – сказал Аллен Мак-Олей и, положив руку на плечо Эндерсона, стоявшего за спиной лорда Ментейта, прибавил: – И вот он, между нами!

Общее удивление присутствовавших выразилось в негодующем ропоте; тогда Эндерсон, откинув с головы капюшон, покрывавший часть его лица, выступил вперед и сказал:

– Я намеревался еще несколько минут быть безмолвным свидетелем этого интересного препирательства, но приятель мой поспешил и принудил меня открыться раньше, чем я желал. Достоин ли я этого почетного звания, которое возложено на меня в этом документе, выяснится после того, как

мне удастся свершить что-нибудь на пользу короля. Вот патент с приложением большой королевской печати, повелевающий Джемсу Грэму, графу Монтрозу, принять начальство над теми войсками, которые призываются на службу его величества в здешнем королевстве.

Громкий крик одобрения вырвался из груди всего собрания. И точно, помимо Монтроза не было ни одного человека настолько знатного, чтобы эти горделивые горцы согласились ему повиноваться. Его закоренелая и наследственная ненависть к маркизу Аргайлу была порукой, что он поведет дело достаточно энергично; а всем известные его военные способности и испытанная храбрость подавали надежду, что он сумеет привести его к благополучному исходу.

Глава VIII

Заговор наш поистине отличный и ведется как нельзя лучше, друзья верны и надежны; чего же больше, когда предприятие хорошо и исполнители хороши!

Шекспир. «Король Генрих IV»^[90]

Как только смолкли всеобщие радостные и удивленные восклицания, присутствующих попросили замолчать и выслушать чтение королевского повеления; до этой минуты все вожди были в шапках, потому что ни одному не хотелось первому обнажить голову; но тут, из почтения к высочайшему предписанию, все сразу сняли шапки.

Документ был написан ясно и вразумительно, графу Монтрозу давались весьма широкие полномочия: призывать к оружию подданных ради усмирения настоящего мятежа, возбужденного различными изменниками и бунтовщиками против особы короля, к очевидному ущербу верноподданнической преданности и к нарушению замирения между обоими королевствами. Далее повелевалось всяким второстепенным властям повиноваться Монтрозу и оказывать ему всяческое содействие; ему же даровалось право издавать приказы и прокламации, наказывать за неисправности, миловать преступников, назначать и смещать губернаторов и комендантов. Словом, это был документ, облакавший Монтроза

самыми широкими полномочиями, какие монарх может даровать подданному. Когда чтение кончилось, собравшиеся вожди одобрительными криками засвидетельствовали свою готовность подчиниться воле государя.

Монтроз выразил им благодарность за столь лестный прием, но, не довольствуясь этим, поспешил обратиться к каждому в отдельности. Наиболее значительный из присутствующих вождей давно был ему лично знаком; но он представлялся поочередно и менее известным и выказал при этом такое основательное знание их имен, присвоенных им прозвищ и всех подробностей истории каждого клана, что видно было, как он тщательно изучал нравы и обычаи горцев и как исподволь готовился к своему теперешнему посту.

Пока он таким образом рассыпался в любезностях, его изящные манеры, выразительные черты и благородная осанка составляли странную противоположность с грубой простотой его одежды. Его лицо и фигура с первого взгляда ничем не поражали постороннего зрителя, но были из разряда тех, которые становятся все более привлекательными, чем дольше на них смотришь. Он был немного выше среднего роста, превосходно сложен, одарен чрезвычайной мускульной силой и редкой выносливостью. Здоровье у него было железное, что и давало ему возможность выдерживать все труды его удивительных походов, во время которых он подвергался всем неудобствам и лишениям наряду с последним солдатом. Он в совершенстве выполнял все, за что бы ни

взялся, как в мирное, так и в военное время, и держал себя с той непринужденной грацией, которая свойственна людям, с детства привыкшим к светскому обращению.

Волосы его, темно-русые и длинные, по моде тогдашних роялистов знатного происхождения, разделялись на темени прямым пробором и падали по обеим сторонам лица выюцимися прядями, из которых одна, спускавшаяся на два или на три дюйма ниже остальных, называлась у щеголей того времени «любовным локоном» и подала повод одному пуританину, мистеру Принну^[91], написать целый трактат «о некрасивости любовных локонов». Черты лица его были из тех, прелесть которых зависит от характера самого человека, а не от правильности их линий. Орлиный нос, большие серые глаза, открытые и пронизательные, и свежий цвет кожи искупали некоторую неправильность и даже грубость остальных частей лица; так что, в общем, наружность Монтроза скорее можно было назвать красивой, нежели грубой. Но те, кто видел его в минуты, когда в глазах этих зажигалась энергия пламенного гения, кто слышал его властную речь, блиставшую врожденным красноречием, тем даже и наружность его казалась несравненно более красивой, чем она кажется нам, судя по сохранившимся портретам. Именно такое впечатление произвел он теперь и на собрание горных вождей; а внешние преимущества, как известно, во все времена и у всех народов имели чрезвычайно важное значение.

В течение завязавшегося затем разговора Монтроз рас-

сказал, каким разнообразным опасностям он подвергался по поводу настоящего предприятия. Вначале он пытался набрать корпус партизанов короля на севере Англии, откуда они должны были, по распоряжению маркиза Ньюкаслского, перебраться в Шотландию. Но это не удалось частью потому, что англичанам ужасно не хотелось переходить за границу, а частью оттого, что граф Энтрим, который должен был со своими ирландцами высадиться в заливе Сольвей, опоздал и не высадился. Затем он испробовал еще несколько других планов, которые тоже не удались, и наконец увидел, что иначе как переодетым ему ни за что не пробраться благополучно через равнину; тогда он решился прибегнуть к этому способу, в чем существенно помог ему его любезный родственник, лорд Ментейт. С какой стати Аллен Мак-Олей признал его, этого Монтроз не брался объяснить. Те, кто верил в пророческий дар Аллена, таинственно улыгнулись на эти слова; но сам Аллен возразил только, что «графу Монтрозу нечего удивляться, если окажется, что его узнают тысячи людей, которых он не может помнить».

– Клянусь честью кавалериста, – сказал капитан Дальгетти, насилу дождавшийся случая вставить свое слово, – что почитаю за счастье и горжусь случаем обнажить меч по команде вашего сиятельства, а также не держу на сердце ни гнева, ни досады на мистера Аллена Мак-Олея за то, что он вчера оттащил меня к нижнему концу стола. Он с тех пор рассуждал так умно и осмысленно, что я втайне решился бы-

ло поступить с ним как с человеком, который ни с какой стороны не может счесться за слабоумного. Но теперь вижу, что он меня посадил лишь ниже благородного графа, будущего моего главнокомандующего, и потому при всех заявляю, что нахожу его распоряжение вполне правильным и от всего сердца приветствую Аллена как настоящего бравого *камрада*.

Произнеся эту речь, которой многие не поняли, а остальные не слушали, он, не снимая железной перчатки, схватил Аллена за руку и стал дружелюбно пожимать ее; но Аллен с такой силой отвечал на это рукопожатие, что раздробил железную рукавицу, и осколки ее впились в руку Дальгетти.

Капитан мог бы, при желании, увидеть в этом новую обиду, но, пока он потряхивал свою поврежденную руку и дул на нее, внимание его было внезапно отвлечено словами самого Монтроза.

– Слышите, какие новости, капитан Дальгетти... или, лучше сказать, майор Дальгетти, – говорил Монтроз. – Ирландцы, которым предстоит воспользоваться вашей воинской опытностью, уже близехонько отсюда и скоро должны прийти.

– Наши охотники, – сказал Ангус Мак-Олей, – посланные за дичью для продовольствия здешней честной компании, слышали о нахождении в краю партии иноземцев, которые говорят не по-английски и не на чистом гэльском языке; они с большим трудом объясняются со здешним населе-

нием, носят оружие и направляются сюда под предводительством, как слышно, Алистера Мак-Дональда, слывающего под именем молодого Колкитто.

– Должно быть, это они и есть, – сказал Монтроз, – надо поскорее выслать им навстречу людей, как для того, чтобы проводить их сюда, так и для того, чтобы снабдить тем, в чем они нуждаются.

– Ну, – сказал Ангус Мак-Олей, – это не так-то легко будет сделать. Я слышал, что, кроме мушкетов да небольшого количества боевых снарядов, они нуждаются решительно во всем, необходимом для солдат; а всего меньше у них денег, обуви и одежды.

– Нет надобности так громко об этом заявлять, – сказал Монтроз. – Пуритане, ткачи из Глазго, доставят им сколько угодно сукна, как только мы спустимся с гор. А если прежним пасторам удавалось своими проповедями выманывать у шотландских старух запасы домашнего полотна, из которого их солдаты поделали себе палатки для лагеря при Дунсло, и я попробую повлиять на них в том же смысле, чтобы эти благочестивые хозяйки еще раз пожертвовали свои холсты на патриотическое дело, а тех мерзавцев, их мужей, заставлю в нашу пользу порастрясти свои карманы.

– Что же касается до оружия, – сказал капитан Дальгетти, – если ваше сиятельство позволите высказаться старому воину, я бы так полагал, что лишь бы одна треть армии была вооружена мушкетами, остальных всего лучше снабдить ко-

пьями: с этим хорошо можно выдержать кавалерийскую атаку, да и сквозь пехоту пробиться. Всякий кузнец легко надевает сотню наконечников в день, а лесу для древков здесь довольно. Я же готов доказать многими примерами, что сильный батальон копьеносцев, выстроенный по правилам, установленным великим Северным Львом, бессмертным Густавом, побьет даже и македонскую фалангу^[92], о которой я читал в маршальской коллегии, когда еще учился в древнем городе Абердине; мало того, заранее могу поручиться...

Тут тактические соображения капитана внезапно были прерваны Алленом Мак-Олеем, который торопливо произнес:

– Очисти место для нежданного и непрошеного гостя!

В ту же минуту дверь в зал запахнулась, и перед собранием явился пожилой человек с седыми волосами, очень величавой наружности: осанка у него была гордая и даже властная; он был выше среднего роста, и видно было, что он привык повелевать. Он окинул вождей суровым, почти строгим взглядом; те из них, которые были родовиты и могущественны, отвечали на этот взгляд презрительным равнодушием; но некоторые из менее знатных джентльменов, особенно с запада, готовы были, что называется, провалиться сквозь землю.

– К кому я должен здесь обратиться, – спросил незнакомец, – кто у вас предводитель? Или вы еще не успели избрать того лица, которое должно носить этот столь же почетный, как и опасный титул?

– Обращайтесь ко мне, сэр Дункан Кэмпбел, – молвил Монтроз, сделав шаг ему навстречу.

– К вам? – сказал сэр Дункан Кэмпбел с пренебрежением.

– Да, ко мне, – повторил Монтроз, – я граф Монтроз, коли вы меня не узнали.

– Теперь, по крайней мере, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – трудно вас узнать... в одежде конюха!.. Впрочем, можно было заранее угадать, что только под мощным и зловредным влиянием вашего сиятельства, известного возмутителя Израиля, могло состояться такое собрание людей, заведомо совращенных с пути.

– Хорошо, – сказал Монтроз, – и я вам отвечу в том же духе. Я смущал не Израиль, а только тебя и твоих присных... Но оставим эти личные счеты, они никого, кроме нас с вами, не касаются. Послушаем лучше, какие вести привезли вы нам от своего вождя, Аргайла, потому что, вероятно, от его имени вы явились на наше собрание?

– От имени маркиза Аргайла, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – от имени шотландского союзного совета спрашиваю вас: что означает такое удивительное сборище? Если оно имеет целью нарушить мир в стране, было бы по-соседски и вообще гораздо благороднее по крайней мере предупредить нас об этом, чтобы мы могли принять свои меры.

– Вот какое странное и совершенно новое положение дел в Шотландии, – сказал Монтроз, обращаясь ко всему собранию, – нынче, как видно, именитые и знатные шотландцы не

могут сойтись в доме общего друга без того, чтобы правители страны не прислали узнать, зачем они сошлись и о чем рассуждают! Это что-то вроде инквизиции. Помнится мне, предки наши имели обыкновение устраивать в горах большую охоту и так вообще нередко собирались, не спрашивая на то позволения ни у самого великого Мак-Калемора, ни у его агентов и слуг.

– Да, было в Шотландии такое время, – сказал один из западных вождей, – и опять будет то же, когда те, кто захватил неправдой наши старинные владения, снова будут не более как лэрдами Лоховскими и перестанут нападать на нас, точно прожорливая саранча.

– Как же это понять? – сказал сэр Дункан. – Разве только против одного меня собираются воевать? Или Сыны Диармида должны пострадать лишь заодно со всеми прочими мирными и порядочными гражданами Шотландии?

– А я, – сказал один из вождей довольно дикого вида, внезапно вскакивая с места, – хочу задать рыцарю Арденворскому только один вопрос, прежде чем он приступит к дальнейшим дерзким расспросам: один ли он пришел в нашу среду или привел с собой приспешников, что решается приставать к нам с оскорблениями?

– Джентльмены, – сказал Монтроз, – умоляю вас быть сдержаннее. Лицо, присланное к нам для переговоров, во всяком случае, имеет право голоса и мы обязаны уважать его неприкосновенность. Но так как сэр Дункан непременно же-

дает знать, в чем дело, я, пожалуй, отвечу ему для его личного руководства, что он находится среди верноподданных короля, созванных мной именем его величества, в силу высочайшего повеления, данного мне на этот счет.

– Из этого следует заключить, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – что у нас начнется формальная междоусобная война. Я такой старый солдат, что меня такая перспектива не пугает, но для чести лорда Монтроза было бы много лучше, если бы он в этом деле поменьше думал о собственном честолюбии и побольше о спокойствии своего отечества.

– Не я, а те лелеяли свое честолюбие и корысть, сэр Дункан, – отвечал Монтроз, – кто довел страну до ее теперешнего состояния и вызвал необходимость крутых мероприятий, на которые мы решаемся поневоле и с сокрушением.

– А в каком чине состоит среди этих корыстолюбцев, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – один благородный граф, который так ревностно был привержен к Ковенанту, что в тридцать девятом году первый бросился вплавь через реку Тайн во главе своего отряда и напал на королевское войско? Не он ли самый мечом и копьем навязывал Ковенант гражданам и коллегиям в Абердине?

– Понимаю ваш насмешливый намек, сэр Дункан, – сказал Монтроз сдержанно, – могу сказать только, что если искреннее раскаяние может искупить грех молодости, то есть излишнее доверие к лукавым наветам честолюбивых лицемеров, то и мне простятся те преступления, в которых вы меня

укоряете. Я по крайности все сделаю, чтобы заслужить прощение, и вот, с мечом в руках, заявляю готовность пролить лучшую кровь моего сердца во искупление моих заблуждений, а больше этого ни один смертный ничего сделать не может.

– Ну, милорд, – сказал сэр Дункан, – жаль мне передать такие речи маркизу Аргайлу. Он поручил мне еще сказать вам, что во избежание кровавых фамильных распрей, которые непременно возникнут вследствие войны между горцами, маркизу было бы приятно, если бы к северу от горных районов проведена была нейтральная линия: в Шотландии и так останется довольно места для драки, за что же задевать еще соседей и истреблять семейства и имущество друг у друга?

– Мирное предложение, – сказал Монтроз, улыбнувшись, – этого и следовало ожидать от человека, личное поведение которого всегда было миролюбивее его распоряжений... Впрочем, если бы возможно было выработать основания такой нейтральной линии и если бы мы могли быть уверены... а это условие, сэр Дункан, необходимо иметь в виду, – если бы мы, говорю, могли быть уверены, что и ваш маркиз честно будет соблюдать эти условия, я, со своей стороны, не прочь обеспечить мир в тылу нашего войска, раз впереди у нас непременно будет война. Но, сэр Дункан, вы сами такой опытный и бывалый воин, что мы не можем ни допустить дальнейшего вашего пребывания в нашем лагере,

ни сделать вас свидетелем наших распоряжений. Поэтому, как только вы отдохнете и подкрепите ваши силы, мы просим вас возвратиться в Инверэри, а вместе с вами пошлем со своей стороны джентльмена, которого уполномочим обсудить условия проведения мирной линии в том случае, если маркиз действительно желает поддержать свое предложение.

В ответ на это сэр Дункан только поклонился.

– Милорд Ментейт, – продолжал Монтроз, – сделайте одолжение, побудьте с сэром Дунканом Кэмпбелом из Арденвора, пока мы станем решать вопрос, кто будет сопровождать его к его вождю. Мак-Олей, распорядитесь, пожалуйста, чтобы сэру Дункану оказано было всякое гостеприимство!

– Я сейчас распоряжусь, – сказал Аллен Мак-Олей, вставая и подходя к сэру Дункану. – Я люблю сэра Дункана Кэмпбела; в былые дни мы с ним вместе пострадали, и я этого не забываю.

– Милорд Ментейт, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – я искренне огорчен, видя, что вы в такие молодые годы ввязались в такое отчаянное и незаконное предприятие!

– Я действительно молод, – отвечал Ментейт, – однако умею различать добро от зла, честность от беззакония; а чем раньше начинать хорошее дело, тем дольше и успешнее можно его делать.

– И вы тоже, друг мой, Аллен Мак-Олей, – сказал сэр Дункан, взяв его за руку, – неужели нам суждено считаться врагами, тогда как мы так часто соединялись против общего

недруга? – Потом, обратясь ко всему собранию, он сказал: – Прощайте, джентльмены; так многим из вас я от души желаю добра, что ваш отказ от мирного соглашения глубоко огорчает меня. Пусть Небеса, – прибавил он, взглянув вверх, – рассудят между нами и решат, кто из нас правее!

– Аминь, – сказал Монтроз. – Этому суду и мы все подчиняемся.

Сэр Дункан Кэмпбел вышел из зала в сопровождении Аллена Мак-Олея и лорда Ментейта.

– Вот образец чистокровного Кэмпбела, – сказал Монтроз по уходе посла, – все они такие же: с виду прав, а сам фальшивый!

– Извините, милорд, – сказал Ивен Ду, – мы с ним искренние, фамильные враги, а я все-таки скажу, что рыцарь Арденворский всегда храбр в битве, честен в мире и прямодушен на совете.

– Сам по себе, пожалуй, – сказал Монтроз, – с этим и я согласен; но он здесь служит представителем своего вождя, маркиза, а этот фальшивейшее в мире создание... И вот что, Мак-Олей, – продолжал он шепотом, обращаясь к хозяину дома, – боюсь я, как бы он не повлиял на неопытного Ментейта или на своеобразно настроенного вашего брата; поэтому пошлите-ка музыкантов в ту комнату, чтобы он не мог завести с ними никаких особенных разговоров.

– Да у меня ни единого музыканта нет, – отвечал Мак-Олей, – то есть один дудочник есть, на волынке играет... Да

и тот совсем охрип теперь, потому что все хотел перешеголять троих товарищей по искусству... Но можно послать туда Анну Лейл с арфой. – И он пошел лично распорядиться этим.

Между тем возник горячий спор о том, кому дать опасное поручение сопровождать сэра Дункана в Инверэри. Нельзя было предложить это главным вождям, привыкшим держать себя на равной ноге даже с самим Мак-Калемором, а менее важным ужасно не хотелось туда отправляться. Они выказывали такое явное к этому отвращение, словно Инверэри было расположено в какой-то Долине Смерти. Сначала они помялись, но под конец откровенно высказали свою затаенную мысль; а именно что какое бы поручение ни принял на себя хайлендер, если оно будет неприятно Мак-Калемору, он никогда этого не забудет и найдет средство со временем отплатить за это весьма чувствительным образом.

Монтроз считал в душе, что предлагаемое перемирие есть не более как военная хитрость со стороны Аргайла, но не решился прямо высказать такого предположения в присутствии лиц, так существенно заинтересованных этим вопросом.

Видя, однако, что затруднение становится неразрешимым, он вздумал назначить на этот почетный и опасный пост капитана Дальгетти, у которого в горах не было ни клана, ни поместья, и, следовательно, не на что было обрушиться гневу Аргайла.

– А шея-то у меня есть, – заявил Дальгетти, – что, коли ему вздумается на ней сорвать свою досаду? Знаю я такие случаи, когда честного парламентаря без церемонии вздергивали на виселицу под тем предлогом, что он шпион... Вот и римляне тоже не очень-то милостиво расправлялись с послами при осаде Капуи; хотя, впрочем, я читал, что они только отрезали им руки и носы да выкалывали глаза, а потом отпускали с миром.

– Клянусь честью, капитан Дальгетти, – сказал Монтроз, – если бы маркиз, вопреки правилам войны, осмелился причинить вам какое-либо увечье, можете быть уверены, я ему так отомщу, что по всей Шотландии шум пойдет!

– Но Дугалду Дальгетти от этого не будет легче, – заметил капитан. – Что ж, *coagio!*¹⁹ – как говорят испанцы. Имея в виду обетованную землю, сиречь угодыя Драмсуокит – *теа раурега регна*²⁰, как мы говаривали в маршальской коллегии, я не стану отнекиваться от поручения вашего превосходительства, ибо знаю, что честный воин должен повиноваться своему командиру и не обращать внимания ни на меч, ни на виселицу.

– Благородное решение! – сказал Монтроз. – Угодно вам отойти со мной в сторону? Я передам вам условия, на которых мы согласимся обеспечить мирное положение горным округам, подвластным Мак-Калемору. Эти условия вы

¹⁹ Мужайся! (*исп.*)

²⁰ Мои нищие владения (*лат.*).

и должны будете ему изложить.

Но мы не станем утруждать читателя точным текстом этих переговоров, довольно сказать, что они носили характер уклончивый, в духе того предложения, которое было прислано с единственной целью выиграть время, как думал Монтроз.

Получив все предписания начальства, капитан Дальгетти откланялся по-военному и уже пошел было к двери, но Монтроз движением руки позвал его назад.

– Я полагаю, – сказал он, – что нечего напоминать опытному офицеру, служившему в войсках великого Густава, что от него ожидается нечто большее, чем от обыкновенного парламентаря: отправляя вас с этим мирным флагом, ваш главнокомандующий ожидает, что по возвращении в лагерь вы будете в состоянии дать ему кое-какие сведения о положении неприятельских дел... Короче говоря, капитан Дальгетти, я надеюсь, что вы будете до некоторой степени ясновидящи!

– Ага, ваше превосходительство, – молвил капитан, придав своим грубым чертам неподражаемое выражение хитрости и смышленности, – лишь бы они не тюкнули меня по голове, что частенько случается с честными солдатами, когда их подозревают в том самом, за чем вы изволите меня посылать. Будьте благонадежны: все, что увидит и услышит Дугалд Дальгетти, он в точности доложит вашему превосходительству; уж я сосчитаю и на сколько ладов строится пиброх Мак-Калемора, и сколько шашек и клеточек на его плече и

штанах...

– Ладно, – сказал Монтроз, – прощайте, капитан Дальгетти. Знаете, говорят, что когда дамы пишут письма, то главный смысл надо искать в постскриптуме; так и вы помните, что главнейшая часть возложенного на вас поручения кроется в моих последних инструкциях.

Дальгетти еще раз ухмыльнулся с лукавым видом и пошел добывать провиант своему коню и себе самому, ввиду длинного и трудного путешествия.

У дверей конюшни – потому что о Густаве он позаботился, конечно, прежде всего – он встретил Ангуса Мак-Олея и сэра Майлса Месгрейва, которые осматривали его коня и, расхвалив в должной мере его статью и ходкость, начали наперерыв уговаривать капитана, чтобы он не брал с собой в это утомительное и тяжелое путешествие такой отличной и ценной лошади.

Ангус в самых тревожных выражениях описал дорогу или, лучше сказать, отсутствие дорог на пути в Аргайлшир, упомянул и о жалких лачугах и простых шалашах, где придется ему по необходимости останавливаться на ночь и где невозможно найти никакого корма для лошади, если она не захочет глотать прошлогоднего бурьяна на вересковых луговинах. Словом, он утверждал, что, сделав такой поход, конь не будет годен для дальнейшей военной службы. Англичанин вполне подтвердил все, что говорил Ангус, и заявил, что готов предать черту свое тело и душу, если не жалость гу-

бить сколько-нибудь ценную скотину, пустив ее в такой пустынный и бесприютный край. Капитан Дальгетти с минуту пристально смотрел сначала на одного джентльмена, потом на другого, и как бы в нерешимости спросил, что же они ему посоветуют делать с Густавом при столь затруднительных обстоятельствах.

– Клянусь рукой моего отца, друг мой любезный, – сказал Ангус Мак-Олей, – если оставите коня на мое попечение, ручаюсь вам, что он будет кормлен и холен как следует, и когда, бог даст, вы воротитесь, то застанете его гладким, как луковка, кипяченная в масле.

– А если достойный кавалер рассудит за благо расстаться со своим конем за приличную цену, – сказал сэр Майлс Месгрейв, – у меня в кошельке еще кое-что осталось от тех серебряных подсвечников, и я с радостью готов пересыпать эти остатки в его карман.

– Одним словом, почтеннейшие друзья мои, – сказал капитан Дальгетти, посматривая на них с комической пронизательностью, – я вижу, что вам обоим очень хочется иметь что-нибудь на память о старом воине, на тот случай, коли Мак-Калемору вздумается его повесить на воротах своего замка... Ну, конечно, и мне в таком случае было бы крайне утешительно сознавать, что наследником моим оказался такой благородный и родовитый кавалер, как сэр Майлс Месгрейв, или столь почтенный и гостеприимный вождь, как наш ласковый хозяин.

Оба стали уверять, что у них и в мыслях не было ничего подобного, и только снова распространились насчет непроходимости дорог в горных округах. Ангус Мак-Олей пробормотал целый ряд неудобопроизносимых гэльских названий, обозначавших какие-то особенно затруднительные ущелья, перевалы, пропасти, вышки и стремнины, через которые следовало пробираться до Инверэри; а старый Дональд, подошедший на ту пору, подтвердил все эти ужасы, возводя глаза и руки к небу и покачивая головой, каждый раз как Мак-Олей произносил тот или другой гортанный звук.

Но ничто не поколебало решительного капитана.

– Почтенные друзья мои, – сказал он, – мой Густав не новичок в этом деле и порядочно постранствовал по горам Богемии; я не хочу унижать достоинства стремнин и ущелий, перечисленных мистером Ангусом, тем более что и сэр Майлс подтверждает их ужасы, хоть и не видывал их в глаза; но смело скажу, что богемские горы могут поспорить в этом отношении со сквернейшими дорогами в Европе. К тому же лошадь моя – скотина общительная и лучший мой товарищ; хоть она и не пьет вина, но зато хлеб ест с удовольствием, и я всегда делюсь с ней каждым куском. Так что, лишь бы нашелся по дороге хлеб или хоть лепешка, – она с голоду не умрет. Да что долго разговаривать! Прошу покорно, добрейшие друзья мои, полюбуйтесь на походного коня сэра Дункана Кэмпбела, вон он стоит в стойле, уже, кажется, сыт и гладок! А чтобы вы не слишком беспокоились на мой счет,

я честью вас заверяю, что, пока мы будем вместе ехать, скорее эта лошадь и ее седок будут голодать, но никак не мы с Густавом!

Проговорив эту речь, он насыпал порядочную корзину овса и пошел к своему коню, который тихим, приветным ржанием, движением ушей и стуком переднего копыта о пол выказал свою действительную близость с хозяином. Он даже не принимался за корм, пока не ответил на ласку своего ездока, облизав ему руки и лицо. Обменявшись с ним приветствиями, конь усердно принялся за еду, изобличая давнишние военные привычки. Капитан минут пять полюбовался своим ратным товарищем и потом сказал:

– На здоровье, Густав, поешь хорошенько, дружище. А теперь я пойду сам подкрепить свои силы перед походом.

Поклонившись англичанину и Мак-Олею, он ушел, а они некоторое время смотрели друг на друга в молчании, а потом оба разразились хохотом.

– Нет, – сказал сэр Майлс Месгрейв, – этот парень через огонь и воду пройдет!

– Да, и я так думаю, – сказал Мак-Олей, – особенно если он так же легко вывернется из рук Мак-Калемора, как от нас отвертелся.

– Неужели вы думаете, – сказал англичанин, – что в лице капитана Дальгетти маркиз не уважит законов цивилизованной войны?

– Он на это обратит столько же внимания, сколько бы я

обратил на прокламацию ковенантеров, – сказал Ангус Мак-Олей. – Но пойдёмте, мне пора воротиться к гостям.

Глава IX

*...Их избрали
При бунте, в смутный час, когда была
Законом сила; нынче час другой, –
Пусть право будет правом, сбросьте в прах
Вы эту власть!*

Шекспир. «Кориолан»

В небольшой комнате, вдали от остальных гостей, собравшихся в замке, лорд Ментейт и Аллен Мак-Олей почтительно угощали всевозможными яствами сэра Дункана Кемпбелла.

Между сэром Дунканом и Алленом завязался разговор об охоте или облаве, предпринятой ими сообща против Сыновей Тумана, с которыми рыцарь Арденворский состоял в такой же смертельной и непримиримой вражде, как и семейство Мак-Олей. Однако сэр Дункан вскоре оставил этот предмет и постарался перевести беседу на то, что его привело сегодня в замок Дарнлинварах. Ему было крайне при-скорбно, говорил он, видеть, что близкие друзья и соседи, которым следовало бы стоять плечо к плечу, собираются вместо того перейти в рукопашную, и притом из-за такого дела, которое их вовсе не касается. Потому что какое дело вождям горных кланов до того, кто кого одолеет, король или

парламент? Не лучше ли предоставить им ссориться и мириться, как им угодно, а вожди тем временем воспользовались бы случаем утвердить свою власть так прочно, чтобы после ни король, ни парламент не могли ее сломить? Он напомнил Аллену Мак-Олею, что меры, принятые в последнее царствование якобы для замирения горных округов, в сущности, клонились к тому, чтобы уничтожить патриархальное могущество вождей; при этом он припомнил ему знаменитое учреждение так называемых фэйфских «подрядчиков» на острове Льюис, присланных туда вследствие заранее составленного плана водворить чужестранцев среди кельтских племен, дабы постепенно истребить их древние обычаи, способы правления и отнять у них наследие отцов²¹.

– А между тем, – продолжал сэр Дункан, обращаясь к Аллену, – для поддержания деспотической власти того самого монарха, который все это задумал, многие хайлендерские вожди собираются обнажать меч и идти войной против своих же соседей, союзников и старинных сотоварищей.

– Не ко мне, – сказал Аллен, – а к брату моему, старшему сыну нашего отца и рода, подобает обращаться с такими до-

²¹ В царствование Якова VI сделана была довольно странная попытка к цивилизации самой северной окраины Гебридского архипелага, а именно: остров Льюис сдан был, подобно какому-нибудь дикому и неизвестному краю, нескольким джентльменам, называемым подрядчиками; они были большей частью уроженцами графства Файф, и им дано было право занять остров и устроиться там. Вначале это предприятие пошло довольно удачно, но кончилось тем, что коренные жители, то есть кланы Мак-Леод и Мак-Кензи, восстали против пришельцев и перерезали их всех до одного. – *Примеч. авт.*

водами. Правда, и я брат Ангуса; но, будучи младшим в семье, я все равно что ближайший из его вассалов. Мое дело – собственным примером показывать остальным детям нашего клана полную готовность следовать за ним и с радостью исполнять его приказания.

– Да и повод к войне, – вмешался лорд Ментейт, – несравненно более общий и широкий, нежели сэр Дункан Кэмпбел, по-видимому, полагает. Дело не только в саксах или гэлах, оно не ограничивается горами или долинами и касается не одних хайлендеров или жителей равнин. Вопрос в том, будем ли мы терпеть деспотический гнет горсти людей, которые ничем не лучше нас, а захватили в свои руки всю власть, или же возвратимся под законную державу государя, против которого они бунтуют. Что же касается до интересов горных кланов, заранее прошу извинения у сэра Дункана Кэмпбела за свою откровенную речь, но все-таки скажу, что, по-моему, ясно, к чему ведет настоящее неправильное распределение власти: кончится тем, что непомерно возрастет значение одного только единственного клана в ущерб всем остальным вождам и их самостоятельности.

– Я не стану возражать вам, милорд, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – потому что знаю ваши предубеждения, знаю и то, откуда вы их почерпнули; но извините, если все-таки скажу, что, будучи главой одной из ветвей рода Грэмов, я и читал и слышал о таком графе Ментейте, который не потерпел бы ни руководства в политике, ни командования на войне от како-

го-нибудь графа Монтроза!

– Напрасно вы трудитесь, сэр Дункан, – надменно отвечал лорд Ментейт, – вооружать мое тщеславие против моих убеждений. Предки мои получили от короля и титул свой, и звание; и неужели они помешали бы мне, в интересах королевского престола, действовать под начальством человека, который гораздо более меня годится в главнокомандующие? К тому же я никогда бы не допустил в себе такого чувства низкой зависти, которое воспрепятствовало бы мне подчинить свою руку и меч самому храброму, самому честному и благородному герою из всего шотландского дворянства!

– Как жаль, – промолвил сэр Дункан Кэмпбел, – что к такому пышному панегирику вы не можете прибавить слов «и самому стойкому, самому постоянному»... Но я не намерен обсуждать с вами этих вопросов, милорд, – продолжал сэр Дункан, движением руки как бы отстраняя возможность дальнейшего спора, – ваш жребий брошен; позволю себе выразить только мое искреннее сожаление о той горькой судьбе, на которую природная опрометчивость Ангуса Мак-Олея, а также и ваше влияние облекли моего доблестного друга Аллена, и весь его родовой клан, и много других хороших людей в придачу.

– Жребий брошен для всех нас, сэр Дункан, – молвил Аллен, взглянув на него мрачно и рассуждая со своей собственной, болезненной точки зрения, – железная рука всесильного рока запечатлела нашу судьбу на нашем челе задолго до

того, как мы выучились чего-нибудь хотеть или хоть пальцем шевельнуть сознательно. Если бы это было не так, по чему же ясновидящий мог бы узнавать будущее, как не по тем призрачным предвестиям, которые и во сне и наяву представляются ему? Заранее предвидеть можно только то, что должно случиться непременно.

Сэр Дункан хотел возражать, и весьма вероятно, что между этими двумя хайлендерами завязался бы спор насчет самого темного и сомнительного метафизического вопроса, как вдруг дверь растворилась и вошла Анна Лейл со своим клэршахом в руках. Ее ясный взор и непринужденная походка изобличали смелость настоящей девы гор. Воспитанная в тесной дружбе с лэрдом Мак-Олеем и его братом, постоянно бывая в обществе лорда Ментейта и других молодых людей, посещавших замок Дарнлинварах, она была далеко не так застенчива, как бывают девушки, растущие преимущественно среди женщин и считающие нужным хотя бы притворяться робкими в обществе мужчин.

Она была одета по-старинному, потому что новые моды редко проникали в эти горы и еще труднее могли найти доступ в этот замок, населенный почти исключительно мужчинами, единственным занятием которых была война или охота. Однако одежда Анны не только шла к ней, но была довольно роскошна. Ее распашная кофточка с высоким воротником была из голубого сукна, богато расшитого серебром и с серебряными застежками, на случай если бы желали ее за-

стегнуть. Широкие рукава доходили только до локтя и были обшиты золотой бахромой. Под этой верхней одеждой было другое, плотно прилегающее платье из голубого атласа, также богато вышитого, но оттенок его был гораздо светлее кофточки. Нижняя юбка была сделана из клетчатой шелковой материи, в которой преобладающим являлся тоже голубой цвет, что значительно умеряло обычную пестроту шотландского тартана, состоящего, как известно, из ярких и резко противоположных цветов. На шее у нее была серебряная цепочка старинной работы, и на этой цепочке висел ключ, которым она настраивала свой инструмент. Из-за воротника выставлялась небольшая фреза, прикрепленная у горла довольно ценной брошкой, которую подарил ей когда-то лорд Ментейт. Обильные, вьющиеся светлые волосы почти заслонили ее смеющиеся глаза, когда она покрасневшись и с улыбкой объявила, что Мак-Олей приказал осведомиться, не желают ли они послушать музыку?

Сэр Кэмпбел с удивлением и участием увидел это милое явление, прервавшее его спор с Алленом Мак-Олем.

– Может ли быть, – шепотом спросил он его, – чтобы такое красивое, изящное существо состояло для музыкальных развлечений при домашнем обиходе вашего брата?

– О нет, – поспешно ответил Аллен. – Она... она родня нашему семейству, – продолжал он с запинкой, но потом твердо прибавил: – И приемная дочь нашего дома.

С этими словами он встал с той почтительной вежливостью, на которую способен каждый хайлендер, когда считает это нужным, уступил свой стул Анне и затем начал ее угощать всем стоявшим на столе с таким усердием, которое, вероятно, продиктовано было стремлением показать сэру Дункану, что это особа не простая и вот как следует с ней обращаться. Но если таково было намерение Аллена, это оказалось излишним. Сэр Дункан и без того глаз не спускал с Анны и рассматривал ее с таким глубоким участием, какого не могла бы возбудить в нем уверенность в ее знатном происхождении. Анна даже смутилась от взгляда, который устремил на нее старый рыцарь. Она ощущала большое замешательство и долго не могла решиться начать свою музыку, но наконец подстроила инструмент и, ободряемая взглядами лорда Ментейта и Аллена, пропела следующую балладу, которую тот же мистер Макферсон-младший имел любезность перевести для нас таким образом:

Сиротка^[93]

Злая непогода нагоняет тучи,
И покрылась градом блеклая трава.
За ворота замка вышла прогуляться
Бедная хозяйка, горькая вдова.

Видит – у дороги, приюťась под дубом,

Вся дрожа, босая, девочка сидит;
Бедную головку густо град осыпал
И, как белый жемчуг, в волосах блестит.

– Дорогая леди, сжался надо мною:
Все земные блага испытала ты,
Я же от рожденья стала сиротою.
Не отвергни просьбы бедной сироты!
– Рано же, малютка, ты узнала горе!
Но, увы, не легче и судьба моя:
Ведала я счастье светлое, но вскоре
Разом потеряла мужа и дитя.

В день святой Бригитты мужа умертвили...
С маленькою дочкой я бежала прочь,
Чтоб лихие люди крошку не сгубили,
Но путем-дорогой утонула дочь!

Лет прошло двенадцать с той моей кручины;
Но с тех пор и ныне не перестаю
Проклинать лихие водные пучины,
День святой Бригитты и судьбу свою! –

– Лет тому двенадцать рыбаки ловили
В день святой Бригитты рыбу из реки:
Но когда на берег невод притащили,
Там полуживую девочку нашли.

Взяли, отогрели, помогли несчастной;

Девочка в неволе, в бедности росла,
И к тебе сегодня, в этот день ненастный,
Хлеба и приюта попросить пришла.

– О, прославим Бога! Разве ты не знаешь,
Что под кров родимый воротилась ты?
Дитяtko родное, мне напоминаешь
Дорогого мужа милые черты.

Девочку с восторгом леди обнимает
И зовет прислужниц дочку нарядить;
В дорогие ткани, в бархат одевает
И велит головку жемчугом увить...

Лорд Ментейт с удивлением заметил, что эта песня производила на сэра Дункана Кэмпбела такое сильное впечатление, какого никак нельзя было ожидать в его годы и при его характере. Он знал, что хайлендеры того времени были несравненно чувствительнее к пению и рассказам, нежели их соседи, жители равнин; но даже и этим трудно было объяснить то смущение, с которым старик отвел глаза от певицы, как бы не желая допускать себе такого интересного зрелища. Еще неожиданнее было изменение его сурового лица, обыкновенно выражавшего только гордость, здравый смысл и привычку повелевать и вдруг, под влиянием такой мелочной причины, изобличавшего столь странное волнение. Его хмурое чело наклонялось все ниже, так что сдвинутые гу-

стые, седые брови почти совсем закрыли глаза, однако на ресницах блеснуло нечто вроде слез. Он оставался в том же положении минуты две после того, как замер последний звук песни. Потом поднял голову и, взглянув на Анну Лейл, очевидно, хотел что-то сказать ей, но тотчас раздумал и только что обратился с речью к Аллену, как дверь растворилась и вошел хозяин дома.

Глава X

*Пасмурный день их в пути провожал,
Хмурились горы, и след пропал;
И все же, угрюмый и мрачный во тьме,
Замок унылый чернел на горе.*

«Путники»^[94]

Ангус Мак-Олей явился с таким трудным поручением, что не вдруг оказался в состоянии его выполнить. Несколько раз начинал он говорить, путался, сбивался и насилу мог довести до сведения сэра Дункана Кэмпбела, что джентльмен, который должен сопровождать его, готов и ждет на дворе и все приготовлено к его отъезду в Инверэри. Сэр Дункан встал в великом негодовании; обида, заключавшаяся в этом докладе, сразу рассеяла трогательное настроение, навеянное музыкой.

– Не ожидал я этого! – сказал он, гневно глядя на Ангуса Мак-Олея. – Не думал я, что в западных горах найдется вождь, который в угоду англичанину станет выпроваживать из своего замка рыцаря Арденворского, тогда как солнце склоняется к закату, а он еще не успел во второй раз наполнить свой кубок! Прощайте, сэр! От такого грубого хозяина и кусок в горло не пойдет! В будущий раз, коли посету Дарнлинварах, то в одной руке будет у меня обнаженный

меч, а в другой – горящая головня.

– Милости просим! – сказал Ангус. – Приму вас с честью, и хоть бы вы привели с собой сотен пять Кэмпбелов, так вас угощу, что в другой раз не будете жаловаться на плохое гостеприимство в Дарнлинварахе.

– Стращайте на здоровье! – сказал сэр Дункан. – Всем известно, лэрд Мак-Олей, что вы любите прихвастнуть, и порядочным людям не пристало обращать на это внимание. Что до вас, милорд, и до вас, Аллен, заступавших здесь место неблаговоспитанного хозяина, примите мою благодарность. А вы, прекрасная девица, – обратился он к Анне Лейл, – примите эту безделку за то, что оживили источник, пересохший много лет назад...

С этими словами он вышел из комнаты и приказал позвать своих людей. Ангус Мак-Олей, смущенный и обиженный обвинением в недостатке гостеприимства, что было для всякого хайлендера величайшим оскорблением, не пошел провожать сэра Дункана. Выйдя на подъезд, старик тотчас сел на своего коня и выехал со двора в сопровождении шести верховых слуг и благородного капитана Дальгетти, который тоже ждал его у ворот и, как только увидел выходящего из дома сэра Дункана, вскочил на Густава, забрал поводья и поехал за ним.

Переезд был длинный, утомительный, но далеко не представлял тех трудностей и лишений, которые предсказывал лэрд Мак-Олей. Это произошло, между прочим, оттого, что

сэр Дункан тщательно избегал ехать ближайшими, секретными путями, которыми с запада можно проникнуть в графство Аргайл. Его родственник и верховный вождь, маркиз Аргайл, говаривал, что не взял бы и ста тысяч крон за то, чтобы какому-либо смертному открыть тайные проходы, через которые возможно провести вооруженное войско в его страну.

Поэтому сэр Дункан Кэмпбел избрал не горную дорогу, а, спустившись на равнину, направился к ближайшей морской гавани, где всегда стояло к его услугам несколько галер, или, как их называют, берлингов. Они отплыли на одном из таких судов, захватив с собою и Густава, который так привык к разнообразным похождениям, что ему, как и его хозяину, было решительно все равно, что на море, что на суше.

Ветер дул попутный, и они быстро подвигались с помощью паруса и весел. На другой день рано утром капитан Дальгетти, сладко спавший в каморке под палубой, был разбужен известием, что галера стоит под стенами замка сэра Дункана Кэмпбела.

И точно, когда он вышел на палубу, перед ним возвышался замок Арденвор. То была четырехугольная башня сурового вида, довольно обширная и очень высокая, стоявшая на оконечности скалистого мыса, вдававшегося в глубокую морскую бухту, в которую они вошли накануне вечером. Со стороны твердой земли замок защищался крепкой стеной, упирившейся по обоим концам в башни; а со стороны бух-

ты он так близко подступал к краю отвесной стены, что там оставалось место только для батареи из семи пушек, которая предназначена была для защиты от нападений с моря, но помещалась так высоко, что при настоящей системе войны едва ли могла оказать существенную пользу.

Солнце вставало за старой башней, и от нее шли длинные тени по воде, захватывая и палубу галеры, по которой нетерпеливо шагал теперь капитан Дальгетти, выжидая, когда подадут ему знак, что можно выйти на берег. Прислуга сообщила ему, что сэр Дункан давно у себя дома, но на предложение капитана поскорее следовать за ним люди отвечали, что этого невозможно сделать до тех пор, покуда не последует на этот счет приказание или позволение со стороны самого хозяина Арденвора.

Вскоре получен был приказ: показалась лодка, на носу которой стоял волынщик, с гербовыми знаками Арденвора, вышитыми на левом рукаве, и изо всей мочи наигрывал фамильный марш «Кэмпбел идет!». То был парадный экипаж для препровождения посла Монтроза в замок Арденвор. Расстояние между галерой и берегом было так незначительно, что едва ли была необходимость в восьми дюжих гребцах в шапочках, коротких кафтанах и пестрых килтах. Не успел Дальгетти войти в лодку, как дружные усилия гребцов вдвинули ее в маленькую пристань; не успел он оборониться, как двое хайлендеров посадили его на спину третьего, который вошел в воду, мигом перенес капитана через мелководье и

поставил его невредимого на высокий камень, у подножия крепостного утеса.

На гладкой стене этого утеса виднелось отверстие вроде низкой пещеры, и к ней гребцы собирались тащить нашего приятеля Дальгетти; но он с усилием вырвался из их рук и объявил, что не сделает ни шагу дальше, пока не увидит, что Густав благополучно доставлен на берег. Хайлендеры не понимали, что он такое говорит, пока один из них, говоривший немного по-английски, не воскликнул:

– Стой! Это он о лошади, требует свою бесполезную тварь!

Капитан Дальгетти намерен был выразиться еще вразумительнее, но тут у входа в пещеру, о которой мы говорили, появился сам сэр Дункан Кэмпбел. Он пришел пригласить капитана Дальгетти в гости, в замок Арденвор, заверяя честью, что с Густавом будут обращаться сообразно великому имени, которое он носит, а также сообразно достоинству того важного лица, которому он принадлежит. Невзирая на столь благонадежные ручательства, капитан Дальгетти все еще мялся и желал лично удостовериться в участии своего Густава; но тут двое хайлендеров схватили его под руки, двое других начали подталкивать в спину, а пятый воскликнул:

– Что ты, глухой, что ли? Разве не слышишь, что сам лэрд зовет тебя в гости, сам приглашает в свой собственный замок, уж кажется, довольно с тебя такой чести!

Понуждаемый таким образом, капитан еще минуту поко-

сился в ту сторону, где покинул на галере товарища своих боевых трудов, и потом очутился в совершенной темноте и ощупью полез вверх по лестнице, которая начиналась внутри упомянутой низкой пещеры и вела дальше, в самые недра скалы.

– Вишь, проклятые дикари, эти хайлендеры! – вполголоса бормотал себе под нос капитан. – Что я буду делать, коли они мне своими корявыми руками испортят коня, тезку непобедимого Льва Протестантского союза!^[95]

– Этого опасаться нечего, – произнес в темноте голос сэра Дункана, которого он совсем не ожидал так близко от себя, – мои люди привыкли обращаться с лошадьми, умеют и грузить их, и выгружать, и вы скоро увидите вашего Густава в таком же отличном виде, как в ту минуту, когда слезали с него.

Каковы бы ни были чувства, втайне волновавшие капитана, он слишком хорошо знал жизнь, чтобы позволить себе дальнейшие излишества. Через несколько ступеней выше показался просвет, затем дверь и за нею еще калитка за железной решеткой вывели его на открытую галерею, высеченную в той же скале. Пройдя пространство не больше восьми ярдов, они достигли другой двери, за которой начался новый подъем внутри скалы, защищенный опять-таки подъемной железной решеткой.

– Вот превосходное ограждение, – заметил капитан, – стоит тут поставить одно полевое орудие или хоть несколько

мушкетов – и отбит целый штурмующий отряд!

Сэр Дункан Кэмпбел на ту пору ничего не ответил; но, когда вслед за тем они вошли во вторую каверну, он постучал палкой, бывшей у него в руках, сначала с правой, потом с левой стороны входа, и от этих ударов пошел такой гул в стене, что капитан тотчас понял, что с обеих сторон там поставлено по пушке, что выстрелы из них должны пронизывать галерею, через которую они только что прошли, но амбразуры были снаружи тщательно заложены камнями и землей.

Взойдя по второй лестнице, они вышли опять на открытую площадку и галерею, которую можно было обстреливать из ружей и стенных орудий, если бы зашедший сюда неприятель пожелал подняться еще выше. Отсюда третья лестница, также высеченная в скале, но не врытая, вела прямо на батарею, расположенную у подножия башни. Эта последняя лестница была такая же узкая и крутая, и, не говоря о том, что ее можно было обстреливать сверху, двое стойких бойцов, вооруженных копьями или секирами, могли бы защищать проход против сотен осаждающих, потому что на каждой ступени умещался только один человек, к тому же эта лестница не была ограждена ни перилами, ни балюстрадой от отвесной крутизны, у подножия которой грохотал теперь морской прилив. Словом, для защиты этой древней кельтской твердыни приняты были такие меры, что человек слабонервный и склонный к головокружению не был бы в состоянии проникнуть в замок, даже если бы никто не оказы-

вал ему сопротивления.

Капитан Дальгетти был слишком бывалый воин, чтобы затрудниться подобными препятствиями. Как только вошли они во двор, он побожился, что способы защиты этого замка больше напоминают ему отменную крепость Шпандау в провинции Бранденбург, нежели какую-либо другую фортецию из тех, что доводилось ему защищать. Впрочем, он не одобрил расположения пушек на помянутой батарее, заметив, что, когда орудия ставятся на самой верхушке утеса, наподобие галок или чаек, они больше производят шума, чем наносят действительного вреда.

Сэр Дункан, не возражая, провел воина в башню, защищенную подъемной решеткой и дубовой дверью, обитой железом, отделенными друг от друга толщею стены. Войдя в зал, обитый шпалерами, капитан продолжал излагать свои критические взгляды; но отложил их на время в сторону, заметив на столе превосходный завтрак, на который накинулся с большой жадностью. Покончив с едой, он обошел весь зал, заглядывая поочередно в каждое окно и тщательно осматривая местность, окружавшую замок. Потом воротился к своему креслу, раскинулся на нем во всю свою длину, выставил одну ногу вперед и, похлопывая хлыстом, бывшим у него в руке, по своему длинному сапогу, на манер невоспитанных людей, желающих выказать непринужденность в высшем обществе, принялся следующим образом высказывать свои непрошенные мнения:

– У вас, сэра Дункан, дом хороший, и защищаться в нем можно изрядно; однако он не таков, чтобы истинному воину позволительно было ожидать, что он выдержит долговременную осаду. Сами извольте рассудить, сэра Дункан, прямо против вашего жилья высится и, так сказать, угрожает ему вон тот закругленный холм со стороны твердой земли. Ведь если на этот холм неприятель вздумает подвезти батарею да начнет оттуда валять пушечными выстрелами, вы через двое суток вынуждены будете объявить капитуляцию, коли Богу не угодно будет совершить для вас какое-нибудь особое чудо.

– Туда нельзя подвезти пушки, – молвил сэра Дункан отрывисто, – потому что вокруг Арденвора никаких дорог не существует. Мой замок окружен такими топями и болотами, в которых даже и вы со своей лошадью не проедете иначе, как по некоторым тропинкам; да и их в несколько часов можно уничтожить бесследно.

– Сэра Дункан, – сказал капитан, – я понимаю, что вам угодно так думать; но мы, военные люди, полагаем, что, где есть морской берег, там есть и свободный доступ: когда нельзя подвезти пушек и боевых снарядов сухим путем, можно морем доставить их как можно ближе к месту, где желают пустить их в ход, и притом нет такого замка, которого бы совсем нельзя было взять, какова бы ни была его позиция. Верьте моему слову, сэра Дункан, я знаю такие случаи, когда двадцать пять человек единственно смелостью и неожидан-

ностью нападения, с пиками в руках, овладевали крепостями не менее сильными, чем ваш Арденвор, и частью вырезывали, частью забирали в плен или задерживали на выкуп гарнизоны, вдесятеро превышавшие их численностью.

Невзирая на всю светскость сэра Дункана Кэмпбела и на его умение сдерживать свои душевные порывы, речи капитана, очевидно, задевали его за живое и возбуждали в нем досаду, между тем как гость с безмятежной важностью выкладывал свои соображения, избрав для разговора такой предмет, в котором он, по собственному сознанию, был великим знатоком и мастером, и нимало не подумав о том, насколько это приятно хозяину.

– Словом сказать, – заявил сэр Дункан нетерпеливым и взволнованным тоном, – напрасно вы силитесь мне доказывать, капитан Дальгетти, что замок можно взять, если его не будут защищать доблестно, и можно застать его врасплох, если стража будет не довольно бдительна. Я надеюсь, что мой дом, каков ни есть, не очутится в таком положении даже и в том случае, если бы сам капитан Дальгетти вздумал осаждать его.

– А все-таки, сэр Дункан, – продолжал неукротимый воин, – я бы советовал вам, по дружбе, построить на том холме порядочный форт да прорыть за ним ров, что нетрудно будет сделать, коли прикажете согнать на работу соседних мужиков. Доблестный Густав Адольф, бывало, на войне столько же прибегал к заступу и лопате, сколько к мечу, копыю и

мушкету. Мой совет притом: хорошенько укрепить помянутый форт, и не только рвом или канавой, но также палисадами, сиречь частоколом...

Тут сэр Дункан, выведенный из терпения, встал и вышел из комнаты. Но капитан последовал за ним до двери и, возвышая голос по мере его удаления, продолжал разглагольствовать:

– А палисады, то есть частокол, следует обнести искусственными выступами и амбразурами или зубцами для ружей, так, чтобы, когда неприятель... Вот дурак! Вот старый дурак! Эти хайлендеры горды как павлины, а упрямы как бараны!.. Упустить случай превратить свой дом в такую фортецию, на которой любая осаждающая армия сломит себе шею... Однако я вижу, – прибавил он, заглядывая в окно к подножию стремнины, – вижу, что моего Густава благополучно свели на берег... Славный мой конь! Я бы его узнал в ряду целого эскадрона по одному тому, как он вздергивает голову... Пойти посмотреть, что они с ним будут делать.

Только он вышел во двор и направился к лестнице, ведущей к морю, как двое хайлендеров скрестили перед ним свои секиры, давая понять, что тут нельзя пройти.

– Эх, черт! – промолвил воин. – Часовых поставили, а пароль-то я и не знаю. И говорить по-ихнему не умею, хоть ты меня зарежь!

– Ничего, я вас сам провожу, капитан Дальгетти, – сказал сэр Дункан, опять появившийся неожиданно и неведомо от-

куда. – Пойдемте вместе, посмотрим, как прибрали вашего любимого коня.

Они спустились по лестнице на берег, обогнули большой утес и очутились перед конюшнями и прочими службами, принадлежавшими к замку. В то же время капитан увидел, что та часть замка, которая была обращена к материку, отделялась от него глубоким ущельем, частью естественным, частью искусственно продолженным с большим тщанием, и доступ через него был возможен только по подъемному мосту.

Сэр Дункан с торжествующим видом указал капитану на эти надежные приспособления, но тот тем не менее настаивал на необходимости возведения форта на округленном холме против восточной стороны замка, утверждая, что оттуда дому угрожает опасность загореться от каленых ядер, которые начиняют огнем и стреляют ими из пушек. Это выдумка польского короля Стефана Батория, посредством которой этот до основания разрушил Москву, великий город в стране Московии^[96].

Капитан Дальгетти сам не видал, как это делается, но признался, что с превеликим бы удовольствием посмотрел на действие подобных снарядов против Арденвора или какой-нибудь другой столь же сильной крепости, и заметил при этом, что «такой любопытный опыт, естественно, должен заинтересовать каждого истинного любителя военного искусства».

Сэр Дункан Кэмпбел успешно изменил течение мыслей капитана, введя его в конюшню и предоставив ему по собственному усмотрению устроить Густава в стойле. Исполнив эту обязанность со всевозможным старанием, капитан выразил желание воротиться в замок, говоря, что ему надо заняться до обеда чисткой своих доспехов, которые потускнели от морского воздуха, а ему не хотелось в неопрятном виде являться перед очи Мак-Калемора. На обратном пути в замок он заметил, что обед, вероятно, подадут около полудня, и не преминул еще раз поставить на вид сэру Дункану, что на него легко могут произвести внезапное нападение, отрезать ему сообщение с конюшнями, скотным двором и хлебными амбарами, все это сжечь и вообще наделать всяких убытков; а этого легко избежать, если на холме, называемом Друмснэб, построить укрепление, и даже сам вызвался, по дружбе, начертать план такового. На это бескорыстное предложение сэр Дункан ничего не ответил, но, приведя гостя в назначенную ему комнату, предупредил его, что, когда зазвонят в колокол, это будет означать, что обед готов.

Глава XI

*... Не твой ли этот замок? Как уныло
Чернеют эти стены над водой!
Будь я обязан жить тут, поневоле
Внимать немолчному прибою волн морских,
Я предпочел бы столь тоскливой доле
Судьбу беднейшего из мызников моих:
Их мирный труд проходит в чистом поле.*

Браун^[97]

Доблестный капитан охотно употребил бы свои досуги на подробный осмотр окрестностей замка и желал бы собственным опытным оком проверить степень его неприступности. Но часовой, поставленный у двери его комнаты, с секирой на плече, весьма выразительными знаками дал ему понять, что он находится на правах почетного пленника.

«Странное дело, – подумал про себя капитан, – как эти дикари досконально поняли законы воинского искусства. Кто бы подумал, что и им известно основное правило великого и божественного Густава Адольфа, что парламентар должен быть наполовину посланником и наполовину лазутчиком».

Покончив с чисткой своего оружия, он сел и терпеливо начал высчитывать, много ли он получит по окончании шестимесячной кампании, полагая по полталера в день; разрешив эту задачу, он принялся за другую, более сложную, а

именно: во сколько рядов следует строить бригаду из двух тысяч человек, чтобы она образовала равносторонний четырехугольник.

На этих выкладках застал его веселый звон обеденного колокола, и тот самый хайлендер, который был приставлен к нему караульщиком, послужил проводником и провел его в зал, где стол, накрытый на четыре прибора, являл все признаки широкого хайлендерского хлебосольства.

Вошел сэр Дункан, ведя под руку свою супругу, женщину высокого роста, увядшую, грустную и одетую в глубокий траур. За ними следовал пресвитерианский пастор в женевской блузе и черной шелковой скуфье, сидевшей на его коротко остриженной голове так плотно, что волос было совсем не видно, зато уши торчали и казались чрезмерно велики. В то время такова была некрасивая мода среди его единоверцев, что и было поводом к прозвищам «круглоголовых, длинноухих псов» и так далее, которыми надменные кавалеры (сторонники католических Стюартов) осыпали своих политических врагов.

Сэр Дункан представил гостя жене, и она отвечала на его военный поклон молчаливым и строгим реверансом, в котором трудно было решить, что преобладало: гордость или печаль. Потом капитан был представлен пастору, и этот взглянул на него со смешанным выражением любопытства и враждебности.

Капитан, привыкший и к худшему обхождению со сторо-

ны лиц более опасных, чем эта дама и ее капеллан, всей душой устремился к громадному блюду говядины, дымившейся на другом конце стола. Но, увы, пришлось отложить нападение, как бы он выразился, до окончания весьма длинной молитвы, при каждом перерыве которой Дальгетти порывисто поднимал ножик и вилку, точно хватался за копьё перед атакой, и каждый раз снова вынужден был поневоле опускать руки, потому что многоречивый пастор начинал новый параграф молитвословия. Сэр Дункан слушал с видом приличным, но равнодушным: носились слухи, будто он пристал к ковенантерам единственно из преданности к своему вождю, а вовсе не потому, что держался за пресвитерианство. Одна его супруга прислушивалась к молитвам со всеми признаками искреннего благочестия.

Обед прошел в полнейшем молчании. Капитан Дальгетти не имел привычки пускаться в разговоры, пока рот его был занят более существенно. Сэр Дункан не проронил ни слова, а жена его изредка обменивалась замечаниями с пастором, но так тихо, что ничего нельзя было разобрать.

Когда блюда убрали со стола и заменили их разнообразными напитками, капитан Дальгетти, не имея более причин к молчанию и наскучив безмолвием остальных, предпринял еще раз попытку поговорить с хозяином о том же предмете.

– Касательно того округленного холма или возвышения, называемого Друмснэб, мне было бы лестно, сэр Дункан, побеседовать с вами о том, какого рода укрепление лучше все-

го там построить: например, что выгоднее, остроугольный или тупоугольный форт. Я на этот счет слышал весьма ученое рассуждение между великим фельдмаршалом Банером и генералом Тифенбахом во время перемирия.

– Капитан Дальгетти, – отвечал сэр Дункан очень сухо, – у нас в горах не принято обсуждать военные вопросы с посторонними лицами. А замок мой, вероятно, выдержит и более серьезное нападение, нежели то, какого можно ожидать со стороны несчастных джентльменов, которых мы оставили в Дарнлинварахе.

При этих словах хозяйка дома испустила глубокий вздох, как будто речи мужа пробудили в ней очень скорбные воспоминания.

– Господь дал, Господь и отнял! – сказал ей пастор торжественным тоном. – Желаю вам, благородная леди, еще много лет повторять: буди благословенно имя Господне!

На это увещание, относившееся исключительно к ней, леди отвечала низким наклоном головы, более смиренным, чем капитан до сих пор замечал в ней. Полагая, что вот теперь она будет разговорчивее, он немедленно обратился к ней:

– Очень натурально, миледи, что, слыша о военных приготовлениях, вы изволили приунуть: я замечал, что у всех народов и почти у всякого звания женщины так относятся к войне. Однако Пентесилея^[98] в древности, а в недавнее время Жанна д'Арк и другие были иного мнения. А когда я слу-

жил в Испании, мне говорили, что в прежние времена герцог Альба^[99] составлял из лагерных девиц, следовавших за войском, особые терции, у нас называемые полками, и назначал им офицеров и командиров тоже из их женского пола, а главнокомандующий был у них особенный, что по-немецки называется *Hureweibler*, а по-нашему, как бы сказать, «капитан над девками». Они, правда, не такие персоны, чтобы их можно было приравнять к вашему высокородию, будучи *quae quaestum corporibus faciebant*²², как мы в маршальской коллегии говорили про Жана Дрохилса; французы их зовут куртизанками, а у нас в Шотландии...

– Миледи обойдется без дальнейших разъяснений, капитан Дальгетти, – сказал хозяин суровым тоном, а пастор прибавил:

– Такие речи приличнее слышать в кордегардии, среди нечестивых солдат, но никак не за дворянской трапезой, в присутствии знатной дамы.

– Прошу извинить, доминe, или доктор, *aut quocumque alio nomine gaudes*²³, ибо я желаю дать вам понять, что сам имею книжное образование, – сказал, нимало не конфузясь, чрезвычайный посланник. – По-моему, вы напрасно попрекнули меня, ибо я упомянул об этих *turpes personae*²⁴ не в том смысле, что нахожу их приличными для беседы в присутствии

²² Те, кто наживаются, торгуя телом (*лат.*).

²³ Или каким другим именем ты имеешь удовольствие называться (*лат.*).

²⁴ Безнравственные личности (*лат.*).

знатной дамы, а, так сказать, случайно, в подтверждение к предмету разговора: я хотел привести в пример их храбрость и решимость, без сомнения, развившуюся вследствие отчаянного их положения.

– Капитан Дальгетти, – сказал сэр Дункан Кэмпбел, – чтобы прекратить этот разговор, я должен предупредить вас, что на нынешний вечер у меня есть спешное дело, которое я должен кончить, дабы иметь возможность сопровождать вас завтра в Инверэри, поэтому...

– Сопровождать завтра этого человека! – воскликнула его жена. – Не может быть, сэр Дункан... Или ты позабыл, какая завтра печальная годовщина и как мы ее проводим?

– Нет, я ничего не забыл, – отвечал сэр Дункан, – и разве возможно забыть?.. Но необходимо поскорее препроводить этого офицера в Инверэри, и по нынешним обстоятельствам невозможно терять время.

– Но какая же необходимость тебе самому сопровождать его? – спросила леди.

– Было бы лучше, если бы я сам, – отвечал сэр Дункан, – однако я могу написать маркизу письмо, а сам выехать на следующий день... Капитан Дальгетти, я напишу вам рекомендательное письмо, объясню маркизу Аргайлу ваше звание и назначение и попрошу вас завтра рано утром быть готовым отправиться в Инверэри.

– Сэр Дункан Кэмпбел, – сказал Дальгетти, – я, без сомнения, в ваших руках, тем не менее прошу вас помнить,

что и на ваше имя падет худая слава, если вы допустите, чтобы в этом деле пострадал я, парламентар, едущий под мирным флагом. Я не говорю, что вы сами участвуете во вреде, который может быть нанесен мне, но вы за меня несете ответственность и будете виноваты, если это случится по недостатку старания с вашей стороны.

– Моя честь за вас порукой, сэр, – отвечал сэр Дункан Кэмпбел, – а это более чем достаточное ручательство! А теперь, – прибавил он, вставая из-за стола, – я вынужден подать вам пример – разоиде́мтесь!

Дальгетти увидал, что делать нечего, надо уходить, хотя час был еще ранний; но, как искусный полководец, он умел воспользоваться каждым моментом промедления.

– Верю вашему благородному слову, – сказал он, наливая себе вина, – и пью за ваше здоровье, сэр Дункан, и за продолжение вашего именитого рода!

Глубокий вздох был единственным ответом на эти слова.

– А теперь, сударыня, – продолжал капитан, поспешно вновь наполняя чару, – позвольте выпить за ваше драгоценное здоровье и за исполнение всех ваших благих желаний! И вы, достопочтенный сэр, – тут он обратился к пастору, проворно опрокидывая бутылку в стакан, – позвольте мне наполнить этот кубок за то, чтобы никаких неприязненных чувств не существовало между вами и капитаном или, правильнее сказать, майором Дальгетти; а так как во фляжке осталась только одна чарочка, выпиваю последнюю за здо-

ровье всех честных кавалеров и храбрых солдат... Ну, вот теперь бутылка пуста, и я готов, сэр Дункан, следовать за вашим слугой или часовым к тому месту, где вы мне прикажете ночевать.

Хозяева отпустили его с миром и сказали, что, так как вино оказалось по его вкусу, ему сейчас пришлют еще бутылку того же сорта, чтобы не скучно было проводить время в одиночестве.

Едва капитан водворился в своей комнате, как обещание было выполнено, а вскоре вслед за тем принесли ему и добавочный провиант в виде пирога с дичью, так что он и не подумал скучать без общества. Тот же слуга, нечто вроде буфетчика, принесший угощение, вручил капитану и пакет, запечатанный гербовой печатью и перевязанный шелковинкой, по тогдашнему обыкновению, и надписанный в самых почтительных выражениях на имя высокородного, именитого, светлейшего Арчибальда маркиза Аргайла, лорда Лорна и прочая и прочая. Вместе с тем буфетчик доложил, чтобы капитан завтра пораньше пускался в путь к Инверэри, прибавив, что письмо сэра Дункана послужит ему и рекомендацией и паспортом в дороге.

Дальгетти не забыл, что, помимо обязанностей посланника, он должен всемерно стараться о собирании полезных сведений, да к тому же ему самому хотелось узнать, по какой причине сэр Дункан решил не сопровождать его лично; поэтому он, как опытный дипломат, со всевозможной осто-

рожностью осведомился у слуги, что значит, что сэр Дункан непременно должен проводить дома завтрашний день? Слуга был не здешний, а родом с равнины и отвечал, что сэр Дункан и миледи имеют обыкновение проводить этот день в посте и молитве, потому что это годовщина того дня, когда их замок подвергся неожиданному нападению шайки разбойников и всех их четверых детей безжалостно убили хайлендеры, а случилось это в отсутствие сэра Дункана, который на ту пору отправлялся с маркизом Аргайлом в поход против Мак-Линов, на остров Мэлл.

– Поистине, – сказал на это Дальгетти, – ваши лорд и леди имеют достаточные причины к посту и сокрушению. Однако все-таки скажу, что если бы он захотел внять советам опытного воина, искушенного в боевой практике и защите крепостей, то построил бы он хоть небольшой форт на том холмике, что налево от подъемного моста. Я сейчас могу тебе доказать, как это будет полезно, мой друг. Положим, что вот этот пирог будет замок... Как твое имя, друг мой?

– Лоример, сэр, – отвечал слуга.

– За твое здоровье, почтенный Лоример!.. Так вот, этот пирог, положим, будет главное укрепление или цитадель защищаемой крепости, а вот эта кость будет, положим, тот форт на холме...

– Извините, сэр, – прервал его Лоример, – мне очень жаль, что не могу оставаться здесь дольше и послушать ваших рассуждений; но сейчас прозвонит колокол. Сегодня у нас на

семейном богослужении будет сам преподобный мистер Грэнингоул, собственный капеллан маркиза Аргайла; а так как из шестидесяти человек прислуги только семеро понимают по-шотландски, никому из нас неприлично уклоняться от проповеди, да и миледи была бы мной уж очень недовольна... Вот тут есть трубки и табак, сэр, в случае если вам угодно будет покурить. А коли еще что понадобится, подадим все, чего пожелаете, только через два часа, когда кончится богослужение. – Сказав это, Лоример вышел из комнаты.

Едва он удалился, как раздался протяжный звон башенного колокола, созывавшего на молитву. Вслед за тем послышались пронзительные возгласы женщин и низкие голоса мужчин, во все горло рассуждавших о чем-то между собой и с разных концов дома бежавших вдоль длинной и узкой галереи, в которую выходили двери множества комнат, в том числе и той, где помещался капитан Дальгетти.

– Ну вот, повалили все разом, точно барабан пробил им сбор, – ворчал про себя капитан, – должно быть, все население ушло на парад; пойду-ка я прогуляюсь, подышу вольным воздухом, да погляжу сам, каким манером лучше будет подступиться к этой крепости.

Как только все в доме стихло, он растворил дверь и вышел в коридор, но в ту же минуту увидел, что навстречу ему из дальнего конца идет все тот же часовой, со своей секирой, и насвистывает какой-то гэльский мотив. Выказать недоверие к этому юноше было бы неполитично, да и противно во-

индивидуальному характеру капитана; поэтому он напустил на себя самый беззаботный вид, засвистал, со своей стороны, шведский марш, да еще гораздо громче часового, повернулся и тихими шагами воротился в свою комнату, как будто затем только и выходил, чтобы дохнуть свежим воздухом, и захлопнул свою дверь перед самым носом караульщика, который в этот момент поравнялся с ним.

«Ладно, – подумал капитан, – он взял с меня слово, а сам приставил сторожа; значит, и я не обязан держать своего слова. Потому что, как говорилось у нас в маршальской коллегии, *fides et fiducia sunt relativa*²⁵. Раз он моему слову не доверяет, и я могу не сдерживать обещание, если подвернется подходящий к тому случай. Какие же тут нравственные обязательства, коли вместо них он пускает в ход физическую силу?»

Сложив с себя таким образом всякую ответственность, на основании бдительности своего стража, капитан Дальгетти удалился в свою комнату и не без приятности провел время, употребив его то на теоретические выкладки тактического свойства, то на практические упражнения с пирогом и бутылкой, пока не пришло время лечь спать.

На заре разбудил его Лоример и объяснил, что, как только он позавтракает – к чему он принес ему обильные средства, – так и надо уезжать в Инверэри, ибо конь его и проводники ждут у подъезда. Поступив совершенно так, как посо-

²⁵ Верность и доверие – понятия относительные (*лат.*).

ветовал ему гостеприимный буфетчик, капитан плотно поел и отправился к выходу. Проходя через комнаты, он заметил, что прислуга занята в большом зале обвешиванием стен черным сукном; он сейчас же припомнил, что то же самое было сделано в замке Вольгаст в то время, как там было парадно выставлено тело бессмертного Густава Адольфа, и заключил, что, значит, это признак истинной печали и глубочайшего траура.

Сев на коня, Дальгетти увидел, что ему дали в провожатые, а может быть и в соглядатаи, пять или шесть Кэмпбеллов в полном вооружении, под начальством одного, который, судя по гербу на щите, по шапке с пером и по важному виду, был, вероятно, дуинивассел, или знатное лицо в клане, а по осанке, должно быть, приходился сэру Дункану близким родственником, то есть не далее как в десятом или двенадцатом колене. Но ни об этом, ни о чем другом не было возможности получить никаких сведений, потому что ни начальник эскорта, ни его подчиненные ни слова не понимали по-английски.

Капитан ехал верхом, а спутники его шли пешком; но таково было их проворство и так велики бесчисленные препятствия, встречавшиеся на пути для всадника, что не только они от него не отставали, но ему даже трудно было поспевать за ними. Он заметил, что они иногда бросают на него пронизательные взгляды, как будто опасаясь, чтобы он не убежал; а один раз, когда он замешкался перед переправой

через брод ручья, один из слуг уж начал раздувать фитиль своего кремневого ружья, знаками показывая, что отставать опасно. Дальгетти не понравился столь бдительный надзор; но делать было нечего, тем более что в такой незнакомой и дикой стране и бежать-то было бы чистым безумием. Поэтому он терпеливо подвигался вперед через пустынные и дикие места, по заглохшим тропинкам, никому не известным, кроме пастухов да гуртовщиков. И гораздо больше неудобств, нежели наслаждения, испытывал он среди живописнейших горных ландшафтов, которые в настоящее время заставляют многих любителей природы съезжаться со всех концов Англии, любясь величием шотландских видов и подвергая свои желудки действию своеобразных шотландских яств.

Наконец достигли они южной окраины великолепного озера, на берегу которого был расположен Инверэри. Дуинивассел затрубил в рог; этот звук прокатился мощными отголосками по скалам и лесам и вызвал из противоположащей бухты большую, хорошо оснащенную галеру. Вскоре она пристала к месту, где остановились наши путники, и забрала весь отряд, в том числе и Густава: эта смышленная скотина столько на своем веку путешествовала и по морю и на суше, что вошла в лодку, а потом вылезла оттуда на твердую землю, как и всякий порядочный христианин.

Во время плавания по Лох-Файну капитан Дальгетти мог бы полюбоваться одним из прекраснейших видов в мире: отсюда видно было, как обе реки-соперницы, Арей и Ши-

рей, впадающие в озеро, стремятся из темных, лесистых ложин. Над берегом, который мягким склоном сходит к озеру, высился величавый готический замок, разнообразные очертания которого с зубчатыми стенами, башнями, внешними и внутренними дворами представляли в то время зрелище несравненно более живописное, нежели теперь, когда он является сплошным, массивным и однообразным зданием. Со всех сторон это грозное, царственное жилище было окружено тогда темными лесами, а в стороне, непосредственно из озера, возвышался красиво очерченный громадный пик Дуникоик, перепоясанный туманными облаками и уносивший за пределы их свою остроконечную вершину, увенчанную одинокой сторожевой башней, которая высилась там наподобие орлиного гнезда и придавала местности величие, неразлучное с сознанием возможной опасности. Все эти красивые подробности капитан Дальгетти мог бы подметить и оценить, будь у него к тому малейшая охота. Но, по правде сказать, храбрый капитан, с самого утра ничего не евший, всего более заинтересовался дымом, клубившимся из труб замка, и на этой примете основывал пылкие надежды на обильный провиант, как он обыкновенно называл предметы этого рода.

Лодка причалила к грубой пристани городка Инверэри, в то время не более как селение, состоявшее преимущественно из лачуг и небольшого количества каменных домов; улица тянулась от озера Лох-Файн до площадки перед главными воротами замка, и тут на ту пору происходило нечто такое,

от чего перевернулось бы менее мужественное сердце и отбило бы аппетит у человека более утонченного, нежели наш ротмистр Дугалд Дальгетти, уроженец Драмсуокита.

Глава XII

*...Он создан для интриги и коварства:
На деле дерзок, а на речи скор;
Всегда суров и вечно недоволен,
Брюзглив и резок, но умом остер.*

Драйден. «Авессалом и Ахитофель»^[100]

Селение Инверэри, ныне чистенький провинциальный город, в семнадцатом столетии представляло неправильную кучу довольно жалких жилищ. Но на полпути от пристани к воротам замка была базарная площадь, место неопределенной величины и формы, совсем не мощеное, так же как и улицы, и носившее на себе в сильнейшей степени отпечаток тогдашнего жестокого времени. Прямо против ворот замка, черневших своим глубоким порталом, подъемными решетками, выступами и башнями, стояла виселица, и на ней висели пять мертвых тел: судя по одежде, два принадлежали уроженцам равнины, а остальные трое были хайлендеры, обернутые в свои пледы.

У подножия виселицы сидели две или три женщины и оплакивали покойников, вполголоса распевая *коронах*, то есть погребальное причитание по мертвым.

Но это зрелище было, по-видимому, столь обычным местным явлением, что обыватели не обращали на него никакого

внимания; собравшись на краю дороги, они с любопытством глазели на воинственную фигуру, крупного коня и блестящие доспехи капитана Дальгетти и как будто вовсе не замечали скорбной картины на их собственной базарной площади.

Но посланец Монтроза не мог отнестись к этому с таким равнодушием. Услыхав мимоходом, что один из хайлендеров довольно приличного вида произнес несколько слов по-английски, он немедленно придержал Густава и обратился к нему с вопросом:

– У вас тут, должно быть, уголовное судилище было, другой? Нельзя ли узнать, за что казнены эти люди?

Говоря это, он взглянул на виселицу, и хайлендер, поняв скорее по этому движению, нежели по его словам, о чем он спрашивает, отвечал:

– Три джентльмена – горцы-разбойники, царство им небесное! – Тут он осенил себя крестным знамением. – А двое англичан не хотели исполнять чего-то, что им приказывал Мак-Калемор. – И, не дожидаясь дальнейших расспросов, он хладнокровно повернулся и ушел.

Дальгетти пожал плечами и поехал дальше, тем более что кузен (в десятом или двенадцатом колене) сэра Дункана Кэмпбела начинал выказывать признаки нетерпения.

У ворот замка представилось им еще одно ужасное доказательство феодального могущества. За частоколом или палисадом, по-видимому недавно возведенным для защиты во-

рот и вооруженным с обеих сторон пушками малого калибра, помещалась еще одна небольшая загородка, внутри ее стояла плаха, а на ней – топор. То и другое было запачкано свежей кровью, а рассыпанные кругом опилки частью маскировали, а частью изобличали следы недавней казни.

Пока Дальгетти смотрел на это новое пугало, начальник его конвоя дернул его за подол камзола, и, когда капитан обернулся, тот указал ему пальцем на шест, воткнутый в чашокол: на верху этого шеста была насажена человеческая голова, очевидно принадлежавшая последнему из казненных. Указывая на это ужасное зрелище, хайлендер усмехнулся с таким зловещим выражением лица, что спутник его усмотрел в этом недоброе для себя предзнаменование.

У ворот Дальгетти сошел с коня, но Густава тотчас увели, не позволив ему лично проводить его на конюшню, как он к тому привык.

Это огорчило нашего воина так глубоко, как не могли огорчить даже виденные им приспособления к казни.

«Бедный мой Густав! – подумал он про себя. – Если со мной случится недоброе, уж лучше бы я оставил его на хранение в Дарнлинварахе, а не таскал бы с собой к этим дикарям хайлендерам, которые, пожалуй, не разберут, где у лошади голова, а где хвост... Но долг прежде всего; по долгу службы расстанешься со всем, что ни есть самого дорогого и близкого...»

Тут он приободрился и вполголоса затянул песню:

Развеваются знамена, пушки с грохотом палят,
Наши храбрые ребята штурмовать идти хотят.
Постараемся же, други, так, чтоб дрогнула земля,
За Священное Писанье, за Густава короля.

Угомонив свои опасения этим отрывком военной баллады, он последовал за проводником в сени, исполнявшие должность гауптвахты и наполненные вооруженными хайлендерами.

Ему сказали, чтобы он оставался тут, покуда пойдут доложить маркизу о его прибытии. Дабы доклад состоялся скорее, доблестный капитан показал дуинивасселу пакет сэра Дункана Кэмпбела, стараясь знаками дать ему понять, что эту вещь следует вручить маркизу в собственные руки. Проводник кивнул и ушел.

С полчаса капитан провел в этих сенях, перенося с хладнокровием, а иногда и с презрением пристальные и враждебные взгляды вооруженных хайлендеров, для которых внешность и доспехи его казались столь же любопытны, насколько национальность капитана и его личность были им противны. Но он ко всему этому относился с воинственной небрежностью.

Наконец, по прошествии получаса, вошел человек, одетый в черное бархатное платье, с золотой цепью на шее, вроде того, как одеваются нынешние судьи в Эдинбурге; но это был не более как дворецкий маркиза Аргайла. Подойдя к ка-

питану с торжественною важностью, он пригласил его в приемную своего повелителя.

Анфилада покоев, через которые они пошли, была наполнена прислугой и посетителями всякого сорта, расположенными с некоторым расчетом на эффект, вероятно, для того, чтобы показать посланцу Монтроза, каково могущество и великолепие его соперника, Аргайла. Один зал был набит лакеями в коричневых с желтым ливреях: выстроившись шпалерами вдоль комнаты, они безмолвно глазели на проходившего мимо них капитана Дальгетти. В другом зале держались джентльмены хайлендеры, вожди младших ветвей клана: они играли в шахматы, в триктрак и в другие игры и были так поглощены этим, что лишь немногие из любопытства оглянулись на постороннего гостя. Третий зал был полон джентльменами с равнины, состоящими при особе маркиза, и, наконец, в четвертом была приемная самого маркиза, окруженного большой пышностью и самым знатным обществом.

Приемная, створчатые двери которой распахнулись для пропуска капитана Дальгетти, представляла длинную галерею, увешанную коврами и фамильными портретами, со сводчатым потолком, покрытым сквозной деревянной резьбой, и с выпуклыми балками, которые по концам были богато украшены резьбой и позолотой. Окна были длинные, стрельчатые, готического образца, с продольными перемычками в виде толстых пик, а стекла расписные, так что солнеч-

ные лучи проникали в галерею сквозь разноцветные кабаны головы, галеры, палицы и мечи, гербовые знаки могущественного дома Аргайлов, а также эмблемы наследственных их титулов – верховного судьи Шотландии и главного камергера королевского двора; эти титулы издавна были присвоены главе их фамилии. В верхнем конце этой великолепной галереи стоял сам маркиз, окруженный пышной толпой хайлендерских и лоулендерских джентльменов в богатых одеждах, в том числе было и два-три духовных лица, приглашенных, вероятно, в свидетели того, как его сиятельство усердствует на пользу Ковенанта.

Сам маркиз был одет по моде того времени, так часто изображаемой Ван Дейком; но платье его было однообразно темного цвета и более богато, чем нарядно. Его смуглое лицо, морщинистый лоб и опущенные глаза придавали ему вид человека, привыкшего обдумывать важные дела и в силу долговременной практики усвоившего себе выражение значительное и таинственное, которого он не может сбросить даже и в те минуты, когда ему нечего скрывать. Косина его глаз, доставившая ему среди хайлендеров прозвище Джиллиспая Грумаха, была не так заметна, когда он смотрел вниз, что и было, вероятно, причиной почти всегда опущенных век его.

Он был велик ростом, очень худощав, но не лишен достоинства в осанке и манерах, как подобало в его высоком положении. В тоне его голоса было что-то холодное, а во взгля-

де – зловещее, хотя он и говорил, и вообще держался с обычным изяществом людей своего круга. Он был кумиром своего клана, возвеличению которого много способствовал; но в той же мере был ненавидим хайлендерами других кланов, потому что одних он успел обобрать, другие считали себя в опасности от его посягательств на их имущество, и все боялись его возрастающего властолюбия.

Мы уже упомянули, что, появляясь в среде своих именитых советников, чинов своего двора, многочисленной челяди, вассалов, союзников и просителей, маркиз Аргайл, вероятно, имел в виду оказать известное влияние на нервную систему капитана Дугалда Дальгетти. Но этот доблестный муж, пробивавший себе дорогу то с той, то с другой стороны в течение большей половины Тридцатилетней войны в различных частях Германии, привык обращаться запанибрата с великими мира сего. Шведский король, а по его примеру даже и надменные имперские принцы частенько бывали вынуждены входить в фамильярные отношения со своими сослуживцами всякого звания и, не будучи в состоянии платить им жалованье, отделялись от денежных обязательств тем, что жили с ними на товарищеской ноге. Капитан Дугалд Дальгетти справедливо мог похвастать, что на пирах, задаваемых монархом, сидел наряду с принцами, а потому не особенно был поражен торжественной обстановкой Мак-Калемора. Он вообще не отличался скромностью и был о себе столь высокого мнения, что, в какую бы компанию ни попал,

его самоуверенность возрастала сообразно знатности окружающих особ, так что и в самом высшем обществе он себя чувствовал так же непринужденно, как в среде своей братии. Его понятия о собственном величии основывались отчасти на благоговении к воинскому званию, которое, по его словам, каждого храброго кавалера ставило на одну доску с императором.

Когда его впустили в приемную, он без малейшего смущения отправился в дальний конец зала и хотя без всякой грации, но зато очень решительно подошел бы в упор к самому маркизу, если бы этот последний движением руки не остановил его. Капитан Дальгетти стал как вкопанный, отдал честь по-военному и так приветствовал маркиза:

– Доброго утра, милорд, а пожалуй, и доброго вечера. *Beso a usted las manos*²⁶, как говорят испанцы.

– Кто вы такой, сэръ, и чего вам нужно? – спросил маркиз суровым тоном, чем думал положить конец фамильярности этого солдата.

– Вот это дельный вопрос, милорд, – молвил Дальгетти, – и я сейчас отвечу на него, как подобает кавалеру, и притом *peremptorie*²⁷, как говорилось у нас в маршальской коллегии.

– Нил, узнайте, что это за человек, – угрюмо сказал маркиз одному из окружавших его джентльменов.

– Я избавлю этого почтенного джентльмена от беспокой-

²⁶ Целую ваши руки (*исп.*).

²⁷ Вполне определенно (*лат.*).

ства, – продолжал капитан. – Я Дугалд Дальгетти, родом из Драмсуокита, был ротмистром на службе у разных особ, а ныне состою майором. . . уж не знаю какого ирландского полка; прибыл сюда с предложением перемирия от высокородного и могущественного лорда Джемса графа Монтроза и от имени других благородных вождей, поднявших оружие во славу его величества. Да здравствует король Карл!

– Известно ли вам, куда вы попали и что шутить с нами опасно, сэръ? – сказал маркиз. – Ведь вы мне так ответили, как будто я малое дитя или безумный! Граф Монтроз заодно с английскими мятежниками; а вы, я подозреваю, один из тех ирландских ренегатов, что явились жечь и разорять эту страну, как и прежде делали, под предводительством сэра Фелима О’Нила.

– Милорд, – возразил капитан Дальгетти, – я не ренегат, хоть и майор ирландского полка. На этот счет следовало бы вам справиться у непобедимого Густава Адольфа, Северного Льва, у Банера, у Оксенстиерна, у воинственного герцога Саксен-Веймарского, у Тилли, Валленштейна, Пикколомини и иных великих полководцев, как почивших, так и поныне здравствующих; что же касается благородного графа Монтроза, прошу вашу светлость прочесть вот эту мою верительную грамоту, дающую мне полномочие заключить с вами договор от имени этого моего досточтимого главнокомандующего.

Маркиз с пренебрежением взглянул на документ за под-

писью и печатью Монтроза и, приняв его из рук Дальгетти, презрительно швырнул на стол. Потом, окинув взором присутствовавших, он спросил, чего заслуживает человек, признающий себя агентом и посланцем заведомых мятежников, бунтующих против государства.

– Высокой виселицы и короткой расправы! – мигом решил один из джентльменов.

– А я попрошу многоуважаемого кавалера, постановившего это решение, быть в своих словах осмотрительнее, – сказал Дальгетти, – да и вашу светлость попрошу быть осторожнее касательно утверждения таких приговоров, ибо они годятся лишь для каких-нибудь низких бедняков, а не для благородных деятелей, которые по долгу службы обязаны исполнять поручения этого рода столь же неуклонно, как идти в атаку, на приступ и в битвы всякого сорта. И хотя нет при мне ни трубача, ни белого флага, потому что наша армия еще не успела обзавестись всеми такими предметами, однако эти почтенные кавалеры, да и ваша светлость должны согласиться со мной, что неприкосновенность посланца, явившегося для переговоров о мире, зависит не от фанфары, которая есть лишь пустой звук, и не от белого флага, который сам по себе есть старая тряпка, а от доверия посланного и от доверия самого посланного к чести тех, к кому он послан, а также и от убеждения их в том, что в лице посла будут уважены и человеческое достоинство, и воинские законы.

– Вы здесь не затем, чтобы учить нас воинским законам,

сэр, – сказал маркиз, – да они и неприложимы к бунтовщикам и мятежникам. Но вы должны понести наказание за свою дерзость и безумие, ибо взяли на себя изменническое поручение к лорду верховному судье Шотландского королевства, который обязан за это казнить вас смертью.

– Джентльмены, – сказал капитан, которому начинал сильно не нравиться такой оборот дела, – прошу вас не забывать, что вы жизнью и имуществом будете отвечать графу Монтрозу за всякую обиду, учиненную мне или моему коню. За такие непристойные действия он сочтет себя вправе отомстить вам и лично, и в рассуждении вашего имущества.

Эта угроза была встречена презрительным смехом, а один из Кэмпбелов воскликнул:

– Далеко отсюда до Лох-Оу!

Это было обычной поговоркой их клана и означало, что их наследственные угодья расположены вдали от всех беспокойных соседей.

– Однако, джентльмены, – продолжал несчастный капитан, которому не хотелось умирать без суда и следствия, – хоть я и не знаю, далеко ли отсюда до Лох-Оу, потому что я в ваших краях еще не бывал, а все-таки скажу, что в этом деле за меня порукой честное слово сэра Дункана Кэмпбела из Арденвора, джентльмена, надеюсь, достаточно почтенного. И прошу вас заметить, что, нарушив его ручательство за мою неприкосновенность, вы навлечете позор на его честь и доброе имя!

Для многих из присутствующих это заявление было неожиданной новостью: они стали перешептываться между собою, а маркиз, невзирая на свою светскость и самообладание, начал проявлять признаки нетерпения и досады.

– Разве сэр Дункан Арденворский поручился за неприкосновенность этого человека, милорд? – спросил маркиза один из окружающих.

– Не думаю, – отвечал маркиз, – но, впрочем, я еще не имел времени прочесть его письмо.

– Мы бы просили вашу светлость прочесть его, – сказал один из Кэмпбелов, – нельзя же допустить охулки на нашу честь из-за подобного молодца!

– От одной дохлой мухи, – молвил один из пасторов, – может протухнуть и целебная мазь.

– Преподобный отец, – сказал капитан Дальгетти, – по причине выгоды для меня вашего замечания прощаю вам его омерзительность; равно извиняю и джентльмена в красной шапке, назвавшего меня молодцом, вероятно, из желания сказать мне нечто обидное; я же не раз получал это наименование от своих ратных сотоварищей, как-то: от великого Густава Адольфа, Северного Льва, и от многих других отменных полководцев как в Германии, так и в Нидерландах. Что же касается поручительства сэра Дункана Кэмпбела за мою безопасность, я готов своей жизнью ручаться за то, что он завтра же подтвердит мои слова, как только сюда приедет.

– Если сэр Дункан вскоре здесь будет, – сказал один из

заступников, – жалко было бы в его отсутствие решать судьбу этого бедняка.

– И, кроме того, – вмешался другой, – я бы все-таки почтительнейше просил вашу светлость ознакомиться с содержанием письма рыцаря Арденворского и узнать, на каком основании он сюда прислал этого майора Дальгетти, как он себя именует.

Джентльмены столпились вокруг маркиза и вполголоса совещались между собой частью на гэльском наречии, частью по-английски.

Патриархальное могущество вождей было очень велико, а власть маркиза Аргайла, облеченного наследственными правами высшего суда, особенно значительна. Но и в самых деспотических государствах бывают соображения, заставляющие призадуматься над некоторыми действиями. Та узда, что сдерживала произвол кельтских вождей, была необходимость задабривать своих родственников, которые под их руководством отправлялись со своими людьми на войну, а в мирное время образовывали нечто вроде фамильного совета. В настоящем случае маркиз счел за нужное сдать на доводы этого сената или, точнее, старейшин партии Кэмпбеллов; выступив из круга, он отдал приказание отвести пленника в надежное место.

– Пленника! – вскричал Дальгетти, вырываясь с такой силой, что ему чуть не удалось стряхнуть с себя двух хайлендеров, которые уже несколько минут стояли за его спиной и

только ждали знака, чтобы схватить его. Движение его было так энергично, что он действительно едва не очутился на свободе, и маркиз Аргайл, внезапно побледнев, отступил на два шага назад и схватился за рукоятку своей шпаги. Но тут несколько человек его клана самоотверженно бросились между ним и предполагаемым мщением пленника. Однако стражи оказались настолько крепкими, что несчастный капитан остался в их руках: его обезоружили, оттащили и повели через несколько мрачных коридоров к узкой боковой двери за железной решеткой, за которой еще была другая дверь, деревянная. Их отворил старый хайлендер сурового вида, с длинной белой бородой, и глазам капитана представилась почти отвесная, узкая лестница вниз. Стражи втокнули его туда и, когда он сошел ступеньки на три, отпустили его и предоставили ощупью слезать дальше как придется; это оказалось довольно трудной и даже опасной задачей, особенно после того, как обе двери за ним захлопнулись и пленник очутился в совершенной темноте.

Глава XIII

*Кто б ни был ты, случайный гость,
Хвали судьбу свою,
Коль повелитель этих мест
Совсем живьем тебя не съест
За дерзость за твою.*

Бёрнс

Оставшись в полном мраке и в очень неопределенном положении, капитан со всевозможной осторожностью начал спускаться по узким и шатким ступеням, надеясь на дне своей тюрьмы найти место, куда бы прилечь отдохнуть. Но как он ни старался, все-таки не мог не поскользнуться и последние четыре или пять ступеней миновал с такой невольной поспешностью, что потерял равновесие. Упав на дно, он наткнулся на кучу чего-то мягкого, что пошевелилось и застонало и так встревожило капитана, что он порывисто двинулся вперед и в конце концов упал на четвереньки на каменный пол сырого подземелья.

Очнувшись немного, Дальгетти первым делом осведомился, кто тут и на кого он наткнулся.

– Был человек, месяц тому назад, – ответил глухой и хриплый голос.

– А теперь кто же? – спросил Дальгетти. – И с чего ему

вздумалось ложиться поперек нижней ступени, да еще свернуться в клубок, так что благородный воин, попавший в беду, по его милости чуть себе нос не расшиб?

– Кто он теперь? – сказал тот же голос. – Теперь он жалкий ствол, у которого ветви поодиночке обрублены, так что ему все равно, когда его самого вырвут с корнем и разрубят на топливо.

– Друг, – сказал Дальгетти, – жалко мне тебя; но *raciència!*²⁸ – как говорят испанцы. Кабы ты лежал так же смиренно, как бревно, я бы не так шибко расшиб себе ладони и коленки.

– Ты солдат, – сказал его товарищ по заключению, – а еще жалуешься на ушибы, о которых и мальчишка не стал бы тузить.

– Солдат? – повторил капитан. – А почему же ты узнал, что я солдат, в этой проклятой темной дыре?

– Я слышал звон твоих доспехов, когда ты падал, – отвечал пленник, – а теперь вижу, как они блестят. Когда побудешь в этой темноте так же долго, как я, твои глаза рассмотрят малейшую ящерицу, ползущую по полу.

– Ну уж пусть лучше черт переловит твоих ящериц! – сказал Дальгетти. – Коли так, по мне, лучше веревку на шею, краткую молитву – да и прыг вниз! А каков у тебя провиант... то есть чем тебя здесь кормят, собрат мой по несчастью?

²⁸ Терпение! (*исп.*)

– Раз в день дают хлеба и воды, – отвечал голос.

– Сделай милость, друг, дай-ка мне отведать твоего хлеба, – сказал Дальгетти, – я надеюсь, что мы с тобой будем жить дружно, пока останемся в этой омерзительной яме.

– Хлеб и кувшин с водой, – отвечал другой пленник, – стоят в углу, направо от тебя, в двух шагах. Возьми и ешь на здоровье. Я уж почти не принимаю пищу.

Дальгетти, не дожидаясь вторичного приглашения, ощупью достал провизию и принялся глотать черствую овсяную лепешку с таким же аппетитом, с каким мы видали его потребляющим самые лучшие яства.

– Этот хлеб, – бормотал он, набив себе рот, – не очень вкусен; однако он немногим хуже того, который мы ели во время знаменитой осады Вербена, когда доблестный Густав Адольф победоносно отразил все усилия славного генерала Тилли, этого грозного героя, который прогнал с поля сражения двух королей, а именно Фердинанда Баварского и Христиана Датского. А что до этой воды, нельзя сказать, чтобы она была хороша; но я ее все-таки выпью за твое скорейшее освобождение, товарищ, да и за мое тоже... Жаль только, что это не рейнское вино или, по крайней мере, хоть не пенистое любекское пиво; для произнесения тостов оно было бы приличнее!

Болтая таким образом, Дальгетти и зубами работал так же исправно, как языком, и очень быстро прикончил всю провизию, которую его товарищ по своему благодушию, а может

быть, и по отсутствию аппетита предоставил в его пользу. Исполнив это дело, капитан завернулся в свой плащ, уселся в угол подземелья, где с обоих боков мог прислониться к стене (он утверждал, что с детства имел пристрастие к покойным креслам), и начал допрашивать своего товарища по заключению.

– Почтенный друг мой, – сказал он, – так как нам с тобой приходится вместе мыкать горе, делить и пищу и постель, надо нам покороче познакомиться. Я – Дугалд Дальгетти из Драмсуокита и прочая, майор в честном ирландском полку и чрезвычайный посол высокородного и могучего лорда Джемса графа Монтроза. Ну, скажи теперь, тебя как зовут?

– Мое имя тебе ничего не объяснит, – возразил его угрюмый собеседник.

– А ты предоставь мне самому судить об этом, – сказал воин.

– Ну хорошо. Меня зовут Ранальд Мак-Иф, то есть Ранальд Сын Тумана.

– Сын Тумана! – воскликнул Дальгетти. – Тут, брат, не туман, а чистая тьма... Ну, Ранальд... коли это твое имя... как же ты попал в кордегардию?.. То есть кой черт дернул тебя очутиться здесь?

– Тому причиной мое несчастье... и мои провинности, – отвечал Ранальд. – Знаешь ли ты рыцаря Арденворского?

– Знаю, человек он почтенный, – сказал Дальгетти.

– Но не знаешь ли, где он теперь находится? – спросил

Ранальд.

– Сегодня постится в Арденворе, – отвечал посол, – а завтра собирался пировать в Инверэри... Если же он этого своего намерения не исполнит и замешкается, пропала моя голова.

– Так скажи ему, что просит его заступничества его злейший враг и его лучший друг, – сказал Ранальд.

– Лучше бы ты поручил мне обратиться к нему не с такой мудреной загадкой, – отвечал Дальгетти. – Сэр Дункан, сдаётся мне, до шуток не охотник.

– Трусливый саксонец, – сказал пленник, – так скажи ему, что я тот черный ворон, который пятнадцать лет назад налетел на его укрепленное гнездо и растерзал его детенышей; я тот охотник, что проник в волчье логово и задушил волчат... Я предводитель той шайки, что пятнадцать лет назад напала врасплох на Арденвор и убила его четверых детей...

– Ну, друг мой, коли тебе больше нечем похвастать перед сэром Дунканом, чтобы стяжать его милость, я лучше повременю и не стану соваться к нему с такими вестями; я замечал, что и звери питают злобу против тех, кто уничтожает их детенышей, тем более разумные существа и христиане никогда не простят умерщвления своего потомства... Но будь так любезен, поведай мне, с какого места ты напал на замок? По моему, самый удобный для этого пункт – с восточного холма, называемого Друмснэб, пока не возведут на нем особого укрепления.

– Мы влезли на скалу по лестницам, сплетенным из ивовых веток, – сказал пленник, – нам спустил их человек из нашего же клана, который шесть месяцев прослужил в замке, чтобы только насладиться одной этой ночью безграничного мщения. Филин с криком летал вокруг нас, пока мы висели между небом и землей; бурный прилив бился о подошву утеса и разбил в щепки наш челнок, но ни один человек не дрогнул. Наутро там, где с вечера были мир и довольство, оставались лишь кровь да зола.

– Что и говорить, атака знатная; и придумано было хорошо, и выполнено ловко, Ранальд Мак-Иф. Тем не менее я бы напал на дом со стороны того холмика, что зовется Друм-снэб. Но ведь вы ведете войну без всяких правил, Ранальд, воюете вы, по правде сказать, как скифские дикари, как турки, татары и прочие азиатские народы... Но какая же была причина этой войны, так сказать, *teterrima causa*²⁹ вашего нападения? Объясни-ка мне это, Ранальд.

– Мак-Олей и другие западные кланы так нас преследовали и теснили, что нам стало небезопасно на своих землях, – сказал Ранальд.

– Ага, – молвил Дальгетти, – об этих делах я уже как будто что-то слышал... Не вы ли это воткнули хлеб с сыром в рот человеку, у которого больше не было желудка, чтобы переваривать пищу?

– Значит, ты слышал, – сказал Ранальд, – о том, как мы

²⁹ Омерзительнейшая причина (*лат.*).

отомстили надменному лесничему?

– Да, кажется, что-то слышал, – сказал Дальгетти, – и при-
том очень недавно. Славная была шутка набить хлебом рот
мертвого человека; но все-таки это шутка грубая, дикая, не
принятая в образованном обществе, и к тому же напрасная
трата съестного. Во время осады или блокады видал я живых
солдат, друг Ранальд, которым куда как нелишним был бы
тот кусок хлеба, который ты дал в зубы мертвецу.

– Сэр Дункан напал на нас, – продолжал Ранальд, – и убил
моего брата... его голова торчала на зубцах той стены, на
которую мы лезли... Я поклялся отомстить; а такой клятвы
я никогда еще не нарушил.

– Так-то так, – сказал Дальгетти, – ни один истинный воин
не станет тебе перечить в том, что мщение – лакомый кусо-
чек; но почему ты думаешь, что эта история может подвиг-
нуть сэра Дункана хлопотать о твоём освобождении? Коли
он захочет похлопотать, то разве о том, чтобы маркиз не про-
сто тебя повесил за шею, а сначала переломал бы тебе кости
колесом или резаком от плуга или как-нибудь иначе уморил
бы тебя на пытке... Я что-то не возьму этого в толк; и будь
я на твоём месте, Ранальд, я бы о себе не напоминал сэру
Дункану и виду бы не подал, а попросту втихомолку удавил-
ся бы сам, как делали твои предки.

– А ты послушай, – сказал хайлендер, – ведь у сэра Дунка-
на было четверо детей. Из них мы троих уложили кинжала-
ми, а четвертая и теперь жива; и он дороже дал бы за это жи-

вое дитя, которое можно покачать на коленях, чем за те старые кости, которых не стоит тревожить, потому что не ожидают они, сколько ни злобствуй... Стоит мне ему слово сказать, и этот день поста и сокрушения превратится для него в радостный праздник, и он захочет не похоронных молитв, а благодарственных. О, я это по себе знаю! Для меня мой Кеннет, что гоняется за бабочками на берегах Авена, милее тех десяти сыновей, что тлеют в сырой земле или питают собою хищных птиц!

– Я полагаю, Ранальд, – сказал Дальгетти, – что те трое молодцов, которых я видел там, на рыночной площади, подвешенными за шею наподобие вяленой трески, тебе тоже сродни приходятся?

Хайлендер помолчал и потом промолвил сильно взволнованным голосом:

– То были мои сыновья, иноземец... мои родные сыновья! Плоть от плоти моей... моя кровь... мои кости!.. И какие были быстроногие! Бежит как стрела... Стреляет – не промахнется... Никакой враг не мог с ними справиться, куда Сыны Диармида не одолели их численностью... И зачем я хочу пережить их! Старый ствол легче перенесет вырывание с корнем, нежели обрубание своих прекрасных ветвей!.. Но надо воспитать Кеннета для мщения... Орел должен научить орленка когтить свою добычу... Ради него куплю себе жизнь и свободу ценой тайны, которую открою рыцарю Арденворскому.

– Тебе еще легче будет этого достигнуть, если поверишь свою тайну мне, – проговорил вдруг третий голос, вмешиваясь в беседу.

Все хайлендеры суеверны.

– Враг рода человеческого явился среди нас! – сказал Ранальд Мак-Иф, вскочив на ноги. Цепи его загремели, и он отпрянул как можно дальше от того места, откуда раздался голос. Его ужас заразил до некоторой степени и капитана Дальгетти, который забормотал на разных языках все заклинания, когда-либо им слышанные, но он ни одного не мог припомнить до конца и потому отделялся обрывками.

– Во имя Отца и Сына... как говорилось у нас в маршальской коллегии... *Santisima madre de Dios...*³⁰ как, бишь, у испанцев... *Alle guten Geister loben de Herren!*³¹ – сказано у царя-псалмопевца в переводе доктора Лютера...^[101]

– Полно вам причитать! – сказал тот же голос. – Хоть я пришел к вам и необычным путем, я такой же смертный, как и вы сами; а помощь моя может быть для вас очень существенна в вашем бедственном положении, коли вы не слишком горды, чтобы послушаться доброго совета.

Говоря это, незнакомец приоткрыл бывший с ним потайной фонарь, и при слабом его свете Дальгетти мог только рассмотреть, что новый и неожиданный их собеседник – человек высокого роста, в ливрейном плаще, какие он видел

³⁰ Пресвятая Матерь Божья... (исп.)

³¹ Всякое дыхание хвалит Господа! (нем.)

на прислуге маркиза. Первым делом капитан взглянул на его ноги, но не заметил ни раздвоенного копыта, которое шотландские легенды приписывают черту, ни лошадиной ноги, которую в Германии считают его необходимой принадлежностью. Тогда он спросил новоприбывшего, как он сюда попал.

– Кабы вы через дверь прошли, – сказал Дальгетти, – эти ржавые петли так визжат, что мы бы услышали; если же вы пролезли в замочную скважину, сами посудите, сэр, нельзя же вас считать живым человеком.

– Это мой секрет, – отвечал незнакомец, – я вам его не скажу, покуда вы не заслужите этого, сообщив мне некоторые из ваших тайн. Тогда я, может быть, соблазнюсь и выпущу вас той же дорогой, по которой сам пришел.

– Ну, значит, это не через замочную скважину, – сказал капитан, – потому что, если бы даже голову можно было в нее просунуть, панцирь ни за что не пройдет. Что до секретов, своих-то у меня нет, да и чужих немного. Но вы скажите, какие секреты вам хотелось бы знать, или, как говорил наш профессор Снуфлгрик в маршальской коллегии в Абердине: «Выскажись, дабы я познал тебя».

– Сначала я еще не вами займусь, – сказал незнакомец, наводя вдруг яркий свет на исхудавшее, одичалое лицо и изможденную фигуру хайлендера Ранальда Мак-Ифа, который, съездившись у самой стены подземелья, по-видимому, все еще сомневался, точно ли перед ним живой человек.

– Я вам кое-что принес, друг мой, – продолжал гость более мягким и примирительным тоном, – для улучшения вашей пищи. Если и суждено вам завтра умереть, это не причина, чтобы сегодня не пожить.

– Не причина! Вот уж вовсе не причина! – подхватил капитан Дальгетти, немедленно принимаясь разбирать содержимое небольшой корзинки, которую незнакомец принес под полой, между тем как хайлендер, из подозрительности или по равнодушию к пище, не обратил внимания на лакомые яства.

– За твоё здоровье, друг мой! – сказал капитан, успевший проглотить порядочный кусок жареного козленка, прихлебывая из фляжки с вином. – Как твоё имя, любезнейший?

– Мурдох Кэмпбел, сэр, – отвечал слуга, – я лакей маркиза Аргайла, а иногда состою в помощниках при буфетчике.

– Ну, так за твоё здоровье, Мурдох! – сказал Дальгетти. – Коли произнести именной тост, это приносит счастье. А вино-то это я узнаю: это калькавелло. Ну, почтенный Мурдох, беру на себя смелость сказать, что ты достоин быть старшим буфетчиком, потому что ты выказал себя в двадцать раз толковее своего принципала по части продовольствия честных джентльменов, попавших в беду. Хлеб да вода? Ну, не срам ли это! От такой пищи только дурная слава пойдет про маркизово подземелье... Но я вижу, тебе хочется потолковать с моим другом, Ранальдом Мак-Ифом. Не обращайтесь на меня внимания. Я отойду с корзинкой вон в тот угол, и у меня за

ушами так будет пищать, что наверное ничего не услышу из вашего разговора.

Однако, невзирая на обещание, старый воин постарался ни слова не проронить из этой беседы, или, как он сам впоследствии выражался, «насторожил уши, как Густав, когда слышит, что отпирают ящик с овсом». Благодаря тесноте помещения он легко подслушал следующий разговор:

– Знаешь ли ты, Сын Тумана, что отсюда никогда не выйдешь иначе, как на виселицу?

– Те, кто был мне всего дороже, уже ходили этой дорогой, – отвечал Мак-Иф.

– Так ты ничего не хочешь сделать, чтобы избежать этого пути? – продолжал посетитель.

Перед тем как ответить, пленник перевернулся, извиваясь в своих цепях.

– Многое сделал бы, – молвил он наконец, – не ради себя, но ради тех, кого оставил в долине Стратхэвен.

– А что бы ты сделал во избежание смертного часа? – спросил опять Мурдох. – Мне нет дела до того, что тебя заставляет дорожить жизнью.

– Все сделаю, что может сделать человек, не роняя своего человеческого достоинства.

– Ты считаешь себя человеком, – сказал Мурдох, – а сам действовал как волк.

– А все-таки, – отвечал разбойник, – я такой же человек, какими были мои предки. Пока мы жили под кровом мира,

мы были как овцы; но вы сорвали этот кров и теперь зовете нас волками. Воротите нам сожженные хижины, отдайте умерщвленных детей... наших вдов, уморенных вами голодом... Соберите с виселиц и с шестов изуродованные тела и побелевшие черепа наших родичей... сделайте, чтобы они ожили и благословили нас, – тогда мы будем вашими слугами, вашими братьями... а до тех пор пусть смерть, и кровь, и обоюдная вражда опустят между нами черный покров.

– Так ты ничего не сделаешь, чтобы купить себе свободу? – сказал Мурдох.

– Все сделаю... только не назовусь другом вашего племени, – отвечал Мак-Иф.

– Очень нам нужна дружба бандитов и разбойников! – сказал Мурдох. – Еще захотим ли мы ее принять! А я желаю знать от тебя, в обмен за свободу, куда девалась дочь рыцаря Арденворского и где она теперь?

– Вероятно, затем, чтобы выдать ее замуж за одного из нищих родственников вашего великого вождя? – сказал Ранальд. – Знаем мы, как это делается у Сынов Диармида! До сих пор в долине Глен-Орк не замолкли крики негодования против насилия, учиненного над беспомощной девочкой, которую ее родные везли ко двору своего государя. Чтобы защитить ее, проводники были вынуждены запрятать ее под котел и дрались вокруг него до тех пор, покуда ни одного не осталось в живых. А потом девочку привезли в этот самый замок и выдали замуж за брата Мак-Калемора, и все ради ее

богатого наследства!³²

– Что ж, коли это правда, – сказал Мурдох, – ей досталось такое высокое звание, выше которого не мог ей даровать и сам шотландский король. Но не в этом дело. Дочь сэра Дункана из Арденвора нашей же породы, она не чужая нам; а кто же имеет больше прав узнать ее судьбу, как не Мак-Калемор, верховный вождь ее клана?

– Так ты от его имени об этом спрашиваешь? – спросил разбойник.

Слуга отвечал утвердительно.

– А вы никакого зла не сделаете этой девушке? Я уж довольно навредил ей.

– Никакого зла, ручаюсь словом честного христианина, – отвечал Мурдох.

– А мне за то – жизнь и свободу? – сказал Сын Тумана.

– Да, таково условие, – молвил Мурдох.

– Так знай, что девочка, которую я спас из жалости во время нападения на крепость ее отца, воспитывалась у нас как приемная дочь нашего племени, пока не напали на нас в ущелье Баллендутил воплощенный бес и смертельный враг нашего клана Аллен Мак-Олей, по прозванию Кровавая Рука, и конная дружина Леннокса, под начальством наследника Ментейтов.

³² Это случилось с наследницей колдерского клана: ее похитили вышесказанным способом и потом выдали замуж за сэра Дункана Кэмпбела. От этого брака пошли кавдорские Кэмпбелы. – *Примеч. авт.*

– Так она попала в руки Аллена Кровавой Руки, – сказал Мурдох, – и он считал ее дочерью твоего племени? Значит, тогда же ее кровь обагрила его кинжал и ты ничего не сказал такого, за что можно бы пощадить твою преступную жизнь!

– Если от ее жизни зависит мое существование, – отвечал разбойник, – то мое дело верное, потому что она жива. Не знаю только, можно ли полагаться на шаткие обещания Сына Диармида?

– На это можешь вполне положиться; докажи мне только, что она жива, и укажи, где ее найти.

– В замке Дарнлинварах, – сказал Ранальд Мак-Иф, – и зовут ее там Анна Лейл. Я часто имел о ней известия через своих родных, которые опять посещают свои прежние леса; а недавно и мои собственные старые глаза любовались ею.

– Твои! – сказал Мурдох в изумлении. – Как же ты, будучи вождем Сыновей Тумана, отважился подойти так близко к смертельному врагу своему?

– Сын Диармида, я сделал больше того, – сказал разбойник, – я был в большом зале замка под видом арфиста с пустынных берегов Скианакского озера. Я с тем и пришел туда, чтобы вонзить кинжал в грудь Мак-Олея Кровавой Руки, перед которым трепещет все наше племя, а потом полагался на волю Божию... Но увидел Анну Лейл в ту минуту, как рука моя ухватилась за кинжал... Она заиграла на клэршахе и запела одну из песен Сыновей Тумана, которой выучилась, еще когда жила с нами... И в этой песне шумели зеленые

леса, где нам так хорошо жилось, и журчали наши звонкие ручьи... Рука моя соскользнула с кинжала... Из глаз потекли ручьи, и час отмищения миновал... Ну что же, Сын Диармида, этой вестью выкупил я свою голову?

– Да... если рассказ твой верен, – возразил Мурдох, – но чем ты все это докажешь?

– Небо и земля, – воскликнул разбойник, – будьте свидетелями того, как он уже замышляет нарушить свое слово!

– Нет-нет, – сказал Мурдох, – все обещания будут выполнены, когда я получу уверенность, что ты сказал мне правду... Но мне нужно сказать еще несколько слов твоему товарищу.

– Лживы и коварны... всегда лживы и коварны! – пробормотал пленник, снова бросаясь на пол своей тюрьмы.

Между тем капитан Дальгетти, не проронивший ни одного слова из этой беседы, на досуге делал про себя замечания в таком роде:

«Какого рожна нужно от меня этому хитрецу и о чем он собирается со мной разговаривать? Детей у меня нет, насколько мне известно, ни своих, ни чужих; стало быть, не о чем ему рассказывать. Однако пускай попробует... придется ему порядком поплясать, прежде чем удастся зайти старому солдату во фланг...»

Вследствие таких соображений капитан ожидал нападения с осторожностью, но без страха, совершенно как будто стоял с пикой в руке на бреши и собирался отражать осажда-

ющих.

– Вы такой всесветный гражданин, капитан Дальгетти, – начал Мурдох Кэмпбел, – что, вероятно, знаете нашу шотландскую поговорку «gif – gaf»³³, тем более что она применима на всех попрощах и у всех народов.

– В таком случае, вероятно, я ее слышал, – сказал Дальгетти, – потому что, за исключением турок, я служил почти всем монархам Европы. Даже подумывал одно время не перейти ли к Бетлену Габору^[102] или к янычарам...^[103]

– Следовательно, вы, как человек опытный и без предрассудков, сразу меня поймете, – сказал Мурдох. – Я должен вам сказать, что ваша личная свобода будет зависеть от того, насколько прямо и откровенно вы ответите на несколько пустячных вопросов касательно джентльменов, от имени которых вы сюда приехали. В каком состоянии их боевые сборы, сколько у них народу, какое вооружение, и все, что вам известно насчет их плана кампании.

– Это вы просто из любопытства спрашиваете, – сказал Дальгетти, – и без всяких дальнейших видов?

– Без малейших! – отвечал Мурдох. – У такого бедняка, как я, какие же могут быть виды на их планы?

– Ну, так спрашивайте, – сказал капитан, – а я буду вам отвечать по порядку.

– Много ли ирландцев идут на соединение с возмущившимся Джемсом Грэмом?

³³ Старинное выражение, означающее «ты – мне, я – тебе».

– Вероятно, тысяч десять, – сказал капитан Дальгетти.

– Тысяч десять! – сердито воскликнул Мурдох. – Ведь мы же знаем, что никак не больше двух тысяч высадилось в Арднамурхане.

– Стало быть, вы знаете больше моего, – заметил капитан Дальгетти с полнейшим спокойствием, – я их даже совсем не видал и не знаю, все ли они в сборе и есть ли у них оружие.

– А сколько ожидается людей из разных кланов? – спросил Мурдох.

– Сколько удастся набрать, столько и будет, – отвечал капитан.

– Вы не то говорите, сэр, – сказал Мурдох, – отвечайте прямо, будет тысяч пять?

– Должно быть, около того, – отвечал Дальгетти.

– Вы шутите своей жизнью, сэр, коли вздумали шутить со мной! – возразил Мурдох. – Стоить мне свистнуть, и через десять минут ваша голова будет висеть на подъемном мосту.

– Но, откровенно говоря, мистер Мурдох, – сказал капитан, – разве хорошо расспрашивать меня о секретах нашей армии, когда я нанялся честно прослужить весь срок кампании? Коли я вас научу одержать верх над Монтрозом, куда денутся мое жалованье, добавочные статьи и моя доля добычи?

– Я же вам говорю, – сказал Мурдох, – что, если станете упрямыться, вашей кампании тут же и конец. Промаршируете отсюда до плахи, что поставлена у ворот замка для таких,

как вы, бегунов. Если же скажете всю правду на мои вопросы, я вас возьму к себе... то есть на службу Мак-Калемора.

– А хорошо ли он платит? – спросил капитан Дальгетти.

– Он удвоит вам жалованье, если согласитесь воротиться к Монтрозу и делать там то, что он прикажет.

– Жалко, что я не познакомился с вами, сэр, прежде чем с ним сговорился, – сказал Дальгетти как бы в раздумье.

– Напротив, теперь-то я и могу предложить вам наиболее выгодные условия, – сказал Мурдох, – конечно, в том случае, если вы будете верным слугой.

– Верным слугой вам – значит, изменником Монтрозу, – отвечал капитан.

– Верным слугой религии и порядка, – заметил Мурдох, – а это оправдывает всякий обман, к какому ни пришлось бы вам прибегнуть для пользы службы.

– А как же маркиз Аргайл, – спросил Дальгетти, – в случае, если я надумаю поступить к нему на службу... хорош он к подчиненным?

– Добрейший человек, – молвил Мурдох.

– И к офицерам... щедр? – продолжал капитан.

– Самый щедрый начальник во всей Шотландии, – отвечал Мурдох.

– И правдив? Верно исполняет свои обещания? – приставал капитан.

– Честнейший, благороднейший дворянин! – уверял слуга.

– Не случилось мне что-то слышать, чтобы его так расхваливали, – заметил Дальгетти. – Ну да вам лучше знать маркиза!.. Да вы сами и есть маркиз!.. Лорд Аргайл, – продолжал капитан, внезапно бросаясь на переодетого сановника, – арестую вас именем короля Карла как изменника. Если вздумаете звать на помощь, я вам сверну шею.

Дальгетти напал на Аргайла так неожиданно и быстро, что мигом повалил его на пол подземелья, одной рукой придерживал его, а другой схватил маркиза за горло и при малейшей попытке кричать или звать на помощь начинал его душировать.

– Ну, лорд Аргайл, – сказал он, – теперь моя очередь диктовать вам условия капитуляции. Если укажете мне потайной ход, которым вы сюда пришли, я вас отпущу, только оставлю здесь заложником, *locum tenens*³⁴, как говаривали мы в маршальской коллегии, до того времени, пока не придет сюда сторож, разносящий пленникам пищу. Если не хотите, я вас сначала задушю, – меня научил этому искусству один польский гайдук, служивший прежде невольником при оттоманском серале, – а потом сам поищу средства отсюда выбраться.

– Негодяй! За мою же доброту замышляешь убить меня! – прохрипел Аргайл.

– Да я не за доброту, милорд, – отвечал Дальгетти, – а, во-первых, затем, чтобы научить вашу светлость приличному

³⁴ Заместителем (*лат.*).

обращению с честными кавалерами, которые к вам являются с охранной грамотой; а во-вторых, чтобы показать вам, как опасно предлагать бесчестные условия порядочному солдату и соблазнять его на измену тому знамени, которому он взялся служить на известный срок.

– Пощадите мне жизнь, – сказал Аргайл, – и я сделаю то, о чем вы просите.

Дальгетти продолжал держать его за горло, слегка сжимая пальцы, когда задавал вопросы, а потом отпуская настолько, чтобы маркиз был в состоянии отвечать.

– Где потайная дверь из подземелья? – спросил он.

– Возьмите фонарь, осветите в угол направо, там есть железная скоба, прикрывающая пружину, – проговорил маркиз.

– Это так, хорошо. Куда же ведет этот ход?

– В мой собственный кабинет, за настенным ковром, – отвечал поверженный вельможа.

– А как оттуда пройти к воротам замка?

– Через большую галерею в передний зал, затем через лакейскую и главную гауптвахту...

– Да, а там везде битком набито солдат, сторожей, прислуги, челяди? Нет, милорд, это для меня не годится... Нет ли у вас где секретного прохода к воротам, вот такого же, как в тюрьму? Я видал такие лазейки в Германии.

– Есть ход через часовню, – сказал маркиз, – а в часовню можно пройти из моего кабинета.

– А у ворот какой сегодня пароль надо сказать часовым?

– «Меч левита», – отвечал маркиз. – Но, если верите моему честному слову, я сам пойду с вами, всюду вас провожу и выпущу, и паспорт дам.

– Можно бы и на слово поверить, милорд, кабы у вас шея не так посинела от моих пальцев; нет уж, целую ваши руки, как говорят испанцы. А паспорт вы мне все-таки дайте. Там в вашей комнате есть письменные принадлежности?

– Конечно. И на столе бланки для паспортов, которые стоит только подписать – и готово. Пойдемте вместе, я вам сейчас подпишу, – сказал маркиз.

– Слишком много чести для меня, – сказал Дальгетти. – Ваша светлость пусть лучше остается под надзором моего честного приятеля, Ранальда Мак-Ифа, а потому дозволейте подтащить вас к нему поближе, благо цепь-то у него коротка... Ну, почтеннейший Ранальд, сам видишь, как у нас обстоят дела. Я, разумеется, найду способ и тебя выволить отсюда. Тем временем поступай совершенно так же, как я делал: бери высокородного вельможу за глотку, запусти руку ему за фрезу, вот так... и, если он вздумает сопротивляться или кричать, не церемонься, мой друг, сожми покрепче; а если дело пойдет *ad deliquium*, сиречь если он потеряет сознание, и то беда не велика, принимая в расчет, что он и на твою глотку, да и на мою тоже хотел надеть ошейник еще потуже!

– Если станет выбиваться из рук или говорить, – сказал Ранальд, – он умрет от моей руки!

– И дельно, Ранальд... отлично сказано. Верный друг, да еще который с полуслова понимает, – золото, а не человек.

Сдав маркиза с рук на руки своему новому союзнику, Дальгетти нажал на пружину: потайная дверь распахнулась, но петли были так хорошо прилажены и смазаны, что не издали ни малейшего звука. Обратная сторона двери была скреплена большими болтами и железными скобами, на которых висели два ключа, которыми, по-видимому, отпирались замки от цепей на узниках. Узкая лестница, высеченная в толще крепостной стены, вела действительно, как говорил маркиз, к двери в его кабинет, завешенной ковровой драпировкой. Подобные способы сообщения были не редкостью в старинных феодальных замках, давая возможность хозяину крепости, наподобие Дионисию, тирану сиракузскому, подслушивать разговоры пленников или, по желанию, посещать их под видом другого лица, как в настоящем случае, окончившемся, впрочем, крайне неприятно для Джиллиспая Грумаха.

Капитан сперва заглянул в кабинет: нет ли там кого-нибудь; но, видя, что комната пуста, он вошел, поспешно схватил со стола один из паспортных бланков, перо, чернила, мимоходом снял со стены кинжал маркиза и шелковый шнурок от драпировки и пошел назад в подземелье. У двери в темницу он на минуту остановился послушать, что там делается, и расслышал задыхающийся голос маркиза, сулившего золотые горы Ранальду, лишь бы он ему позволил подать сигнал

тревоги.

– Ни за целый лес, населенный оленями... ни за тысячу голов скота, – отвечал разбойник, – ни за все земельные угодья, признающие своими хозяевами Сынов Диармида, не нарушу я слова, данного носителю железных доспехов.

– Носитель железных доспехов премного тебе обязан, Мак-Иф! – сказал Дальгетти, входя в подземелье. – Вот сейчас мы с тобой свяжем этого благородного лорда; но прежде пусть он подпишет нам паспорт на имя майора Дугалда Дальгетти и его проводника, а не то мы и без паспорта спровадим его на тот свет.

При свете потайного фонаря маркиз написал и скрепил своей подписью все, что продиктовал ему воин.

– Ну-ка, Ранальд, – сказал Дальгетти, – скинь свою верхнюю одежду, то есть давай сюда свой плед; я в него закутаю Мак-Калемора и сделаю из него на время одного из Сыновей Тумана... Уж извините, милорд, я заверну вас с головой, не то как бы вам не вздумалось слишком рано поднять крик... Вот так! Теперь он укутан как следует... Руки прочь, не то, ей-богу, сейчас пырну вас в сердце вашим же собственным кинжалом!.. Нет, вы будете связаны чистым шелком, как подобает в вашем ранге... Ну, теперь он безопасен, может так лежать до тех пор, покуда не придут к нему на помощь. Если он распорядился подать нам обед очень поздно, ему же будет хуже от этого... В котором часу, мой друг, приходил обыкновенно тюремщик?

– Не прежде, чем солнце скрывалось на западе по ту сторону волн, – сказал Мак-Иф.

– В таком случае у нас, по крайней мере, три часа впереди, – сказал предусмотрительный капитан. – Теперь похлопочем и о тебе.

Он осмотрел цепь, которой был прикован Ранальд, и отпер ее одним из ключей, которые, вероятно, затем и были привешены к потайной двери, чтобы маркиз мог по своему усмотрению выпускать пленников или переводить их в другое помещение, не призывая для этого на помощь сторожей.

Разбойник потянулся, расправил онемевшие члены и выскочил из подземелья в порыве восторженной радости, что вновь очутился на свободе.

– Захвати ливрейное платье благородного узника, – сказал капитан Дальгетти, – надень его на себя и следуй за мной по пятам.

Ранальд повиновался. Они заперли за собой потайную дверь в подземелье, поднялись по лесенке и благополучно достигли кабинета маркиза.

Глава XIV

*Так вот где ход... Куда ж идти сначала?
А впрочем, если гибель так близка,
Бежим скорей, куда бы ни попало,
Мне все равно, что суша, что вода.*

«Трагедия Бренновальта»^[104]

– Поищи, где тут ход в капеллу, Ранальд, – сказал капитан, – а я покамест посмотрю, что за штуки здесь лежат.

С этими словами он одной рукой ухватил пачку самых секретных деловых бумаг Аргайла, а другой вытащил кошелек, набитый золотом: то и другое лежало в выдвижном ящике великолепной конторки, стоявшей раскрытой, что показалось нашему герою слишком заманчивым. Потом он завладел саблей и парой пистолетов, вместе с пороховницей и пулями, висевшими тут же на стене.

– Каждый честный кавалер, – говорил служака, засовывая в карманы завоеванное добро, – всегда должен собирать как можно больше сведений и добычи, – сведения пойдут на пользу начальству, а остальное может он приберечь для себя. Клинок этой сабли – настоящий Андреа Феррара^[105], а пистолеты еще лучше моих собственных. Но обмен не есть грабеж. Обижать воина не следует, милорд, да еще обижать-то совсем понапрасну. Тише, тише, Ранальд!.. Слушай-ка, ты,

туманный человек... куда ты направляешься?

И точно, пора было остановить порыв Ранальда: не находя потайного хода и, по-видимому, потеряв терпение в этих поисках, замедлявших дело, он уже стащил со стены саблю и щит и собирался идти прямо в большую галерею, с намерением так или иначе пробить себе дорогу через все препятствия.

– Стой, пока жив, – шепнул ему Дальгетти, удерживая его за руку. – Нам надо притаиться по возможности. Запрет эту дверь, чтобы думали, что Мак-Калемор сам заперся и не желает, чтобы его тревожили... Дай я сам поищу потайную дверь.

Заглянув за драпировку стен в разных местах, капитан нашел наконец скрытую дверь, а за ней извилистый коридор, упиравшийся в другую дверь, которая, по-видимому, и вела в часовню. Но каково же было его неприятное изумление, когда по ту сторону этой двери он явственно расслышал зычный голос пастора, произносивший проповедь.

– Вот подлец! – проворчал он. – Затем и указал на этот ход, чтобы мы попали в ловушку. Хочется мне вернуться в подземелье да перерезать ему горло.

Он осторожно отворил дверь и увидел, что она ведет на особую галерею за решеткой, предназначенную только для самого маркиза; в эту минуту все занавеси в ней были спущены, вероятно, для того, чтобы думали, что маркиз присутствует на богослужении, тогда как он в это время занимался

мирскими делами. В галерее никого не было, ибо так велика была важность, окружавшая в ту пору знатных сановников, что даже семейство маркиза сидело поодаль от него, в особой галерее, пониже самого хозяина. Удостоверившись в этом, капитан Дальгетти укрепился в галерее, тщательно заперев за собою дверь.

Я знаю, что употреблю смелое выражение, если скажу, что никогда ни одна проповедь не была выслушана с большим нетерпением и не производила более удручающего впечатления.

Капитан слушал *в-шестнадцатых, в-семнадцатых, в-восемнадцатых* и *в заключение* с таким чувством, которое было близко к полному отчаянию. Но, к счастью, нельзя же вечно читать нравоучения (эти богослужения назывались чтениями); пастор наконец закончил свою речь, не преминув при этом отвесить нижайший поклон по направлению к галерее за решеткой и не подозревая, конечно, кому он так почтительно кланяется. Судя по быстроте, с какой прислуга маркиза устремилась вон из часовни, можно было подумать, что и им было немногим веселее, чем нашему изнывавшему с тоски капитану; впрочем, в числе их было много хайлендеров, не понимавших ни одного слова из того, что читал пастор, но они все-таки аккуратно посещали капеллу по приказанию Мак-Калемора и, конечно, продолжали бы посещать с не меньшим усердием, если бы вместо пастора им поставили турецкого имама.

Однако, хотя публика разошлась очень быстро, пастор еще долго оставался в капелле, расхаживая взад и вперед мимо ее готических окон и, по-видимому, размышляя о том, что он только что говорил, или о том, что скажет в следующий раз. Как ни был смел Дальгетти, он не вдруг решил, как поступить. Медлить было опасно; с каждой минутой становилось вероятнее, что сторож придет в тюрьму и увидит, что пленника подменили, притом могло случиться, что на этот раз он навестит узников раньше обыкновенного.

Наконец, обратившись к Ранальду, который ловил каждое его движение, он шепнул ему, чтобы следовал за ним и не выказывал никакого смущения. Капитан Дальгетти отправился вниз по особой лестнице, ведущей из галереи в капеллу. Менее опытный авантюрист, пожалуй, постарался бы пройти поскорее мимо пастора, в надежде, что тот не заметит его. Но капитан понимал, что так можно попасться гораздо хуже, а потому преважно пошел навстречу богослову и, мимоходом раскланявшись с ним очень почтительно, намеревался тихими шагами направиться к выходу. Но каково было его удивление, когда он узнал в проповеднике то самое лицо, с которым накануне обедал в замке Арденвор!.. Однако он мигом справился со своим смущением и, прежде нежели пастор сказал хоть слово, обратился к нему с такой речью:

– Я не мог уехать из этого дома, не поблагодарив вас, достопочтеннейший сэр, за поучение, коим вы нас почтили сегодня.

– Я даже не заметил, сэр, что вы были в капелле! – сказал проповедник.

– Его светлости маркизу было угодно, – скромно сказал Дальгетти, – дать мне местечко в своей собственной галерее.

При этом известии пастор низехонько поклонился капитану, зная, что такая честь достается лишь немногим знатнейшим особам.

– Мне доводилось, сэр, – продолжал капитан, – в течение моей скитальческой жизни слышать многих проповедников всяких вероисповеданий, как-то: лютеран, евангелистов, реформатов, кальвинистов и прочая, но никогда еще не слышал я поучения, подобного вашему.

– Не поучение, многоуважаемый сэр, а чтение, – сказал пастор, – наша церковь это называет чтением.

– Чтение или поучение, – сказал Дальгетти, – но это было, как говорят немцы, ganz fortre flich³⁵, и я не мог уехать, не засвидетельствовав перед вами, как глубоко растрогало меня ваше душеспасительное чтение и как я в то же время раскаиваюсь в том, что за вчерашней трапезой с недостаточным почтением обращался к такой особе, как вы.

– Увы, многоуважаемый сэр, – сказал пастор, – в сем мире мы встречаемся как бы в Долине Помрачения Смерти, сами не знаем, с кем нас сталкивает судьба! Что же удивительного, если иногда толкаем тех, кого, несомненно, стали бы уважать, кабы знали, с кем имеем дело. А ведь, по прав-

³⁵ Превосходно (искаж. нем.).

де сказать, и я, сэ́р, расположен был принять вас скорее за кощунствующего шутника, нежели за благочестивую особу, чтящую Господа нашего даже в лице низжайшего из Его слуг.

– Таково мое всегдашнее обыкновение, многоуважаемый сэ́р, – отвечал Дальгетти, – ибо на службе у бессмертного короля Густава... Однако я вас отвлекаю от благочестивых размышлений? – На этот раз затруднительные обстоятельства пересилили в нем даже охоту рассказывать про шведского короля.

– Нисколько, нисколько, многоуважаемый сэ́р, – сказал пастор. – Скажите пожалуйста, какие были порядки при особе этого великого монарха, память о котором столь драгоценна для каждого протестантского сердца?

– Сэ́р, утром и вечером барабан созывал на молитву так же аккуратно, как на ученье; и если какой солдат проходил мимо духовного лица, не поклонившись ему, его на целый час сажали за это на деревянную кобылу. Сэ́р, позвольте пожелать вам доброго вечера... Я принужден покинуть замок. Мак-Калемор уже выдал мне паспорт.

– Еще минуту, сэ́р! – задержал его проповедник. – Не могу ли я чем-нибудь засвидетельствовать глубочайшее мое уважение к ученику великого Густава, и притом столь удивительному знатоку ораторского искусства?

– О, ничем, сэ́р, – сказал капитан, – вот разве попрошу вас указать мне ближайший выход к воротам, да еще, – прибавил он с неподражаемым нахальством, – будьте так добры,

прикажите слуге привести мне туда мою лошадь, темно-серого мерина. Надо лишь кликнуть: «Густав!» – он тотчас насторожит уши... Сам-то я, по правде сказать, не знаю, где тут расположены конюшни, а мой проводник, – тут он значительно взглянул на Ранальда, – не говорит по-английски.

– Очень рад услужить вам, – сказал пастор. – Вот, сюда пожалуйста, через этот крытый ход!

«Ну и слава богу, что ты так тщеславен, – подумал про себя капитан. – А я уж боялся, как бы не пришлось пускаться в путь без Густава».

И точно, капеллан поспешил так усердно выполнить поручение «удивительного знатока ораторского искусства», что, пока Дальгетти вел переговоры с часовыми у подъемного моста, предъявляя паспорт и передавая пароль, слуга привел ему его коня, совсем оседланного.

Во всяком другом месте внезапное появление капитана на свободе, тогда как его только что всенародно посадили в тюрьму, могло возбудить подозрения и толки; но слуги и домашние маркиза так привыкли к его таинственной политике, что им и в голову не пришло ничего особенного; подумали только, что, должно быть, капитана затем и выпустили на волю, чтобы дать ему какое-нибудь секретное поручение. В этом предположении у него только спросили пароль и отпустили на все четыре стороны.

Дальгетти шагом проехал через городок Инверэри, а разбойник шел рядом с лошадыю, в виде пешего служителя.

Проходя мимо виселицы, старик взглянул на висевшие тела и заломил руки. Движение было мимолетное, так же как и взгляд, но оба выражали глубочайшее страдание. Ранальд тотчас овладел собой и только на ходу шепнул несколько слов одной из женщин, которые, сидя у подножия виселицы, подобно Риспе, дочери Айи, стерегли мертвых и оплакивали этих жертв феодальной неправды и жестокости. Услыхав голос Ранальда, женщина вздрогнула, но, мгновенно спохватившись, слегка кивнула ему в ответ.

Дальгетти продолжал свой путь вон из города, раздумывая: нанять или просто взять лодку и переправиться через озеро или же шмыгнуть в лес и там скрыться от преследования.

В первом случае он рисковал тем, что за ним каждую минуту могла погнаться одна из оснащенных галер маркиза, стоявших наготове у пристани; их длинные реи, обращенные к подветренной стороне, отнимали у него всякую надежду уйти от них в простой рыбацкой лодке. Если же решиться на второе, он был далеко не уверен, что в таком диком и незнакомом краю сумеет спрятаться и найти себе пропитание. Город остался позади, а он все еще не знал, куда повернуть коня, и начинал понимать, что, уйдя из темницы инверэрского замка, он хоть и совершил отчаянный подвиг, но самое трудное оставалось впереди. Теперь, если бы его поймали, расправа была бы короткая, потому что, нанеся личное оскорбление такому властному и мстительному вельмо-

же, ему только и можно было ожидать немедленной казни. Пока он предавался этим печальным размышлениям и озирался кругом с нерешительным видом, Ранальд Мак-Иф внезапно спросил, куда он намерен теперь направиться.

– Вот в том-то и штука, почтенный мой товарищ, – отвечал Дальгетти, – что не знаю, как тебе ответить. Право, Ранальд, мне сдается, что лучше бы нам с тобой побыть на черном хлебе и воде до приезда сэра Дункана из Арденвора; а уж он, ради спасения собственной чести, должен бы как-никак вызволить меня оттуда.

– Саксонец, – отвечал Мак-Иф, – не жалею, что променял смрадную темницу на приволье под чистым небом. А пуще всего не тужи о том, что оказал услугу одному из Сыновей Тумана. Положись на меня: головой ручаюсь, что проведу тебя в сохранности.

– А можешь ли ты благополучно проводить меня по горам обратно к войску Монтроза? – спросил Дальгетти.

– Могу, – сказал Мак-Иф. – Нет человека, который так подробно знал бы все проходы, пещеры, лощины и трущобы, как знаем их мы, Сыновья Тумана. Пока другие только и знают ползать по берегам рек и озер, нам известны крутые ущелья непроходимых гор и глубокие пещеры, откуда берут начало горные потоки. Аргайл и с гончими собаками не выследит нас в тех твердынях, куда я проведу тебя.

– Коли так, друг Ранальд, пусть будет по-твоему, – сказал Дальгетти, – сам-то я, наверное, пропал бы в этих местах.

Разбойник тотчас свернул с дороги в лес, на многие мили тянувшийся вокруг замка; он шел так быстро, что Густав едва поспевал за ним крупной рысью, и столько раз поворачивал из стороны в сторону или устремлялся для сокращения пути вбок, что капитан Дальгетти вскоре совсем сбился с толку и не мог сообразить, где восток, где запад.

Наконец тропинка, становившаяся все более затруднительной, уперлась в густую трущобу. Вблизи слышен был рев горного потока, почва была местами топкая, местами обрывистая, и дальше ехать было решительно невозможно.

– Черт побери! – воскликнул Дальгетти. – Тут никак не пролезешь! Я боюсь, не пришлось бы расстаться с Густавом.

– О коне не беспокойся, – сказал разбойник, – скоро получишь его обратно.

Сказав это, он тихо засвистал; из чащи малинника и ежевики появился мальчик, полунагой, лишь наполовину прикрытый тартаном, без шапки, но с массой спутанных волос, повязанных вокруг головы кожаным ремнем; другой защиты от солнца и непогоды на нем не было. Он был страшно худ, и его серые глаза казались вдесятеро больше обычных человеческих глаз, хотя, как зверь, он выполз из-под куста.

– Отдай коня парню, – сказал Ранальд Мак-Иф. – Твоя жизнь от этого зависит.

– Ох, ох! – воскликнул ветеран в отчаянии. – Неужто надо оставлять Густава в таких ненадежных руках?

– С ума ты сходишь, теряя понапрасну столько времени! –

сказал его проводник. – Разве мы на дружеской земле, что ты прощаешься с конем, словно с братом родным? Говорю тебе, что еще увидишь свою лошадь; а если бы и не увидел, разве жизнь не дороже самого лучшего жеребца, когда-либо рожденного от кобылы?

– Что правда, то правда, почтеннейший, – вздыхал Дальгетти, – а все-таки если бы ты знал, что за ценный конь этот Густав... Какие мы с ним походы делали... сколько вместе горя мыкали!.. Ты посмотри, он поворачивает голову, чтобы еще раз взглянуть на меня... Эй, паренек без штанов, будь с ним поласковее, голубчик, я тебя награжу за это!..

И капитан, слегка пофыркивая носом, чтобы проглотить свое горе, отвернулся от зрелища, надрывавшего ему сердце, и последовал за проводником.

Однако следовать за проводником оказалось совсем не легкой задачей, и вскоре сделалось так трудно, что капитан Дальгетти решительно не был в состоянии угнаться за Ранальдом. Началось с того, что, расставшись с конем, капитан должен был, едва придерживаясь за висячие ветки и торчавшие из земли корни, спрыгнуть с высоты восьми футов в каменистое русло потока, вверх по течению которого Сын Тумана отправился дальше. Они перелезали через громадные камни, продирались сквозь чащу колючих кустов, карабкались с превеликим трудом на отвесные скалы с тем, чтобы, достигнув вершины, тотчас с не меньшим трудом спускаться с противоположной крутизны; все эти препятствия быст-

роногий и полунагой горец преодолевал с такой легкостью и проворством, что капитан только дивился и завидовал; сам же он, обремененный стальным шлемом, панцирем и другими доспехами, не говоря уже о тяжеловесных высоких сапогах, наконец до такой степени умаялся и от усталости, и от беспрестанных препятствий на пути, что сел на камень перевести дух и принялся объяснять Ранальду Мак-Ифу разницу между путешествием *expeditus*³⁶ и *impeditus*³⁷ и как эти понятия истолковывались в маршальской коллегии в Абердине.

Вместо ответа горец положил руку ему на плечо и указал назад, в ту сторону, откуда дул ветер. Дальгетти оглянулся, но ничего не увидел, потому что сумерки быстро сгущались, а находились они на дне глубокого оврага. Но зато до его ушей донесся издали явственный звон большого колокола.

– Это они тревогу забили, должно быть... так называемый набат, – молвил Дальгетти.

– Он возвещает тебе верную смерть, – сказал Ранальд, – если не хочешь пройти еще немного дальше. Каждый удар этого колокола уже стоил жизни хорошему человеку.

– Правда, Ранальд, ты мой надежный друг, – сказал Дальгетти. – Не спорю, что и со мной скоро может случиться то же самое, потому что я до того замотался по той причине, что я, как уже говорил тебе, *impeditus*, а будь я *expeditus*,

³⁶ Налегке (лат.).

³⁷ С поклажей (лат.).

меня бы пешее хождение не затруднило ни капельки; теперь же, я думаю, всего проще мне залезть куда-нибудь в кусты, полежать спокойно и ждать, какую судьбу Богу угодно послать мне. Убедительно прошу тебя, друг Ранальд, позаботься о себе самом, а меня оставь на произвол судьбы, как сказал Северный Лев, бессмертный Густав Адольф (о котором ты, наверное, слышал, хотя бы ни о ком другом и не слыживал, Ранальд), – и сказал он это Францу-Альберту, герцогу Саксен-Лауенбургскому, будучи смертельно ранен в сражении при Лютцене. И даже не очень отчаивайся в моей участи, друг мой, потому что в Германии мне не раз доводилось бывать в таких же переделках, особенно помню я случай после роковой битвы под Нордлингом, когда я даже на другую службу перешел...

– Если бы ты поберег свое дыхание для спасения сына твоего отца, вместо того чтобы тратить время и силы на пустые рассказы, – сказал Ранальд, приходя в нетерпение от болливости капитана, – или если бы твои ноги так же проворно работали, как язык, еще была бы тебе надежда положить сегодня твою усталую голову не на кровавую подушку.

– В твоих словах есть нечто поистине военное, – сказал капитан, – хотя слишком резко и непочтительно по отношению к офицеру в старшем чине. Но на походе я всегда прощаю такие провинности, потому что у всех народов при этих случаях допускаются большие вольности. Ну а теперь, друг Ранальд, веди меня дальше, так как я успел маленько отды-

шаться. Иначе говоря, I praе, sequar³⁸, как мы, бывало, выражались в маршальской коллегии.

Догадываясь о его намерениях больше по движениям, чем по речам, Сын Тумана снова пустился в путь, пробираясь с безошибочной точностью, уподоблявшейся инстинкту, через самые неудобные места, какие только можно себе представить. Капитан поспевал за ним, как мог, таща на себе и тяжелые сапоги с наколенниками, и панцирь с железными рукавицами, не говоря уже о толстой кожаной куртке, скрывавшейся под всеми этими доспехами; он во всю дорогу разглагольствовал о своих прежних подвигах, хотя Ранальд не обращал ни малейшего внимания на его слова. Таким образом прошли они довольно большое расстояние, как вдруг в стороне послышался мощный лай собаки, вероятно почуявшей по ветру свою добычу.

– Черный пес, – молвил Ранальд, – не к добру тебя услышал Сын Тумана! Чтобы тебе пропасть, и с сукой, которая тебя породила... Таки напала на наш след?.. Только теперь уж поздно, черная тварь, олень добрался до своего стада.

Сказав это, он опять тихо свистнул, и ему так же тихо ответили с верхнего конца скалистого прохода, по которому они уже несколько времени подымались. Ускорив шаги, они достигли вершины, и при свете ярко светившей луны Дальгетти увидел толпу из десяти иди двенадцати хайлендеров и стольких же женщин и детей, которые встретили Раналь-

³⁸ Иди вперед, я – за тобой (*лат.*).

да Мак-Ифа изъяснениями такой восторженной радости, что спутник его тотчас догадался, что это должны быть Сыновья Тумана. Место, где они ютились, вполне подходило к их прозвищу и образу жизни. То был нависший над бездной крутой утес, вокруг которого вилась узкая, прерывистая тропинка, и над нею во многих пунктах командовала избранная ими позиция.

Ранальд поспешно и горячо что-то рассказывал детям своего племени, после чего все мужчины стали поодиночке подходить к Дальгетти и пожимать ему руку, а женщины, с громкими возгласами благодарности, теснились вокруг него и целовали край его одежды.

– Они клянутся тебе в верности, – сказал Ранальд Мак-Иф, – за то добро, которое ты сделал сегодня нашему роду.

– Ну и довольно, Ранальд, – сказал Дальгетти, – скажи им, что я не люблю этого пожимания рук... Это только путает понятия и ранги в воинском сословии... А что до целования рукавиц, пороховниц и тому подобного, помню я, что однажды сказал бессмертный Густав, когда проезжал по улицам Нюрнберга и народ на него молился (чего он, конечно, более был достоин, нежели простой, хотя и благородный кавалер, как я). Тогда он обратился к ним с упреком, говоря: «Вот вы мне поклоняетесь, как Богу, а может быть, скоро на меня падет небесное мщение и докажет вам, что я такой же смертный, как и вы!» Так вот, значит, где ты думаешь

укрыться от преследований, Ранальд?.. Voto a Dios³⁹, как говорят испанцы, местечко отличное... И даже такое местечко, что для малого отряда я, пожалуй, лучше не видывал. Ни одному человеку нельзя подойти по этой тропинке, не наткнувшись на дуло пушки или ружья... А впрочем, Ранальд, надежный друг мой, пушек-то у вас, наверное, не водится... да и мушкетов я что-то не вижу у твоих молодцов. Какую же артиллерию намерен ты пустить в ход, чтобы защитить позицию, покуда не дойдет дело до рукопашной? Я не могу взять в толк, что ты замышляешь, Ранальд!

– Будем обороняться с той отвагой и тем оружием, которое досталось нам от отцов наших, – отвечал Мак-Иф, указывая капитану на своих людей, вооруженных луками и стрелами.

– Луки и стрелы! – воскликнул Дальгетти. – Ха-ха-ха! Разве мы возвращаемся к временам Робин Гуда?^[106] Луки и стрелы! Вот уже сто лет, как ничего подобного не выдано в цивилизованных войсках. Луки и стрелы! Отчего же не ткацкий навой, как во времена Голиафа?^[107] Вот до чего дожил Дугалд Дальгетти из Драмсуокита, что собственными глазами увидел людей, которые сражаются с помощью лука и стрел! Бессмертный Густав ни за что бы не поверил этому... ни Валленштейн, ни Батлер... ни старик Тилли... Ну, Ранальд, что делать, коли у кошки только и есть что когти... Если у нас ничего нет, кроме луков и стрел, попробуем

³⁹ Клянусь Богом (*исп.*).

как-нибудь управиться и этими средствами. Но так как я не знаю, далеко ли они стреляют и что вообще можно сделать с такой допотопной артиллерией, распорядись уж сам, как лучше расставить твоих людей. Я и рад бы принять начальство, если бы вы воевали настоящим христианским оружием, да не могу, потому что у вас способы какие-то нумидийские. Впрочем, и я непременно приму участие в предстоящей схватке, к сожалению, только с пистолетами, по той причине, что мое ружье осталось у седла вместе с Густавом...

– Нет, брат, спасибо, слуга покорный, – продолжал он, – обращаясь к одному из горцев, который предлагал ему лук. – Дугалд Дальгетти может сказать о себе, как нас учили в маршальской коллегии:

Non eget Mauris jaculis, neque arcu,
Nec venenatis gravaida sagittis,
Fusce, pharetra...⁴⁰

что в переводе означает...

Тут Ранальд Мак-Иф еще раз положил предел болтовне капитана, дернув его за рукав и указав рукой в глубину ущелья. Лай собаки раздавался все ближе и ближе, и можно было расслышать несколько человеческих голосов, переключившихся между собой: очевидно, люди близко следовали за

⁴⁰ Не нужны тому ни копье злых мавров, ни упругий лук, ни колчан с запасом Стрел ядовитых...*(лат.)* ...стрел ядовитых... – Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.), ода «К Аристию Фуску» (кн. I, 22).

собакой и время от времени рассыпались по сторонам, затрудненные препятствиями на пути или с целью хорошенько осмотреть по дороге кусты. С каждой минутой они приближались. Мак-Иф тем временем предложил капитану скинуть свои тяжелые доспехи, предупредив, что женщины сумеют их запрятать и сохранить.

– Извините, сэр, – сказал Дальгетти, – это не водится у нас, в заграничных войсках. Я, например, помню, как один раз бессмертный Густав распек финских кирасиров, да еще барабаны у них отнял за то, что они сняли свои латы и сложили их в обозе. Так они и ходили без барабанов до тех самых пор, пока так славно не отличились в битве под Лейпцигом. Такой урок не скоро позабудешь; да, помню я также восклицание бессмертного Густава: «Увижу, кто из офицеров любит меня, тот наденет ратные доспехи: ибо, если мои офицеры будут убиты, кто же поведет моих солдат к победе?» Тем не менее, друг Ранальд, я бы не прочь был избавиться от моих тяжеловесных сапог, если у вас найдется чем заменить их, потому что подошвы у меня не такие, как у вашей команды, и я не могу ходить босиком по острым камням и по терниям.

В одну минуту с капитана стащили неуклюжие сапоги и заменили их парой мягких башмаков из оленьей шкуры, которые один из хайлендеров тут же проворно скинул и уступил ему, чем весьма одолжил Дальгетти.

Капитан только что посоветовал Ранальду отрядить двух-трех человек под гору на разведку и немного развернуть

фронт, то есть поставить по паре стрелков на каждую сторону утеса, чтобы иметь наблюдение за неприятелем со всех пунктов, как вдруг собака залаяла совсем близко, и осажденные догадались, что преследующий их отряд уже вошел в ущелье и поднимается к их убежищу. Настала полная тишина. Как ни был болтлив наш капитан, но и он понимал необходимость притаиться и соблюдать молчание.

Луна освещала извилистую тропинку и нависшие над ней остроконечные утесы, в расщелинах которых там и сям росли кусты и низкорослые деревья и своими распростертыми ветвями заслоняли тропинку, погружая ее в густую тень. В глубине пропасти чернела масса леса, сплошные вершины которого были похожи отсюда на поверхность океана сквозь туман. Из недр этой чащи, у самого подножия скал, раздавался по временам отчаянный лай собаки, страшные звуки которого, оглашая лес и каменистые громады, раскатывались среди них бесчисленными отголосками; потом на время все опять стихало, и слышно было лишь тихое журчание горного ручейка, местами ниспадавшего каскадами, местами молча катившего свои струи по отлогим местам. Голоса людей, вполголоса совещавшихся между собой, слышались внизу; казалось, что они или не нашли еще узкой тропинки, ведущей на вершину, или нашли, но не решались подниматься ввиду неверного освещения, страшной крутизны, а также из опасения, что ее, быть может, защищают.

Наконец показалась человеческая фигура, неясные очер-

тания которой медленно возникали из темной глубины, и осторожно стала пробираться вверх по тропинке. Когда человек вышел на открытое место, луна осветила его так явно, что Дальгетти отлично мог рассмотреть хайлендера, с длинным ружьем в руках и с пучком перьев на шапке.

– Ах, черт! – проворчал капитан. – Прости, Боже, мое согрешение, чуть ли не настал наш последний час. Что мы теперь будем делать, коли они с собой тащат огнестрельное оружие, а у нас только луки да стрелы?

В эту минуту хайлендер с ружьем остановился на выступе утеса, на полпути до вершины, и подал знак остальным, оставшимся внизу, чтобы подходили скорее. Но в ту же секунду один из Сыновей Тумана выстрелил из лука: стрела зазвенела в воздухе и, ударившись в подступавшего хайлендера, нанесла ему такую глубокую рану, что он сразу потерял равновесие и свалился головой вниз со скалы в черневшую бездну.

Треск сучьев, которые он задел по дороге, и глухой звук его падения на дно пропасти вызвали крики ужаса и удивления со стороны его товарищей. Сыновья Тумана, ободренные впечатлением этого первого успеха, отвечали на эти крики громкими и пронзительными возгласами торжества и, бросившись вперед на край утеса, старались дикими кликами и угрожающими жестами показать врагам, что их много, они не теряют бодрости и занимают выгодную позицию. Даже капитан Дальгетти настолько забыл предосторожности,

предписанные воинской наукой, что вскочил во весь рост и закричал Ранальду гораздо громче, чем того требовало благоразумие:

– Браво, товарищ, да здравствуют лук и стрелы! Теперь, по моему разумению, следует выставить одну шеренгу вперед, занять позицию...

– Англичанин! – крикнул голос снизу. – Целься в английского солдата, я вижу блеск его панциря!..

В ту же секунду раздались три выстрела из мушкетов: одна из пуль ударила в толстый стальной нагрудник капитана и отскочила от него, – этот нагрудник уже не раз спасал жизнь храброму воину, – но зато другая пробилась насквозь набедренник и свалила его с ног. Ранальд схватил его на руки и унес подальше от края пропасти, а Дальгетти между тем горестно воскликнул:

– Сколько раз я говорил бессмертному Густаву, и Валленштейну, и Тилли, и другим бойцам, что следует делать набедренники гораздо толще!

Мак-Иф внушительным тоном произнес два-три слова по-гэльски и передал раненого на попечение женщин, державшихся в арьергарде отряда; он уже собирался воротиться к месту битвы, но Дальгетти ухватил его за конец одежды и заговорил:

– Я не знаю, чем это может кончиться... но прошу тебя, передай Монтрозу, что я пал как достойный слуга бессмертного Густава... и пожалуйста, не рискуй своей теперешней

позицией... покидай ее осторожнее... и если захочешь преследовать неприятеля... даже если одержишь верх... не... не...

Тут в глазах у него потемнело, от потери крови он так ослабел, что не мог больше говорить и начал терять сознание.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Мак-Иф высвободил из его руки конец своего плаща, вложив вместо того угол пледа одной из женщин, и капитан, воображая, что держит за полу Ранальда, продолжал слабеющим и прерывистым голосом подавать ему советы насчет дальнейших военных действий, но с каждой минутой речь его становилась бессвязнее. Он бормотал:

– Главное дело, камрад, выставь мушкетеров впереди отрядов, вооруженных пиками, секирами и обоюдоострыми мечами... Смирно, драгуны!.. На левом фланге... что, бишь, я говорил?.. Да, Ранальд, коли будешь отступать, закинь на ветки деревьев несколько зажженных фитилей... будет огненная линия... Да-да, я забыл, что у вас нет ни фитилей, ни кремневых ружей... только луки да стрелы... луки да стрелы... ха-ха-ха!

Тут капитан окончательно ослабел и откинулся назад, но все еще продолжал смеяться, так уморительно казалось ему сражаться таким старомодным оружием при его новейших понятиях о ведении войны. После этого он еще долго не мог очнуться. Но мы пока оставим его на попечении Дочерей Ту-

мана, на деле оказавшихся мягкосердечными и рачительными сиделками, невзирая на свою дикую наружность и неуклюжие манеры.

Глава XV

Не запятнай себя ни бесчестным делом, ни словом неправды, и я прославию тебя своим пером и возвеличу оружием.

Послужу тебе так доблестно, как еще не бывало в мире: обовью чело твое лаврами и буду любить тебя все сильнее и сильнее.

Монтроз^[108]

Мы вынуждены, хотя и с прискорбием, покинуть храброго капитана Дальгетти на произвол судьбы и, даже не узнав, оправится ли он от своей раны, нет ли, изложить вкратце военные действия Монтроза, вполне признавая, что они достойны более серьезного трактата и более искусного историка. С помощью вождей, которых мы уже перечислили, и присоединившихся к ним Мерри, Стюартов и других кланов Этола, особенно приверженных к королю, Монтроз быстро собрал от двух до трех тысяч человек хайлендеров. К ним удалось ему присоединить еще ирландцев под начальством Колкитто. Последний, которого, к великому недоумению истолкователей Мильтона, этот великий поэт упомянул в одном из своих сонетов, назывался, собственно, Алистер, или Александр Мак-Доннел, был родом с одного из шотландских островов и приходился сродни графу Энтриму, по милости которого и был назначен командующим ирландскими отря-

дами.

Во многих отношениях он был достоин подобного отличия: его отвага доходила до полного равнодушия к опасности; он был чрезвычайно крепкого телосложения, подвижен, деятелен, мастерски владел оружием и во всякое время летел вперед, показывая пример отчаянной храбрости. С другой стороны, справедливость требует прибавить, что он не имел опытности в военной тактике, нравом был самонадеян, завистлив, так что часто доблесть его была бесплодна и не доставляла Монтрозу никаких выгод. Но, однако, так велико обаяние внешних качеств в глазах простого и дикого народа, что подвиги этого сильного и храброго вождя производили на хайлендеров, по-видимому, несравненно сильнейшее впечатление, нежели военный гений и рыцарский дух великого маркиза Монтроза. До сих пор в горных долинах еще живы многочисленные легенды и предания, касающиеся Алистера Мак-Доннела, тогда как имя Монтроза упоминается у них очень редко.

Сборным пунктом для своей маленькой армии Монтроз избрал в конце концов Страсерн, местность на краю горной цепи Пертского графства, откуда он угрожал главному городу этой области, Перту.

Враги его тоже не дремали. Аргайл, во главе своих хайлендеров, преследовал по пятам ирландцев, наступая на них с востока, и, действуя частью силою, частью своим влиянием или просто страхом, успел собрать войско настолько много-

численное, что оно почти было в состоянии дать сражение Монтрозу. Жители равнины также были готовы к войне по причинам, изложенным в начале этого рассказа. Шесть тысяч пехоты и от шести до семи тысяч конницы, кощунственно называвших себя Войском Божьим, наскоро были набраны из графств Файф, Ангус, Перт, Стирлинг и соседних с ними округов. В прежние времена, и даже не далее как в предыдущее царствование, такой армии было бы вполне достаточно для защиты пограничной равнины и от более сильных отрядов хайлендеров, нежели те, которые собрались теперь под знаменем Монтроза. Но за последние пятьдесят лет произошли большие перемены. В прежнее время лоулендеры (то есть жители равнин) воевали так же постоянно, как и хайлендеры, но были гораздо лучше их вооружены и обучены. Любимый боевой строй шотландцев несколько напоминал македонскую фалангу. Их пехота, вооруженная длинными копьями, образовала сплошную массу, непроницаемую даже для конницы того времени, как бы ни были исправны ее боевые кони и полное вооружение. Следовательно, было мало вероятности, чтобы их ряды могли быть пробиты беспорядочным натиском пеших хайлендеров, которые могли драться только врукопашную, саблями или кинжалами, почти не имели метательных снарядов, а никакой артиллерии и подавно.

Этот способ войны был в значительной степени изменен введением мушкетов в военный обиход шотландских лоулендеров; но мушкеты в то время были еще без штыков и

хотя представляли очень действенное оружие на некотором расстоянии, зато были совсем негодны в тех случаях, когда неприятель нападал вблизи. Правда, копья еще не совсем вывелись из употребления в шотландской армии, но они перестали быть любимым оружием и не внушали более того доверия, которым прежде пользовались, тем более что Дэниел Лэптон, известный тактик того времени, написал целую книгу с целью доказать превосходство мушкета. Такая перемена началась еще с войн Густава Адольфа, который с такой быстротой совершал свои передвижения, что в его армии очень скоро забросили копье и заменили его огнестрельным оружием.

Одним из обстоятельств, вызвавших такую перемену, была, во-первых, необходимость в постоянном войске, вследствие чего люди набирались по найму, а во-вторых, введение в военное дело сложной и трудной системы обучения, строгой дисциплины и подчинения различных движений и маневров условным выражениям команды, которых нельзя было ни пропустить, ни не услышать, не повергая в замешательство и путаницу целый отряд. Поэтому война, практиковавшаяся между большинством народов Европы, получала гораздо более прежнего характер определенной профессии и тайны, в которую невозможно проникнуть без предварительной выучки и подготовки.

Таково было естественное последствие содержания постоянных войск, почти повсюду заменивших, особенно в Гер-

мании, во время Тридцатилетней войны, то, что можно назвать натуральной повинностью феодальной милиции.

Вследствие всех этих причин шотландская равнинная милиция находилась в положении, вдвойне невыгодном по отношению к хайлендерам. Копий у нее не было, а это именно такое оружие, которым предки их многократно отражали пылкие нападения горцев, и взамен того их подвергали трудной и сложной дисциплине, быть может, вполне пригодной для регулярных войск, которых возможно было обучить всем приемам в совершенстве, но производивших только лишнюю путаницу в рядах мирных граждан, непривычных держаться в строю, тяготившихся выправкой и плохо понимавших команду.

В наше время так много сделано в смысле упрощения тактических приемов и упразднения педантизма в военном деле, что мы легко можем себе представить, как тяжело приходилось плохо обученной милиции, которой в то же время внушали, что успех дела всецело зависит от точнейшего соблюдения тактических правил, а между тем милиция лишь настолько могла усвоить себе эти правила, чтобы знать, когда она погрешила против них, но возвратиться на истинный путь не умела. Нельзя также не согласиться и с тем, что как в отношении боевой практики, так и по воинственному духу лоулендеры семнадцатого столетия далеко уступали своим соотечественникам, хайлендерам.

С древнейших времен вплоть до присоединения к Вели-

кобритании все шотландское королевство, то есть как горные, так и низменные его округа, было поприщем постоянных войн, иноземных и междоусобных. Едва ли среди его жителей был хоть один, в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, который не был бы готов, и не только по закону, но и по собственному побуждению, взяться за оружие по первому призыву своего ленного властелина или по приказанию короля. В 1645 году законы оставались те же, что были и за сто лет перед тем, но дух народа, подчиненного этим законам, существенно переменялся. Люди привыкли наслаждаться спокойствием под сенью своих виноградников и смоковниц, и каждый призыв к войне отзывался на них так же неприятно, как и непривычно. Те из них, которые жили по соседству с горцами, приходили в постоянные и невыгодные столкновения с этими беспокойными хайлендерами, которые угоняли их скот, грабили их жилища, осыпали их личными обидами и мало-помалу приобрели над ними преимущества, составляющие обычный удел нападающей стороны. Жители равнин более отдаленных от гор и, следовательно, менее подверженных подобным разорительным нападениям, наслышавшись преувеличенных рассказов о хайлендерах и зная притом, что горцы управляются совсем иными законами и ни по языку, ни по одежде ничего общего с ними не имеют, считали их настоящими дикарями, одинаково недоступными ни страху, ни состраданию. С такими предвзятыми мнениями о воинственности и беспардонности

горцев лоулендеры, отличавшиеся, напротив, миролюбием и сильно подавляемые навязанной им сложной системой новейшей дисциплины, решительно пасовали перед хайлендерами в ратном поле, тем более что привычные исстари способы обороны были у них отняты; тогда как хайлендеры, продолжавшие приносить с собой на поле битвы прежний дух своих отцов, их старинное оружие, простую и естественную тактику и постоянную привычку к борьбе, бросались в бой с полной уверенностью в победе. А лоулендеры относились к тому немногому, что им было известно по части новейшей дисциплины, совершенно как Давид к воинским доспехам Саула: для них это было не средство обороны, а лишняя потеха, «потому что они не привыкли к нему».

С такими-то невыгодами с одной стороны и с такими преимуществами с другой (не только гораздо менее численной, но не имевшей ни конницы, ни артиллерии) Монтроз выступил против войска лорда Элчо на полях Типпермура.

Пресвитерианское духовенство всячески старалось поднять дух своих сторонников: так, один из пасторов, в самое утро боя обратившийся с увещеванием к войску, не задумался объявить солдатам, что сам Бог говорит его устами и обещает им в этот день великую и верную победу. Большие надежды возлагались также на артиллерию и кавалерию, так как, по новости этих способов, они не раз производили удручающее действие на хайлендеров. Местом сражения была открытая поляна, не представлявшая никаких особых выгод

ни той ни другой стороне, за исключением того, что давала большой простор для конницы ковенантеров.

От этого сражения зависело очень многое, зато и победа была как нельзя более решительная. Конница лоулендеров попробовала пойти в атаку, но оттого ли, что лошади испугались стрельбы из мушкетов, или потому, что всадникам было неохота драться (носились слухи, что большинство этих джентльменов втайне держало сторону неприятеля), конница не произвела никакого впечатления на хайлендеров и сама в беспорядке отступила из рядов, где не было ни копий, ни штыков для ее поддержки. Монтроз заметил неурядицу и тотчас воспользовался ею: он отдал приказ всей своей армии разом перейти в наступление, что и было исполнено с той отчаянной отвагой, которая свойственна горцам. Только один из офицеров ковенантеров, вышколенный в итальянских походах, оказал отчаянное сопротивление на правом фланге. По всей остальной линии хайлендеры прорвались с первого же приступа, а так как они немедленно перешли в рукопашную, лоулендеры оказались совсем не способны бороться с такими ловкими и сильными противниками. Многие были убиты на месте, и такое множество народу погибло при преследовании, что более одной трети ковенантеров полегло в этот день. В том числе многие из тучных мещан и горожан задохнулись на бегу и умерли на поле сражения, не получив никаких ран.

Победители завладели Пертом и забрали большие сум-

мы денег и обильные запасы провианта. Но все эти несомненные выгоды сопровождались одним громадным неудобством, неизбежно сопряженным со всяким набором войска из хайлендеров. Никакими силами невозможно было убедить кланы, что они все равно что солдаты регулярной армии и несут такие же обязательства. Даже гораздо позднее, в 1745–1746 годах, когда претендент, Карл Эдуард^[109], ради примера, велел расстрелять солдата за побег из армии, остальные хайлендеры были этим столь же возмущены, как и напуганы. Им казалось в высшей степени несправедливым лишать человека жизни только за то, что он ушел домой, когда ему больше не хотелось служить. Так всегда поступали их предки. Как только сражение миновало, они считали кампанию оконченной: если оно было проиграно, они спешили укрыться в горах; если же выиграно – надо же было сходить домой спрятать добычу. Иногда бывали и другие причины для внезапного расхождения по домам: то пора было присмотреть за скотом, то засеять поля, то собрать жатву, без чего их семьям пришлось бы умирать с голоду. Во всяком случае, в данную минуту наставал конец их военной службе; и хотя довольно легко было снова привлечь их перспективой новых приключений и нового грабежа, но тем временем благоприятный случай был упущен и приходилось сызнова начинать все дело. Эти факты, подтверждаемые историей, показывают, что хайлендеры, ведя войну, никогда не имели в виду прочных завоеваний, а только надеялись на времен-

ную поживу или же стремились к непосредственному решению какой-нибудь личной ссоры. Этим и объясняется, почему Монтроз, невзирая на свои блестящие успехи, никогда не добивался верного и прочного положения на равнине и почему даже те из тамошних джентльменов и дворян, которые склонялись на сторону короля, неохотно и туго поступали в ряды его беспорядочной и случайной армии, зная, что во всякое время могло случиться, что хайлендеры вдруг разойдутся по домам, убегут в горы, а их оставят в жертву раздраженному и несравненно сильнейшему (численно) неприятелю.

Теми же соображениями объясняются внезапные походы Монтроза в горы, куда он вынужден был отправляться за подкреплениями, и беспрестанные перемены его положения, вследствие которых он часто вдруг должен был отступать перед только что побежденным неприятелем.

Если в числе моих читателей найдутся такие, которые ищут в чтении не одной забавы, надеюсь, что они не сочтут эти заметки недостойными внимания.

Вследствие именно таких причин, вялости лоулендеров-роялистов и временной отлучки по домам многих хайлендеров Монтроз оказался после решительной победы при Типпермуре не в состоянии противостоять второй армии, которую Аргайл вел против него с запада. Решившись прикрыть свое бессилие проворством, он вдруг повернул от Перта на Данди, но, так как его в этот город не впустили,

он пошел к северу на Абердин, где надеялся соединиться с Гордонами и другими приверженцами короля. Но усердие этих джентльменов на ту пору оказалось несостоятельным, потому что к Абердину подступили ковенантеры под начальством лорда Берли, числом до трех тысяч человек. Монтроз, имевший только половину этого числа воинов, смело атаковал их. Сражение произошло под самыми стенами города, и доблестные приверженцы Монтроза опять одержали победу, невзирая на столь неблагоприятные условия.

Но этому великому полководцу суждено было, постоянно стяжая славу, никогда почти не пожинать плодов своих побед. Едва он успел дать краткий отдых своей маленькой армии в Абердине, как узнал, что Гордоны, по всей вероятности, не примкнули к нему как по причинам, изложенным выше, так и по некоторым другим, зависевшим от личного характера их вождя, маркиза Гентли. С другой стороны, на него шел Аргайл, усиливший свою армию людьми многих лоулендерских помещиков и ставший во главе такого сильного войска, с каким Монтрозу еще не приходилось тягаться. Правда, эта армия подвигалась очень медленно, соответственно осмотрительному характеру своего вождя, но сама эта осмотрительность доказывала, что Аргайл располагает очень значительными силами, и его приближение становилось оттого тем грознее. Монтрозу оставалось одно только средство к спасению, и он им воспользовался. Он бросился в горы, где преследовать его было всего труднее и где, он был уверен,

в каждой лошине найдутся его прежние рекруты, покинувшие его ради помещения своей ратной добычи под защиту своих родных твердынь, но теперь готовые опять стать под его знамя. В том и состоял странный характер войска, которым командовал Монтроз, что хотя победы его приносили часто лишь отрицательные результаты, но зато он имел возможность, при самых неблагоприятных обстоятельствах, отступить в безопасное место, набрать новых сподвижников и со свежими силами встретить врага, от которого еще недавно он вынужден был уклониться в сознании своего бессилия.

На этот раз он отступил к Баденоху и, пройдя весь этот округ, а потом графство Этол, начал тревожить ковенантеров неожиданными нападениями то там, то сям и произвел такой общий переполох, что парламент неоднократно присылал гонцов к их вождю, Аргайлу, с приказанием во что бы то ни стало уничтожить армию Монтроза.

Такие строгие приказы со стороны начальства пришлись не по вкусу надменному Аргайлу и шли решительно вразрез с его выжидательной и осторожной политикой. Поэтому он не обратил на них внимания и ограничил свои действия тем, что постарался отвлечь от Монтроза его немногих лоллендерских союзников, из которых иные уже и так смотрели очень косо на поход по горам, что обещало им бесчисленные труды и неудобства, да к тому же боялись покинуть свои поместья, которым навверное угрожало разорение от руки ковенантеров.

Поэтому некоторые из них покинули лагерь Монтроза. Зато с другой стороны в то самое время к нему примкнули другие, гораздо более близкие ему по духу и лучше приспособленные к исключительным условиям предпринятой им кампании. Подкрепление состояло из многочисленного отряда хайлендеров, за которыми Колкитто нарочно отправлялся в графство Аргайл. В числе более замечательных были тут Джон Мойдарт, начальник клана Ранальдов, Стюарты из Аппина, кланы Мак-Грегор, Мак-Наб и многие другие, менее значительные роды.

Таким образом войско Монтроза так увеличилось, что Аргайл не пожелал более командовать его противниками, возвратился в Эдинбург и подал в отставку под тем предлогом, что ему не высылали тех подкреплений и провианта, которых он требовал. Оттуда маркиз воротился к себе домой, в Инверэри, дабы в полной безопасности распоряжаться своими феодальными вассалами и патриархальной свитой и спокойно проводить время, на основании старинной пословицы своего клана: «Далеко отсюда до Лох-Оу».

Глава XVI

*Какие пропасти, какие крутизны,
Которыми войска его окружены!
А дальше мох седой и топкие трясины
На дне извилистом болотистой долины.
Увидел это вождь и свой собрал совет,
И спрашивает всех. А те ему в ответ:
«Уж делать нечего, придется выступить
И, что бы ни было, судьбы не миновать».*

«Флодденское поле»^[110], старинная песня

Теперь представился Монтрозу случай совершить великолепный поход, лишь бы удалось склонить к тому его храбрые, но непостоянные дружины и их свободолюбивых вождей. Путь на равнину стоял открытым, а войско противника сократилось настолько, что не внушало никаких опасений; ибо приверженцы Аргайла покинули армию Ковенанта, как только их вождь подал в отставку, да и многие другие, наскучив войной, воспользовались этим случаем, чтобы разойтись. Следовательно, Монтрозу стоило только спуститься через Стрэт-Тэй (один из наиболее удобных горных проходов) и показаться на равнине, чтобы пробудить дремлющие чувства рыцарской отваги и преданности, одушевлявшие джентльменов к северу от Форта. Закрепив за собой эти округа мирным или военным путем, Монтроз имел бы в

своём распоряжении богатейшую и плодородную часть королевства, что дало бы ему возможность платить своим людям правильное жалованье, поставить войско на более прочную ногу, пройти до самой столицы, оттуда, быть может, проникнуть в пограничные провинции и соединиться с боевыми силами короля Карла, все еще довольно значительными.

Таков был план кампании, долженствовавшей покрыть его оружие неувыдаемой славой и доставить королевскому делу важнейший успех. Все это отлично видел и сознавал отважный и честолюбивый дух человека, успевшего заслужить титул Великого маркиза. Но совсем иными соображениями руководились многие из его последователей, да и он сам, кажется, втайне сочувствовал им.

Западные вожди армии Монтроза были того мнения, что прежде всего и нужнее всего следует обратить оружие против маркиза Аргайла. Почти каждый из них в свое время испытал на себе его тяжелую руку; почти все, уводя за собой в армию своих лучших людей, покинули собственные семейства и поместья в жертву его мстительной злобе; все до одного страстно желали сбить ему спесь; и, наконец, многие были столь близкими его соседями, что питали надежду при дележе добычи оттягать в свое пользование часть его земель. В глазах этих вождей овладеть замком и угодьями Инверэри было несравненно важнее и желательнее, нежели взять Эдинбург. Взятие столицы могло доставить временную поживу их людям, тогда как взятие Инверэри обеспечило бы

вождям вознаграждение за прошлые убытки и безопасность в будущем. Помимо таких личных соображений, вожди довольно верно рассудили, что хотя в начале похода на равнину у Монтроза будет больше войска, чем у неприятеля, но по мере того, как он будет удаляться от горных пределов, силы его станут уменьшаться, а ковенантеры меж тем наберут из лоулендерских гарнизонов и селений новых рекрутов и встретят Монтроза с превосходящими силами; тогда как, одержав решительную победу над Аргайлом, он не только даст возможность своим теперешним западным союзникам выставить в поле всех своих ратных людей (которых, в противном случае, они вынуждены оставить дома на защиту своих семей), но привлечет под свое знамя и многих других, давно расположенных в его пользу, но не примыкавших к нему из боязни Мак-Калемора.

Все эти доводы, как мы уже сказали, находили сочувственные отголоски в душе самого Монтроза, что не совсем вязалось с общим геройским духом его личного характера. В прежние времена дома Аргайла и Монтроза многократно враждовали между собой как на войне, так и в политике, принадлежа к противоположным лагерям; а чрезвычайное преуспеяние Аргайлов возбудило зависть и негодование соседней фамилии, которая сознавала себя ничем не ниже той, а между тем никогда не получала таких наград и отличий. Мало того, два первенствующих представителя этих фамилий с самого начала теперешних междоусобий были личны-

ми врагами.

Монтроз, сознававший в себе великие силы и способности и оказавший ковенантерам большие услуги при начале войны, ожидал от них особой доверенности и широких полномочий; но парламент счел, что вернее будет дать первое место менее талантливому и более богатому сопернику его, Аргайлу. Монтроз никогда не простил ковенантерам этой обиды и, конечно, еще менее расположен был прощать тому, кто перебил ему дорогу. Следовательно, он питал к нему всю ненависть, на какую был способен пылкий нрав в те необузданные времена, и это чувство побуждало его отомстить своему личному врагу и давнишнему недругу своей фамилии. Очень вероятно, что эти личные мотивы уже и так бродили в его уме, когда оказалось, что большая часть его союзников гораздо более расположена предпринять экспедицию в графство Аргайл, нежели тотчас начать поход на равнину.

Но как ни хотелось самому Монтрозу осуществить этот набег на графство Аргайл, он не мог сразу отказаться от великолепного плана нападения на равнину. Он несколько раз созывал главных вождей на военный совет, стараясь поколебать их решение и тем, быть может, оказывая сопротивление своим собственным тайным мечтам. Он ставил им на вид, как трудно, даже для хайлендеров, пробраться в Аргайлское графство с восточной стороны, где существуют проходы, едва доступные пастухам и охотникам, сами же горы так круты и пустычны, что даже ближайшие к ним кланы сознаются,

что не знают их хорошенько. Эти трудности еще значительно усиливались поздним временем года: был конец ноября, и следовало ожидать, что горные перевалы и ущелья, сами по себе тяжелые, станут совсем непроходимы по причине снежных заносов и метелей.

Однако эти доводы не удовлетворили вождей, и они продолжали настаивать на своем, говоря, что пойдут воевать по старинному, то есть погонят перед собой скотину, дабы она, по шотландскому выражению, «паслась на вражеских пастбищах».

Военный совет кончился поздно вечером, и ни на чем не порешили; только те вожди, которые непременно хотели идти на Аргайлское графство, обещали разузнать, нет ли среди их людей таких, которые могли бы служить надежными проводниками в предстоявшей экспедиции.

Монтроз ушел в шалаш, служивший ему вместо походной палатки, и растянулся на копне сухого папоротника: другой постели у него на ту пору не было. Но напрасно он старался уснуть: честолюбивые грезы гнали прочь сновидения. То представлялось ему, что он водружает королевское знамя на завоеванной цитадели Эдинбурга, оказывая помощь монарху, корона которого зависела от его ратных успехов; то мечтал, что в награду за верную службу его осыпают всеми милостями и почестями, какие может даровать благодарный и любящий король. То опять и это великолепное видение бледнело по сравнению с мечтой о кровавой мести, о торжестве над

ненавистным соперником. Напасть на Аргайла в его родовой твердыне, в Инверэри, сокрушить в его лице и собственного личного врага, и главный оплот пресвитерианцев, показать ковенантерам, какая разница между их любезным Аргайлом и обойденным Монтрозом, – все это были такие соблазнительные картины, что феодальному властелину, жаждущему мести, было бы слишком трудно от них отказаться.

Пока он лежал таким образом, погруженный в свои противоречивые мысли и чувства, солдат, стоявший на часах у его двери, доложил ему, что двое людей просят позволения переговорить с его превосходительством.

– Как их зовут, – спросил Монтроз, – и по какому поводу они вздумали меня тревожить в такой поздний час?

Часовой был ирландец, из тех, что пришли под начальством Колкитто, и потому не мог ответить генералу ничего определенного. Монтроз, знавший, что никому не следует отказывать в свидании в такое время из опасения пропустить что-нибудь важное, распорядился на всякий случай поставить вооруженный караул, а сам приготовился принять поздних гостей. Его камердинер едва успел зажечь пару факелов, а Монтроз только что встал со своего ложа, как в шалаш вошли двое: один был по виду обитатель равнины, в замшевой куртке, изношенной в клочки, а другой статный, старый хайлендер высокого роста, загорелый, худой, с лицом потемневшим от холода и непогоды.

– Что скажете хорошего, друзья мои? – молвил маркиз,

почти невольно ощупывая рукой свои пистолеты, потому что и времена были смутные, да и физиономии посетителей не внушали ему особенного доверия.

– Честь имею поздравить ваше превосходительство, – сказал человек в куртке, – именитый мой генерал и светлейший лорд, с великими победами, которые вы изволили одержать, с тех пор как судьба меня разлучила с вами. Чудесное было дело эта схватка под Типпермуром; только я бы осмелился посоветовать...

– Постойте, – сказал маркиз, – прежде чем подавать советы, будьте так добры сообщить мне, от кого я их буду получать?

– Поистине, милорд, – возразил тот же человек, – я надеялся, что в этом нет надобности, – не так уж давно я поступил к вам на службу и вы мне обещали чин майора и жалованье по полталера в день, да столько же в зачет по окончании срока... Неужто ваше превосходительство позабыли и про жалованье, и про меня самого?

– Добрый друг мой, майор Дальгетти, – сказал Монтроз, успевший тем временем вспомнить и признать его, – примите во внимание, сколько со мной с тех пор случилось важных происшествий, немудрено, что и своих не узнаешь... особенно при таком скудном освещении... Но успокойтесь, все условия будут соблюдены... Ну, майор, какие же вести из Аргайлского графства?.. Ведь мы давно считали вас погибшим, и я только что собирался примерно наказать этого ста-

рого хитреца за то, что относительно вашей особы он осмелился преступить правила воинской чести.

– И отлично, милорд, – сказал Дальгетти, – я ничуть не желаю, чтобы мое появление помешало вам выполнить столь похвальное и пристойное намерение. Поистине скажу, не по милости графа Аргайла и не по его воле остался я жив, а потому заступаться за него не буду. Спасся же я по благодати Божьей, да еще благодаря собственной ловкости; что и неудивительно со стороны такого опытного и искусного кавалера, как я; а помогал мне в этом деле вот этот самый старик хайлендер, которого осмеливаюсь поручить особому благорасположению вашей светлости, так как он содействовал спасению вашего покорнейшего слуги, Дугалда Дальгетти из Драмсуокита.

– Услуга важная, – сказал маркиз серьезно, – и, без сомнения, будет вознаграждена по достоинству.

– Преклони колено, Ранальд, – сказал майор Дальгетти (так будем мы отныне называть его), – стань на колени и поцелуй руку его превосходительства.

Но так как предписанная формула приветствия была не в нравах его соотечественников, Ранальд ограничился тем, что, скрестив руки на груди, наклонил голову.

– Этот бедняк, милорд, – продолжал майор Дальгетти, с важностью заявляя себя покровителем Ранальда Мак-Ифа, – сделал все, что мог, дабы уберечь меня от врагов моих, несмотря на то что иного оружия у них не водится, как толь-

ко луки и стрелы, чему, я думаю, ваше превосходительство с трудом можете поверить.

– Вы увидите довольно много людей в нашем лагере, также не имеющих другого оружия, – сказал Монтроз, – и мы считаем их очень полезными.

– Полезными, милорд? – сказал Дальгетти. – Прошу извинения за смелость, но... я удивлен... луки и стрелы!.. Уж вы простите, а только я посоветую при первой возможности заменить их мушкетами... Но, возвращаясь к этому честному хайлендеру, я должен сказать, что он не только защищал меня, но и лечил, так как я при отступлении был ранен и оставался с тех пор на его попечении, что и считаю долгом с благодарностью засвидетельствовать перед вашей светлостью.

– Как тебя зовут, друг мой? – спросил Монтроз, обращаясь к хайлендеру.

– Лучше не поминать! – отвечал горец.

– Это значит, – поспешил вмешаться Дальгетти, – что он желал бы сохранить свое имя в тайне, по той причине, что в прежние времена было за ним одно такое дельце: овладел он замком, перерезал хозяйских детей и наделал много чего другого, что, как известно вашей светлости, в военное время частенько практикуется, но, вообще говоря, не располагает друзей и родственников пострадавшего к виновнику его несчастья. Я на моем веку сколько раз видал, как простолюдины предавали смерти разных храбрых кавалеров единственно за то, что они себе позволяли кое-какие вольности

в краю...

– Понимаю, – сказал Монтроз, – этот человек в ссоре с кем-нибудь из наших сторонников. Пускай идет теперь на гауптвахту, а мы тут подумаем, как лучше оборонить его.

– Слышишь, Ранальд? – сказал майор Дальгетти с величественным видом. – Его превосходительство желает говорить со мной наедине, а тебе велит идти на гауптвахту... Да он, бедняга, не знает, где гауптвахта!.. Да, совсем неопытный парень, хоть и старый человек. Я сейчас поручу его одному из часовых и немедленно вернусь к вашей светлости. – Дальгетти отвел Мак-Ифа и тотчас вернулся обратно.

Прежде всего Монтроз спросил его о результатах посольства в Инверэри и с большим вниманием выслушал рассказ майора, невзирая на его многоречивость и отступления. Нелегко было маркизу напрягать свое внимание до конца, но он знал, что, если хочешь добиться толку от агента, подобного этому болтуну, надо дать ему высказаться по-своему. Терпение маркиза получило наконец свою награду: в числе различных вещей, которыми Дальгетти считал себя вправе завладеть в Инверэри, была связка бумаг из конторки Аргайла; эту связку он в конце концов и вручил своему генералу. Впрочем, этим он и ограничил передачу награбленной добычи; по крайней мере, я никогда не слыхивал, чтобы он отдал Монтрозу тот кошелек с золотом, который утащил одновременно с бумагами.

Монтроз схватил один из воткнутых в стену факелов и в

одну минуту погрузился в чтение документов, между которыми напал, очевидно, на нечто такое, что дало новую пищу его личной злобе против соперника – Аргайла.

– Ого, так он меня не боится? – молвил он, продолжая читать. – Хорошо, мы еще проверим это... Сожжет мой замок Мурдох?.. Но первый дым пойдет из Инверэри... О, лишь бы достать проводника по предгорьям Стрэтфиллена!

Личная самонадеянность майора Дальгетти не мешала ему знать свое дело, он мигом сообразил, чего нужно Монтрозу. В ту же минуту, оборвав свое подробное повествование о том, как его ранили во время отступления, он сразу завел речь о том, что наиболее интересовало его начальство.

– Коли желаете, ваше превосходительство, проникнуть в графство Аргайл, – сказал он, – то вот этот бедняк, Ранальд, о котором я вам докладывал, и дети его, и сродники, знают каждую шелку в этих местах и всякие туда проходы как с востока, так и с севера.

– В самом деле? – сказал Монтроз. – А почему вы полагаете, что они так сведущи на этот счет?

– А вот позвольте доложить, ваше превосходительство, – ответил Дальгетти, – в течение нескольких недель, что я провел с ними ради заживления моей раны, они беспрестанно должны были перекочевывать с места на место по той причине, что Аргайл все еще хлопотал о поимке некоего офицера, облеченного доверием вашего превосходительства. Вот тут-то я и имел случай оценить их ловкость, проворство и

подробное знание местности, а когда я настолько окреп, что уже был в состоянии явиться в главную квартиру вашей светлости, этот честный простак, Ранальд Мак-Иф, провел меня сюда такими дорогами, что даже лошадь моя – изволите помнить моего Густава? – отлично могла всюду пройти. Вот я тогда и подумал, что если бы понадобилось совершить поход по горам в этой западной части королевства, то лучших проводников и желать нельзя, как этот Ранальд и его товарищи.

– Можете ли вы поручиться за верность и преданность этого человека? – сказал Монтроз. – Как его зовут и кто он такой?

– Он ремеслом разбойник и бродяга, – отвечал Дальгетти, – отчасти, пожалуй, убийца и душегуб; а зовут его Ранальд Мак-Иф, что означает Ранальд Сын Тумана.

– Это прозвище мне что-то знакомо, – сказал Монтроз, задумавшись. – Ведь эти Сыновья Тумана, если не ошибаюсь, совершили какое-то злодейство в семье Мак-Олей?

Майор Дальгетти начал рассказывать про убийство лесничего, и Монтроз, обладавший превосходной памятью, тотчас припомнил все обстоятельства этой фамильной вражды.

– Какая жалость и досада, – сказал Монтроз, – что существует такая непримиримая вражда между этими людьми и Мак-Олеями. Аллен выказал много мужества в нынешнюю войну, а странная таинственность его речей и поступков оказывает такое могучее влияние на его земляков, что возбудить его неудовольствие было бы мне особенно тяжело, да и

небезопасно. А между тем, если эти люди могут нам быть до такой степени полезны и если, как вы говорите, майор Дальгетти, на них действительно можно положиться...

– На этот счет, ваше превосходительство, я готов прозакладывать все мое жалованье вместе с наградными, и коня моего, и оружие, и собственную голову, – сказал майор, – а уж большего, кажется, и для родного отца нельзя сделать.

– Это все прекрасно, – сказал Монтроз, – но дело это такое важное, что я все-таки желал бы знать, на чем вы основываете свою твердую уверенность?

– Коротко сказать, милорд, – произнес майор, – они не только не воспользовались богатой наградой, которую Аргайл сделал мне честь назначить за мою бедную голову, не только не подумали завладеть моей личной собственностью, на которую, наверное, польстился бы каждый регулярный солдат в какой угодно европейской армии, не только возвратили мне моего коня, весьма ценного, как изволите знать, ваше превосходительство, но даже не согласились принять от меня ни одного стайвера, ни пенни, ни мараведи^[111] за мое содержание и лечение. Я даже предлагал им просто поделиться моей наличной звонкой монетой – и то не взяли, а уж это такое дело, что ни в одной христианской стране не доводилось мне видеть ничего подобного.

– Я согласен, – сказал Монтроз после минутного размышления, – что их отношение к вам доказывает искреннюю преданность; но можно ли поручиться, что эта фамильная вражда

да не возгорится как-нибудь внезапно? – Он замолчал, а потом вдруг прибавил: – Однако, майор, я позабываю, что сам-то поужинал, а вы в это время путешествовали при лунном свете.

Он позвал слуг и приказал принести вина и чего-нибудь закусить. Майор Дальгетти, с аппетитом выздоравливающего, воротившегося с пустынной стоянки в горах, не заставил себя долго потчевать, а накинулся на предложенные яства с такой жадностью и начал их уничтожать с таким проворством, что маркиз, налив себе кубок вина и выпив за его здоровье, заметил:

– Как ни плоха у нас в лагере провизия, майор Дальгетти, боюсь, что вам доставалась еще худшая во время ваших странствий по Аргайлширу?

– В этом и побожиться не грех, ваше превосходительство, – отвечал майор, набив себе полный рот, – до сих пор еще чую вкус черствого хлеба и мутной воды, которыми угощали меня в замке у Аргайла, а что до того, чем кормили меня Сыновья Тумана, должен сказать, что, как они, бедняги, ни старались достать что-нибудь получше, мне как-то не шел впрок их корм; бывало, как надену свой панцирь, – а я, ради удобства, вынужден был с ним расстаться в дороге, – так я в нем и катаюсь из стороны в сторону, словно высохший орех в прошлогодней скорлупе.

– Ну вот, теперь наверстаете потерянное, питайтесь хорошенько, майор Дальгетти!

– Поистине, – отвечал воин, – это едва ли возможно будет сделать, иначе как если тотчас же получу наградные вместе с жалованьем, потому что, поверьте, ваше превосходительство, я теперь потерял сорок два фунта весу, а нагулял я их именно в Голландии, в ту пору, как нам аккуратно платили жалованье...

– В таком случае, – сказал Монтроз, – вы как раз достигли теперь того веса, чтобы легче переносить поход. Что до жалованья, майор, лишь бы нам победить... понимаете – победить... тогда ваши желания и вообще все наши желания будут исполнены. А пока выпейте еще стаканчик!

– За здоровье вашего превосходительства! – молвил майор, наполняя кубок до самых краев в знак своего усердия. – Дай Бог одержать победы над всеми нашими врагами, а пуще всего одолеть Аргайла! Я еще надеюсь и сам потеревить его за бороду; один раз уже имел счастье вырвать порядочный клочок...

– Правда, правда, – сказал Монтроз. – Но, возвращаясь к этим Детям Тумана... Вы понимаете, Дальгетти, что как их присутствие в нашем лагере, так и услуга, которую мы от них ожидаем, должны оставаться под секретом между вами и мной?

Как и ожидал Монтроз, этот знак доверия со стороны генерала доставил майору величайшее удовольствие: он приложил палец к носу и закивал с хитрым видом.

– Много ли их там, товарищей Ранальда? – спросил Мон-

троз.

– Насколько мне известно, их осталось всего от восьми до десяти мужчин, – отвечал Дальгетти, – а еще есть женщины и дети.

– Где они теперь? – спросил Монтроз.

– В лощине, мили за три отсюда, – отвечал воин, – ждут приказаний вашего превосходительства. Я счел неудобным приводить их в лагерь, не получив на то соизволения вашего превосходительства.

– И хорошо сделали, – сказал Монтроз, – им всего лучше там и оставаться или поискать себе убежище подальше. Я пошлю им денег, хотя у меня самого их теперь маловато.

– Да и не нужно совсем, ваше превосходительство, – сказал майор, – стоить им намекнуть, что Мак-Олеи пойдут в ту сторону, так мои приятели мигом повернут оглобли и выберут себе другую дорогу.

– С нашей стороны это будет уж слишком нелюбезно, – молвил маркиз, – лучше послать им все-таки немного денег, пускай купят хоть коров для прокормления женщин и детей.

– Они умеют добывать себе скот и без денег, – сказал майор, – а впрочем, как угодно вашему превосходительству.

– Скажите этому Ранальду Мак-Ифу, – сказал Монтроз, – чтобы выбрал из своих людей одного или двух надежных, на которых сам он может положиться, и притом способных сохранить и свою и нашу тайну. Вот они и будут нам проводниками, под руководством своего вождя в качестве главно-

го лазутчика. Пусть завтра на рассвете они все явятся в мою палатку, и, если возможно, позаботьтесь, чтобы они и сами не угадали моих намерений, и друг другу здесь ничего не сообщали по секрету... У этого старика есть дети?

– Все перебиты и перевешаны, – отвечал майор, – а было их, должно быть, штук двенадцать... Остался у него, впрочем, один внук, мальчик смышленный, бойкий и, я заметил, всегда носит камешек за пазухой, чтобы швырнуть во что попадет. Это значит, как Давид, у которого тоже была привычка бросаться гальками, поднятыми со дна ручья; может быть, и этот также будет со временем воин хоть куда.

– Вот этого мальчика, майор Дальгетти, желаю я взять в услужение при моей особе, – сказал маркиз. – Полагаю, что у него достанет смышленности на то, чтобы скрыть свое имя?

– Об этом вашему превосходительству нечего заботиться, – отвечал Дальгетти, – у этих хайлендерских пострелят столько догадки, что чуть только из яйца вылупится, так и...

– Хорошо, – перебил его Монтроз, – значит, этот мальчик и будет у меня заложником благонадежности старика, и, если старик хорошо выполнит свое дело, я и мальчика награжу. Теперь, майор Дальгетти, я отпущу вас на ночь. Завтра поутру вы мне приведете этого Мак-Ифа и представите, а имя и звание пусть он сам себе выбирает. По свойству своей профессии он, вероятно, мастер на всякие переодевания; а если нет, то мы примем в свою игру Джона Мойдарта и расскажем ему, в чем дело: он человек разумный, практический, толко-

вый и наверное позволит этому старику на некоторое время нарядиться в одежду его клана. Что до вас, майор, пусть мой камердинер служит вам сегодня квартирмейстером.

Майор Дальгетти с радостью откланялся маркизу, восхищенный и тем, как его приняли, и вообще манерами и обхождением своего нового главнокомандующего, который, как он пространно объяснял Ранальду Мак-Ифу, во многих отношениях напомнил ему особу бессмертного Густава Адольфа, Северного Льва и оплот протестантской церкви.

Глава XVII

*Он в боевом порядке выступал,
И трепетно народ ему внимал...
А впереди их ждал суровый голод,
Труды, борьба, лишенья, зимний холод...
Но для него, казалось, нет преград!*

Джонсон. «Тицета человеческих желаний»^[112]

На рассвете Монтроз позвал к себе в шалаш старого Мак-Ифа и долго и подробно расспрашивал его о средствах проникнуть в графство Аргайл. Ответы его он записывал для сличения с тем, что будут говорить двое других Сыновей Тумана, которых старик сам рекомендовал маркизу как самых опытных и надежных. Оказалось, что все трое давали тождественные показания. Однако для большей верности в таком важном вопросе, требовавшем всевозможных предосторожностей, маркиз сравнил их еще с теми сведениями, которые удалось ему собрать от различных вождей, живших поблизости от мест, куда намеревался он вторгнуться, и, убедившись, что и эти показания вполне сходны с первыми, решил действовать на основании их с полной уверенностью.

Только в одном пункте Монтроз изменил своему первоначальному решению. Ему показалось неловко брать в услужение и приближать к своей особе мальчика Кеннета, – если

бы, паче чаяния, как-нибудь открылась тайна его происхождения, это могло бы оскорбить целые кланы, питавшие феодальную ненависть к этому проклятому роду; поэтому маркиз счел за лучшее попросить майора принять мальчика к себе в услужение. Так как эта просьба сопровождалась щедрым подношением, под тем предлогом, что Кеннета необходимо прилично одеть и обуть, такое распоряжение для всех было приятно.

Приближалось время завтрака, когда майор Дальгетти, отпущенный Монтрозом, пошел разыскивать своих старых знакомых, лорда Ментейта и братьев Мак-Олей; ему хотелось поскорее рассказать о своих приключениях и узнать от них все подробности кампании. Можно себе представить, как радушно его приняли люди, которые успели соскучиться однообразием лагерной жизни и рады были всякой перемене, каждому новому лицу, лишь бы немного развлечься. Один Аллен Мак-Олей как-то съезжился и попятился от возобновления знакомства; когда же брат его спросил о причине, Аллен не мог объяснить своего отвращения ничем, кроме того, что ему противно протянуть руку человеку, так недавно бывшему в обществе Аргайла и других вражеских лиц. Майор Дальгетти даже немного встревожился тем верным инстинктом, который как будто подсказал Аллену, с кем именно он водился за последнее время. Однако он вскоре мог успокоиться на этот счет, убедившись, что ясновидение Аллена не всегда бывает безошибочно.

Так как Ранальд Мак-Иф поступил в распоряжение майора Дальгетти и под особое его покровительство, необходимо было представить старика всем лицам, с которыми майор собирался всего чаще видеться. Между тем Ранальд переделался, заменив тарган своего клана одеждой, свойственной обитателям дальних шотландских островов: она состояла из длинной куртки, с килтом (юбкой) и рукавами из того же материала, зашнурованной спереди сверху донизу. Фасон этого одеяния напоминает так называемый полонез, в который и до сих пор одевают в Шотландии детей низших классов. Полосы клетчатой материи, обернутой вокруг ног вместо чулок, и такая же клетчатая шапка на голове дополняли этот костюм, который старики прошлого столетия еще видали на воинах, уроженцах дальних островов, принимавших участие в экспедиции графа Мара^[113] в 1715 году.

Майор Дальгетти, искоса поглядывая на Аллена Мак-Олея, представил обществу Ранальда Мак-Ифа под вымышленным именем Ранальда Мак-Гиллихрона, из Бенбекулы, с которым он вместе бежал из тюрьмы Аргайла. Майор рекомендовал старика в качестве весьма искусного арфиста и певца, а также одаренного замечательным даром предвидения. Излагая эту рекомендацию, майор запинался, путался, что было так не похоже на обычную его самоуверенную болтовню, что могло бы возбудить подозрительность Аллена Мак-Олея, если бы внимание его не было устремлено в другую сторону: Аллен глаз не спускал с Ранальда и пристально

изучал его черты. Этот пристальный взгляд настолько смущал старика, что он невольно начал опускать руку на рукоятку своего кинжала, в ожидании внезапного нападения; как вдруг Аллен перешел на другой конец хижины и очень приветливо протянул руку Ранальду. Они уселись рядом в стороне от остальных и начали о чем-то таинственно беседовать вполголоса. Ни Ментейт, ни Ангус Мак-Олей не удивились этому, зная, что все хайлендеры, имевшие претензию на дар ясновидения, установили между собой нечто вроде франкмасонского союза и при встрече всегда вступали в переговоры друг с другом, взаимно сообщая свои видения и проверяя относительные размеры своих чудодейственных способностей.

– А что, видения омрачают твою душу? – спрашивал Аллен у своего нового приятеля.

– Омрачают, как тень, набегающая на месяц, когда черная туча заслоняет его среди ночи и пророки предвещают беду, – сказал Ранальд.

– Поди сюда, – сказал Аллен, – отойдем туда... подальше... мне хочется поговорить с тобой наедине. Люди говорят, что у вас там, на дальних островах, зрение острее и видения бывают резче, яснее, чем у нас, живущих слишком близко к англичанам.

Пока они занимались этим мистическим совещанием, в хижину вошли двое известных нам английских джентльменов; они были в восторженном настроении и сообщили Ан-

гусу Мак-Олею, что сейчас разослан всем приказ быть готовыми к немедленному выступлению в поход на запад. Передав эту радостную новость, они очень любезно поздоровались с майором Дальгетти, которого тотчас узнали, и осведомились о здоровье его коня Густава.

– Чувствительно вас благодарю, джентльмены, – отвечал воин, – Густав здоров, хотя, подобно своему хозяину, очень исхудал с той поры, как вы предлагали мне от него отделаться в Дарнлинварахе; а впрочем, можете поверить мне на слово, что когда сделаете один или два таких похода, которые вас, по-видимому, так радуют в будущем, то придется вам оставить за собой, мои добрые рыцари, не только всю английскую говядину, но, вероятно, и пару английских лошадок в придачу.

Оба джентльмена воскликнули, что им совершенно все равно, что оставить, а что найти в походе по части провианта, лишь бы поскорее дожидаться перемены, а не вертеться взад и вперед по графствам Ангус и Абердин в погоне за неприятелем, который ни драться не хочет, ни прочь уходить.

– Если так, – сказал Ангус Мак-Олей, – надо мне отдать приказания своим людям да позаботиться о безопасном перемещении Анны Лейл, потому что, если точно мы заберемся в пределы Мак-Калемора, дороги там будут похуже, да и двигаться по ним гораздо дольше и труднее, чем себе представляют вот эти два доблестных рыцаря из Камберленда. – С этими словами он вышел из шалаша.

– Анна Лейл, – повторил Дальгетти, – разве и она все время при войске?

– Еще бы! – молвил сэр Джайлс Месгрейв, слегка взглянув на лорда Ментейта и на Аллена Мак-Олея. – Мы не можем ни двинуться, ни сражаться, ни нападать, ни отступить без содействия этой царицы арф.

– Скорее царицы мечей и щитов, – заметил сэр Кристофер Холл, – потому что если бы с нами была сама леди Монтроз, то и ей воздавалось бы не больше почестей: при ней целых четыре хайлендерские девушки да столько же босоногих пажей для услуг.

– Да как же иначе, джентльмены? – сказал Аллен, отвернувшись вдруг от хайлендера, с которым разговаривал. – Разве вы покинули бы невинную девушку, свою подругу детства, оставили бы ее умирать с голоду или насильственной смертью? В настоящее время от жилища моих отцов и крыши не осталось... все разрушено... и жатва наша потоптана, и скот угнали... А вы, джентльмены, должны благодарить Бога за то, что, придя из более благодатной и цивилизованной страны, рискуете на этой жестокой войне только собственной жизнью, не опасаясь, что враги ваши обрушат свое мщение на тех беззащитных и слабых, которых вы оставили дома.

Англичане добродушно согласились, что в этом отношении, действительно, все выгоды на их стороне, после чего все разошлись по своим делам. Один Аллен отстал от других и задержал Ранальда, продолжая его расспрашивать об одном

пункте своих так называемых видений, который его особенно смущал.

– Много раз, – говорил он, – представлялся мне в видении хайлендер, поражавший кинжалом Ментейта... вон того молодого дворянина в пунцовом плаще с золотым шитьем, что сейчас только вышел отсюда... Но как я ни старался рассмотреть убийцу, как ни напрягал зрение до тех пор, что глаза мои становились неподвижны, я не мог ни увидеть его лица, ни даже догадаться, кто бы это мог быть, хотя осанка его и наружность были мне как будто знакомы.

– А пробовал ли ты в этих случаях переворачивать свой плед, как обыкновенно делают опытные ясновидцы? – спросил Ранальд.

– Пробовал, – отвечал Аллен тихим голосом, содрогаясь от душевной муки.

– В каком же виде тогда представлялся тебе призрак? – спросил Ранальд.

– В перевернутом пледе, – ответил Аллен так же тихо и прерывисто.

– Так знай же, – сказал Ранальд, – что твоя рука, и ничья иная, совершит то дело, которого предвестие ты сам видел.

– Сто раз то же предчувствовала и моя смущенная душа! – сказал Аллен. – Но это невозможно! Если бы я сам прочел это предсказание в книге судеб, я сказал бы, что это невозможно... Нас связывают узы крови и еще сотни других уз, еще более тесных... Мы рядом сражались на поле битвы, и

наши мечи обагрятся кровью общих врагов... Нет, не может быть, чтобы я поднял на него руку!

– Что ты поднимешь ее, это несомненно, – сказал Ранальд, – хотя повод к тому еще скрыт во мраке будущего. Ты говоришь, – продолжал он, с трудом подавляя собственное волнение, – что вы рядом преследовали свою добычу, подобно охотничьим псам... А разве тебе не случалось видеть, как псы внезапно кидаются друг на друга, оскалив зубы, над трупом распростертого оленя?

– Это ложь, – сказал Аллен, вскакивая, – это не предчувствие неизбежной судьбы, а искушение какого-то злого духа, возникшего из ада!

Сказав это, он крупными шагами вышел из хижины.

– Попал! – прошептал Сын Тумана, с хищной радостью глядя ему вслед. – Запустил тебе в тело зубчатую стрелу!.. Духи убиенных, возвеселитесь! Скоро, скоро мечи ваших убийц обагрятся их же кровью.

На другое утро все было готово. Монтроз быстрыми переходами провел армию вверх по течению реки Тай и рассеял свои нескладные дружины по романтической долине и по берегам озера Тай, у истоков реки того же имени. Местность населена была Кэмпбелами, но не вассалами Аргайла, а другой ветвью того же дома, тогда носившей имя Глен-Орк, а ныне известного под именем Брэдалбен. Нападение было так неожиданно, что они и не пытались сопротивляться, а сложа руки смотрели, как грабили их имущество и уводили стада.

Придя таким образом в долину озера Дохарт и разоряя на пути всю страну, Монтроз достиг того пункта, с которого начинались самые серьезные трудности его предприятия.

Переход через эти обширные горные пустыни даже и теперь показался бы очень затруднительным для нынешнего войска, хотя там проложена исправная военная дорога, ведущая мимо Тейндрума к истокам озера Лох-Оу. Но в те времена (и еще долго после) никаких дорог, ни даже тропинок там не было, и в довершение неудобств горы уже были покрыты снегом.

Великолепное зрелище представляли эти массы, громадившиеся мощными уступами, из которых передние блистали неизъяснимой белизной, тогда как дальние вершины были подернуты алыми отблесками ясного зимнего заката. Самая высокая из вершин, Бен-Круахан, казавшаяся настоящей твердыней горного духа, сияла превыше всех, и ее сверкающий усеченный конус виднелся за многие мили.

Воины Монтроза были не такие люди, чтобы приходить в ужас или недоумение при виде этой величавой, но страшной картины. Многие из них принадлежали к числу тех исстари выносливых хайлендеров, которым казалось совершенно естественным ночевать на снегу, а сделать себе подушку из комьев снега считалось даже утонченной роскошью. Они знали, что мщение и богатая добыча лежат по ту сторону этих обледенелых гор, а потому нечего размышлять о трудностях пути. Монтроз и не давал им времени опомниться.

Он приказал волынщикам идти впереди и наигрывать старинный пиброх «Хоггил намбо» («Идем за добычей»), пронзительные звуки которого так часто наводили страх на долины Леннокса. Дружины подвигались бодрым и ровным шагом, свойственным горцам, и вошли наконец в опасный проход, через который Ранальд взялся их провести. Он шел теперь впереди, с отрядом отборных людей, указывая дорогу.

Никогда человеческие силы не представляются более ничтожными, как в присутствии величавых и естественных преград, полагаемых самой природой. Победоносное войско Монтроза, потрясшее всю Шотландию слухами о своих ужасных подвигах, пробираясь теперь вверх по горам через этот страшный перевал, казалось не более как горстью каких-то жалких существ, которые вот-вот пропадут в пасти отвесных утесов, готовых их пожрать. Сам Монтроз не раз каялся в том, что затеял такое отважное предприятие, особенно когда с высоты первой вершины заглянул вниз и увидел, как далеко рассеялась его маленькая армия. Идти вперед было до такой степени тяжело, что в рядах воинов начали появляться все большие пробелы, и с каждой минутой увеличивалось расстояние между авангардом, центром и тылом: это было и неудобно, и в высшей степени невыгодно.

Монтроз с опасением и тревогой посматривал на каждый выступ, казавшийся ему удобным для засады, боясь, как бы притаившийся там неприятель не оказал ему сопротивления. И впоследствии он не раз говаривал, что, если бы сот-

ни две решительных людей вздумали защищать Стрэтфилленский перевал, они не только остановили бы дальнейшее движение его армии, но могли бы уничтожить ее по кускам. Но беззаботность, погубившая столько сильных государств и крепких твердынь, и в этот раз предала аргайлское государство в жертву его врагам. Завоевателям пришлось считаться только с естественными преградами, то есть с крутыми тропинками да со снеговыми заносами, но, по счастью, снега еще было немного и кое-как пройти оказалось возможно. Как только армия достигла вершины горной цепи, отделяющей графство Аргайл от округа Брэдалбен, воины бросились в долины с такой яростью, которая ясно показывала, зачем они пришли и какие цели имели в виду, совершая этот трудный и опасный поход.

Монтроз разделил свое войско на три части, дабы захватить возможно более широкий район и поразить ужасом всю страну. Одним отрядом командовал Джон Мойдарт, начальник клана Ранальд, другой отряд поручен был предводительству Колкитто, третий Монтроз повел сам. Таким образом, они проникли в Аргайл в трех разных пунктах. Сопrotивления не было. Пастухи, бежавшие с холмов, первые распространили в населенных местах вести о вторжении врагов, и всюду, где жители выходили на защиту своих пределов, их убивали или обезоруживали и гнали прочь, а неприятель заранее знал все их движения. Майор Дальгетти, посланный вперед на Инверэри, во главе маленькой конницы, которую

сумели уберечь при переходе через горы, распорядился так удачно, что чуть не застиг Аргайла, как он выразился, *inter rosula*⁴¹, и только быстрое бегство водой, через озеро, спасло его от плена и смерти. Но, хотя самому Аргайлу удалось бежать, его клан и все графство пострадали за его грехи, и Монтроз так жестоко отомстил им, что хотя излишества такого рода были в духе времени и страны, однако эти факты многократно и справедливо были поставлены ему на счет и остались на его памяти и славе несмываемым пятном.

Между тем Аргайл бежал в Эдинбург и подал жалобу Союзному совету. Чтобы удовлетворить потребностям минуты, собрали порядочное войско под начальством генерала Бэйли, способного и благонадежного пресвитерианца, и к нему прикомандировали знаменитого сэра Джона Эрри, такого же авантюриста, как Дальгетти, успевшего дважды переменить фронт с тех пор, как началась междоусобная война; но до ее окончания ему суждено было еще и в третий раз изменить своему знамени. Аргайл, со своей стороны, пылая негодованием, стал набирать свою собственную сильную армию, дабы отплатить своему исконному врагу. Он основал свою главную квартиру в Дунбартоне, куда вскоре собрались значительные силы, состоявшие главным образом из его единоплеменников и приверженцев. Туда же подоспели Бэйли и Эрри, во главе значительной регулярной армии, и все вместе собирались проникнуть в графство Аргайл и примерно

⁴¹ За стаканом вина (*лат.*).

наказать дерзновенного, занявшего его наследственную территорию.

Но в то время как эти две сильные армии спешили соединиться друг с другом, Монтроз ушел из разоренного им Аргайлского графства, потому что прослышал о приближении еще третьей армии, сформированной на севере графом Сифортом. После долгих колебаний Сифорт решил примкнуть к ковенантерам и теперь, с помощью опытных воинов Инвернисского гарнизона, собрал порядочное войско и угрожал Монтрозу со стороны Инверниса.

Очутившись таким образом среди разоренного и враждебного края, со всех сторон теснимый сильнейшими неприятельскими отрядами, Монтроз, по общему мнению, неминуемо должен был погибнуть. Но это были обстоятельства именно такого рода, чтобы пробудить чрезвычайную энергию и предприимчивость в пылкой душе Великого маркиза и подвигнуть его на такие дела, которые восхищали его преданных друзей, а врагов поражали изумлением и ужасом. Словно мановением волшебного жезла, он быстро собрал своих людей, рассеянных по всему краю с целью грабежа, и едва они собрались, как Аргайл и его союзники, правительственные генералы, узнали, что роялисты исчезли из Аргайлшира и углубились на север, в дикие и непроходимые Лохаберские горы.

Догадливые полководцы, противники Монтроза, сообразили, что он вознамерился идти навстречу Сифорту, сра-

зиться с ним и разбить его, прежде чем они смогут подоспеть к нему на выручку. Поэтому и они изменили план кампании. Предоставляя Сифорту разделяться как знает, Эрри и Бэйли опять отделили свои силы от армии Аргайла, и, так как у них под начальством были преимущественно лоуландеры и конница, они пошли вдоль южной стороны Грампианского горного хребта, направляясь к востоку, в графство Ангус, а оттуда намерены были пройти в графство Абердин, наперерез Монтрозу, в случае если бы он попытался проскользнуть в эту сторону.

Аргайл со своим кланом и остальными приверженцами решил следовать за Монтрозом по пятам, так что, с кем бы ни встретился и ни сразился Монтроз, с Сифортом или с Бэйли и Эрри, он бы очутился меж двух огней, так как во всяком случае в тылу у него была бы третья армия – Аргайла.

Для этого Аргайл снова повернул на Инверэри, на каждом шагу видя печальные следы ярости, с какой враги опустошали его вотчину и разоряли его сторонников. Хайлендеры обладали многими доблестями и возвышенными качествами, но в числе таковых не было жалости или милосердия по отношению к побежденной стране. Зато вражеское разорение обеспечило Аргайлу значительное усиление войска. До сих пор существует у хайлендеров поговорка, гласящая, что «чей дом сожгли, тот поневоле становится солдатом». А в этих несчастных долинах оказались сотни жителей, лишенных крова и пропитания, так что им только и оставалось вы-

мещать на других то, от чего они сами пострадали, и единственной отрадой, какую они могли ожидать в будущем, была надежда на жестокое мщение.

Таким образом, оказалось, что разорение страны послужило к усилению войск Аргайла, и вскоре у него набралось до трех тысяч человек, отличавшихся и мужеством, и решимостью, под начальством двух джентльменов его клана, никому не уступавших по части воинских доблестей. Оставляя за собой главенство, он призвал командовать своими дружинами сэра Дункана Кэмпбела из Арденвора и другого сэра Дункана Кэмпбела, из Аухенбрека, опытного воина, которого он нарочно для этого отозвал из Ирландии, где в то время воевал этот сэр Дункан Кэмпбел. Хладнокровие самого Аргайла умеряло боевую пылкость обоих его помощников: невзирая на усиление армии, было решено действовать по прежнему плану, то есть осторожно следовать за Монтрозом, куда бы он ни направился, но всячески избегать столкновения с ним и выжидать до тех пор, пока он не завяжет с кем-нибудь сражения с фронта, и тогда напасть на него с тыла.

Глава XVIII

*Боевая песнь Дональда,
Черного Дональда клич,
Его дудки, его знамя
В Инверлохи^[114] собрались.*

Военная дорога, связующая линию крепостей и тянущаяся вдоль нынешнего Каледонского канала, в настоящее время окончательно обнажила ту длинную лощину, которая простирается поперек всего острова, а некогда была, несомненно, морским проливом. Она еще и теперь образует бассейны длинного ряда озер, посредством которых современное искусство соединило Немецкое море с Атлантическим океаном. Но зимой 1645/46 года тропинки и дороги, по которым местные жители шли через эту огромную долину, были в том самом виде и положении, как и сто лет спустя, когда какой-то ирландский инженер, взявшийся проложить там сносную военную дорогу, сложил следующее двустишие (мы переводим его в прозе), которым, кажется, и ограничилась его умеренная муза:

Кабы вы видели эти дороги, прежде чем их исправили,
Вы бы воздели руки к небу и благословили имя генерала
Уэда.

Но как ни были плохи эти тропинки, Монтроз и их избегал, а повел свое войско, точно стадо диких оленей, прямоком с горы на гору, из одного леса в другой, так что неприятелю ничего не было известно касательно его движений, между тем как ему подробнейшим образом доносили о них дружественные кланы Камеронов и Мак-Доннелов, горными угодьями которых он пробирался. Им даны были строжайшие приказания следить за приближением Аргайла и о всяком малейшем его действии доводить до сведения самого генерала.

Ночь была лунная, и Монтроз, утомленный дневными трудами, лег спать в жалкой лачуге. Проспав часа два, он почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Он очнулся и по величавой осанке и низкому голосу узнал в посетителе вождя Камеронов.

– Я с вестями, – молвил пришедший, – и вести такие, что стоит встать и послушать.

– От Мак-Илду иных и ждать нечего, – сказал Монтроз, назвав вождя его родовым титулом. – Добрые вести или плохие?

– Не знаю, как вам покажутся, – отвечал вождь.

– А верные они? – спросил Монтроз.

– Да, – отвечал Мак-Илду, – иначе не я бы принес их. Итак, узнайте, что мне наскучило сопровождать этого злополучного Дальгетти с его горстью конницы; они плелись до

того медленно, точно какие-то хромые барсуки, и задерживали меня по целым часам... Вот я взял шестерых своих молодцов, и мы с ними прошли мили четыре дальше по направлению к Инверлохи, тут попался нам навстречу Ян из Гленроя, тоже ходивший на разведку... Аргайл идет на Инверлохи с тремя тысячами отборных людей, под начальством самых доблестных Сынов Диармида. Вот какие вести... Они достоверны. Решайте сами, что делать.

– Вести добрые, – молвил Монтроз оживленно и весело, – голос Мак-Илду всегда приятен для слуха Монтроза; а еще того приятнее, когда предрекает вскорости смелое предприятие... Много ли у нас народу?

Он приказал подать огня и удостоверился, что большая часть его людей, как обыкновенно, отлучилась припрятывать свою добычу и наличное войско состояло из тысячи двухсот или тысячи четырехсот человек.

– Около третьей доли армии Аргайла, – сказал Монтроз, призадумавшись, – и хайлендеры против хайлендеров... С Божьей помощью и во славу короля я бы решился дать сражение, если бы у меня было хоть по одному против двух...

– Так решайтесь теперь же, – сказал Камерон. – Как только вы затрубите атаку на Мак-Калемора, в наших местах ни один человек не останется глух к вашему призыву. Кланы Гленгарри, Кеппох, да и я сам своими руками огнем и мечом истребим того негодяя, который под каким бы ни было предлогом усидит дома... Завтра или послезавтра каждый чело-

век, носящий имя Мак-Доннела или Камерона, будет так или иначе биться в ратном поле.

– Вот мужественная речь, благородный друг мой! – сказал Монтроз, пожимая ему руку. – И я был бы поистине трусом, если бы, невзирая на столь доблестных союзников, вздумал еще сомневаться в успехе... Вернемся и пойдем навстречу этому Мак-Калемору, который, как ворон, следит за нами, надеясь поживиться останками нашей армии в том случае, если бы другие храбрейшие противники сломили наши силы!.. Сзовите как можно скорее всех вождей и начальников; а вы, первый принесший нам такую радостную весть, вы же, Мак-Илду, доведете ее до радостного конца, указав нам ближайший и наилучший путь навстречу врагу.

– С величайшей охотой! – отвечал Мак-Илду. – До сих пор я вам указывал пути, по которым вы отступали среди этих суровых пустынь, но мне гораздо приятнее вести вас вперед, навстречу неприятелю.

По всему лагерю поднялась возня: будили вождей и подымали их с жестких постелей, где они думали найти временный отдых.

– Вот никогда бы не думал, – говорил майор Дальгетти, вскакивая с охапки шероховатых вересковых корней, – никогда бы не думал, что так тяжело мне будет расставаться с постелью, которая ничуть не мягче конюшенной метлы... Но что делать, коли во всей армии только и есть один-единственный человек, опытный в военном деле; его превосхо-

дительство поневоле всех больше с него спрашивает!

Рассуждая таким образом, он явился на военный совет, где, невзирая на его педантизм, Монтроз всегда внимательно его выслушивал; это происходило частью оттого, что майор в самом деле обладал знаниями и опытностью и нередко подавал очень дельные советы, а частью и потому, что он избавлял главнокомандующего от необходимости во всем слушаться горных вождей и давал ему лишний предлог оспаривать их мнения, когда они не сходились с его собственным. В настоящем случае Дальгетти с радостью согласился повернуть назад и идти навстречу Аргайлу; он сравнил это решение с походом великого Густава Адольфа, когда тот напал на герцога Баварского и обогатил свое войско в этом плодородном краю, несмотря на то что в это время ему угрожала с севера громадная армия Валленштейна, набранная в Богемии.

Кланы Гленгарри, Кеппох и Лохил, храбростью и боевой славой не уступавшие ни одному из горных родов, занимали ту самую местность, где должны были произойти военные действия; их вожди разослали к своим вассалам воззвания, чтобы призвать к оружию всех до одного годных для войны мужчин, приказав им выходить навстречу королевскому наместнику, когда он выступит к Инверлохи, и на пути становиться под знамена своих вождей. Вассалы быстро и охотно повиновались этому призыву. Их врожденная склонность к войне, преданность королю (которого они рассматривали как своего вождя, покинутого некоторыми мятежны-

ми кланами), а также слепое доверие к слову их собственных патриархальных властителей были причиной, что к армии Монтроза присоединились не только все соседние хайлендеры, способные владеть оружием, но даже и такие, которым вследствие преклонного возраста можно было бы и не утруждать себя этой повинностью. На другой день похода, направленного напрямиком через горы Лохабера, так что неприятель и не подозревал о их приближении, из всех лощин и ущелий выходили кучки людей, присоединявшихся к войску Монтроза, под знамена своих вождей. Такое постепенное нарастание армии ободряюще действовало на людей. Ко времени прихода их на место действия прибыль увеличилась значительно более чем на четвертую долю общей численности, что вполне оправдало предсказание храброго вождя Камеронов.

Пока Монтроз производил этот контрмарш, Аргайл во главе своей доблестной армии подвигался вдоль южного берега озера Лох-Ил к реке Лохи, соединяющей это озеро с озером Лох-Лохи. Древняя крепость Инверлохи, бывшая когда-то королевским замком, а в то время уже полуразрушенная, все-таки была еще настолько крепка и обширна, что представляла большие удобства для временной главной квартиры, а окружающая долина была не менее удобна для лагерной стоянки, и тут, у слияния реки Лохи с Лох-Илом, расположилось войско Аргайла. Несколько барок, нагруженных провиантом, следовало за армией, так что все для нее

было во всех отношениях выстроено, как только можно желать.

Аргайл, беседа с Аухенбреком и Арденвором, высказал мнение, что в настоящую минуту Монтроз на краю гибели, что войско его будет таять по мере следования на восток, должно, что, если он двинется на запад, его разобьют Эрри и Бэйли, а если на север, то он попадет в руки Сифорта; и где бы он ни остановился отдохнуть, он рискует, что на него нападут тремя армиями сразу.

– Все это нисколько меня не радует, милорд, – сказал Аухенбрек. – Что за удовольствие знать, что Джемс Грэм будет разбит без нашего содействия? В графстве Аргайл он оставил нам такой длинный счет, что мне бы хотелось своими руками отплатить ему за каждую каплю пролитой крови. Я не люблю вершить такие долги чужими руками.

– Вы уж слишком добросовестны, – сказал Аргайл. – Не все ли равно, чьими руками прольется кровь Грэмов? Важнее всего, чтобы перестала литься кровь Сынов Диармида... А вы что скажете, Арденвор?

– Я скажу, милорд, – молвил сэр Дункан Кэмпбел, – что Аухенбрек, вероятно, скоро дождется желаемого и будет иметь удовольствие лично сводить счета с Монтрозом за все его хищения. На наших аванпостах поговаривают, будто Камероны поголовно собираются на окраине Бен-Невиса; вряд ли это делается с целью прикрыть отступление Монтроза, я думаю, что они хотят примкнуть к его передовым отрядам.

– Просто замышляют грабительский набег или устраивают нам какую-нибудь помеху, – сказал Аргайл, – это все штуки хитреца Мак-Илду, который злится на нас и воображает, что этим доказывает свою преданность королю. Вероятно, будут тревожить наши аванпосты или завтра намерены задержать нас на походе.

– Я разослал лазутчиков во все стороны, – сказал сэр Дункан, – они скоро должны вернуться; тогда и узнаем, точно ли они собираются с силами, и где именно, и с какой целью.

Поздно вечером разведчики вернулись. Взошла луна и осветила большое движение по всему лагерю, а вслед за тем и в замке поднялся шум, что доказывало, что получены важные известия. Из числа лазутчиков, первоначально разосланных Арденвором, некоторые воротились ни с чем, принеся лишь неопределенные слухи о том, что у Камеронов пошевеливаются. Говорили еще, что предгорья Бен-Невиса издают те необъяснимые и зловещие звуки, которые служат иногда предвестием сильной бури. Другие лазутчики, зашедшие на разведку в глубь страны, были пойманы и перебиты либо уведены жителями тех укреплений, куда они проникли. Вскоре с аванпостов Аргайла увидели передовые ряды армии Монтроза. Обе стороны, заметив друг друга, обменялись выстрелами из мушкетов и луков, после чего отступили к своим главным силам, чтобы доложить о близости врага и узнать, что делать дальше.

Сэр Дункан Кэмпбел и Аухенбрек вскочили на коней и

поехали осмотреть свои аванпосты, между тем как Аргайл, сохраняя характер опытного главнокомандующего, занялся распределением своих наличных сил на позиции, так как ясно было, что им следовало ожидать или ночного нападения, или утреннего, в крайнем случае. Монтроз так притаился в ущельях, прилегавших к лагерю Аргайла, что, как ни старались Аухенбрек и Арденвор разузнать о численности неприятеля, это им не удалось. Впрочем, они догадывались, что, во всяком случае, у Монтроза должно быть гораздо меньше народа, чем у них, и возвратились к Аргайлу сообщить ему все, что узнали. Но Аргайл решительно не верил, чтобы сам Монтроз мог быть так близко. «Это такое безумие, – говорил он, – на которое не способен даже Джемс Грэм, невзирая на всю его бешеную самонадеянность; и я не сомневаюсь, что это только исконные наши враги, Гленко, Кеппох и Гленгарри, хотят задержать нас по дороге; может быть, еще Мак-Вурих и Мак-Ферсоны набрали кое-какие отряды, но они, во всяком случае, должны быть крайне малочисленны по сравнению с нами, и, следовательно, мы их тотчас разгоним силой или они сдадутся».

Среди сторонников Аргайла царствовали всеобщее возбуждение и сильный подъем духа: они жаждали отомстить за бедствия, так недавно испытанные их округом, и всю ночь только и дышали надеждой, что наутро осуществят свои мстительные стремления. На аванпостах обеих армий поддерживали строгий караул, а воины Аргайла спали на тех ме-

стах и в том порядке, какой назначен им был на следующий день при начале сражения.

Бледная заря едва начала освещать вершины горных громад, когда вожди обеих войск стали готовиться к бою. Это было 2 февраля 1646 года. Воины Аргайла выстроились в две линии, неподалеку от угла, образуемого озером и рекой, и представляли зрелище внушительное и грозное. Аухенбрек был бы рад, если бы его допустили начать сражение, напав на аванпосты неприятеля; но Аргайл, всегда придерживаясь выжидательной политики, предпочел отразить атаку, а не нападать.

Вскоре послышались воинственные звуки, возвещавшие, что им не придется долго ждать. Кэмпбеллы услышали со стороны ущелий напевы различных кланов, приближавшихся к ним. Громко отдавался клич Камеронов, начинающийся зловещим обращением к волкам и коршунам: «Идите, мы готовим вам поживу!» – и горное эхо вторило этим звукам. Клан Гленгарри не остался безмолвным, громко звучал его воинственный призыв на языке хайлендерских бардов; а затем последовали звуки других кланов, по мере того как они подходили к перевалу, с которого должны были спуститься в долину.

– Вот видите, – сказал Аргайл своим родственникам, – я вам говорил, что нам придется иметь дело только с ближайшими соседями. Джемс Грэм не решился показать нам свое знамя.

В эту минуту из ущелья послышались оживленные звуки труб, игравших тот мотив, которым шотландцы издавна встречали и приветствовали королевский штандарт.

– Слышите, милорд? – сказал сэр Дункан Кэмпбел. – Вот сигнал, из которого явствует, что так называемый королевский наместник лично присутствует среди этих людей.

– И даже, вероятно, с конницей идет, – прибавил Аухенбрек, – чего я, признаюсь, не ожидал... Но мы, милорд, от этого не побледнеем, а будем только помнить, что впереди у нас враг, а в прошлом – тяжкие обиды, за которые следует отомстить!

Аргайл молчал и смотрел на свою руку, висевшую на перевязи из-за ушиба, полученного при падении с лошади за несколько дней перед тем.

– Это правда! – воскликнул с горячностью Арденвор. – Милорд Аргайл, вы не в состоянии теперь владеть ни мечом, ни пистолетом, необходимо вам удалиться на галеру... ваша жизнь как военачальника для нас драгоценна... а ваша рука как воина бесполезна.

– Нет, – сказал Аргайл, гордость которого боролась с нерешительностью, – да не будет сказано, что я бежал от лица Монтроза... Если я не способен сражаться, то хочу хоть умереть среди детей моих.

Многие другие вожди Кэмпбелов в один голос заклинали своего верховного вождя предоставить на этот день команду Арденвору и Аухенбреку и наблюдать за ходом сражения

издали, с безопасного пункта.

Мы не решаемся заклеить Аргайла названием труса; правда, в жизни его не было ни одного случая, где бы он проявил истинную храбрость; но в настоящем случае и во время других происшествий он держал себя с таким спокойствием, что его поведение можно приписать скорее нерешительности, чем отсутствию храбрости. Но история знает много случаев, когда слабому голосу собственного сердца вторят голоса других людей, уверяющих, что и для общего блага его жизнь крайне необходима.

– Если хотите, сэръ Дункан, проводите его на галеру, – сказал Аухенбрек своему кузену, – а я пойду ободрять наших людей, дабы такой дух не распространился между ними!

С этими словами он устремился в ряды воинов, наставляя, приказывая, умоляя их помнить свою былую славу и нынешнюю доблесть, помнить обиды, за которые они отомстят, если одержат победу; если же будут побеждены, он просил их не забывать, какая их ожидает ужасная участь; словом, он пытался поделиться с каждым человеком хоть искрой того пламени, которое горело в его груди. Между тем Аргайл медленно и, по-видимому, неохотно следовал за своим заботливым родственником, который почти насильно привел его на берег озера и отправил на одну из галер, с палубы которой главнокомандующий безопасно, но и бесславно взирал на зрелище, разыгравшееся в долине.

Как ни было недосуг сэру Дункану Кэмпбелу Арденвор-

скому, он все стоял на берегу и смотрел вслед удаляющейся лодке, перевозившей на галеру его вождя. Невозможно выразить всех чувств, волновавших его в эту минуту, ибо для него верховный представитель их рода был все равно что родной отец, и преданный член его клана ни при каких обстоятельствах не допускал в своем сердце никакой критики его образа действий. Для сэра Дункана Аргайл был выше всех людей; к тому же этот человек, суровый и жестокосердый к посторонним, был мягок и великодушен со своими близкими, и благородное сердце Арденвора обливалось кровью при мысли, какое толкование можно было дать теперешнему поступку Аргайла...

«Так будет лучше! – подумал он, стараясь подавить собственное смятение. – Но... из сотни его отцов и предков я не припомню ни одного, кто бы ушел с поля сражения, пока знамя Диармидов развеивается перед лицом их злейших врагов!...»

Громкие клики заставили его обернуться и поспешить к своему посту, на правый фланг небольшого Аргайлова войска.

Отсутствие Аргайла было замечено его бдительным врагом, который, занимая отличное положение на склоне горы, мог видеть все, что происходит внизу. Видя, что удаляющихся к берегу сопровождают четверо всадников, Монтроз заключил, что среди отступающих есть важные лица.

– Замечательные кавалеристы! – молвил Дальгетти. – Они

уводят своих лошадей в безопасное место. Вон сэръ Дункан Кэмпбел на караковом коне, которого я облюбовал себе на перемену...

– Ошибаетесь, майор, – молвил Монтроз с горькой усмешкой, – это они спасают своего драгоценного вождя... Подайте сигнал к немедленному наступлению. Пошлите приказ по всем рядам. Джентльмены, благородные вожди, Гленгарри, Кеппох, Мак-Вурих, вперед!.. Майор Дальгетти, скачите к Мак-Илду, скажите им, чтобы шли в атаку, если любят Лохабер! Потом возвратитесь с горстью нашей конницы сюда, к моему знамени. И пусть они, вместе с ирландцами, остаются в резерве.

Глава XIX

*Как утес встречает напор волн,
так Инисфэйл встретил Лохлина.*

Оссиан

Трубы и волынки, громогласные предвестники кровопролития и смерти, разом подали сигнал к наступлению; в ответ на это более двух тысяч воинов испустили воинственный крик, повторенный мощными отголосками в горах. Хайлендеры, сторонники Монтроза, разделились на три колонны, появились из ущелий, до сих пор скрывавших их от неприятеля, и с величайшей горячностью бросились на Кэмпбеллов, стойко ожидавших нападения. Вслед за нападающей колонной шли в порядке ирландцы, под начальством Колкитто, предназначенные формировать резерв; с ними был королевский штандарт и сам Монтроз; на фланге шла конница, около пятидесяти лошадей, каким-то чудом уцелевших во время похода, командовал ими Дальгетти.

Правая колонна роялистов была под начальством Гленгарри, левую вел Лохил, а центром командовал Ментейт, который оставил кавалерию, переоделся хайлендером и предпочел сражаться в пешем строю.

Хайлендеры бросились в атаку со свойственной им, во-

шедшей в половицу яростью, на бегу палили из ружей, стреляли из луков и остановились на близком расстоянии от неприятеля, храбро устоявшего на месте. У воинов Аргайла огнестрельного оружия было больше, притом они лучше могли целиться, а потому их огонь был значительно губительнее того, который они выдержали. Роялистские кланы кинулись вперед, завязали рукопашный бой и в двух местах смяли неприятельские ряды. Если бы они сражались с регулярным воинством, с этой минуты победа была бы на их стороне; но тут хайлендеры бились с хайлендерами, и как оружие, так и искусство бойцов были одинаковы с обеих сторон.

Поэтому борьба была отчаянная. Удары палашей и топоров, стучавших друг о друга или ударявшихся о щиты, сопровождались короткими, дикими, возбуждающими возгласами, с которыми хайлендеры и дерутся, и пляшут, и предаются всяким вообще усиленным телодвижениям. Многие из противников лично знали друг друга и старались перешеголять один другого, одни по ненависти, другие из более благородного чувства соревнования. Ни те ни другие не уступали ни пяди, и на место падавших (а падало много, с обеих сторон) тотчас бросались другие, стремившиеся в первые ряды, в самый центр опасностей. Пар валил от воинов, словно от кипящего котла, и, поднимаясь в разреженном, прозрачном, морозном воздухе, образовывал легкое облако над сражавшимися.

Так обстояло дело на правом фланге и в центре, без вся-

ких иных последствий, кроме ран и смертей.

Справа, у Кэмпбелов, некоторый перевес имел только Арденвор как по своей боевой опытности, так и по численности доставшихся ему дружин. Он двинул вперед, в косвенном направлении, крайний фланг своей линии в тот самый момент, когда роялисты готовились напасть на них, так что сразу осыпал их выстрелами и с фронта и во фланг; невзирая на все усилия своего вождя, роялисты смешались и оторопели. В ту же минуту сэра Дункан Кэмпбелл командовал «в атаку» и сам напал на противников, вместо того чтобы самому выдержать нападение. Такая перемена ролей всегда обескураживает солдат и часто имеет роковые последствия. Но тут подоспел на выручку ирландский резерв: его тяжелый и непрестанный огонь принудил Арденвора уступить свою позицию и удовольствоваться оборонительным положением. Тем временем маркиз Монтроз, пользуясь несколькими рассеянными по полю березами и густым дымом от ирландских мушкетов, скрывавшим его движения, приказал Дальгетти вместе с конницей следовать за собой и, проскакав некоторое пространство, так чтобы зайти во фланг и даже в тыл неприятелю, велел трубить сигнал к наступлению. Звук кавалерийских труб и топот скачущей конницы произвели на правый фланг Аргайла такое впечатление, какого не могли бы произвести никакие другие звуки. Горцы того времени питали суеверный страх перед боевыми конями, вроде того как древние перуанцы, и имели какие-то удивительные по-

нятия о том, как этих животных обучают для войны. Поэтому, как только они увидели в своих рядах неожиданное появление этих предметов своего величайшего ужаса, они дрогнули, смешались, их охватила внезапная паника, и сэр Дункан ничего не мог с ними поделать. Чего стоила фигура одного майора Дальгетти, закованного в непроницаемую броню и скачущего на своем привычном коне с таким расчетом, чтобы с каждым скоком увеличить силу своего удара! Воины Аргайла ничего подобного не видывали, и единственные знакомые их глазу наездники были какие-нибудь полунагие, рослые хайлендеры, верхом на крошечных горных лошадках.

Отброшенные роялисты снова пошли в атаку; ирландцы продолжали безостановочно стрелять, стоя в порядке на близком расстоянии от противников. Так битва не могла продолжаться: сторонники Аргайла начали расстраивать свои ряды и разбегаться большей частью по направлению к озеру, остальные – куда попало. Правое крыло окончательно было разбито, испытав притом невознаградимую потерю в лице Аухенбрека, который пал, слясь восстановить порядок.

Рыцарь Арденворский с двумя или тремя сотнями джентльменов из лучших фамилий своего клана, известных своей доблестью (считалось, что в рядах Кэмпбелов больше джентльменов, чем во всяком другом горном клане), пытался геройскими усилиями самопожертвования прикрыть бес-

порядочное отступление рядовых. Все эти подвиги были бесполезны и привели лишь к тому, что под дружным натиском своих врагов они сначала разделились, сражались поодиночке и, кажется, под конец хлопотали только о том, чтобы продать свою жизнь как можно дороже.

– Сдавайтесь, сэра Дункан! – крикнул майор Дальгетти, видя, что его недавний хозяин и двое других джентльменов отбиваются от нескольких хайлендеров, и в подкрепление своего требования он подъехал к нему с поднятым палахом.

Вместо ответа сэра Дункан выстрелил из запасного пистолета, но пуля попала не в всадника, а прямо в сердце его славному коню, который упал и тут же издох. Ранальд Мак-Иф, бывший в числе воинов, теснивших сэра Дункана, воспользовался той минутой, когда тот отвернулся, стреляя в Дальгетти, и проколол его мечом.

В эту минуту подбежал Аллен Мак-Олей. Все хайлендеры, сражавшиеся в этой части, были из отряда Ангуса Мак-Олея.

– Негодяи! – воскликнул Аллен. – Кто посмел сделать это, тогда как я строго приказал взять Арденвора живым?

Полдюжины проворных рук сразу отдернулись от поверженного рыцаря, богатое оружие и роскошная одежда которого соблазнили их поживиться на его счет, и в то же время они в один голос начали оправдываться, сваливая вину на «островитянина», как они называли Ранальда Мак-Ифа.

– Проклятый пес! – крикнул Аллен, в гневе позабывая

о своем мистическом братстве с «ясновидящим». – Ступай драться дальше, а к нему не смей прикасаться, если не хочешь умереть от моей руки!

В эту минуту они остались почти наедине, потому что угрозы Аллена разогнали всех людей его клана и вынудили их двинуться дальше к озеру, сея везде ужас и смятение и оставляя за собой только мертвых или умирающих. Мстительный дух Мак-Ифа не выдержал, и он, подойдя к Аллену в упор, промолвил таким же угрожающим тоном:

– Твоя рука и так обогрена кровью моих сродников, и еще неизвестно, я ли умру от твоей руки или ты от моей...

С этими словами он так быстро и неожиданно ударил Аллена, что тот едва успел подставить свой щит.

– Негодяй! – сказал Аллен с удивлением. – Это что значит?

– Я Ранальд Сын Тумана! – отвечал островитянин, повторяя удар, после чего у них завязалась отчаянная борьба.

Но судьба как будто предназначила Аллена Мак-Олея отмщать членам этой свирепой семьи за страдания своей матери, так как и это состязание кончилось так же, как и прежние его схватки с Сыновьями Тумана. Обменявшись несколькими ударами, Ранальд Мак-Иф упал с глубокой раной на черепе, а Мак-Олей, ступив на него ногой, хотел пронзить его мечом, как вдруг чья-то посторонняя рука отвела в сторону смертоносное лезвие.

Вмешавшийся в дело был не кто иной, как майор Даль-

гетти, который сначала упал с лошади и, придавленный ее трупом, некоторое время лежал без движения, но теперь очнулся и встал.

– Придержите-ка свой палаш, – сказал он Аллену, – и не трогайте больше этого человека по той причине, что он находится под моим покровительством и притом на службе у его превосходительства. А еще я должен вам сказать, что ни один благородный кавалер, по воинским законам, не сводит счеты за свои личные обиды *flagrante bello, multo majus flagrante proelio*⁴².

– Глупец! – сказал Аллен. – Иди прочь и не смей становиться между тигром и его добычей!

Но Дальгетти и не думал уступать: перешагнув через распростертое тело, он объявил Аллену, что если он считает себя тигром, то пусть не погневадается, если встретит на своем пути льва. Этих слов и угрожающего жеста было достаточно, чтобы обратить всю ярость воинственного прорицателя на того, кто помешал ему довершить его мстительный замысел, и он без дальнейшей церемонии начал драться с ним.

Схватка между Алленом и Мак-Ифом прошла не замеченной окружающими, потому что немногие из воинов Монтроза знали Ранальда в лицо; но когда завязалась борьба между Алленом и Дальгетти, которых все отлично знали, это тотчас привлекло общее внимание; в числе прочих, к счастью, увидел их сам Монтроз, подъехавший с намерени-

⁴² В разгар войны, а тем более в разгар сражения (*лат.*).

ем собрать свою небольшую конницу и преследовать с нею неприятеля вдоль берегов Лох-Ила. Понимая, к каким роковым последствиям могут повести частные ссоры в его маленькой армии, он поскакал к месту действия, и, видя распростертого на земле Ранальда и заметив, что майор Дальгетти защищает его от Аллена Мак-Олея, Монтроз мигом сообразил вероятную причину ссоры, и быстрый ум его тотчас подсказал ему способ примирить враждующих.

– Стыдитесь, джентльмены! – сказал он. – Не совестно ли вам вздорить между собой на поле такой победоносной битвы? Не с ума ли вы сошли? Или опьянели от славы, которую оба сегодня заслужили в полной мере?

– Не моя вина, ваше превосходительство, – сказал Дальгетти. – Я во всех европейских армиях известен за хорошего товарища, но я не могу допустить, чтобы обижали человека, состоящего под моей охраной...

– А я не допущу, чтобы мне мешали в деле справедливого отмщения! – кричал Аллен в то же время.

– Как вам не стыдно, джентльмены! – повторил Монтроз. – У меня для вас обоих есть важные дела... такие важные, что по сравнению с ними ваши ссоры сущие пустяки... Во всяком случае, теперь не время заниматься вашими личными делами, успеете объясниться на досуге. Майор Дальгетти, извольте стать на колени.

– На колени! – сказал Дальгетти. – Вот уж не слыхивал... разве что с церковной кафедры. Вот в шведских войсках пе-

редняя шеренга опускается на колени, но ведь тогда надо, чтобы сзади было еще пять рядов.

– Тем не менее, – повторил Монтроз, – именем короля Карла я приказываю вам преклонить колени!

Дальгетти неохотно повиновался. Тогда Монтроз слегка ударил его по затылку шпагой плашмя и произнес:

– В воздаяние за отличные заслуги в нынешней битве и властью государя нашего, короля Карла, посвящаю тебя в рыцарское звание: будь храбр, честен и счастлив! Ну, теперь, сэра Дугалд Дальгетти, встаньте и исполняйте свой долг. Соберите всю конницу, какая есть у нас, и преследуйте неприятеля, бегущего вон тем берегом озера... Не действуйте врассыпную, держитесь вместе, не забирайтесь слишком далеко... Главное, помешайте им собраться и восстановить прежний порядок; это будет нетрудно. На коня, сэра Дугалд, и принимайтесь за дело!

– А где же я возьму коня? – сказал новоиспеченный рыцарь. – Бедный мой Густав уснул на поле чести, подобно своему бессмертному тезке!.. А я оказался рыцарем, рейтаром, как говорят голландцы, как раз в ту пору, когда мне не на чем ехать.

– Нет, как можно! – молвил Монтроз, соскочив с лошади. – Дарю вам моего собственного коня, кажется, довольно хорошего... Только, прошу вас, возьмите на себя то дело, которое вы так мастерски исполняете.

Рассыпаясь в благодарностях, сэра Дугалд сел на лошадь,

столь любезно ему подаренную, попросил его превосходить-тельство не забывать, что Ранальд Мак-Иф находится под его личной охраной, а затем немедленно приступил к исполнению возложенного на него поручения с величайшим усердием и ловкостью.

– А вы, Аллен Мак-Олей, – сказал Монтроз, обращаясь к хайлендеру, который, опершись на воткнутый в землю палаш, с презрительной усмешкой взирал на церемонию посвящения в рыцари своего противника, – вы, стоящий выше обыкновенных людей, ищущих в ратном поле добычи или жалованья, наград или отличий, вы, по глубине своих познаний такой драгоценный для нас советчик, чем же вы увлеклись?.. Я вас застал дерущимся с таким человеком, как Дальгетти, и из-за чего же?.. Из-за того, чтобы вышибить последнюю искру жизни из такого жалкого врага, как этот... Что тут происходит? Опомнитесь, друг мой; у меня для вас найдется другое дело. Если пользоваться искуснее результатами нашей победы, то можно привлечь Сифорта на нашу сторону. Ведь только с отчаяния в успехе нашего правого дела он поднял оружие против нас. В настоящую минуту вполне возможно склонить его к соединению с нами. Я отсюда же посылаю к нему моего доблестного друга, полковника Гея; но необходимо, чтобы полковник ехал не один, а в сопровождении одного из джентльменов хайлендеров, по рождению равного самому Сифорту, а по влиятельности и талантам такого, чтобы произвел на него должное впечатление. Вы

не только во всех отношениях наиболее пригодное для этого лицо, но представляете еще то преимущество, что не командуете ни одной отдельной частью, и, следовательно, ваше присутствие в войске не так необходимо, как присутствие вождей и военачальников. Вам известны все проходы и ложины в горах, равно как нравы и обычаи каждого племени. Итак, пойдите к Гею, на правое крыло: он уже получил инструкции и ждет вас. Вы найдете его среди людей Гленморрисона. Будьте ему проводником, переводчиком и сослуживцем!

Аллен Мак-Олей устремил на маркиза мрачный и пронизательный взгляд, как бы желая проверить, нет ли у этого внезапного посольства другой подкладки скрытого и неблагоприятного для него значения.

Но Монтроз, умевший так быстро угадывать чужие побуждения, был великий мастер скрывать свои собственные. Он действительно считал необходимым в эти минуты всеобщего возбуждения и восторга удалить Аллена из лагеря на несколько дней, дабы иметь возможность честно выполнить свои обязательства относительно проводников и обеспечить им полную безопасность; что до размолвки Аллена с Дальгетти, он надеялся, что легко будет их помирить. Аллен, уходя, попросил только маркиза позаботиться об участии сэра Дункана Кэмпбела, и Монтроз распорядился немедленно унести его в безопасное место. Он точно так же поступил и относительно Мак-Ифа, но поручил его партии ирландцев,

наказав им хорошенько позаботиться о раненом, но ни под каким видом не допускать к нему ни одного хайлендера какого бы то ни было клана.

После этого маркиз сел на подручного коня, подведенного одним из слуг, и поехал осматривать бранное поле. Он убедился, что одержал победу более полную и блестящую, чем та, о которой он мог мечтать. Из трех тысяч доблестных воинов Аргайла добрая половина полегла на поле сражения. Многие погибли во время бегства, их оттеснили к той части долины, где река образует угол с озером, так что бежать им было некуда. Несколько сот человек, сброшенных в озеро, утонули. Оставшиеся в живых спаслись, бросившись в реку, а частью бежали в самом начале сражения. Остальные бросились в древний замок Инверлохи, но, не имея с собой провианта и не надеясь получить подкрепления, они поневоле сдались с тем условием, чтобы их просто распустили по домам. Оружие, боевые припасы, знамена и багаж – все досталось победителям.

Большого бедствия никогда не испытывали Сыны Диармида, как назывались в горах Кэмпбеллы; надо заметить, что их вообще считали столь же счастливыми в исходе всякого предприятия, как искусными в составлении плана и храбрыми в его исполнении. Из числа погибших насчитывали почти пятьсот человек дуинивасселов, то есть джентльменов из знатных и почтенных фамилий. А по мнению многих членов их клана, даже и это бедствие бледнело по сравнению

с тем позором, какому подвергло их бесславное поведение верховного их вождя, который до начала сражения удалился на галеру, а как только увидел, что битва потеряна, снялся с якоря и уплыл вниз по озеру так поспешно, как только могли унести его весла и паруса.

Глава XX

*Издали доносит ветер
С поля битвы шум и звон,
Впереди – борьба и ужас,
Позади – смертельный стон.*

Пенроуз^[115]

Блистательная победа Монтроза над его могущественным врагом досталась ему не даром, хотя общая численность его потерь составляла лишь одну десятую того, что потерял Аргайл. Благородная стойкость Кэмпбелов стоила жизни многим из их врагов; немало оказалось и раненых, в числе которых находился доблестный молодой граф Ментейт, командовавший центром. Впрочем, рана его была легкая, и он производил скорее приятное, нежели ужасающее впечатление, когда доставил своему главнокомандующему знамя Аргайла, которое он отнял у знаменосца, сразившись с ним в единоборстве. Монтроз был горячо привязан к своему родственнику, видя в нем проблески бескорыстного рыцарского духа давних времен, столь несходных с расчетливо-эгоистическим характером последующего времени, когда во всей Европе вошло в обычай воевать наемниками, которых Шотландия в ту пору поставляла во все государства, вследствие чего в ней замечалось особенно сильное развитие таких низких и

корыстных побуждений. Монтроз был по врожденным качествам души сходен с Ментейтом, но опыт жизни научил его пользоваться чужими качествами для собственных целей, а потому он не стал ни восхвалять Ментейта, ни сулить ему награду, а просто обнял его и, прижимая к своей груди, воскликнул:

– Мой доблестный кузен! – И этим искренним порывом восхищения обрадовал молодого человека несравненно больше, чем если бы осыпал его комплиментами и доложил о его подвиге самому королю.

– Кажется, милорд, – сказал Ментейт, – мне больше нечего делать в поле?.. Позвольте мне теперь исполнить долг человеколюбия. Я слышал, что рыцарь Арденворский ранен и находится у нас в плену?

– И поделом ему, – сказал сэр Дугалд Дальгетти, подъехавший к ним в эту минуту с видом необычайной важности, – так ему и надо за то, что пристрелил моего доброго коня в то самое время, когда я предлагал ему почетный плен. А это, я должен сказать, было больше похоже на невежественного хайлендера, у которого и настолько нет смысла, чтобы возвести укрепление для защиты своего старого свиного гнезда, замка, нежели на почтенного воина знатного рода!

– Так, значит, нам предстоит вместе с вами оплакивать потерю знаменитого Густава? – сказал лорд Ментейт.

– Точно так, милорд, – отвечал воин с глубоким вздо-

хом. – *Diem clausit supremum*⁴³, как говорилось у нас в маршальской коллегии в Абердине. Лучше же такой конец, чем если бы он задохнулся в болоте или провалился в сугроб, что легко могло случиться, если бы зимняя кампания затянулась. Но его превосходительству угодно было, – он поклонился в сторону Монтроза, – вместо него подарить мне прекрасного коня, которого я, в память настоящего события, позволил себе назвать Наградой Верности.

– Надеюсь, – сказал маркиз, – что Награда Верности, как вы ее называете, окажется исправно выезженной для военных надобностей. Но я должен вам напомнить, что в Шотландии в настоящее время наградой верности чаще бывает веревка на шею, чем добрый конь.

– Гм... вашему превосходительству угодно шутить, я вижу. Награда Верности по части выправки ни в чем не уступает Густаву, а на вид даже красивее его. Вот насчет обхождения – другое дело; это лошадь совсем невоспитанная... Да и что мудреного, до сих пор она бывала только в самом низком обществе.

– Как в низком обществе? Надеюсь, что вы при этом не имеете в виду его превосходительства, нашего генерала? – сказал Ментейт. – Как же вам не совестно, сэръ Дугалд!

– Милорд, – преважно отвечал Дальгетти, – я не способен подразумевать ничего столь неприличного. Я утверждаю только, что так как его превосходительство школит своих ко-

⁴³ Он закончил свой последний день (*лат.*).

ней по тем же правилам, какие прилагает и к обучению своих солдат, то есть приучает тех и других ко всяким военным эволюциям, то и эта прекрасная лошадь выезжена превосходно. Но так как обхождению можно научить только в частной жизни, то ни один солдат не становится приятнее в обществе от разговоров со своим капралом или сержантом; так же и Награда Верности, конечно, не могла получить ни любезного нрава, ни мягкого обхождения в обществе конюхов его превосходительства, ибо они больше дерутся да ругаются, чем холят и ласкают животных, поручаемых их попечению. От этого нередко бывает, что благородные четвероногие становятся как бы мизантропами и на всю жизнь приобретают склонность скорее лягаться и кусать своего хозяина, нежели любить и почитать его.

– Дело мастера боится, – сказал Монтроз. – Если бы при маршальской коллегии в Абердине учредить академию для воспитания лошадей, вот бы драгоценного профессора приобрели они в лице сэра Дугалда Дальгетти!

– Тем более, – шепнул Ментейт Монтрозу, – что, будучи ослом, он приходился бы немного сродни своим студентам.

– А теперь, – сказал новопосвященный рыцарь, – с дозволения вашего превосходительства, я пойду отдать последний долг моему старому боевому товарищу.

– Неужели вы будете предавать его погребению? – спросил маркиз, в точности не зная, до чего может довести сэра Дугалда его дружеский энтузиазм. – Подумайте, ведь мы и

храбрых наших сподвижников вынуждены будем схоронить кое-как.

– Прошу извинения у вашего превосходительства, – сказал Дальгетти, – мои намерения не столь романтичны. Я иду разделить останки бедного Густава с птицами небесными. Им предоставляю его мясо, а себе возьму шкуру на память о любимом товарище. Из нее хочу я сшить себе куртку и штаны, по татарской моде, для ношения под панцирем, по той причине, что нижнее мое платье совсем уж никуда не годится... Увы, бедный Густав, хоть бы еще один часок пожил ты на свете, чтобы почуять на своей спине почетную ношу – благородного рыцаря!

Он уже хотел уйти, но маркиз закричал ему вслед:

– Сэр Дугалд, вряд ли кто-нибудь прежде вас захочет ободрать вашего коня, а потому, прежде чем вы пойдете оказывать ему такое дружеское внимание, не согласитесь ли помочь мне и некоторым из друзей наших распить доброе вино, доставшееся нам после Аргайла? Его оказалось очень много в замке!

– С величайшим удовольствием, ваше превосходительство, – отвечал сэр Дугалд, – потому что ни обед, ни обедня никакому делу не мешают. А что до Густава, я и сам не боюсь, чтобы орлы и волки принялись за него так скоро, по той причине, что кругом много и другой, даже лучшей поживы. Но вот что, – продолжал он, – так как я у вас встречу с двумя достопочтенными английскими баронетами, а

также и с другими особами рыцарского звания, состоящими в войсках вашей светлости, то я бы желал, чтобы они знали, что отныне и навсегда я имею право первенства перед ними по той причине, что посвящен был в звание рыцаря на поле сражения.

– Черт бы тебя взял! – прошептал Монтроз про себя. – Дашь ему палец, а он норовит и за локоть укусить... По этому предмету, сэра Дугалд, – продолжал он, серьезно обращаясь к Дальгетти, – необходимо сперва узнать мнение его величества; в моем же лагере все гости равны, подобно рыцарям Круглого стола. Всякий занимает за столом место, основываясь единственно на том, что кто прежде пришел, тот прежде и взял.

– Так уж я позабочусь, – тихо сказал Ментейт маркизу, – чтобы сегодня сэра Дугалд занял не первое место. Сэр Дугалд, – прибавил он, возвысив голос, – вы говорите, что у вас платье износилось дотла, так не лучше ли вам сходить вон туда, где сложен багаж неприятеля и поставлен часовой? Я видел, как оттуда вытаскивали отличную пару платья из буйволово́й кожи, вышитую спереди шелками и серебром.

– *Voto a Dios*, как говорят испанцы! – воскликнул майор. – Как бы какой-нибудь замарашка не оттягал ее в свою пользу, покуда я тут болтаю по-пустому!

Возможность поживиться богатой добычей сразу вытеснила из его головы мысли о Густаве и обеде, и, прищпорив Награду Верности, он поскакал поперек поля битвы.

– Помчался, пес! – сказал Ментейт. – Не разбирая топчет лица и тела людей, которые были много лучше его самого, и так же жаден до этой подлой добычи, как хищный ворон, что кидается на падаль. А тоже называется воином! И вы, милорд, сочли его достойным рыцарского звания! В наше время, впрочем, это звание утратило свой настоящий смысл. А вы украсили рыцарской цепью простую гончую собаку.

– Что же мне было делать? – сказал Монтроз. – Надо было чем-нибудь задобрить его, бросить ему хоть какую-нибудь кость. Я не могу один продолжать охоту, а у этого пса есть хорошие качества.

– От природы, может быть, и есть, – заметил Ментейт, – но привычка обратила их в один сплошной эгоизм. Он щепетилен насчет своей репутации и отважен в исполнении долга, но только потому, что без помощи этих качеств он не может подвигаться по службе. Даже благодущие его эгоистично; пока товарищ на ногах – он его защитит, поддержит, но если тот свалился – сэр Дугалд так же охотно очистит его карманы, как сдерет шкуру со своего Густава, чтобы сшить себе из нее кожаную куртку.

– Все это, быть может, справедливо, кузен, – отвечал Монтроз, – но зато чрезвычайно удобно командовать солдатом, все побуждения и душевные порывы которого как на ладони и можно вычислить их с математической точностью, тогда как благородная душа, подобная вашей, отзывчивая на тысячи тонких впечатлений, для которых дух этого челове-

ка так же непроницаем, как и его броня... Ну, словом, мое дело, как друга, предостеречь тебя, потому что из-за тебя у меня сердце неспокойно.

Потом вдруг, внезапно переменив тон, Монтроз спросил, давно ли Ментейт виделся с Анной Лейл.

Молодой человек сильно покраснел и отвечал:

– Вчера вечером, то есть, – прибавил он с запинкой, – на минуту видел ее и сегодня, за полчаса до начала сражения.

– Дорогой Ментейт, – промолвил Монтроз очень ласково, – будь вы одним из тех легкомысленных кавалеров, что щеголяют при дворе и в своем роде точно такие же эгоисты, как наш Дальгетти, я бы, конечно, не подумал приставать к вам с расспросами по поводу этой маленькой любовной интриги; тогда я знал бы, что это сущие пустяки, веселое препровождение времени, и больше ничего. Но здесь мы в очарованной стране, где сети, сплетенные из дамских волос, получают крепость стали, а вы самый такой человек, чтобы попасться в такую сеть и сыграть роль плененного рыцаря. Эта бедная девочка прелестна и обладает именно такими талантами, чтобы окончательно полонить ваш романтический ум. Не может быть, чтобы вы захотели ее погубить! Но может ли быть, чтобы вы задумали на ней жениться?

– Милорд, – отвечал Ментейт, – вы что-то часто отпускаете шутки на этот счет – надеюсь, что это только шутка? – и стираете их слишком далеко. Анна Лейл – неизвестного происхождения пленница, вероятно, дочь какого-нибудь

темного разбойника, и вдобавок живет из милости у Мак-Олеев...

– Ну, не сердитесь, Ментейт, – прервал его маркиз, – вы, кажется, любите классиков, хоть и не учились в маршальской коллегии; вспомните, сколько благородных сердец пленялось пленными красавицами?

Movit Ajacem, Telamone natum,
Forma captivae dominum Tecmessae⁴⁴.

Серьезно говоря, это меня очень тревожит. Мне бы недосуг и вмешиваться в такие дела, и я не подумал бы читать вам наставления, если бы дело касалось только вас и Анны. Но в лице Аллена Мак-Олея вы имеете очень опасного соперника. Кто его знает, до чего он может дойти, если воспылает негодованием, а мое дело напомнить вам, что всякая ссора между вами может очень вредно отозваться на вашей службе королю.

– Милорд, – сказал Ментейт, – я знаю, что вы это говорите по дружескому ко мне расположению; надеюсь, что вы успокоитесь, когда я вам скажу, что мы с Алленом уже обсудили этот вопрос: я ему объяснил, что не в моих нравах питать бесчестные намерения относительно беззащитной девушки,

⁴⁴ Также и Аякс, Теламона отпрыск, Пленной был склонен красотой Текмессы*. (лат.)* ...красотой Текмессы. – Гораций, ода «Ксантию Фокею» (кн. II, 4). Текмесса, у Гомера, – пленница героя Троянской войны Аякса Большого, сына саламинского царя Теламона.

а с другой стороны, ее темное происхождение препятствует мне думать о ней в ином смысле. Не скрою от вас, и Мак-Олею я сказал то же самое, что, если бы Анна Лейл родилась в дворянской семье, я бы разделил с ней свое имя и титул, но при существующих обстоятельствах это невозможно. Это объяснение, надеюсь, удовлетворит вашу светлость, так как оно удовлетворило и менее разумного человека.

Монтроз пожал плечами.

– И что же, – сказал он, – вы оба сговорились, как подобает истинным героям романа, боготворить одну и ту же особу, поклоняться одному кумиру и дальше не простираť своих претензий?

– Так далеко я не заходил, милорд, – отвечал Ментейт, – я только сказал, что при настоящих обстоятельствах, а они едва ли могут измениться, я из уважения к фамильным традициям и к себе самому не могу быть для Анны Лейл ничем иным, как только другом и братом... Но прошу вашу светлость извинить меня, – продолжал он, взглянув на свою руку, обвязанную платком, – мне пора подумать о маленьком повреждении, полученном сегодня.

– Ты ранен? – воскликнул Монтроз тревожно. – Покажи! Ах, друг мой, я, пожалуй, и не узнал бы об этой ране, если бы не попытался ощупать другую, более глубокую и скрытую. Ментейт, мне от души тебя жалко. Я сам в жизни знал... Но не к чему тревожить старое, давно уснувшее горе!

С этими словами он дружески пожал руку своему кузену

и ушел в замок.

Анна Лейл обладала некоторыми медицинскими и даже хирургическими познаниями, что в то время было не редкостью среди женщин у хайлендеров. Само собой разумеется, что о научных познаниях тут и речи не было; но те немногие простые правила ухода и врачевания, которые были им известны, почти всегда применялись женщинами или стариками, весьма опытными в этих делах благодаря непрерывной практике. Поэтому присутствие Анны Лейл, со всеми ее прислужницами и прочими помощниками, было в высшей степени благодетельно в течение этого тяжелого похода. Заботливая внимательность и усердие Анны были безграничны, и она с одинаковой готовностью расточала свои услуги и своим и чужим, судя по тому, где это было нужнее.

В настоящую минуту она находилась в одной из комнат замка, наблюдая за приготовлением припарок из целебных трав для наложения на раны. Поминутно к ней подходили разные женщины с докладами о состоянии больных, вверенных их попечению, и она деятельно отдавала распоряжения и употребляла все наличные свои средства и познания к облегчению страждущих, как вдруг Аллен Мак-Олей вошел в комнату. Она невольно вздрогнула, потому что слышала, что он куда-то далеко уехал из лагеря по поручению маркиза; но как ни привыкла она к обычной суровости его лица, ей показалось, что никогда еще он не был мрачнее, чем в эту минуту. Он долго стоял перед ней молча, так что она почувство-

вала необходимость сказать что-нибудь.

– Я... я думала, – проговорила она с усилием, – что вы уехали.

– Товарищ мой уже ждет меня, – сказал Аллен, – сейчас еду.

Однако он продолжал стоять так же безмолвно, ухватив ее за руку, не так, чтобы ей было больно, но так крепко, что она чувствовала полную невозможность освободиться от этого сильного человека.

– Хотите, я схожу за арфой? – молвила она робко. – Не... не находит ли на вас тень?

Вместо ответа он подвел ее к окну, из которого видно было поле битвы со всеми его ужасами: из конца в конец оно было устлано убитыми и ранеными, среди которых ходили мародеры и усиленно стаскивали платье с злополучных мертвецов, и делали это так хладнокровно, как будто им и в голову не приходило, что это тоже люди и что не сегодня завтра их самих может постигнуть та же участь.

– Нравится тебе это зрелище? – сказал Мак-Олей.

– Какой ужас! – сказала Анна, закрывая глаза руками. – Зачем вы хотите, чтобы я на это смотрела?

– Приучайся, – отвечал он. – Коли хочешь оставаться с этой обреченной ратью, надо привыкать. Вот скоро пойдешь по такому полю разыскивать тело моего брата... или Мен-тейта... или мое... Ну да это тебе не так будет тяжело. Ты не любишь меня!

– Вы в первый раз укоряете меня в бессердечности, – сказала Анна с горькими слезами. – Вы – мой брат, избавитель, покровитель. Как же мне не любить вас? Но я вижу, настает время вашего уныния; позвольте, я принесу арфу...

– Постой, – сказал Аллен, продолжая так же крепко держать ее за руку, – откуда бы ни были мои видения, с небес ли они, из ада или из средней сферы бесплотных духов... или они, как думают саксонцы, только обман разгоряченного воображения, не в них теперь дело; я не под их влиянием и говорю с тобой обыкновенным языком. Ты меня не любишь, Анна. Ты любишь Ментейта, и он любит тебя... А я для тебя – все равно что один из мертвецов, валяющихся там на лугу.

Нельзя предполагать, чтобы смысл этих странных речей представлял что-нибудь новое для Анны. И какая же девушка, при подобных обстоятельствах, не догадалась бы давным-давно о состоянии чувств своего возлюбленного. Но, срывая так внезапно тонкую повязку с ее глаз, Аллен испугал ее, и она ждала, что вот-вот случится нечто ужасное, в смысле проявления его буйного нрава. Она попыталась рассеять его мысли отрицанием взведенного на нее обвинения.

– Вы забываете, – сказала она, – и собственное достоинство, и благородство, оскорбляя меня, беззащитную, и зная, что судьба поставила меня в полную зависимость от вас. Вам известно, кто я и что я такое, как невозможно для меня выслушивать слова любви от Ментейта или от вас, и что я ни-

чего, кроме дружбы, от вас не ожидаю. Вам ли не знать, какой я несчастной породы и кому обязана своим существованием!

– Этому я не верю! – возразил Аллен пылко. – Из грязного источника не бывает кристально чистой струи.

– Но ведь это неизвестно, – настаивала Анна, – а раз есть сомнение, пощадите меня, не говорите таких вещей!

– Я знаю, – сказал Мак-Олей, – это пролагает черту между нами. Однако эта черта не так резко отделяет тебя от Ментейта. Выслушай меня, моя бесценная Анна! Покинь здешние ужасы и опасности, поедем со мной в Кинтел... Я помещу тебя в дом благородной леди Сифорт или доставлю тебя в сохранности в Айкомкилл, в святую обитель, где женщины посвящают себя служению Богу по обычаю наших предков.

– Подумайте, что вы говорите! – сказала Анна. – Пуститься в такую дальнюю дорогу вдвоем с вами было бы совсем противно девичьей скромности. Я останусь тут, Аллен, здесь, под покровительством благородного Монтроза; и в следующий раз, когда войско приблизится к равнинам, я постараюсь как-нибудь избавить вас от своего присутствия, раз сама не знаю, как заслужила ваше неудовольствие.

Аллен стоял как будто в нерешимости, сочувствовать ли ее печали или прогневаться на ее неуступчивость.

– Анна, – сказал он, – ты слишком хорошо знаешь, что такие слова неприменимы к моим чувствам к тебе. Но ты пользуешься своей властью надо мной и даже радуешься мо-

ему отъезду, потому что некому будет подсматривать за твоими отношениями с Ментейтом. Поберегитесь оба, – прибавил он сурово, – ибо не родился еще тот человек, который оскорбил бы Аллена Мак-Олея и не пострадал бы за это вдесятеро!

Сказав это, он стиснул ее руку, надвинул шапку на лоб и крупными шагами вышел из комнаты.

Глава XXI

*...Когда расстались мы,
Я спросила собственное сердце:
Что так трепещет, чем оно живет?
Увы, живет оно одной любовью,
Но не на радость это чувство мне.*

Бомонт и Флетчер. «Филастр»^[116]

Пылкое проявление любви и ревности Аллена Мак-Олея разверзло страшную бездну перед глазами Анны Лейл. Ей казалось, что она внезапно очутилась на краю пропасти, и некуда ей деваться, и не на кого понадеяться. Она давно со знавала, что любит Ментейта не братской любовью; и могло ли быть иначе, приняв во внимание, как близко она его знала с самого детства, как лично привлекателен был этот юный джентльмен, какое особое внимание он ей всегда оказывал и как, по свойству своего мягкого нрава и по изяществу манер, он был несравненно выше той семьи грубых воинов, среди которой она жила. Но ее привязанность была того тихого, робкого и задумчивого характера, которая живет отраженным светом и больше мечтает о счастье своего возлюбленного, не задаваясь смелыми надеждами на свой собственный счет. В то время она часто пела заунывную гэльскую песенку, которую талантливый и несчастный Эндрю Мак-Дональд

перевел впоследствии, а мы охотно приведем эти строки:

Когда б ты был, как я, в смиренной доле,
Твою судьбу делила б всюду я:
Умчалась бы, твоей покорна воле,
Хоть за моря, в безвестные края.

Но нас с тобой разделит рок жестокий,
И далеко ты будешь от меня,
А я навек останусь одинокой,
Мечтать, любить, молиться за тебя.

Но и вдали ни стоном, ни слезою
Я проявлять печали не хочу;
Я горе милое в душе своей сокрою
И о тоске сердечной умолчу.

Хотя моя судьба и безнадежна,
Но не лишусь я сладостной мечты:
Пускай тебе живется безмятежно,
О милый мой, да будешь счастлив ты!

Бешеное заявление Аллена разрушило ее романтическое намерение втихомолку лелеять свое задумчивое чувство, никогда не ожидая взаимности. Она давно боялась Аллена, насколько это было совместно с ее благодарностью к нему и с ясным сознанием того, что ради нее он старался обуздывать свой надменный и пылкий нрав; но с этой минуты он внушал

ей ужас, вполне понятный, когда мы вспомним, как она коротко знала и его самого, и всю историю его жизни. При всем благородстве и возвышенности своего характера, он никогда не умел сдерживать своих страстей и как у себя в доме, так и во всем краю расхаживал наподобие прирученного льва, которому никто не дерзал перечить из опасения разбудить его природную свирепость, и столько лет он не испытывал ни малейшего противоречия, ни даже простого несогласия со своим мнением, что, если бы не большое здравомыслие, которое, невзирая на мистическое направление, составляло главную основу его характера, он мог бы стать поистине деспотическим тираном, наводящим ужас на всех соседей. Но Анна не имела досуга углубляться в свои тревожные соображения, потому что к ней неожиданно вошел сэр Дугалд Дальгетти.

Легко можно себе представить, что вся предыдущая карьера этого человека не подготовила его к тому, чтобы блистать в дамском обществе. Он и сам смутно сознавал, что тот язык, которым говорят в казармах, на гауптвахте и на ротном учении, не совсем пригоден для беседы с порядочными женщинами. Единственный период его жизни, прошедший в мирных занятиях, проведен был в маршальской коллегии, в Абердине, но он успел перезабыть и то небольшое, чему выучился там, за исключением штопанья собственных чулок и искусства с необычайной быстротой поглощать съестные припасы; но и то сказать, то и другое он так часто приме-

нял к делу, что забыть не было никакой возможности. Однако именно из этого мирного времени почерпал он темы для разговоров всякий раз, как ему приходилось обращаться к женщинам; иными словами, речь его становилась педантична, как только утрачивала чисто военную окраску.

– Мисс Анна Лейл, – сказал он, – я в настоящую минуту уподобляюсь полупике, или эспонтому Ахиллеса, один конец коего имел свойство наносить раны, а другой – заживлять оные, каковым качеством не обладают ни испанские пики, ни алебарды, ни бердыши, ни секиры и вообще ни один из новейших колющих видов оружия.

Эту тираду он произнес дважды; но, так как в первый раз Анна не слушала его, а во второй раз не поняла, он был вынужден объяснить точнее.

– Я хочу сказать, мисс Анна Лейл, – сказал он, – что, будучи причиной получения в нынешнем сражении одним почтенным рыцарем весьма тяжелой раны, причем он выстрелом из пистолета и вопреки воинским правилам пресек жизнь моего коня, в честь бессмертного шведского короля названного Густавом, я желал бы означенному рыцарю доставить некое зависящее от вас облегчение, ибо вы, сударыня, подобно языческому богу Эскулапию (он, может быть, подразумевал Аполлона), искусны не токмо по части музыки и пения, но равно и в более высоком искусстве врачевания... *Opifer que per orbem dicor*⁴⁵.

⁴⁵ И слыву я по всему свету целителем (лат.).

– Будьте так добры, объясните, что это значит? – спросила Анна, у которой было так тяжело на душе, что она даже не заметила уморительной галантности, с какой сэр Дугалд расшаркивался перед ней.

– Вот это, сударыня, будет, пожалуй, трудновато для меня, – возразил сэр Дугалд. – По правде сказать, конструкцию-то я маленько позабыл... Однако попробуем. *Dico*, приставить *ego*, будет – «я призван...» *Opifer?*.. *Opifer?*.. Что, бишь, это такое?.. Помню: *signifer*⁴⁶ и *furcifer*...⁴⁷ а это – не знаю... Полагаю, однако ж, что *opifer* в этом случае означает то же, что Д. М., сиречь доктор медицины.

– У нас сегодня так много дел, – сказала Анна с тоской, – не можете ли просто сказать, что вам от меня нужно?

– Да только то и нужно, – отвечал сэр Дугалд, – чтобы вы навестили раненого рыцаря и приказали своей девушке снести кое-каких медикаментов для его раны, которая, как выражаются ученые, угрожает нанести *damnum fatale*⁴⁸.

Анна Лейл никогда не избегала случая помочь страждущему. Она поспешно расспросила о свойствах полученной раны и заинтересовалась, узнав, что пострадавший тот самый осанистый старый вождь, которого она видела в Дарнлинварахе и еще в то время поразила его наружностью. Проглотив на время свое горе, она поспешила предложить

⁴⁶ Знаменосец (*лат.*).

⁴⁷ Негодяй (*лат.*).

⁴⁸ Роковой ущерб (*лат.*).

свои услуги почтенному старику.

Сэр Дугалд торжественно проводил Анну Лейл в комнату больного, где, к ее удивлению, находился и лорд Ментейт. При виде его она сильно покраснела и, чтобы скрыть свое смущение, принялась осматривать рану рыцаря Арденворского, но очень скоро убедилась, что ее искусство не в силах вылечить его. Что до сэра Дугалда, он возвратился в большой сарай, на полу которого, в числе многих других раненых, положили и Ранальда Сына Тумана.

– Вот что, дружище, – сказал ему рыцарь, – я уж тебе говорил, что готов для тебя сделать всякое удовольствие в награду за то, что тебя ранили, пока ты состоял под моим покровительством. По твоему желанию ходил я к мисс Анне Лейл, послал ее лечить рану рыцаря Арденворского, но все еще не могу взять в толк, на что тебе это понадобилось... Кажется мне, будто ты как-то говорил, что они друг другу родня? Только мне, как воину и командиру, есть о чем подумать и без того, а потому я, признаться, не больно вникал в ваши хайлендерские родословные.

И точно, надо отдать справедливость почтенному майору, он никогда не расспрашивал, не слушал и не помнил ничего касающегося других людей, если это не имело отношения к военному искусству или не затрагивало его собственных выгод: в этих двух случаях его память была вполне благонадежна.

– А теперь, любезнейший Сын Тумана, не можешь ли ты

мне объяснить, куда девался твой шалопай внучек; я его не вижу с той самой минуты, как он помогал мне давеча снять бранные доспехи, а это такая неисправность, за которую следует ему задать порку.

– Он здесь, недалеко, – сказал раненый, – не подымай на него руки, он настолько мужчина, что за один ярд ременной плетки способен отплатить тебе одним футом каленой стали.

– Это угроза в высшей степени неприличная, – сказал сэра Дугалд, – и, не будь я тебе кое-чем обязан, я бы тебе этого не спустил.

– Коли находишь, что обязан мне чем-нибудь, – сказал разбойник, – то в твоей власти сейчас расплатиться... исполни только одну мою просьбу.

– Э, друг Ранальд, – отвечал Дальгетти, – читал я в занятых книжках про рыцарей, которые давали обещания исполнить вот такую просьбу, а после и не знали, как быть. Но те рыцари были простофили; нынче они стали осторожнее и уж не станут давать обещаний так, здорово живешь, не узнав наперед, можно ли исполнить данное слово, не нажив себе хлопот и неприятностей. Ты, может быть, желаешь, чтобы я тебе привел эту лекарку врачевать твою рану; но ты прими во внимание, Ранальд, что лежишь ты в грязи, и коли привести ее в это место, она перепачкает тут все свои наряды, а на этот счет, как тебе известно, женщины ужасно щепетильны. Помню я, в Амстердаме супруга великого пенсионария весьма ко мне благоволила, а тут вдруг взяла да и выгнала меня вон, а

за что? За то, что я отер подошву своего сапога о шлейф ее бархатного платья: она его на полкомнаты растянула, а я не разглядел, думал, что это коврик послан для ног...

– Нет, – прервал его Мак-Иф, – мне не нужно, чтобы Анна Лейл приходила сюда, а ты вели меня перенести в ту комнату, где она ухаживает за рыцарем Арденворским. Я имею сказать им нечто крайне важное для них обоих.

– Ну, это совсем не вяжется с правилами строгих приличий, – сказал Дальгетти. – Как же это принести вдруг раненого разбойника и положить рядом с рыцарем? Рыцарское звание издавна было, да отчасти и теперь есть, высшее воинское отличие, независимо от чинов, которые зависят от патента... А впрочем, так как просьбу твою нетрудно исполнить, я, так и быть, сделаю тебе удовольствие.

Сказав это, он приказал шестерым солдатам на плечах перенести Мак-Ифа в ту комнату, где лежал сэр Дункан Кэмпбел, а сам поспешил вперед объяснить причину, для чего это делается. Но солдаты так проворно исполнили свое дело, что последовали за ним по пятам и, войдя в комнату со своей страшной ношей, положили Ранальда на пол. Черты лица его, от природы довольно свирепые, в эту минуту были искажены страданием, руки и скудная одежда покрыты кровью, и своей и чужой, ничья заботливая рука не обмыла его, хотя рана в боку была все-таки перевязана.

– Вы ли, – проговорил он, с усилием приподняв голову в ту сторону, где лежал на постели его недавний противник, –

вы ли тот, кого люди называют рыцарем Арденворским?

– Да, это я, – отвечал сэр Дункан, – чего ты хочешь от человека, которому осталось жить несколько часов?

– А мне несколько минут, – сказал разбойник, – тем более заслуги, что я хочу употребить их на пользу того, чья рука всегда была против меня; но и моя была против него... только еще выше.

– Твоя-то рука выше моей?.. Презренный червь! – молвил сэр Дункан, глядя сверху вниз на своего жалкого врага.

– Да, – отвечал разбойник твердым голосом, – моя рука хватала выше. В нашей с тобой смертельной борьбе раны, нанесенные мной, были глубже, хотя и твоя рука не оставалась без дела и давала себя чувствовать. Я Ранальд Мак-Иф, Сын Тумана. Та ночь, когда я предал твой замок пламени, дополнилась нынешним днем, когда ты пал от меча отцов моих... Припомни все зло, которое ты причинил нашему роду... Никто не был нам большим врагом, кроме одного только... одного... Но он, говорят, заколдован, недоступен для нашей мести... Скоро увидим, правда ли это.

– Милорд Ментейт, – сказал сэр Дункан, приподнявшись на постели, – этот человек – отъявленный злодей, изменник королю и парламенту, поправший законы божеские и человеческие... он один из кровожадных Сыновей Тумана... исконный враг вашего дома, и Мак-Олея, и мой... Надеюсь, вы не захотите отравить этих, быть может, последних минут моей жизни созерцанием его жестокого торжества!

– С ним будет поступлено по заслугам, – сказал Ментейт, – велите его унести сию минуту!

Сэр Дугалд решительно воспротивился этому, напомнив о заслугах Ранальда как проводника и о своем за него поручительстве; но резкий, зычный голос разбойника перебил его речь.

– Нет, – говорил Ранальд, – пусть пытаются и вешают меня, пусть мой труп высыхает между небом и землей, питая ястребов и орлов с Бен-Невиса... Но зато ни этот гордый рыцарь, ни победоносный тан никогда не узнают тайны, мне одному известной; это такая тайна, от которой сердце Арденвора взыграло бы радостью, будь он хоть при последнем издыхании, а благородный Ментейт отдал бы за эту тайну все земли своего графства. Пойди сюда, Анна Лейл, – молвил он вдруг, приподнимаясь с неожиданной силой, – не пугайся того, к кому ты ласкалась в младенчестве. Скажи этим гордецам, которые пренебрегают тобой за то, что ты будто бы потомок нашего древнего рода... Скажи им, что в тебе нет нашей крови... Ты не Дочь Тумана, а родилась в таких же высоких палатах и покоилась в такой же мягкой колыбели, в каких качают младенцев в самых знатнейших хоробах.

– Ради самого Бога, – сказал Ментейт, дрожа от волнения, – если тебе что-либо известно о происхождении этой леди, облегчи свою совесть перед смертью, поведай нам свою тайну!

– И за один раз уж небось с последним дыханием благо-

словить моих врагов? – сказал Мак-Иф, взглянув на него насмешливо. – Да, это самое проповедуют ваши священники... Но когда же и относительно кого сами вы следуете этому правилу?.. Сначала я хочу знать, какова будет отплата за мою тайну, иначе я не расстанусь с ней... Рыцарь Арденворский, что бы ты дал за то, чтобы узнать, что понапрасну соблюдал свои покаянные посты и что на свете есть еще отпрыск твоего рода?.. Отвечай, иначе я больше ни слова не скажу.

– Я бы... – сказал сэр Дункан голосом дрожащим от сомнения, ненависти и ожидания, – я бы мог... Да нет, я знаю, что твое племя, подобно бесовскому отродью, из рода в род все только обманщики и убийцы... Но, если бы возможно было, чтобы ты сказал правду, я бы, кажется, мог тебе простить все зло, которое ты мне причинил.

– Слышите! – сказал Ранальд. – Сын Диармида сулит мне довольно крупный заклад... Ну а ты, благородный тан? Носятся слухи в лагере, что ты бы жизнью и имуществом готов был купить весть о том, что Анна Лейл не есть дитя гонимого племени, а дочь столь же знатного рода, как и ты сам? Ну хорошо... Так и быть, скажу... не из дружбы, нет. Было время, когда я хотел сделать эту тайну ценой своей свободы, а теперь я вымениваю ее на нечто такое, что мне дороже свободы и самой жизни... Анна Лейл меньшее и единственное оставленное в живых дитя рыцаря Арденворского, она одна была спасена в ту пору, когда все остальное в его замке было предано огню и мечу.

– Может ли этот человек сказать правду? – молвила Анна Лейл, едва сознавая, что говорит. – Или это все чудится мне во сне?

– Девушка, – сказал Ранальд, – если бы ты подольше жила с нами, ты бы лучше выучилась отличать правду от лжи. Этому английскому лорду и рыцарю Арденворскому я приведу такие доказательства моих слов, что они поневоле поверят. А ты пока уйди... Я любил тебя ребенком, не питаю ненависти и к молодости твоей. Чьи же глаза ненавидят цветущую розу, хоть и вырастает она из шипов? Ради тебя одной только и жалею о том, что вскоре должно случиться. Но кто хочет отмстить врагу своему, тот не должен тужить о том, что и невинный будет вовлечен в погибель.

– Он дело говорит, Анна, – сказал лорд Ментейт, – ради бога, уйди! Если то, что он сказал, правда, тебе надо иначе встретиться с сэром Дунканом.

– Я не расстанусь с отцом, раз нашла его, – сказала Анна. – Не покину его в таком ужасном положении!

– Да, ты во мне найдешь отца, – прошептал сэр Дункан.

– В таком случае, – сказал Ментейт, – я велю перенести Мак-Ифа в соседнюю комнату и сам выслушаю его показания... Сэр Дугалд Дальгетти, вероятно, не откажет мне в помощи и содействии?

– С удовольствием, милорд, – отвечал сэр Дугалд, – готов служить вам исповедником, свидетелем или тем и другим. Мне-то исполнять эту роль особенно кстати, потому что всю

эту историю я слышал еще месяц тому назад в замке Инвер-эри. Только все эти осады, подобные осаде Арденвора, легко путаются у меня в памяти... Притом с тех пор было о чем подумать и поважнее этого.

Выслушав это откровенное заявление, сделанное в то время, когда они уходили из комнаты вслед за унесенным разбойником, лорд Ментейт метнул на Дальгетти взгляд, исполненный гнева и презрения; но почтенный майор, облаченный в непроницаемую броню самодовольства, остался в полном неведении насчет возбужденных им чувств.

Глава XXII

*Свободен я, и был таким от века;
Так создала природа человека,
Пока он сам не выдумал цепей.*

Драйден. «Завоевание Гренады»^[117]

Лорд Ментейт тщательно выполнил принятую на себя обязанность подробнее выпросить историю, рассказанную Ранальдом Мак-Ифом и во всех пунктах подтвержденную двумя другими Сыновьями Тумана, сообщниками Ранальда, которые в качестве проводников также состояли при войске. Их показания он сопоставил с теми фактами касательно сожжения замка и убийства семьи, которые мог ему сообщить сам сэр Дункан Кэмпбел, и можно себе представить, что ничто относящееся к такому страшному событию не было забыто. Было в высшей степени необходимо выяснить, точно ли разбойник сказал правду или только взялся возвести самозванку в сан законной дочери и наследницы Арденвора.

Ментейт был так сам заинтересован исходом этих исследований, что, может быть, не ему надо было поручить допрос; но показания Сыновей Тумана были просты, точны и согласны во всех отношениях. Зашла речь и о родимом пятне, которое сэр Дункан помнил у своей дочки, и точно такое

пятно оказалось на левом плече Анны Лейл. Припомнили также, что, когда в обгоревшем замке найдены были жалкие останки остальных детей, труп младшей девочки нигде не нашли. Были и другие приметы и обстоятельства, о которых мы не будем распространяться, но которые вполне убедили не только Ментейта, но и такого беспристрастного судью, как Монтроз, в том, что в Анне Лейл, доселе скромной воспитаннице, отличавшейся только красотой и талантами, отныне следует признавать наследницу Арденвора.

Когда Ментейт поспешил сообщить о результатах допроса наиболее заинтересованным в нем лицам, разбойник попросил позволения поговорить со своим внуком, которого обыкновенно звал сыном.

– Его найдут там, в сарае, – сказал он, – куда меня положили с самого начала.

И точно, поискав хорошенько, нашли молодого дикаря, свернувшегося в углу на кучке соломы, и привели его к деду.

– Кеннет, – сказал старый разбойник, – слушай, что тебе скажет отец твоего родителя. Один английский воин и Аллен Кровавая Рука несколько часов назад ушли из лагеря и направились в Каперфе. Беги за ним, преследуй их, как гончий пес следит за раненым оленем, переплывай озеро, карабкайся по горам, пробирайся лесами, не останавливайся, пока не настигнешь их...

Лицо мальчика омрачилось при этих словах, и он ухватился за нож, торчавший у него из-за кожаного пояса, кото-

рым был стянут его жидкий плед.

– Нет, – продолжал старик, – он должен пасть не от твоей руки... Они станут тебя спрашивать, что нового в лагере; тогда скажи им, что Анна Лейл, арфистка, признана за дочь рыцаря Дункана Арденворского, что она выходит замуж за тана Ментейтского и их обвенчает священник... А тебя будто послали звать гостей на свадьбу... Не слушай их ответа, но исчезни, как молния, поглощенная черной тучей... Теперь ступай, любимое дитя моего любимого сына!.. Больше не увижу твоего лица, не услышу твоей легкой поступи... погоди! Выслушай еще мою последнюю волю. Помни судьбу нашего племени, будь верен древним обычаям Сыновей Тумана. Нас теперь осталась одна горсточка, да и та рассеяна по всему краю. Каждый клан гонит нас из каждой долины, они завладели нашими угодьями и властно распоряжаются в тех местах, откуда их отцы рубили деревья и носили воду для наших отцов... Но и в лесных дебрях, и среди горных туманов, Кеннет, сын Ирахта, храни неприкосновенной свободу, которую оставляю тебе в наследие. Не меняй ее ни на пышную одежду, ни на каменные палаты, ни на роскошные яства, ни на пуховое ложе... Среди утесов или на дне долины, в довольстве или в голодной нищете, в дни красного лета, как и в пору железной зимы... Кеннет, Сын Тумана, будь свободен, как были твои деды и прадеды... Не признавай над собой властелина, не подчиняйся законам, не принимай платы... не держи наемников... не строй жилища...

не огораживай пастбища... не засевай нивы. Пусть горные олени заменяют тебе стада и табуны... Коли и их не будет, добывай себе добро наших притеснителей англичан, а также и тех сынов Гэля, которые в душе те же англичане и ставят стада и угодыя превыше чести и свободы... Тем лучше для нас, что они так думают: тем шире поле для нашего мщения. Помни тех, кто оказывал услуги нашему племени, и для них не жалея собственной крови, если понадобится. Если придет к тебе Мак-Айн, неся в руке отрубленную голову королевского сына, укрой его и защити, хотя бы за ним гналась по пятам разъяренная армия короля-отца; не забывай, что в прежние годы мы нашли приют и спокойствие в Гленко и в Арднамурхане... Но Сынов Диармида, отродье Дарнлинвараха, всадников Ментейта... Помни, Сын Тумана, мое проклятие падет на твою голову, если ты, имея случай истребить любого из них, пощадишь хоть единого... А случаи будут; теперь их мечи поднимутся один на другого, они начнут воевать между собой, потом рассеются и будут искать спасения в туманах... Тут-то и поразят их Сыновья Тумана. Ну, ступай, беги, отряхни со своих ног прах человеческих жилищ, не связывайся с людскими скопищами, все равно – на войну ли они соберутся или для мирных трудов. Прощай, мой любимый! Пусть и умрешь, как умирали предки, прежде чем болезни, увечья или старость подточат бодрость твоего духа! Беги... беги!.. Живи на воле... будь признателен за ласку... мсти обидчикам твоего племени!

Молодой дикарь нагнулся и поцеловал умирающего деда, но, приученный с детства подавлять все душевные движения, он не проронил ни слезинки, ни одного прощального привета, ушел и вскоре был уже далеко от Монтрозова лагеря.

Сэр Дугалд Дальгетти, бывший свидетелем заключительной сцены, остался не очень доволен поведением старого Мак-Ифа.

– Ну, друг мой, – сказал он, – не могу сказать, чтобы ты вел себя как подобает умирающему человеку. Штурмы, вылазки, атаки, резня и поджигание предместий почти каждый день составляют занятие солдата, но это делается по необходимости, потому что входит в круг его обязанностей. Впрочем, поджог предместий все-таки считается до некоторой степени предательской мерой и действительно представляет пагубу для всякого укрепленного города. Отсюда ясно, что воинское сословие особенно угодно Богу, принимая во внимание, что все мы надеемся на вечное спасение, несмотря на то что ежедневно творим всякие неистовства. Однако я должен тебе сказать, Ранальд, что во всех государствах Европы так водится, что, умирая, солдат и не думает хвастаться такими деяниями и никому не советует совершать их, а, напротив, изъявляет раскаяние и творит молитву, или кто-нибудь другой за него читает покаянные псалмы; коли хочешь, я пойду попрошу капеллана его превосходительства исполнить над тобой этот долг. Хотя я и не обязан напоминать тебе о по-

добных вещах, но полагаю, что это может облегчить твою совесть и поможет тебе принять христианскую кончину, а не то, чего доброго, помрешь, как турок, к чему ты, мне кажется, весьма склонен.

Вместо ответа умирающий (ибо силы Ранальда Мак-Ифа действительно быстро угасали) попросил только, чтобы его подняли и посадили повыше, к окну, откуда открывался вид на окрестности. Морозный туман, долго скрывавший вершины гор, начал оседать вниз, длинными волнами катился по лощинам и ущельям, и зубчатые гребни скал и утесов, вырисовываясь на фоне этих волн, выделялись точно пустынные острова на лоне туманного океана.

– Дух Тумана, – промолвил Ранальд Мак-Иф, – ты, кого наше племя зовет отцом и покровителем, в тот миг, когда минует это мучение, прими в свои облачные недра того, кому при жизни так часто служил защитой!

Сказав это, он откинулся на руки тех, кто его поддерживал, и, отвернувшись к стене, некоторое время не говорил ни слова.

– Сдается мне, – сказал Дальгетти, – что мой приятель Ранальд в душе совсем язычник. – И он опять возобновил свое предложение пригласить доктора Уишерта, полкового капеллана при Монтрозе.

– Он человек умный и мастер своего дела, – сказал сэр Дугалд, – он тебе устроит отпущение грехов так живо, что я и трубки выкурить не успею.

– Полно, – сказал умирающий, – не приставай ко мне со священником... Я умираю удовлетворенный. Скажи, бывал ли у тебя враг, не доступный ни для какого оружия... такой, что его и пуля не берет, и стрела скользит мимо; и для меча, для кинжала его обнаженное тело остается так же непроницаемо, как твоя стальная броня? Слышал ты о таких людях?

– Даже очень часто, когда служил в Германии, – отвечал сэр Дугалд, – в Ингольштадте, например, был у нас такой молодец, что ни пульей, ни саблей его не прошибешь. Так уж наши солдаты прикладами его прикончили.

– Вот такой же и у меня непроницаемый враг, – сказал Ранальд, не обратив внимания на слова майора, – руки его обогрены самой драгоценной для меня кровью... А я ему оставляю душевное мучение, ревность, отчаяние и внезапную смерть... или жизнь еще хуже смерти. Таков будет удел Аллена Кровавой Руки, когда он узнает, что Анна станет женой Ментейта... Лишь бы я наверное мог знать, что это случится, это усладило бы мой конец, и ничего, что кровь моя пролита его рукою.

– Ну, коли так, – сказал майор, – больше с тобой толковать нечего. Только я позабочусь, чтобы к тебе ходило как можно меньше народу, потому что ты собрался на тот свет не таким манером, чтобы христианскому воинству подобало брать с тебя пример.

С этими словами он вышел из комнаты, и вскоре затем Сын Тумана испустил дух.

Между тем Ментейт, оставив отца с дочерью наедине приводить в порядок свои взволнованные чувства, обсуждал вместе с Монтрозом возможные последствия сделанного открытия.

– Если бы я прежде не знал, – говорил Монтроз, – то теперь мог бы догадаться, любезный Ментейт, что это открытие очень близко затрагивает вопрос о вашем личном счастье. Вы любите эту новоявленную леди и пользуетесь взаимностью. Касательно происхождения – теперь нечего сказать против; во всех других отношениях ее преимущества равняются вашим собственным; однако подумайте немного. Сэр Дункан – фанатик, по крайней мере пресвитерианец и бунтовщик против короля! Он у нас только в качестве военнопленного, я опасаюсь, что мы только начинаем продолжительную междоусобную войну. Как вы думаете, время ли теперь свататься к его наследнице? И вероятно ли, чтобы он захотел вас даже слушать в такое время?

Страсть делает человека изобретательным и красноречивым, а потому у молодого человека нашлись тысяча ответов на эти соображения. Он напомнил Монтрозу, что рыцарь Арденворский ни в политике, ни в религии никогда не был изувером; поставил на вид свое собственное, всем известное и испытанное усердие к королевским интересам и намекнул, что, женившись на наследнице Арденвора, он тем самым мог бы еще распространить и укрепить свое влияние. Затем он сослался на опасную рану сэра Дункана, на то, какому рис-

ку подвергается молодая девушка в том случае, если ее увезут в страну Кэмпбелов; если бы она вскоре лишилась отца и даже если бы просто его нездоровье затянулось, тогда Аргайл неминуемо очутится ее опекуном, и, следовательно, для Ментейта не будет никакой надежды получить ее руку, иначе как ценой собственной измены королю, а на подобную низость он не способен.

Монтроз согласился, что эти аргументы довольно вески, и, хотя, по его мнению, нелегко будет все это устроить, однако он допускает, что для пользы королевской службы, пожалуй, выгодно было бы как можно скорее покончить с этим делом.

– Я бы желал, – сказал Монтроз, – чтобы так или иначе все было кончено и чтобы эта прекрасная Брисеида была удалена из лагеря, прежде чем возвратится к нам наш горный Ахиллес, Аллен Мак-Олей... Боюсь я для вас смертельной вражды с этой стороны, Ментейт, и думаю, что самое лучшее было бы отпустить сэра Дункана домой на честное слово, пусть бы уехал вместе с дочерью, а вы отправляйтесь с ними, в качестве провожатого. Отсюда можно туда пробраться главным образом водой, так что для раненого старика переезд будет не особенно тяжел, а ваша собственная рана, дру мой, послужит честным предлогом к вашей временной отлучке из лагеря.

– Ни за что! – воскликнул Ментейт. – Хотя бы пришлось из-за этого отказаться от надежды, так недавно засиявшей

передо мной, я ни за что не покину лагеря вашего превосходительства, покуда развеивается королевское знамя. Будь я способен пробавляться подобными отговорками в то время, когда дело короля находится в таком критическом положении, я бы стоил того, чтобы эта рана стала злокачественной и высушила мою правую руку.

– Так, значит, вы решительно стоите на своем? – спросил Монтроз.

– Так же твердо, как Бен-Невис, – отвечал молодой джентльмен.

– В таком случае не теряя времени объяснитесь с рыцарем Арденворским. Если он даст вам благоприятный ответ, я берусь сам переговорить со старшим Мак-Олеем, и мы придумаем средство занять его брата где-нибудь подальше от армии до тех пор, пока он не примирится со своим теперешним разочарованием. Дай-то Бог, чтобы его пылкому воображению представился какой-нибудь восхитительный женский образ, который заставил бы его позабыть Анну Лейл!.. А вы находите, что это невозможная вещь, Ментейт? Ну, всякому свое: вы идите служить Купидону, а я Марсу.

Они расстались, и, согласно уговору, на другой день рано утром Ментейт попросил позволения наедине переговорить с раненым рыцарем Арденворским и сообщил ему о своем намерении искать руки его дочери. Сэр Дункан знал о их взаимной привязанности, но, по-видимому, не ожидал, чтобы Ментейт так скоро посватался. Он отвечал сначала, что и так

уж слишком предавался ощущениям личной радости в такое время, когда его клан только что пережил великие потери и унижение, поэтому ему не хотелось бы помышлять о дальнейшем преуспейании своего дома среди обстоятельств столь бедственных. Когда же именитый жених начал настойчиво поддерживать свое сватовство, старик попросил несколько часов на размышление, дабы на досуге обсудить вместе с дочерью вопрос, столь для него важный.

Исход этого совещания был благоприятен для Ментейта. Сэр Дункан Кэмпбел убедился, что для счастья его вновь обретенной дочери необходимо соединить ее с ее возлюбленным; не менее ясно было и то, что, если не заключить этого союза теперь же, Аргайл найдет тысячу предлогов помешать этому браку и предпочтет сам жениться на Анне. Между тем Ментейт пользовался такой прекрасной репутацией, а благодаря богатству и связям был такой знатный и завидный жених, что эти обстоятельства, по мнению сэра Дункана, могли служить противовесом к различию их политических убеждений. Впрочем, если бы собственное его мнение о выгодах этого брака было и не так высоко, вряд ли сэр Дункан решился бы идти наперекор склонности своей дочери. Одним из побуждений, заставивших его прийти к такому решению, было и шевельнувшееся в нем чувство фамильной гордости. Ему казалось унижительным представить свету наследницу Арденвора в качестве бедной приживалки и музыкантши замка Дарнлинварах, тогда как ввести ее в общество

в качестве невесты или новобрачной супруги графа Ментейта, полюбившего ее в дни ее безвестности, значило доказать миру, что она всегда была достойна того высокого положения, которое теперь занимала.

Под влиянием таких соображений сэр Дункан Кэмпбелл объявил влюбленным, что согласен на их брак, желает, чтобы он состоялся как можно тише и скромнее в капелле замка Инверлохи и чтобы церемонию совершил капеллан Монтроза. Было решено, что, когда Монтроз соберется уходить из Инверлохи, на что всякий день ожидали приказа, молодая графиня вместе с отцом своим отправится к нему в замок и останется там до тех пор, пока политические обстоятельства не позволят Ментейту с честью покинуть свой настоящий военный пост. Однажды придя к такому решению, сэр Дункан, не обращая никакого внимания на девические колебания своей дочери, объявил, что медлить нечего, и назначил свадьбу вечером того же дня, то есть на другой вечер после сражения.

Глава XXIII

*Пока я метался в кровавом бою,
Он увлек синеокую деву мою.*

Илиада

По многим причинам было необходимо сообщить о перемене судьбы Анны Лейл ее давнишнему и ласковому покровителю, Ангусу Мак-Олею. Роль вестника принял на себя в этом случае Монтроз, который и рассказал ему в подробности это удивительное событие. Ангус с тем беззаботным и веселым равнодушием, которое составляло основу его нрава, выказал больше радости, чем удивления по поводу постигшего Анну благополучия; не сомневался, что она покажет себя достойной этого и, будучи воспитана в правилах благородной преданности королю, наверное наградит богатыми угождениями своего изувера отца какого-нибудь честного мало-го, королевского приверженца.

– Я был бы не прочь, если бы мой брат Аллен попытал счастья, – прибавил Ангус, – даром что сэр Дункан Кэмпбел единственный в мире человек, попрекнувший Дарнлин-варах в недостатке гостеприимства. Анна Лейл всегда имела дар выводить Аллена из припадков мрачной задумчивости, и почем знать, может быть, женитьба окончательно сделала

бы его человеком от мира сего.

Монтроз поспешил прервать дальнейшую постройку этих воздушных замков, заявив, что невеста уже просватана и, с согласия своего отца, почти сейчас выходит замуж за его родственника, графа Ментейта. А в знак особого уважения к Мак-Олею, так долго бывшему покровителем молодой девушки, он, Монтроз, явился теперь пригласить его, Мак-Олея, присутствовать при совершении брачного обряда. При этом известии лицо Мак-Олея приняло очень серьезное выражение, и он весь выпрямился с видом человека, который считает себя обиженным. По его мнению, молодая девушка провела столько лет под его кровлей и он всегда относился к ней так неизменно ласково, что при таком случае он вправе был ожидать не одних изъявлений простой вежливости. Можно бы, казалось, и посоветоваться с ним. Он желает всякого благополучия своему родственнику Ментейту, притом так искренно желает, как никто, однако надо сознаться, что Ментейт слишком поторопился. Легко было догадаться, какого рода чувства Аллен питает к Анне Лейл, и его брат решительно отказывался понять, почему, имея высшие права на ее признательность, Аллен оставлен совсем в стороне и даже без всяких предварительных рассуждений.

Монтроз ясно видел, к чему клонятся все эти доводы, а потому умолял Ангуса внять голосу рассудка и сообразить, мыслимое ли дело, чтобы рыцарь Арденворский захотел отдать руку единственной дочери своей и наследницы такому

человеку, как Аллен, который, при всех своих несомненных и превосходных качествах, обладает, однако же, и некоторыми свойствами, омрачающими его до такой степени, что самые близкие люди боятся его и трепещут.

– Милорд, – сказал Ангус Мак-Олей, – брат мой Аллен, как и все мы, Богом созданные, одарен и хорошими и дурными качествами; но в вашей армии нет воина храбрее и доблестнее его, а потому он не заслужил, чтобы счастье его жизни столь мало интересовало вашу светлость, а также его близкого родственника и ту молодую девицу, которая всем обязана ему и его семейству.

Тщетно старался Монтроз перевести вопрос на другую точку зрения; Ангус упорно стоял на своей, а он был именно из того сорта людей, которые, раз забрав себе что-нибудь в голову, совершенно не способны сдаться на чужие доводы. Тогда Монтроз переменил тон и свысока посоветовал Ангусу не разжигать своих чувств, которые могут вредно отозваться на службе его величеству; он указал на необходимость никоим образом не мешать Аллену выполнить до конца возложенную на него миссию.

– А эта миссия, – продолжал Монтроз, – сама по себе весьма почетная для Аллена, важна еще тем, что через нее можно ожидать великих выгод для короля. Поэтому надеюсь, что вы не станете входить теперь в непосредственные сношения с вашим братом и не будете поднимать вопросов, могущих отвлечь его от столь важного предприятия.

На это Ангус угрюмо отвечал, что он не зачинщик ссор, никого подстрекать не намерен и желал бы скорее сыграть роль миротворца. Брат его и сам за себя сумеет постоять не хуже других; а что до того, чтобы довести до сведения Аллена о случившемся, об этом беспокоиться нечего: у него свои способы, и всем известно, что Аллен не нуждается в особых курьерах для получения вестей. Только нечего будет удивляться, если он вдруг явится раньше, чем его ожидают.

Монтроз только и мог от него добиться обещания не вмешиваться. Ангус Мак-Олей был добрейший человек, приятного и ровного нрава; но, как только задевали его гордость, корысть или предрассудки, он становился невозможен. Поняв, что больше нечего делать, маркиз прекратил дальнейшие пререкания по этому поводу.

Можно было ожидать, что более любезным гостем на свадьбе и, главное, более горячим участником свадебного обеда окажется сэр Дугалд Дальгетти, которого Монтроз решил пригласить, потому что он принимал участие во всем предшествующем. Однако и сэр Дугалд как-то замялся, посмотрел на рукава своей фуфайки, продранной на локтях, на кожаные штаны, протертые на коленках, и пробормотал довольно неопределенное согласие, поставив его в зависимость от того, как ему посоветует благородный жених. Монтроз несколько удивился, но не удостоил выказать неудовольствия и предоставил сэру Дугалду действовать по собственному усмотрению.

Дальгетти немедленно отправился в комнату жениха, который в эту минуту из своего скудного походного гардероба выбирал предметы, наиболее пригодные для предстоящей церемонии. Сэр Дугалд вошел, с весьма вытянутой физиономией поздравил графа с ожидающим его благополучием и прибавил, что, к величайшему своему сожалению, не может присутствовать на свадьбе.

– Откровенно говоря, – сказал он, – я только причинил бы вам неприятность, явившись на бракосочетание в таком виде: мне нечего надеть. Дыры и прорехи, штопки и заплатки на гостях могут показаться дурным предзнаменованием, суля в будущем такие же прорехи в вашем семейном счастье... Да, по правде сказать, милорд, сами вы отчасти виноваты в этом досадном обстоятельстве: не вы ли заставили меня сыграть дурака, послав меня доставать кожаное платье из добычи, доставшейся Камеронам? А это все равно что послать за фунтом свежего масла в собачью пасть. Пришел я туда, милорд, а они на меня и палашами и кинжалами замахали, и бормочут что-то, рычат на своем будто бы языке... Сдается мне, что эти хайлендеры не что иное, как настоящие язычники; уж очень мне зазорно показалось, как вчера изволил отправляться на тот свет мой знакомый, Ранальд Мак-Иф.

Ментейт находился теперь в том блаженном состоянии духа, когда человек ко всем и всему относится благодушно; поэтому серьезная жалоба сэра Дугалда показалась ему только забавной. Он попросил его принять в подарок роскошный

кожаный камзол, разложенный на полу.

– Я только что думал сам в него облачиться, – сказал Ментейт, – потому что это единственная одежда, показавшаяся мне приличной для свадьбы, как наименее воинственная, а других у меня здесь нет.

Сэр Дугалд начал извиняться, уверял, что не хочет его лишать такого наряда и прочее; но потом ему, по счастью, пришло в голову, что, по военным обычаям, графу приличнее венчаться в панцире, подобно тому как венчался принц Лео фон Виттельсбах, сочетавшийся браком с младшей дочерью старого Георга Фридриха Саксонского в присутствии доблестного Густава Адольфа, Северного Льва, и прочее и прочее. Граф Ментейт добродушно рассмеялся и согласился, обеспечив за собой, по крайней мере, одну довольную физиономию на своем свадебном пиру. Молодой человек надел легкие, украшенные насечкой латы и прикрыл их отчасти бархатным камзолом, а также широким голубым шелковым шарфом, который он носил через плечо, сообразно своему званию и моде того времени.

Все было готово к свадьбе. Согласно шотландскому обычаю, условились, чтобы жених и невеста больше не видались до той минуты, как предстанут перед алтарем. Настало время жениху отправиться в капеллу, и он, стоя в небольшом зале у дверей, ждал только маркиза Монтроза, который вызвался исправлять при нем должность шафера.

Отвлеченный какими-то спешными делами военного

управления, маркиз замешкался, и Ментейт ожидал его с понятным нетерпением, так что, услышав стук растворяемой двери, он со смехом сказал:

– Изволили немного запоздать!

– Нет, вы увидите, что я еще слишком рано явился, – сказал Аллен Мак-Олей, вторгаясь в зал. – Обнажайте меч, Ментейт, защищайтесь как мужчина или умрите как пес!

– Ты с ума сошел, Аллен! – сказал Ментейт, дивясь его внезапному появлению и неизъяснимому бешенству его лица и движений. Его щеки были покрыты мертвенной бледностью, глаза хотели выскочить из орбит, на губах выступала пена, и он метался, как бесноватый.

– Лжешь, изменник! – крикнул он яростно. – И теперь лжешь, и прежде всегда лгал... Вся твоя жизнь – сплошная ложь!

– Если бы я искренно не считал тебя безумным, тут бы тебе и конец, – сказал Ментейт. – В чем же и когда я тебя обманывал?

– Ты мне сказал, – отвечал Мак-Олей, – что не женишься на Анне Лейл!.. Низкий предатель!.. Разве сейчас она не ждет тебя у алтаря?

– Ты неточно передаешь мои слова, – возразил Ментейт. – Я говорил, что ее темное происхождение служит единственным препятствием к нашему браку. Теперь это препятствие устранено, и с чего же ты вообразил, что я буду отказываться от своих намерений в твою пользу?

– Так обнажай меч, – сказал Мак-Олей, – мы поняли друг друга!

– Ну нет, – сказал Ментейт, – не теперь и не здесь! Аллен, ты меня довольно знаешь, подождите до завтра, и тогда давай драться сколько угодно.

– Нет, сейчас... сию минуту или никогда, – отвечал Мак-Олей. – Далее этого часа я тебе не дам торжествовать... Ментейт, заклинаю тебя нашим близким родством, общими трудами и битвами – обнажай меч и защищайся!

С этими словами он схватил графа за руку и сжал ее с такой силой, что из-под ногтей Ментейта брызнула кровь. Он с сердцем оттолкнул Аллена и воскликнул:

– Ступай прочь, сумасшедший!

– Коли так, пусть сбудется видение! – сказал Аллен и, обнажив свой дирк (кинжал), он со всей своей богатырской силой ударил им в грудь Ментейта. Лезвие скользнуло по крепкому стальному панцирю концом вверх и нанесло графу глубокую рану между плечом и шеей; удар был так силен, что жених упал на пол. В ту же минуту через боковую дверь в зал вошел Монтроз. Привлеченные шумом и испуганные гости тоже сбежались; но прежде, нежели Монтроз успел хорошенько понять, что случилось, Аллен Мак-Олей стремительно пробежал мимо него и как молния пустился бежать вниз по лестнице.

– Часовые, ворота на запор! – крикнул Монтроз. – Хватайте его... убейте, если станет сопротивляться... будь он

мне брат родной, я не оставлю его в живых!

Но Аллен тем же кинжалом положил на месте часового, промчался через лагерь, как дикий олень, невзирая на то, что все, слышавшие крик Монтроза, бросились за ним вдогонку, потом кинулся в реку, вплавь добрался до противоположного берега и скрылся в лесу.

В тот же вечер брат его Ангус со своим кланом покинул лагерь Монтроза, направился домой и с тех пор больше не примыкал к войскам роялистов.

Насчет Аллена носились слухи, будто через самое короткое время по совершении этого дела он внезапно ворвался в замок Инверэри, в тот самый зал, где Аргайл в то время созвал военный совет, и кинул на стол окровавленный кинжал свой.

– Это не кровь ли Джемса Грэма? – спросил его Аргайл, и на лице его отразилась хищная надежда пополам с ужасом при виде неожиданного и страшного гостя.

– Это кровь его любимца, – отвечал Аллен Мак-Олей, – та кровь, которую мне было на роду написано пролить, хотя охотнее пролил бы я свою собственную!

С этими словами он повернулся, вышел из замка, и с той поры ничего определенного о его судьбе не известно.

Вскоре после того видели, как мальчик Кеннет с тремя остальными Сыновьями Тумана переплывали озеро Лох-Файн; из этого заключили, что они отправились выследить Аллена Мак-Олея и, настигнув его где-нибудь в глуши,

умертвили. По другим слухам, Аллен ушел за границу, постригся в монахи и умер в картезианском монастыре^[118]. Но ни те ни другие сведения нельзя считать вполне достоверными.

Однако мщение его было далеко не так полно, как он, вероятно, думал. Правда, рана, нанесенная им Ментейту, была настолько серьезна, что долго держала в постели молодого человека; однако благодаря панцирю, в который майор Дальгетти, к счастью, заставил его нарядиться к свадьбе, удар оказался несмертельным. Тем не менее Ментейт должен был оставить службу при Монтрозе. По зрелом рассуждении решили, что он вместе со своей невестой, едва не надевшей по нем траура, и с раненым тестем отправится к сэру Дункану в замок Арденвор. Дальгетти проводил их только до лодки, настойчиво доказывая Ментейту необходимость возведения форта на Друмснэбе ради успешнейшей обороны наследственного замка своей супруги.

Путешествие совершилось вполне благополучно, и через несколько недель Ментейт настолько поправился, что был обвенчан с Анной в замке ее отца.

Хайлендеры были несколько озадачены тем, что Ментейт мог выздороветь вопреки предсказаниям ясновидящего, наиболее опытные прорицатели даже прямо сердились на него за то, что остался жив. Другие же находили, что пророчество и так исполнилось довольно точно, потому что рана нанесена была той самой рукой и тем самым оружием, кото-

рые были предсказаны; и все были согласны в том, что история кольца с изображением мертвой головы была предзнаменованием смерти отца невесты, который скончался через несколько месяцев после свадьбы дочери. Что до неверующих, они полагали, что все это пустые бредни, и так называемые видения Аллена объясняли внушением его собственных страстей: издавна заметив, что Анна предпочитает ему Ментейта, и видя в нем опасного соперника, Аллен боролся между велениями своей совести и стремлениями собственного сердца, почти невольно шептавшего ему, что надо убить соперника.

Здоровье Ментейта не настолько поправилось, чтобы дозволить ему вновь присоединиться к Монтрозу в течение его краткой и славной карьеры. Когда же этот воинственный герой распустил свое войско и покинул Шотландию, Ментейт решил не покидать домашнего очага и жил частным человеком вплоть до Реставрации^[119]. Дождавшись этого счастливого события, он занимал в краю важные общественные должности, приличные его сану, дожил до глубокой старости, пользуясь всеобщим уважением и семейным счастьем, и скончался в преклонных летах.

Действующие лица нашей повести были так немногочисленны, что, за исключением Монтроза, подвиги и судьба которого стали достоянием истории, нам остается упомянуть об одном лишь сэре Дугалде Дальгетти. Этот джентльмен продолжал со всевозможной точностью исполнять свои обя-

занности и получать свое жалованье, пока, в числе других, не попал в плен в битве при Филипхоу. При этом случае он, вместе со своими сотоварищами офицерами, был приговорен к смертной казни, причем приговор последовал не от военного или гражданского суда, а по желанию пресвитерианских проповедников, которые решили пролить их кровь в виде искупительной жертвы перед Господом за грехи государства, рассудив за благо обречь их на ту меру, которая была применена в древности к хананеям.

Тогда некоторые лоулендерские офицеры, состоявшие на службе у ковнантеров, заступились за Дальгетти, поставив на вид своему начальству, что такой опытный воин может оказать важные услуги в их армии, а уговорить его на перемену службы будет не особенно трудно. Однако на этот счет они ошиблись, и сэр Дугалд неожиданно выказал необычайную твердость. Он нанялся на известный срок служить королю, и до истечения этого срока его правила не позволяли ему ни тени отступления от непоколебимой верности его величеству. Такие тонкости были, в свою очередь, недоступны пониманию ковнантеров, и сэр Дугалд рисковал приять мученический венец за верность не то чтобы той или другой политической идее, а просто строгому понятию о нерушимости наемных обязательств. По счастью, однако, его доброжелатели сочли, что сроку его службы оставалось всего-то две недели, он очень хорошо знал, что по миновании этого времени никто и не подумает снова вербовать его в королевские

войска, но тем не менее ничто в мире не могло бы его заставить изменить своему знамени в течение этих двух недель. Не без труда удалось его приятелям выхлопотать ему отсрочку на две недели, по истечении которых Дальгетти оказался готовым подписать какие угодно условия. Итак, он поступил на службу к ковенантерам и добился майорского чина в отряде Гилберта Кэра, более известном под именем Церковной конницы.

О дальнейших его подвигах мы ничего не знаем. Известно только, что в конце концов он поселился в родовом своем поместье Драмсуоките; но завоевал его не мечом, а посредством мирного бракосочетания с Ханной Стрэхен, довольно пожилой женщиной и вдовой того самого абердинского ковенантера, который когда-то купил это имение.

По некоторым сведениям, сэра Дугалд пережил революцию^[120], судя по тому, что еще не так давно жили люди, помнившие, как он, в глубокой старости и совсем глухой, разъезжал по гостям в своем округе и всюду пускался в нескончаемые рассказы про бессмертного Густава Адольфа, Северного Льва и оплот протестантской религии.

Комментарии

1.

«Черный Карлик», написанный в 1816 г., – один из романов, изданных Скоттом в серии, которую он назвал «Рассказы трактирщика» («Tales of My Landlord»). Кроме «Черного Карлика», в серию вошли романы: «Пуритане» (1816), «Эдинбургская темница» (1818), «Ламмермурская невеста» (1819), «Легенда о Монтрозе» (1819), «Граф Роберт Парижский» (1832), «Замок Опасный» (1832). Они написаны якобы неким деревенским учителем Питером Петтисоном по рассказам владельца гостиницы «Уоллес» в Гэндерклю. После смерти Петтисона другой вымышленный персонаж – гэндерклюский учитель и церковный псаломщик, или, как именует его Вальтер Скотт, «мой ученый друг и покровитель», мистер Джедедия Клейшботэм – будто бы издал сочинения покойного, чтобы покрыть издержки на его похороны. Об этом и сообщает В. Скотт в полушутливых-полусерьезных предисловиях, предпосланных отдельным томам серии.

2.

«Скромный пастушок» – пасторальная драма шотландского поэта Аллана Рэмзи (1686–1758).

3.

Иаков. – Имеется в виду шотландский король Иаков VI

(1567–1625), вступивший на английский престол в 1603 г., под именем Иакова I.

4.

Закон о безопасности – принятый шотландским парламентом в 1703 г. закон, согласно которому король Англии может быть королем Шотландии лишь в том случае, если он обязуется охранять привилегии пресвитерианской церкви, а также свободу и торговые интересы шотландцев.

5.

Королева Анна (1702–1714) – последняя английская королева из династии Стюартов.

6.

Годолфин Сидней (1645–1712) – английский государственный деятель.

7.

Камеронцы – последователи шотландского пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона (ум. в 1680 г.).

8.

Стюарты – королевская династия, правившая в Шотландии (с 1317 г.) и в Англии (1603–1649, 1660–1714). Происходила

от старинного шотландского феодального рода, один из представителей которого получил звание королевского управляющего (стюарта).

9.

Прелатисты – сторонники англиканской церкви, управляемой епископами, или прелатами.

10.

Пресвитериане – шотландские протестанты, отрицавшие власть епископов. Пресвитерианская церковь управляется выборными старейшинами – пресвитерами.

11.

Овидий – римский поэт (43 до н. э. – 17 н. э.), автор поэмы «Метаморфозы». В поэме пересказываются греческие и римские легенды, каждая из которых заканчивается метаморфозой – то есть превращением людей в животных, деревья, камни и т. п.

12.

Келпи, спунки – домовые, оборотни.

13.

Якобит – сторонник низверженного в 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта и его потомков.

14.

Пикты – одно из кельтских племен, населявших Шотландию в древности.

15.

Побоище при Марстон-муре (1644) – сражение, в котором войска английского парламента и шотландцев под командованием Кромвеля разбили армию короля Карла I.

16.

Монтроз Джеймс, маркиз (1612–1650) – руководитель шотландских роялистов, сторонников низложенного короля Карла I. В 1643–1645 гг. одержал ряд побед, но был разбит шотландским генералом Дэвидом Лесли (1601–1682) в сражении при Филипхоу 13 сентября 1645 г. и бежал из Шотландии. В 1650 г., во время новой попытки восстановить на престоле Стюартов, был схвачен и казнен.

17.

Битва под Дунбаром. – В 1650 г. под Дунбаром войска Кромвеля разгромили шотландских роялистов, руководимых сыном Карла I, будущим Карлом II.

18.

Резня у Босуэлова моста. – В 1679 г. шотландские

пуритане были разбиты правительственными войсками под командованием герцога Монмута у Босуэл-бриджа.

19.

...перед тем, как Аргайл высадился на наш берег... – Имеется в виду граф Арчибалд Аргайл (ум. в 1685 г.), представитель шотландского клана Кэмпбелов. В 1681 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Голландию. В 1685 г. высадился с небольшим отрядом в Шотландии с целью свержения короля Иакова II, но был схвачен и казнен.

20.

Бомонт Фрэнсис (1584–1616) – английский драматург, писавший совместно с Джоном Флетчером (1579–1625).

21.

«Спасенная Венеция» – трагедия английского драматурга Томаса Отвэя (1652–1685). Ринальдо и Бедамар – злодеи, Джифар и Пьетро – положительные персонажи этой пьесы.

22.

Кэмпбел Томас (1777–1844) – шотландский поэт и критик.

23.

Подобно убийце Банко... – Банко – персонаж из трагедии Шекспира «Макбет». Убийца, подсланный Макбетом к

полководцу Банко, является доложить о совершенном преступлении со следами крови на лице.

24.

Дуглас Черный – прозвище сэра Джеймса Дугласа (1286–1330), героя шотландской истории, совершавшего многочисленные набеги на Англию.

25.

Иаков VIII – сын Иакова II Стюарта. После смерти отца (1701) был провозглашен королем Иаковом III английским и Иаковом VIII шотландским, но не царствовал. В качестве претендента на английский престол пытался высадиться в Англии в 1707 г., но флот его был рассеян английской эскадрой под командованием адмирала Бинга.

26.

«Кристабел» – поэма английского поэта Сэмюэла Колриджа (1772–1834).

27.

Виги – в XVII в. шотландские пресвитериане, противники Стюартов.

28.

...дрались под Килликрэнки... – В этой битве (1689)

шотландские горцы, сторонники низложенного короля Иакова II Стюарта, одержали победу над английскими войсками, но их восстание было вскоре подавлено.

29.

Сэр Джон Фальстаф – персонаж нескольких пьес Шекспира, веселый пьяница и гуляка.

30.

...как в балладе поется... – Здесь приведена строфа из стихотворения Р. Бёрнса «Макферсон перед казнью».

31.

...так же как впоследствии... встали под знамена Форстера и Дервентуотера... – В 1715 г. якобиты подняли очередное восстание с целью возвести на престол высадившегося в Шотландии претендента, Иакова III Стюарта (см. коммент. к с. 68). Их войска были разбиты в сражении при Престоне. Томас Форстер (1675–1738) и граф Джеймс Дервентуотер (1689–1716) – участники этого восстания.

32.

...при Дарьене и Гленко. – Дарьен – район в восточной части перешейка, соединяющего Центральную и Южную Америку (восточная часть нынешней республики Панама). В конце XVII в. здесь находилась шотландская

колония Новая Каледония. В 1699 г. Дарьен был захвачен Испанией, и все колонисты погибли. Гленко – долина в Шотландии, где в 1692 г. шотландские горцы из клана Кэмпбелов, подсланные английским правительством, предательски истребили не желавших покориться англичанам сторонников Иакова II – горцев из клана Мак-Доналдов, участвовавших в восстании 1689 г.

33.

Кокпул, Уайтхевен – два небольших порта на западном побережье Великобритании.

34.

...проклянем память старого Уилли... – Имеется в виду король Вильгельм III Оранский (1689–1702), подготовивший объединение Англии и Шотландии.

35.

Карлайл – английская пограничная крепость.

36.

«Танкред и Сигизмунда» – трагедия английского поэта и драматурга Джеймса Томсона (1700–1748).

37.

«Королева фей» – поэма английского поэта Эдмунда

Спенсера (1552–1599).

38.

Трапписты – монашеский орден, отличавшийся чрезвычайно суровыми правилами и обетом молчания.

39.

Лоу Джон (1671–1729) – шотландец по происхождению, был генеральным контролером финансов Франции во время регентства герцога Филиппа Орлеанского (с 1715 г. регент при малолетнем Людовике XV). Введенная им финансовая система привела в 1720 г. к государственному банкротству.

40.

...в армию Мальборо... – Джон Черчилл, первый герцог Мальборо (1650–1722) – английский полководец и политический деятель, командовавший английскими войсками во Фландрии во время войны за испанское наследство (1701–1714).

41.

В романе «Легенда о Монтрозе», написанном в 1819 г., Вальтер Скотт показал одну из трагических страниц истории Шотландии – восстание крупного шотландского феодала Джеймса Грэма, графа Монтроза в 1645 г. против английского и шотландского парламента в защиту

короля Карла I Стюарта. Скотт предпослал своему роману введение, в котором говорится о старшине Мак-Элпине, возвратившемся на родину после разгрома 1745 г. и выселения кланов. Но в романе, действие которого относится к середине XVIII в., шотландские кланы еще живут бурной, кипучей жизнью, и Вальтер Скотт вскрывает причины их грядущей гибели.

42.

...Счастливая долина принца Расселаса... – Расселас – герой философской повести Сэмюэла Джонсона (1709–1784) «Расселас – принц Абиссинии». Расселас жил в Счастливой долине, окруженной со всех сторон горами; он отправился путешествовать по свету в поисках счастья и, не найдя его нигде, вернулся в долину.

43.

...в 1745 году его отец и четыре дяди участвовали в восстании. – Речь идет о якобитском восстании 1745–1746 гг., поднятом внуком Иакова II, принцем Карлом Эдуардом, с целью восстановления династии Стюартов. Восставшие, поддержанные шотландскими горцами, одержали ряд побед, но в дальнейшем, не получив широкой поддержки, потерпели поражение, и Карл Эдуард бежал во Францию. Якобитское восстание 1745–1746 гг. – последняя попытка Шотландии отделиться от Англии (см.

роман «Уэверли»).

44.

...в то же время он стоял горой и за короля Георга... – В Англии в то время правил Георг II (1727–1760), второй король из протестантской Ганноверской династии, воцарившейся с 1714 г., после смерти королевы Анны. Ганноверские курфюрсты были призваны на английский трон представителями торговой и финансовой буржуазии, политической партией которой были виги, с целью воспрепятствовать возможности возвращения Стюартов к власти.

45.

...провозглашая погибель Бонапарту и здоровье герцога Веллингтона... – Артур Уолсли, герцог Веллингтон (1769–1852) – английский государственный деятель и полководец, командовавший английскими войсками в битве при Ватерлоо (1815), где Наполеон I потерпел окончательное поражение. Веллингтон, как победитель Наполеона, стал национальным героем Англии. В романе разговор о Бонапарте и Веллингтоне – одно из исторических несоответствий, допущенных Вальтером Скоттом. Сержант Мак-Элпин, возвратившийся после длительной военной службы в середине 40-х гг. XVIII в., конечно, не мог дожить до событий 1808–1815 гг., когда могло возникнуть такое

сопоставление Бонапарта и герцога Веллингтона.

46.

Герцог Йоркский – титул, который обычно жаловался вторым сыновьям английских королей.

47.

...относились к походам Монтроза... – Джеймс Грэм, граф Монтроз (1612–1650) – маркиз, крупный шотландский феодал. В годы гражданской войны Монтроз принял сторону короля. С 1644 г. он командовал королевскими войсками в Шотландии, одержал победу в битве при Типпермуре, затем, в феврале 1645 г., – над Аргайлом при Инверлохи, однако осенью того же года был разбит в битве при Филипхоу и бежал на континент. В 1650 г. предпринял неудавшуюся попытку высадиться в Шотландии с целью восстановить на престоле Карла II, сына казненного Карла I Стюарта; был схвачен и казнен.

48.

Батлер Сэмюел (1612–1680) – английский поэт, ставший известным в годы реставрации Стюартов; автор антипуританской поэмы «Гудибрас», откуда и взят эпитафия.

49.

...относится к периоду великого и кровавого междуусобия,

которое в семнадцатом веке потрясло Великобританию. – Вальтер Скотт имеет в виду события английской буржуазной революции XVII в., а именно время первой гражданской войны 1642–1646 гг. Карл I Стюарт, бежав из Лондона на север страны, в августе 1642 г. начал гражданскую войну. Вокруг короля собрались земельная аристократия, англиканское духовенство и те слои общества, экономические и политические интересы которых зависели от короны. На стороне парламента оказались не только буржуазия и связанные с ней круги дворянства, но и английское крестьянство и городские низы, исторические интересы которых заключались в уничтожении феодальной системы. В конце так называемой второй гражданской войны Карл I был взят в плен и казнен (1649), а в Англии провозглашена республика.

50.

...отозвать из Англии армию генерала Лесли... – Александр Лесли, лорд Ливен (1580–1661) – шотландский военачальник, сражавшийся, как и многие шотландцы, в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) в армиях шведских королей Карла IX и Густава Адольфа в России, Австрии, Польше, Дании. Возвратившись в Шотландию, Лесли примкнул к противникам короля Карла I, ковенантерам, и в гражданской войне возглавил шотландскую армию, посланную в Англию на помощь

британскому парламенту. После казни короля Лесли стал на сторону Стюартов и выступил против Кромвеля, он был разбит последним при Данбаре (1650).

51.

...противилось заключению Торжественной лиги и ковенанта... – В 1638 г. попытка Карла I, добивавшегося усиления самодержавной власти, ввести англиканскую церковь в Шотландии вызвала протесты шотландских пресвитериан; ими была дана торжественная клятва бороться с абсолютизмом Карла I, так называемый ковенант (от англ. covenant – договор, соглашение). Народные массы объединились вокруг ковенанта для защиты страны от посягательств английского короля. Шотландское восстание и последовавшая за ним война явились предвестниками английской буржуазной революции. В 1643 г., во время гражданской войны, шотландские ковенантеры заключили с лондонским пресвитерианским парламентом союз против роялистов. Этот договор получил название Торжественной (или Священной) лиги. На основании этого соглашения в 1644 г. в Англию была послана шотландская армия под командованием Лесли.

52.

Маркиз Аргайл Арчибалд (1607–1661) – возглавлял борьбу шотландских пресвитериан против Карла I

Стюарта. Его политика выражала интересы городской буржуазии и той части землевладельцев, которая была заинтересована в развитии капиталистических отношений и поэтому выступала против абсолютизма, стремясь, однако, не допустить углубления революции и подлинной демократизации общественной жизни. Впоследствии Аргайл перешел на сторону защитников королевской власти, но тем не менее после реставрации Стюартов был казнен.

53.

...мир, заключенный Карлом I с его шотландскими подданными... – Имеется в виду Риппонский мир, заключенный в октябре 1640 г. Карлом I с Шотландией после неудачной войны с ковенантарами (1639–1640), в результате которой шотландцы оккупировали северные графства Англии. Надежды короля, что после мира шотландский парламент станет на сторону короны, не оправдались: шотландцы с начала революции заняли враждебные по отношению к Стюартам позиции.

54.

Корах, Валаам, Доэг, Рабшек, Аман и Товий – упоминающиеся в Библии враги Израиля. Встречающиеся дальше имена пророка Неемана, сынов Зеруаха и др. взяты также оттуда.

55.

Гродиус (Гроций) Гуго (1583–1645) – голландский философ и государственный деятель. Его книга «О праве войны и мира», изданная в разгар Тридцатилетней войны (1625), явилась первым систематическим изложением международного права и в течение долгого времени служила основным руководством для дипломатов.

56.

Паписты – так протестанты называли католиков, которые признавали главой церкви «наместника Христа на земле» – Римского Папу.

57.

Лауд Уильям (1573–1645) – ближайший помощник Карла I в его политике укрепления королевской власти; с 1633 г. – архиепископ Кентерберийский; жестоко расправлялся с врагами английской церкви. В годы революции был приговорен палатой общин к смертной казни и обезглавлен.

58.

...искали покровительства более богатой и сильной партии – то есть пресвитериан. Это было религиозное течение, которое отрицало церковную иерархию, епископат и признавало власть выборного старейшины – пресвитера (отсюда название). В начальный период революции

пресвитериане являлись правящей партией и склонялись к компромиссу с королем, а впоследствии превратились в защитников королевской власти. Упомянутые далее индипенденты оформились как политическая партия уже в ходе революции. Индипенденты отстаивали независимость церковных общин и их самоуправление, а в политике требовали установления республики. Лидером индипендентов был Оливер Кромвель (1599–1658). Власть этой более радикальной партии укрепилась после победы над королем в гражданской войне. У Вальтера Скотта это одно из немногих упоминаний в романе как об индипендентах, так и об Оливере Кромвеле. Другие, более решительные течения – левеллеры («уравнители»), сторонники широкой демократизации Англии, диггеры («копатели») с их утопическими идеями аграрного коммунизма – Вальтер Скотт не называет и говорит о них в тексте как о «прочих сектантах».

59.

Уэйн Генри (1613–1662) – деятель английской буржуазной революции, индипендент. Принимал участие в составлении Торжественной лиги и ковенанта.

60.

Фэрфакс Томас (1612–1671) – деятель английской буржуазной революции, умеренный пресвитерианин. С

января 1645 г., после военной реформы, Фэрфакс – главнокомандующий парламентской армией. Был заменен на этом посту Оливером Кромвелем, когда отказался выступить против сторонников Карла Стюарта, сына казненного короля.

61.

Манчестер Эдуард Монтегю (1602–1671) – деятель английской буржуазной революции. Один из лидеров оппозиции в палате лордов в первый период революции. В начале гражданской войны 1642–1646 гг. был назначен главнокомандующим парламентской армией. Вел военные действия крайне нерешительно, надеясь на соглашение с королем, так как являлся сторонником компромисса с короной. В 1645 г. был отстранен от командования.

62.

Марстон-мур – место около Йорка, где в период первой гражданской войны, 2 июля 1644 г., парламентская армия разбила роялистов. Большую роль при этом сыграли кавалерийские полки Оливера Кромвеля. В сражении участвовали шотландские войска, посланные на помощь парламенту по соглашению 1643 г.

63.

Принц Руперт (1619–1682) – герцог Баварский и

Камберлендский, племянник Карла I, командовавший королевской кавалерией во время гражданской войны.

64.

Маркиз Ньюкаслский Уильям Кэвендиш (1592–1676) – роялист, сражавшийся под Марстон-муром. В 1644 г. эмигрировал и возвратился в Англию после реставрации Стюартов.

65.

Лесли Дэвид (1601 –1682) – шотландский генерал. В Тридцатилетнюю войну служил в шведских войсках. Вернулся в Шотландию в 1640 г. и примкнул к ковенантерам. С шотландской армией участвовал в гражданской войне в Англии. В битве при Марстон-муре (1644) кавалерия Дэвида Лесли и кавалерийские полки Оливера Кромвеля сыграли решающую роль. 13 сентября 1645 г. Дэвид Лесли разбил Монтроза при Филипхоу.

66.

...старый ковенантский генерал, граф Ливен... – Имеется в виду командующий шотландской армией в Англии Александр Лесли (см. примеч. к с. 159).

67.

Холл Джозеф (1574–1656) – епископ Эксетера и Норича,

поэт, выпустивший в 1597–1598 гг. две книги сатир, написанных по образцу римских.

68.

...кавалер или круглоголовый... – Круглоголовые – кличка, которой в период английской буржуазной революции приверженцы короля окрестили сторонников парламента, вступивших с ними в борьбу. Кличка эта указывала на связь последних с простым народом, который, в отличие от джентльменов, носивших волосы до плеч, стриг волосы. В свою очередь, противники короля называли его приверженцев кавалерами.

69.

Густав Адольф (1611 –1632) – король Швеции, полководец, игравший большую роль в Тридцатилетней войне. Возглавлял так называемую Протестантскую унию.

70.

Лютеране, кальвинисты и арминиане – последователи Мартина Лютера, Жана Кальвина и Иакова Арминия. Эти антикатолические реформационные движения, возникшие в различных странах Европы, часто были враждебны друг другу.

71.

«Франко-бельгийский листок» и др. – Здесь Дальгетти искажает названия различных журналов, выходявших в XVII в.

72.

Под Лейпцигом и под Лютценом происходили сражения во время Тридцатилетней войны (1618–1648). В дальнейшем Дальгетти неоднократно вспоминает различные эпизоды Тридцатилетней войны, во время которой он служил наемником в войсках различных государств, переходя от одной враждующей стороны к другой.

73.

Валленштейн (Вальштейн) Альбрехт (1583–1634) – полководец Тридцатилетней войны, противник протестантских государств и шведского короля Густава Адольфа, главнокомандующий армией Католической лиги. Был убит заговорщиками-офицерами.

74.

Уолтер Батлер – ирландский наемник и авантюрист, командовавший драгунским полком в армии Католической лиги в годы Тридцатилетней войны. В 1634 г. участвовал в заговоре против Валленштейна.

75.

Мингер (гол. *mijheer*) – господин, сударь, обращение без дворянского титула. Мингерами Дальгетти называет голландцев.

76.

Донн Джон (1573–1631) – английский поэт, сатирик и богослов.

77.

Местон Уильям (1688–1745) – шотландский поэт-сатирик.

78.

Мерк – старинная шотландская монета, равная 13 шиллингам 4 пенсам.

79.

Да здравствует король Карл! – Имеется в виду Карл I Стюарт (1625–1649).

80.

Поссет – горячий напиток из молока, смешанного с пивом, вином и т. п.

81.

Яков (Иаков) VI (1567–1625) – сын Марии Стюарт; с 1567 г. был объявлен королем восставшими против Марии Стюарт

шотландскими пресвитерианами; с 1603 г. под именем Иакова I стал одновременно королем Англии.

82.

Пандуры – наемные войска, вооруженные по образцу турецкой армии, впервые организованные в Венгрии в конце XVII в. Название получили от местечка Пандур. Первой войной, в которой участвовали пандуры, была война за австрийское наследство. Дальгетти не мог идти в пандуры в годы Тридцатилетней войны, так как их тогда еще не существовало.

83.

Эпиграф взят из поэмы Томаса Кэмпбела «Предостережение Лохиеля».

84.

Асквибо (гэльск.) – шотландская водка, изготавливаемая домашним способом.

85.

Царица фей Титания – персонаж комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». У Овидия Титания – богиня Диана.

86.

Макферсон-младший – лицо, придуманное Вальтером

Скоттом.

87.

...знаменитый перевод Оссиана, сделанный Макферсоном-старшим. – Имеются в виду «Сочинения Оссиана» шотландского поэта Джеймса Макферсона (1736–1796), выдавшего свою обработку древних кельтских легенд за поэзию Оссиана, легендарного кельтского героя и певца, жившего, по преданию, в III в.

88.

Пиброх – мелодия для волынки у шотландских горцев.

89.

Огненные кресты – сигнал тревоги шотландских горных кланов, который в случае внезапной войны передавался бегущими гонцами от селения к селению.

90.

«Король Генрих IV» – историческая хроника Шекспира. Эпиграф взят из монолога Хотспера (акт II, сц. 3).

91.

Принн Уильям (1600–1669) – пуританин, один из лидеров парламентской оппозиции Стюартам, политический деятель и памфлетист. Трактат, упоминающийся в романе,

направлен против сторонников короля – кавалеров, у которых были в моде длинные волосы с особым, спускающимся на лоб завитком, носившим название локона любви.

92.

Македонская фаланга – усовершенствованный Филиппом Македонским, а затем Александром Македонским строй тяжелой пехоты греческих армий.

93.

«Сиротка». – После стихотворения в тексте романа следует перевод гэльской легенды, послужившей источником для этого стихотворения.

94.

«Путники». – Эпиграф взят из поэмы самого В. Скотта.

95.

...тезку непобедимого льва Протестантского союза! – Имеется в виду Густав Адольф.

96.

...до основания разрушил Москву, великий город в стране Московии. – Дальгетти говорит о польском короле Стефане Батории (1576–1586), который в своих войнах с Россией ни

разу не продвигался дальше Великих Лук, а следовательно, не был в Москве. Зажигательные снаряды в гладкоствольной артиллерии стали применяться в конце XVI в. Дальгетти имеет в виду каленые ядра.

97.

Браун. – Эпиграф сочинен самим В. Скоттом.

98.

Пентесилея – в греческой мифологии царица амазонок, явившаяся на помощь жителям осажденной Трои во время Троянской войны. В битве была убита Ахиллом.

99.

Альба Фернандо, герцог (1507–1582) – испанский полководец и государственный деятель.

100.

«Авессалом и Ахитофель» – политическая сатира Джона Драйдена (1631–1700). Поэма написана в защиту Стюартов и направлена против лидера оппозиции вига Шефтсбери, который скрывается за библейским именем мятежного Авессалома.

101.

...в переводе доктора Лютера... – Выдающийся деятель

Реформации Мартин Лютер (1483–1546) был переводчиком Библии с латинского языка на немецкий.

102.

Бетлен Габор (1580–1629) – князь Трансильвании (с 1613 г.), стремившийся восстановить независимое венгерское государство. Участвовал в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции.

103.

Янычары – привилегированная регулярная пехота турецких султанов, организованная в XIV в. и превратившаяся в замкнутую военную касту – оплот реакции.

104.

«Трагедия Бренновальта». – Эпиграф к этой главе сочинен самим В. Скоттом.

105.

Андреа Феррара – итальянский оружейник. Оружие с его именным клеймом высоко ценилось в Англии и Шотландии XVI–XVII вв.

106.

Разве мы возвращаемся к временам Робин Гуда? – Робин Гуд – герой народных английских баллад, крестьянин-

сакс, боровшийся против произвола феодалов и власти иноземных поработителей – норманнов; лук и стрелы – обычное оружие «вольных стрелков» Робин Гуда (см. роман «Айвенго»).

107.

Отчего же не ткацкий навой, как во времена Голиафа? – В Библии о филистимлянском великане Голиафе говорится: «И древко копья его, как навой у ткачей» (навой – часть ткацкого станка, вал, на который навивается основа).

108.

Монтроз. – Эпиграф взят из баллады Монтроза «Моя дорогая и единственная любовь».

109.

Претендент Карл Эдуард (1720–1788) – внук Иакова II Стюарта и старший сын не царствовавшего Иакова III, прозванный, в отличие от последнего, «юный претендент». Стал во главе самого крупного якобитского восстания в Шотландии в 1745 г.

110.

Флодденское поле. – На нем состоялось сражение между англичанами и шотландцами 9 сентября 1513 г., в котором шотландцы потерпели жестокое поражение. В этой битве

были убиты многие знатные дворяне и сам король Шотландии Иаков IV. Битва при Флоддене послужила сюжетом народных песен и отражена в ряде поэтических произведений.

111.

Стайвер, пенни, мараведи – мелкие старинные монеты (датская, голландская и испанская).

112.

«Тщета человеческих желаний» – поэма Сэмюэла Джонсона, опубликованная в 1749 г., стихотворное подражание римскому сатирику Ювеналу.

113.

Граф Мар – один из главарей якобитского восстания 1715 г., направленного против новой Ганноверской династии и ставившего своей целью возвращение в Англию Стюартов. Сын изгнанного в 1688 г. Иакова II, называемый роялистами Иаковом III, в январе 1716 г. короновался в Сконе как шотландский король Иаков VIII, но вскоре потерпел поражение и бежал на материк.

114.

Инверлохи – место в Аргайлшире в Шотландии, где Монтроз 2 февраля 1645 г. разбил Кэмпбелов. Эпиграф взят из

баллады В. Скотта «Пиброх Доналда Дху». Эти четыре строки даны в оригинале и по-шотландски.

115.

Пенроуз Томас (1742–1779) – английский поэт.

116.

«Филастр» – пьеса Френсиса Бомонта и Джона Флетчера. Эпиграф взят из акта V, сц. 5.

117.

«Завоевание Гренады» («Завоевание Гренады испанцами») – драма Джона Драйдена.

118.

...в картезианском монастыре – то есть принадлежащем монахам картезианского ордена, основанного в 1084 г. Орден был опорой католической папской реакции; пришел в упадок в XVIII в.

119.

...вплоть до Реставрации. – После смерти Кромвеля (1658) буржуазия, напуганная революционным движением в стране и разногласиями в армии, стремилась восстановить в Англии королевскую власть. В 1660 г. на престол был призван сын казненного Карла I Карл II Стюарт (1660–1685), обещавший

соблюдать веротерпимость и управлять страной в согласии с парламентом. Период реставрации Стюартов закончился в 1688 г. изгнанием короля Иакова II.

120.

...пережил революцию... – то есть государственный переворот 1688–1689 гг., когда был свергнут Иаков II Стюарт, который пытался вернуть страну к абсолютизму. На английский трон был приглашен голландский штатгальтер Вильгельм Оранский, ставший Вильгельмом III. Новый король в «Декларации прав» (1689) гарантировал парламенту соблюдение его привилегий.